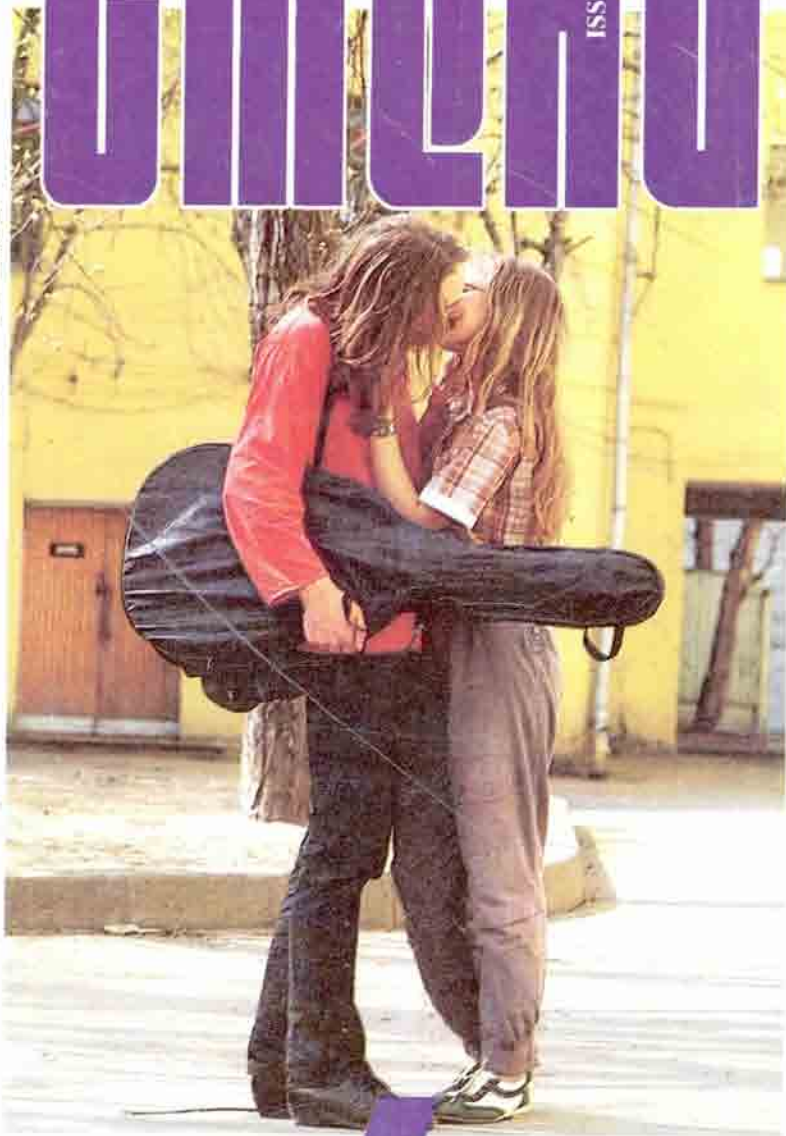

СМОНА

ISSN 0131 - 6656

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ ■ МЕНТ ВЕРНУЛСЯ АБРАМ ЭФРОС ■ СУРИКОВ

СТАНИСЛАВ РАССАДИН ■ ФАДДЕЙ ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ ■ КЛЯТВА

7 95

7'95

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.04.95.
Подписано к печати 18.05.95.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 70 800 экз.
Заказ № 308.

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации.
Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

7 (1569) ИЮЛЬ

© «Смена», 1995.

22 ПРОЗА

*Николай Леонов***МЕНТ ВЕРНУЛСЯ** *Криминальная повесть*

130

*Игорь Танчук***КРУГ РАЗМЫКАЕТСЯ С ПРИХОДОМ СМЕРТИ***Рассказ*

184

*Эдвард Хох***ВСТРЕЧА** *Рассказ*

238

*Властимил Шубрт***КЛЯТВА** *Детектив*

101 ПОЭЗИЯ

Елена Печерская

4 ВРЕМЯ И МЫ

*Григорий Киперман***МОЖНО ЛИ ИЗ МИЛЛИОНА СДЕЛАТЬ ДВА?**

10

ЗЕМЛЯ: ВРЕМЯ «ИКС» *Беседа с доктором исторических наук Геральдом Матюшиным*

96

*Иосиф Прут:***«ЧЕМ РАНЬШЕ ТЕБЕ ПЕРЕБЬЮТ НОС,
ТЕМ ЛУЧШЕ»**

216

*Саймон Купер***ФУТБОЛЬНЫЕ ВОЙНЫ**

Станислав Рассадин

ФАДДЕЙ

Абрам Эфрос

154

СУРИКОВ

Василий Андреев

168

ПОЛОНЯНКА

■
На I-й обложке:
фотоэтиюд ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ.
На II-й обложке:
сергиево-посадская игрушка.
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ. (Читайте стр. 144)

Олег Суворов

**ХРОМОЙ БЕС
В МОСКВЕ**

Любители авантюрных или плутовских романов прекрасно знают изумительную по изяществу литературного стиля повесть французского писателя Алена Лесажа «Хромой бес» о похождениях беса Асмодея и мадридского студента, больше занятого поиском приключений, нежели учебой.

Молодой писатель Олег Суворов сделал попытку продолжить тему, перенес Асмодея в наше время и познакомил его с московским студентом Кириллом Самбуловым, предоставив тем самым возможность читателю глазами этих двух любителей приключений взглянуть на изнанку современной жизни.

Генрих Штаден

**ЗАПИСКИ НЕМЦА
ОПРИЧНИКА**

XVI век оставил нам немало интереснейших историко-литературных памятников. «Записки» Генриха Штадена — один из них. Кровавые события описывает не иноземный путешественник, не сторонний наблюдатель, а непосредственный их участник — авантюрист высшей пробы, вестфалец по происхождению, сначала толмач, потом опричник Ивана Грозного.

АНОНС

895

МОЖНО ЛИ
ИЗ МИЛЛИОНА
СДЕЛАТЬ ДВА?

На вопросы
читателей
отвечает
доктор
экономических
наук,
профессор
**ГРИГОРИЙ
КИПЕРМАН***.

Вы пишете, что появилось много вполне надежных банков, выплачивающих хорошие проценты, но не называете их, потому что «не занимаетесь рекламой». Я все-таки хотел бы узнать, что это за банки, так как работаю старателем и в конце сезона имею кругленькую сумму; неплохо было бы ее максимально приумножить.
ПЕТР СУНЦОВ,
Иркутская область, Бодайбинский район,
п. Перевоз

В периодической печати (например, в «Известиях») регулярно публикуются рейтинги банков. Один из самых важных показателей — надежность. (Есть и другие критерии — например, доходность или ликвидность.) Самые надежные банки обозначаются в рейтингах литерой «А». Эта группа делится на три подгруппы: А3, А2 и А1. Банки, имеющие высочайшую надежность, обозначаются А3. Те, у кого очень высокая надежность, — А2. «Просто» надежные банки — А1. Ниже идут те, что стабильны. Они «маркируются» В3, В2, В1. А с группой «С» лучше не иметь дела. Так что лучше обращаться в банки группы «А». Сейчас в нее входят, например, Агропромбанк, Внешторгбанк, Мосбизнесбанк, Московский индустриальный банк, Промстройбанк России, Сбербанк России.

Я накопил две тысячи долларов. Хочется, чтобы деньги «работали», приносили доход, но в банк положить боязно: вдруг государство примет решение заморозить валютные счета или введет фиксированный курс доллара. Как вы думаете, продолжать хранить сбережения дома или все-таки рискнуть — доверить их банку? И где

* Предыдущие ответы читайте в «Смене» № 11, 1994 г.

можно открыть валютный счет?

БОРИС ДЕНИСОВ,
Москва

Несмотря на то, что многие финансовые компании в прошлом году лопнули, хранить деньги дома — все равно наихудший вариант. Конечно, выбирать нужно надежный банк. Хранить сбережения в рублях или в валюте — большой разницы сейчас нет. Если у вас рублевый счет, вы получаете больший процент, если валютный — меньший. Разность процентов примерно соответствует падению курса рубля по отношению к доллару. Если сегодняшняя тенденция сохранится, к концу года доллар будет стоить около восьми тысяч рублей, а цены вырастут примерно в два раза. Исходя из этого, немного выгодней хранить сбережения все-таки на долларовом счету под 20—25 процентов годовых. Но не гонитесь за сверхвысокими процентами! Лучше выбирайте надежный банк. Открыть валютный счет можно, например, в сбербанке. В каждом районе Москвы есть отделение, работающее с валютой...

Не заморозит ли государство валютные счета? Не думаю. Государству это весьма невыгодно. Ведь такое решение подорвет финансовый рынок. Например, удар по «МММ» рикошетом задел все финансовые структуры. Денежная система — дело тонкое. Она требует осторожного обращения и не допускает «резких изменений». Безусловно, «МММ» — организация мошенническая. Но не следовало ее «трогать» прошлым летом таким грубым способом. Недоверие к ней люди перенесли на все финансовые структуры. Недавно социологи из МГУ провели опрос и установили, что около 30 процентов респондентов предпочитают хранить сбережения дома в ва-

люте. А государство очень заинтересовано, чтобы люди вкладывали эти деньги в экономику. Сейчас на руках у населения около 25 триллионов рублей (разумеется, владеют ими богатые и очень богатые люди: у 47 миллионов человек доходы ниже прожиточного минимума). Это больше, чем предполагается потратить в нынешнем году на социальную политику, сельское хозяйство, культуру, образование, экологию и здравоохранение, вместе взятые. Ясно, что если государство заморозит валютные счета, оно сбережений населения никогда не увидит. «Заморозка» счетов приведет к массовому сокрытию валюты. А государству надо, чтобы валюта «вращалась». Заморозить валютные счета — опасный шаг для экономики. Не думаю, что на него пойдут.

А вот ввести фиксированный валютный курс могут. Но тому, кто хранит валюту в банке, это практически ничем не грозит. «Фиксированный курс» не означает, что его установят и больше никогда не будут менять. Сейчас курс меняется пять раз в неделю — «фиксированный» тоже будет меняться, но реже — допустим, один раз в три месяца. Предположим, вы положили тысячу долларов на валютный счет. Вводят фиксированный курс — скажем, шесть тысяч рублей за доллар. Ваши доллары продолжают лежать в банке. На них по-прежнему начисляются проценты. Если вы захотите свою тысячу завтра снять и превратить в рубли, при нынешнем, постоянно меняющемся курсе вы бы получили, допустим, 6 миллионов 50 тысяч рублей. А при фиксированном курсе — только шесть миллионов. Но если вы кладете деньги на счет с целью сбережения — зачем же снимать их завтра? Надо будет дожидаться нового курса, который появится через три месяца.

Удержать курс искусственно не удастся: он все равно будет «прорываться», но не каждый день, как сейчас, а периодически.

Между прочим, Международный валютный фонд (МВФ), к мнению которого в нашем правительстве чрезвычайно прислушиваются, поддерживает и ту систему, что сложилась у нас сегодня — когда курс меняется каждодневно, — и фиксированный курс, что устанавливается периодически. И тот, и другой способ соответствует международной финансовой практике. А вот если вдруг кто-то установит соотношение рубля и доллара раз и навсегда — такую политику МВФ не поддержит «ни при какой погоде».

Зарплата у меня неплохая, но платят ее раз в месяц или вообще выдают заработок за два-три месяца «одним куском». Имеет ли смысл сразу менять все деньги на доллары, а потом по мере надобности превращать их обратно в рубли?

ВИТАЛИЙ ЖИГУНОВ,
Краснодар

Да, имеет смысл. Если вы намерены свою зарплату потратить, то разумно поменять ее на доллары, а потом по мере необходимости превращать их в рубли. Это уберет средства от инфляции. Если хранить рубли в «кубышке» — инфляция будет их «съедать». Положить в банк, а потом понемногу брать и тратить — невыгодно, потому что начисляемый процент будет очень низкий. А если курс доллара будет по-прежнему изо дня в день расти, переводить всю зарплату в валюту, а затем потихоньку менять доллары на рубли и расходовать эффективнее всего.

Надеюсь на хорошее наследство. Но налоги, по-моему, способ-

ны половину его «съесть». Как можно эти выплаты уменьшить?

К. П.,
Калуга

Конечно, ни о какой половине речи не идет, но заплатить налог на наследство придется. Есть, однако, законные пути, чтобы его уменьшить. Общепринятая система — раздробить наследство. Например, если после смерти деда остается дом, лучше завещать его не одному внуку, а, скажем, четверым членам семьи — внуку, внучке, сыну, жене сына. Налог на наследство для каждого уменьшится на ту сумму, что, согласно закону, налогом не облагается (сейчас — 850 минимальных зарплат). Положим, дом стоит 120 миллионов рублей. Если его завещать одному человеку, то налог ему придется платить с суммы примерно 83 миллиона (стоимость дома минус необлагаемая сумма). Когда наследство отойдет четверым, им не придется платить сбор. Конечно, дробить наследство надо между людьми, абсолютно доверяющими друг другу. Договариваться об этом надо заранее и соответствующее завещание заверить у нотариуса.

Сейчас по телевизору все время говорят о курсе ГКО. Вроде бы это облигации. Если это так, могу ли я их купить и что мне это даст?

ЮРИЙ ЖМУРКО,
Ростов-на-Дону

ГКО — государственные краткосрочные облигации. В нынешнем году правительство поставило цель: покрыть бюджетный дефицит не за счет эмиссии, а за счет внутреннего и внешнего долга.

О внешних займах говорить не будем, а что касается займов внутренних, то основные надежды возлагаются на ГКО: в этом году

планируется продать их на 17 триллионов рублей. Государственные краткосрочные облигации приносят покупателям очень высокий доход. Государство выкупает их по баснословно высокой цене: до 300 процентов годовых. Мировая практика не знает, чтобы какое-то государство столь дорого платило за кредитные ресурсы. Государственные облигации привлекательны для вкладчиков прежде всего надежностью. Выпускаются государственные краткосрочные облигации достоинством один миллион и более рублей. Даже если доходность по ним составит 200 процентов годовых, покупать их выгодно. К тому же ГКО как ценные бумаги, выпускаемые государством, исключительно надежны и ликвидны: еще ни разу не было случая, чтобы эти облигации государство не выкупило в назначенный срок.

8

Живу в собственном доме. Могу ли я получить под него заем и как?
**С. П.,
Люберцы**

Многие банки выдают сейчас кредиты под залог дома или квартиры. Если это жилье — ваша собственность и вы не обременены другими долгами, банк выдаст заем под залог недвижимости. Многие банки охотно предоставляют такие ссуды под 40—60 процентов годовых.

Лет десять назад никто не мог подумать, что специальности бухгалтера, экономиста будут и престижными, и высокооплачиваемыми... Моему сыну скоро выбирать профессию. Какие из них, как вы считаете, будут более всего котироваться в России лет через семьдесят?

**ИГОРЬ ИВАНОВ,
Екатеринбург**

Финансовый рынок в России развит очень слабо. Он еще только зарождается. Хотя благодаря рекламе кажется, что банков в России множество, их у нас в расчете на душу населения раз в пятнадцать меньше, чем в США.

Финансовые структуры не насыщаются кадрами за год или два. И через семь, и через десять лет специальности бухгалтера и экономиста останутся высокооплачиваемыми и престижными. Особенно если профессионалы в области финансов будут хорошо знать современную финансовую систему и — обязательно — английский язык. Такое образование в течение еще многих лет будет гарантировать человеку легкое устройство на работу и высокий заработок.

В свое время я купил за ваучеры акции крупного предприятия. Теперь каждую акцию номиналом тысячу рублей можно продать уже за 75 тысяч. Как вы думаете, «сдать» их или не торопиться? И еще. Нынче началась приватизация за рубли. Могу ли я, как частное лицо, принять в ней участие?

**ВАЛЕРИЙ ЗОРЯНОВ,
Сахалинская область**

Не надо торопиться продавать акции. Даже подорожавшие в 75 раз, они еще не достигли своей реальной стоимости. После начала приватизации прошло уже три переоценки основных фондов. В результате первой переоценки (1 июля 1992 года) их стоимость выросла примерно в двадцать раз; после второй (1 января 1994 года) — еще в восемь раз; после третьей (1 января 1995 года) повысилась дополнительно примерно в четыре раза. Если все это перемножить, получится, что наши предприятия подорожали примерно в 640 раз!

Акции сейчас охотно скупают иностранцы. Они давно поняли: их реальная стоимость намного выше номинала. Приобретают через подставных лиц — таких находится достаточно. Заграничных бизнесменов совершенно не волнует, что сейчас многие предприятия находятся в тяжелом экономическом положении. Ведь имущество заводов в десятки раз дороже, чем цена продаваемых нынче акций.

Конечно, быстрого дохода от акций многих промышленных предприятий не получишь. Но если вы готовы подождать несколько лет, повторяю, не продавайте акции. Риска никакого тут нет. Даже если предприятие обанкротится, останутся производственные мощности, здания, сооружения... Обанкротившееся предприятие продадут на аукционе — или целиком, или по частям. Имущества хватит, чтобы расплатиться с акционерами. Только когда прекратится рост цен и ждать новых переоценок будет нечего — вот тогда можно акции продавать.

А тем, у кого есть свободные деньги, я бы порекомендовал включиться в денежную приватизацию. Во многих городах уже проходят аукционы, где продаются акции предприятий. Любой человек может принять в них участие.

Если вы рассчитываете на быстрые дивиденды, надо покупать акции тех предприятий, что рентабельны, в которых вы уверены, чья продукция пользуется спросом.

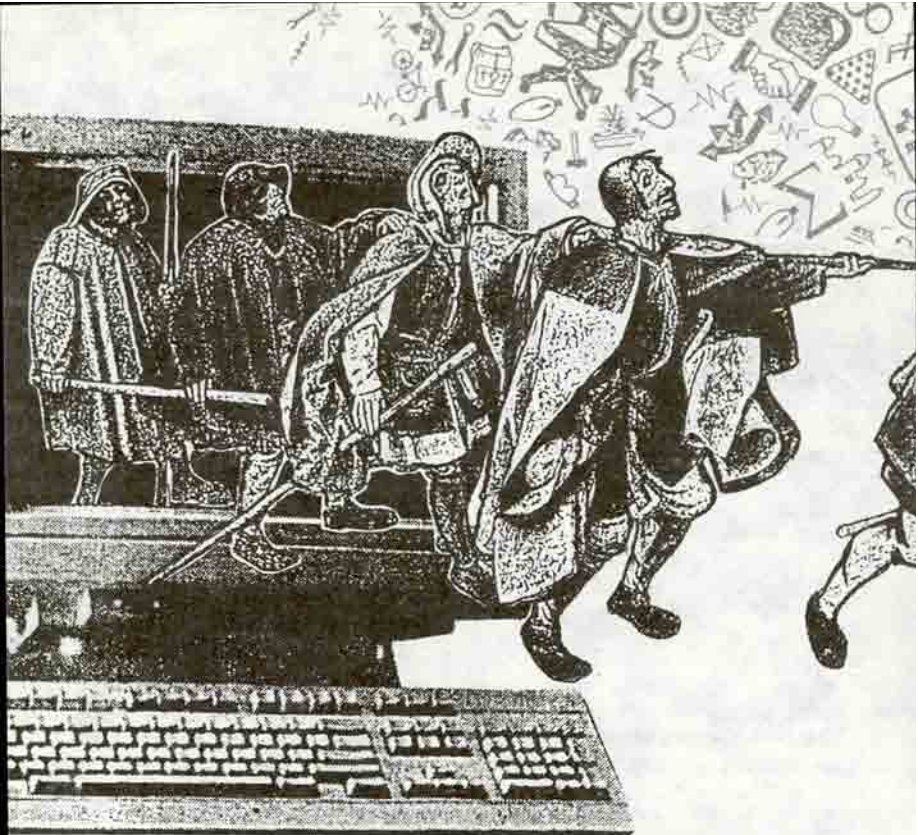
Сейчас часто при приеме на работу предлагают заключить контракт. Что надо главным образом предусмотреть, когда его подписываете?

ВЛАДИМИР ПАНОВ,
Комсомольск-на-Амуре

Контракт — прогрессивная форма трудовых отношений. Она те-

перь часто применяется. Но вы должны знать, что, если уже работаете на предприятии, нельзя заставить вас заключить контракт. Это — дело добровольное. (Обязаны заключать контракт только директора предприятий, а также люди, поступившие на должность в результате конкурса.) Подписывая контракт, нужно иметь в виду, что он может быть заключен либо на неопределенный срок, либо на выполнение конкретной работы. Например, если вас приглашают для монтажа новой технологической линии, контракт заключают на выполнение только этой работы. Но если вы поступаете, допустим, инженером на завод и вам предлагают подписать контракт на год — это незаконно. Делается это, чтобы вас было легче «в случае чего» уволить. Кроме того, работодателю запрещено оговаривать в контракте отпуск менее предусмотренного законом — 24 рабочих дня. Нужно проследить, чтобы в контракте был четко определен круг ваших обязанностей. Порой применяют расплывчатые формулировки: допустим, бухгалтеру вменяют ведение учета, отчетности, «а также другие функции, предусмотренные профилем работы». Подобная формулировка совершенно недопустима. Благодаря ей можно бухгалтера заставить выполнять, например, обязанности кассира. В контракте должен быть приведен исчерпывающий перечень ваших обязанностей без формулировок типа: «и другие». Прочитайте его внимательно и посоветуйтесь со знакомым юристом перед тем, как подписать.

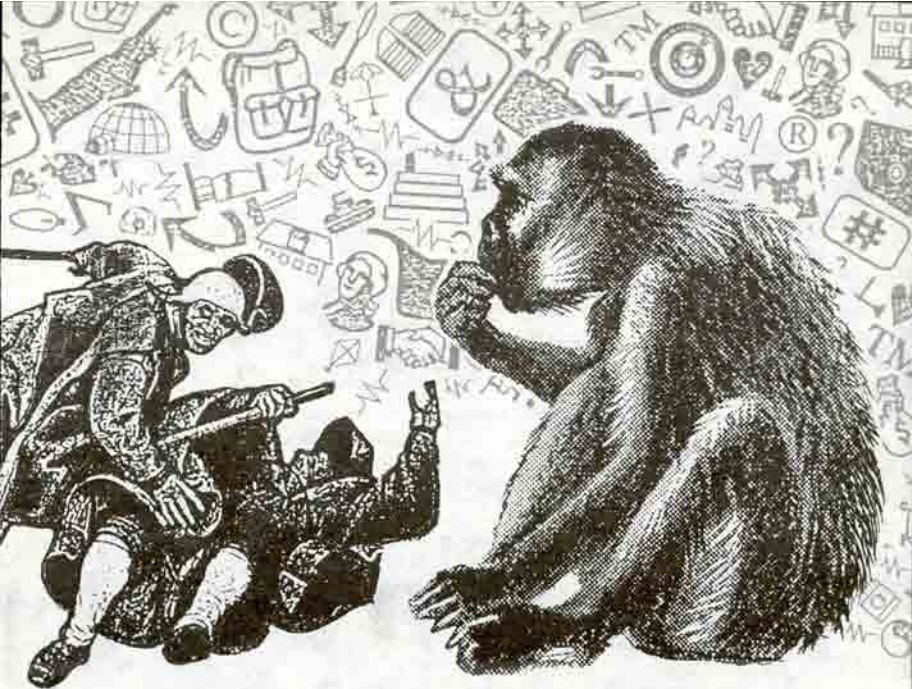
ОТ РЕДАКЦИИ. Доктор экономических наук Григорий Киперман готов и в дальнейшем отвечать на вопросы наших читателей о «житейской экономике». Ждем ваших писем.

ЗЕМЛЯ:

ВРЕМЯ

СЖА

О планетарных катастрофах нынче говорят как о вещах обыденных. Вроде как о сошедшем с рельсов трамвае. Десятки прорицателей предсказывают «конец света» чуть ли не с регулярностью прогнозов Гидрометцентра (к счастью для нас, с той же «степенью вероятности»). Но если говорить серьезно — масштабы природных, социальных, политических катастроф могут быть такими, что само существование человечества становится весьма проблематичным. Причем не в заоблачном «завтра»...

Вся тысячелетняя история развития земной жизни — череда «смертей» и «возрождений» цивилизаций, общественных устройств. Троя, Шумер, Атлантида, языческие племена Руси, цивилизации Зауралья и Древнего Египта — звенья одной цепочки.

Тысячи ученых — историков, археологов, географов, социологов — изучают гибель цивилизаций, катастрофы и кризисы в специализированных институтах мира.

Мы должны знать, понять и осмыслить те законы, по которым развивается человечество, ведь прошлое, сопрягаясь с настоящим, влияет на будущее государств, сообществ, цивилизаций...

Об этом с доктором исторических наук, членом-корреспондентом Российской Академии естественных наук

ГЕРАЛЬДОМ МАТЮШИНЫМ

беседует журналист
СЕРГЕЙ КАЛЕНИКИН.

— **Н**е знаю, Геральд Николаевич, с каким чувством и настроением вам работало, что вы ощущали, прикасаясь к тайнам гибели цивилизаций, но вот смотришь на схему исчезнувших культур и видишь, как обнажается некая пропасть...

— Любая цивилизация зарождается, созревает, развивается — словом, проходит свой путь, а пройдя его, хиреет, чахнет и умирает. Ее сменяет другая, но и она — по тем или иным причинам — гибнет. Где хетты, этруски?... Что осталось от скифов? Где шумерские государства? А Эбла... И нет сегодня тех, кто бы говорил на языке шумеров, хеттов и эблаитов. Исчезал народ, а с ним угасали язык, культура. Казалось бы, кричащий парадокс: гибнут не племена, а величайшие культуры, процветающие, мощные, высокоразвитые цивилизации. Но заметьте: одни вымирали быстро, без особых страданий, другие, напротив, угасали мучительно долго. И цивилизации вроде бы связаны между собой, как бы продолжают друг друга, но попробуйте нащупать эту связующую нить. Ее нет. Появлялись — весьма неожиданно — совершенно новые культуры, и их трудно напрямую увязать с предшествующими.

Вот вам картинка из прошлого. Ведя раскопки на Южном Урале, мы вдруг открываем культурный слой — останки древних поселений, затем — второй и, глазам своим не веря, третий! И все как на ладони: кто жил, когда и как. Первая же стоянка оказалась времен неолита — со следами сельского хозяйства, не примитивно-зачаточного, а весьма и весьма развитого! (Между прочим, это самые древние следы сельского хозяйства на территории бывшего СССР.) Откуда оно взялось — как будто на голом месте, из ничего, да еще

в такой форме? Как выяснилось, примерно восемь-десять тысяч лет назад на Урал пришли протоиндоевропейцы Ближнего и Среднего Востока и принесли с собой так называемую культуру серпов — самую развитую по тем временам. Ладно, переселенцы, а чего ради они бросили землю предков и переехали на Урал, подались на чужбину? Вот тут-то и вскрывается весь трагизм того времени. Это не просто мигранты, томимые жаждой неизведанного, а люди, столкнувшиеся с бедой, — экологические беженцы. То есть, попав в водоворот биосферно-климатических пертурбаций, они оказались перед выбором: либо вымирать, либо покинуть увядающую землю предков. Оставив Средний Восток, протоиндоевропейцы заселяют побережье Средиземного моря, Атлантику, доходят до Прибалтики, Англии и тогда же перебираются на Урал — в отнюдь не безмятежные места. Представьте, в каких экстремальных условиях оказывался человек, когда в периоды повышенной влажности уровень рек — Белой и Урала — поднимался на 15–20 метров! Кстати, колебались питающие Каспий северные реки — соответственно изменялся и уровень моря, «прыгая» на сорок-шестьдесят метров!

— А откуда вся эта напасть? С чего это вдруг такие катаклизмы?..

— Ну почему же «вдруг»? Земля — небесное тело, она развивается, пульсирует, «дышит» и, как любая система, имеет свои циклы — восходящая стадия сменяется нисходящей, и наоборот... С пробуждением геокосмических сил возмущается и перестраивается наша биосфера, идет перетряска экосистем. Вообразите, как

трепещущий океан рвет на куски сушу, сотрясаются в конвульсиях материки, разверзается и разжижается твердь, свирепствуют циклоны, ураганы, тайфуны, как один за другим взрываются вулканы, выбрасывая чудовищные массы пепла, и вы получите страшный, уничтожительный образ стихий.

Если же упомянуть такую «напасть», как геомагнитная инверсия — когда северный магнитный полюс перемещается на южный, и наоборот, — то за последние 76 миллионов лет полюса Земли менялись 171 раз! Иногда южный полюс «убегал» за каких-то десять тысяч лет. Менялись магнитные полюса — менялся лик планеты, а стало быть, и условия жизни на ней...

Сорок тысяч лет назад произошла одна из крупнейших инверсий. И именно в это время вымирают неандертальцы, но появляется гомо сапиенс. Последняя же инверсия состоялась между 10-м и 12-м тысячелетиями до нашей эры. Она также, похоже, оставила свой след: вызвала резкое повышение уровня океана, потепление, таяние ледникового щита в Европе, скачкообразное повышение уровня рек (Нил, к примеру, тогда поднялся с 25 до 150 метров)...

— Лаурват Нобелевской премии Уиллард Лобби, анализируя древние археологические находки, безутешно заключил: «Примерно 70 400 лет назад следы человека внезапно исчезают... Полученные пока факты как будто свидетельствуют о том, что именно на этом рубеже происходит какой-то перерыв в последовательности». И вот что не менее любопытно: точка отсчета солнечного календаря Индии — 11 652 год до н. э., а календарь майя начинается с... 11 653 года до н. э.! Быть может, таинственное исчезновение человека,

происшедшее 11—12 тысячелетий назад, как-то связано с последней сменой полюсов?

— Наш мир не без загадок. Можно вспомнить и Атлантиду... Она исчезла, как утверждает Платон, двенадцать тысяч лет назад, что, на мой взгляд, очень похоже на правду. И дело не только в том, что подтвердился факт грандиознейшей вулканической катастрофы: гибель острова Санторин. Я бы взглянул шире. Ведь примерно в десятом-девятом тысячелетиях до нашей эры разразился первый экологический кризис — началась перестройка природной среды, что действительно совпадает с проявлением геомагнитной инверсии. Тогда же завершился последний холодный этап в истории Земли (от которого я и начинаю отсчет экокризисов); ледник, тая и отступая, не только в очередной раз перекроил ландшафты, но и вызвал мощный подъем Мирового океана. Он тогда «подскокил» на сто метров! Разве пучина не могла поглотить жителей Санторина, другие неизвестные нам развитые цивилизации, в том числе и ту, что изобрела письменность?

— Но ведь известно, откуда пришло письмо...

— Да, шумерское и протоэламское письмо считается древнейшим, однако нет следов его возникновения и развития! Мы имеем лишь совершенные формы древнего письма. И тут неясно, изобретено ли оно шумерами, или перенято ими у других народов. С другой стороны, на Балканах нашли клинописную табличку, которая гораздо древнее шумерских! Когда, при какой цивилизации человек впервые овладел письмом, кто его автор — загадка...

Вернемся к тому, что более или менее известно. Так вот, в деся-

том тысячелетии до нашей эры люди, покинув пещеры, переселяются с высоких террас на низкие — выходят на поля и равнины. Меняется уклад жизни: человек приобщается к земле, появляются первые элементы сельского хозяйства. После кризиса климат увлажняется и жизнь перемещается в пустыню: на Среднем и Ближнем Востоке расцветают поселения типа Чайеню, Гандж Даре, возводятся первые каменные и глинобитные двух-трехэтажные строения — города, библейский Иерихон... Однако с началом второго экокризиса (восьмое тысячелетие) картина меняется — человеческие усилия сводятся на нет: рушатся поселения и города, гибнет Иерихон, замирает жизнь в Иудейской пустыне, но в то же время (или чуть позднее) первые земледельческие поселения возникают в Европе. А с повышением влажности атмосферы оживают ранее безлюдные места: человек обустроивается, возводит города в засушливых регионах Ближнего Востока, расцветает первая цивилизация — Чатал-Гююк. И лишь в период третьего экологического кризиса (на этот раз уровень Каспия падает до отметки минус 44,5 метра) вновь заселяются современные поймы Евразии, но впервые — низовья великих рек; угасает хассунская культура (Ирак) — она сменяется халафской (Северная Месопотамия и Сирия), а в Южной Месопотамии образуется небезызвестная убейдская цивилизация, которая, пережив экокризис, продержалась почти тысячу лет. Но примерно в 3600 году до нашей эры — Всемирный потоп. Английский ученый, археолог сэр Вулли, найдя следы Всемирного потопы, доказал, что не кто иной, как убейдцы сочинили первую легенду о потопе и только через две тысячи лет она вошла в вавилонские мифы, из которых

и перекочевала в Библию, почти дословно.

Потоп вытесняет убейдцев на север. Переждав стихию, они возвращаются на прежние места, в Южную Месопотамию, но им уже не суждено вернуть утраченного. Жизнь пошла по иному сценарию — на затухание. И в разгар четвертого кризиса (он был продолжительнее прочих: 3300—1700 гг. до н. э.) убейдская цивилизация распадается. (Позже она возрождается, но уже как шумерские государства.)

Разумеется, кризис проявился и в других регионах Земли: угасла жизнь в лесостепных районах Южного Урала и на озерах Зауралья, где люди обитали еще со времен палеолита, а покинув их навсегда, обосновались в поймах небольших рек, степях Прикаспия и Северного Казахстана. В то же время в лесостепных областях Волго-Уральского междуречья и на юге Украины образуется древняя культура турная общность, а в степях уже западного Причерноморья, Молдавии и на западе Украины увядает культура кукутени-триполья: люди бросают трипольские «города», ищут новые земли, где затем создают новые поселения. Кстати, академик Борис Рыбаков, отмечая сходство обрядов, считает, что культура трипольцев вошла в культуру славян.

Итак, если в засушливых зонах планеты четвертый экокризис вынудил человека перейти от оседлого к подвижному образу жизни, то в освобожденных от потопов поймах великих рек расцветают цивилизации, происходит «городская революция», строятся первые пирамиды... Любопытно, что в это же время на Южном Урале — в лесной, заметьте, зоне — появляются Аркаим и другие глинобитные (!) города, очень похожие на месопотамские и южнокаспийские.

Пятый экокризис вроде и длился-то недолго — всего пятьсот — шестьсот лет, — и не вызвал, казалось бы, глобальных изменений в природе, но между тем обратите внимание, что происходит в Евразии! Бронзу сменяет эпоха железа; в степях Восточной Европы, Казахстана, Западной Сибири исчезают огромные общины, навсегда гибнут «города» типа Аркаим... И появляются новые культуры: скифская, савраматская... Заметьте, они сформировались не одновременно с падением культур эпохи бронзы, а с некоторым интервалом между ними, что, видимо, говорит о катастрофическом характере начала экокрисиса. Скорее всего именно по этой причине гибнут гомеровская Троя, Вавилон, исчезают хетты — наши древнейшие предки, как полагают лингвисты. Словом, в начале пятого кризиса пали крупнейшие центры древних цивилизаций, а в конце его в Евразии утверждается эпоха железа. Общий же итог таков: за последние десять-двенадцать тысяч лет человечество пережило пять глобальных экологических потрясений и далеко не все культуры, цивилизации смогли устоять.

— Похоть... Как часто встречающееся в беседе слово «цивилизация» вами произносится с какой-то особой лексической окраской. Что вы под ним подразумеваете?

— Сельское хозяйство! С него начинается и им же кончается любая цивилизация, любая культурная ступень человечества. Именно оно, сельское хозяйство, укрепило людей на Земле, дало им свободу, помогло встать на ноги. Мы, нынешнее поколение землян, пользуемся теми же источниками существования, что и наши древние предки. И тут весьма точно заметил Пьер Тейяр де Шарден: теку-

щее время — тот же неолит, все тот же каменный век.

Когда человек перешел от присваивающего хозяйства к производящему? В неолите. А откуда взялись все основные культивируемые злаки и домашние животные? Из того же нового каменного века. Что лежало в основе сельского хозяйства Джармо, Карим Шахино, Зави-Чеми, Иерихона, Чатал-Гуека, Чайену?.. Индивидуальное, свободное фермерство! Которое опять-таки сложилось в неолите и как экономическая система дошло, почти не изменившись, до наших дней. Что ни говори, а мы и по сей день пользуемся тем, что было изобретено великими культурами древности. А что дали все последующие поколения землян? Абсолютно ничего! Ничего, по существу, кардинального. То, что ныне наполняет наш суматошный мир — автомобили, компьютеры, АЭС, космические корабли, биотехнологии, генная инженерия и тому подобное, — декорации, не более того. Они ведь не отражают, а тем паче не определяют Сути жизни. Суть жизни остается прежней — неолит. При нем появился принципиально новый вид хозяйства, при нем сложились принципиально новые отношения в обществе, которые изменили Мир, психологию человека, уклад его жизни. Мы лишь продолжаем когда-то начатое Великое Дело первых цивилизаций, и, надо признать, скверно продолжаем...

— Однако экологический кризис не для всех гибель — какие-то цивилизации выживали, выкарабкивались, причем одни выдерживали несколько кризисов, другие же гибли сразу...

— Давайте посмотрим, какие именно цивилизации гибли, что они собой представляли накануне кризиса и во время его пика? Возь-

мем Шумер. Середина третьего тысячелетия до нашей эры — его расцвет. Он, как известно, не был монархией — состоял из отдельных городов-государств, однако наиболее значительные и могущественные стали предъявлять претензии на главенство. И уже во времена первой — после потопа — династии царей (2900—2750 гг. до н. э.) между Уруком и Кишем вспыхивает война. И столкновение Лагаша и Уммы закончилось гражданской войной...

Так возникает и утверждается (впервые в истории) государственная единоличная власть. И если, как свидетельствует шумерская литература, первый герой просто герой, то позднее — герой из элиты, непременно царь! Его воспевают, возвеличивают. И чем дальше Шумер отходил от демократических традиций (а первое демократическое правительство появилось опять-таки в Шумере, где не только ограничивалась власть царя, но и признавались права народного собрания), тем ярче, острее проявлялись борьба за верховную власть, коррупция чиновников, непримиримость враждующих партий... К концу третьего тысячелетия дворцовые перевороты так часты, что авторы «списка царей», спрашивая: «Кто был царем?» — отвечали: «А кто не был царем?» И в самом деле: за двадцать один год сменился двадцать один правитель! К тому времени окончательный сложился классовый строй — со всеми вытекающими отсюда последствиями. В четвертый экологический кризис Шумер исчез. Опустошение, смерть и забвение — таков конец некогда уникальной и процветающей цивилизации...

О судьбе цивилизации майя, причинах ее падения вроде написано немало. И всяческих гипотез на сей счет — сколько угодно.

Между тем полной ясности не было и нет. Одно лишь несомненно. Незадолго до гибели, быть может, за несколько столетий, у майя утвердился тоталитарный режим — сложилась жесткая централизованная система с авторитарным правлением. У крестьян отбирались чуть ли не все продукты питания, собранная с округи дань уходила в «центр»... Небольшое ядро светских аристократов и жрецов, усилиями которых поддерживался лоск цивилизации майя, сознательно обрекало своих многочисленных подданных на нищету и несправедливость.

Еще ярче этот процесс проявился в империи инков. В ней общинники хоть и сохраняли право на землю, но были обязаны работать все больше на госстройках, возделывать поля и пасти скот правителя, храмов, знати. Люди теряли право собственности на землю, попадали в зависимость от государства... Не так давно в песках Сирии обнаружены следы, останки — в том числе огромный архив, насчитывающий семнадцать тысяч документов, — великой цивилизации Эбла, существовавшей пять тысяч лет назад. Как выяснилось, ее закат так же драматичен: к концу своего существования Эбла стала жестким централизованным, чиновничьим государством, где все и вся подчинялось единоличному самодержцу. Он же, разумеется, являлся и главным идеологом государства. По такому же сценарию пали хаттусы, вавилоняне, протоэламиты... Распад же единовластия у вавилонян попал даже в Библию — его символизирует известный Пир Валтасара.

— Шумер, Эбла, майя... и тоталитарные режимы — любопытный, неожиданный взгляд на древний кризис прежде всего разваливались те цивилизации, соци-

ально-политическое устройство
коих сверху донизу заражалось ав-
торитаризмом?

— Такая спорадическая связь действительно есть, однако она не открывает нам главного. Почему в межкризисное время, в условиях экологического покоя имперско-тоталитарные системы не только держались, но и процветали, а в экстремальных ситуациях эти же системы, несмотря на тотальный контроль за людьми, экономикой, рассыпались? По какой причине исчезали цивилизации, культуры, народы, этносы?

— По теории Льва Гумилева, все дело в самом этносе: молодой развивается, а старый этнос, теряя свою способность к развитию, умирает...

— Скажу обратное: цивилизации — культуры — этносы гибли, так и не успев состариться, как следует одряхлеть. Судите сами: в седьмом-восьмом веках цивилизация майя на пике своего развития, а к концу девятого века ее основные города хиреют, жизнь в них замирает и обрывается...

Во время экологического кризиса всегда и всех занимал единственный вопрос: как выжить? Если этнос, владеющий навыками производящего хозяйства, мигрировал и оказывался в долинах великих рек, находил иные подходящие и безопасные для обитания места, он быстро прогрессировал — развивался, образуя цивилизации, государства. Скажем, этруски, столкнувшись с сильнейшей засухой, рискнули адаптироваться к новым климатическим условиям: предприняли грандиознейшее ирригационное строительство. Тщетно, ничего путного из этого не вышло. Люди страдали, мучились, болели и умирали. Экосистема как бы отторгла их... Уцелевшие этруски не ста-

ли более искушать судьбу: покинув северо-запад Апеннинского полуострова, мигрировали в Рим и растворились в нем, слились с латинским этносом, потеряв, разумеется, свою культуру и язык. Все, нет больше цивилизации этрусков...

Нечто подобное произошло с эскимосами. Их самобытная культура сложилась в шестом-десятом веках, определялась образом жизни — охотой на китов. Но во времена малого ледникового периода, то есть в двенадцатом-четырнадцатом веках, количество морских млекопитающих резко сократилось. И этнос распался: одна его часть все же сумела адаптироваться — занялась морской полиоохотой, а другая часть эскимосов перешла к оленеводству. А этот промысел принадлежал другому народу — чукчам! Эскимосы оказались в совсем иной культурной среде, произошла ломка их быта, сложившихся привычек и традиций, они полностью переняли культуру, религиозные воззрения, язык чукчей — словом, ассимилировались.

— Понятно: коль этнос перенимает другую культуру, то он — независимо от своего возраста — теряет не только свою экономику, но и язык, культуру — словом, все, что определяет народ как таковой.

— И, похоже, аналогичные явления происходили и при распространении сельского хозяйства. Аборигены Европы, принимая земледелие и скотоводство — разумеется, чуждую для их хозяйства систему, — также были вынуждены отказаться от своей родной речи, культурных ценностей, религиозных установок. Это обстоятельство и привело к формированию огромной индоевропейской общности со сходными языками и родственной культурой. А по-

тому, как считают лингвисты, наши корни уходят в Малую Азию — в хеттскую цивилизацию. У французов, немцев, поляков, украинцев, русских, литовцев и прочих индоевропейцев один общий праязык — хеттский. В сущности, мы говорим не на русском языке, а на хеттском. Собственный же давным-давно утрачен — при переходе к земледелию. Кстати, само появление сельского хозяйства и его распространение есть не что иное, как необходимая адаптация к экокризисам. Оно создавалось, развивалось, совершенствовалось в определенных экологических условиях — условиях неолита и для неолита! Стало быть, производящее хозяйство полноценно работает, дает желанный результат, если только соблюдаются его основы — принципы свободного, индивидуального фермерства. Причем если оно не попадает в тиски жесткой госцентрализации.

Обратите внимание: практически все известные цивилизации накануне своей гибели меняют систему организации общества — от свободного фермерства переходят к централизации. Инки, майя изобретают колхозы и совхозы... А в Древнем Китае еще во втором тысячелетии до нашей эры был построен своеобразный «социализм», то есть были обобществлены все средства производства...

— Казалось бы, человек раз и навсегда расстался с пещерным стилем жизни, овладел землей — стал сознательным хлебопашцем. Люди разобрались, что к чему, как надлежит жить, и тем не менее человек, игнорируя опыт прошлого, здравый смысл, вновь и вновь на свою же погибель утверждает или реставрирует авторитарные режимы, империи, царства...

— Давайте уточним: откуда взялся человек?

— Как учит Церковь, все мы исходим от Адама, все мы связаны родством, созданы Богом по образу и подобию Его...

— Это всего лишь красивые символы, а реальности таковы: во времена формирования прямоходящего предка человека на его прародине — в Восточной Африке — произошли мощные подвижки земной коры, образовались глубокие разломы — рифты — протяженностью в сотни и тысячи километров. Это сопровождалось бурными извержениями вулканов и землетрясениями... Обнажались урановые руды, резко и весьма сильно повысилась радиация. Антропоиды оказались в гигантском естественном урановом котле! Нам пока не известна мощность того облучения, но, какой бы она ни была, радиация не могла не подействовать на наследственные свойства приматов, их ДНК. В сущности, на планете появились новые существа — прямоходящие обезьяны без шерсти, клыков, со слабыми зубами и с огромной головой. Короче говоря, мутанты. Они, конечно же, были обречены, мешало прямохождение, возникали проблемы с добыванием пищи, охотой. Слабый, голый и неуклюжий мутант — гоминид — неминуемо погиб бы, однако выжил и утвердился, ибо всему утраченному нашел замену — искусственные орудия. От их эпизодического изготовления гоминиды перешли к систематическому труду...

Но это далеко не все! Мутант сообразил, что и орудия ему не помогут, если он не откажется от обезьяньих правил и законов — от биологической системы организации общества, в основе которой жесточайшая централизация, аб-

солютная власть элиты. И гоминиды отказались от нее, перестроили общество, заложив в него принципы равного начала! Если хотите, это самые первые ростки демократии. У гоминидов все решало общее собрание полноправных взрослых индивидов. На том стояли первобытные общины, первые цивилизации, античные республики, которые управлялись народным собранием... Хотя, по большому счету, демократия — как таковая — иллюзия, в чистом виде ее никогда не было и быть не может. Она условна. В лучшем случае создается некая система с четко отлаженным механизмом контроля за властью, конкретными лицами, за теми, кто управляет обществом. Когда нет жесткого контроля за властью, «верхами», тут же формируется и разрастается авторитарная система. Происходит как бы возврат к биологическим формам организации общества, типичным для допалеолитических времен.

— Вы хотите сказать, что авторитарный или тоталитарный режим — животный, зоологический стиль жизни?

— Авторитарные государства и система доминирования приматов в принципе живут по одной схеме, по одним меркам. Возьмите бабуинов, собакоголовых обезьян. Кто во главе их сообщества? Как правило, самый крупный, сильный вожак, своего рода «монарх», а ежели такового нет, то верховодит «элита», небольшая группа наиболее агрессивных обезьян. Но... наступает экологический кризис, и вся эта доминирующая система собакоголовых разваливается. Вожак или «элита» уже ничего не значат, их попросту не признают. Сообщество бабуинов распадается на мелкие семейные группки (обычно мать с детены-

шем), которые уже думают не о «верхах», а о себе, о том, как прокормиться, как пережить кризис...

Видите, даже приматы в экстремальных условиях переорганизуют свое сообщество. Иначе — смерть. Кризис прошел — доминирующая система бабуинов вновь восстанавливается, до следующей встряски. Вот тут-то, увы, и приходится признать: и принципы распределения благ, и способы борьбы за власть — словом, какую бы мы ни брали характерную особенность авторитарного государства или сторону поведенческого репертуара госэлиты, мы обязательно нечто подобное — родственное — отыщем в «царстве» приматов.

И, что характерно, авторитарные правители, как и вожаки в стаде, не терпят тех, кто демонстрирует непокорность. Но если глава стада обезьян физически расправляется с таковыми, не уничтожая их, то правители из рода гомо сапиенс, напротив, уничтожают не только строптивых, но и тех, кто, по их мнению, может стать непослушным. А непослушными являются наиболее способные люди. При всех тоталитарных режимах происходит своеобразный естественный отбор — физическое уничтожение наиболее способных и активных граждан. В основном выживает лакействующая часть населения. Таким образом нация вырождается. Это одна из главных причин гибели цивилизаций.

— Раз человек нет-нет да срысывается, возвращается к бабуино-собакоголовым нормам, то, выходит, несмотря на мутацию, он так и не расстался до конца со своим биологическим прошлым...

— От прошлого так просто не отмахнешься! Миллионы лет наши

предки жили по биологическим законам, и этот груз — в каждом из нас. В человеке как бы два начала: биологическое (от обезьян) и гоминидное (социальное). И в зависимости от экологических событий верх берет то или иное начало. В кризисных ситуациях, при дефиците пищи, продовольствия, утверждается социально-демократический режим, а при избытке продовольствия, наличии большого прибавочного продукта, государственное устройство постепенно видоизменяется, трансформируется в авторитарный режим со своими законами, институтами, чиновниками, царями, фараонами, императорами, политбюро, госсоветами, президентами... И вряд ли последние распались бы, не будь экологических встрясок. А то, что в людях время от времени просыпается животная сущность, увы, очевидная данность.

— Но отчего она, эта проклятая биологическая сущность, выворачивающая человека наизнанку, нет-нет да и прорывается, а с ней неудержимая страсть сокрушать, истреблять, уничтожать друг друга?..

— Человек, похоже, не спешит осознать, что он часть биосферы, косможитель, что, скажем, та же солнечная активность влияет не только на размножение саранчи, планктона, миграцию птиц, прирост древесины, урожайность, эпидемии, но и на психическое состояние людей — их агрессивность или уравновешенность. С вашего позволения — цитата: «Но не один торговый обмен, но и разнообразные людские отношения должны быть поставлены в соотношение с состоянием Солнца... Нельзя, в самом деле, считать простым совпадением, что годы особенно сильной пятнообразовательной деятельности Солнца —

1830-й, 1848-й, 1860-й, 1870-й, 1905-й, 1917-й — были отмечены на Земле не только магнитными бурями, но и обширными общественными потрясениями: июльская революция (1830-й); февральская революция (1848-й); революция в Италии (1860-й); первая и вторая русская революции (1905-й, 1917-й). Если все это не случайности, если пульс человечества действительно бьется в унисон с биением космического сердца нашей планетарной системы, то можно попытаться составить нечто вроде политического гороскопа грядущих лет». Так рассуждал в двадцатые годы великий русский ученый-физиолог Владимир Бехтерев. Попробуем продолжить его подсчеты. Активность Солнца в конце двадцатых годов совпадает с насильственной коллективизацией, временем окончательного закрепощения крестьян, 1940—1941 годы — война с Германией, 1953-й — смерть Сталина и начало «хрущевской весны». В 1964 году очередной цикл Солнца — начало брежневской эпохи, а следующий цикл совпадает с началом афганской войны, 1989—1991 годы — жесточайший кризис в России, спад экономики во всем мире...

— Допустим чисто гипотетическую вольность: разразись экокризис в наши дни, под занавес второго тысячелетия, мы выйдем, как мамонты, пополним археологическую коллекцию исчезнувших культур?

— Шестой экологический кризис не гадание на кофейной гуще. Он неизбежен. Более того, учитывая времена завершения предыдущего кризиса (четвертый век новой эры) и интервалы между катаклизмами, от трехсот до тысячи пятисот лет, этот кризис падает на наше время! Его приметы налицо:

неуклонно повышается уровень Каспийского моря, утончается озоновый слой, «падает» геомагнитное поле Земли — если это падение не остановится, то уже через 10—15 лет может произойти очередная геомагнитная инверсия. Исчезнет магнитное поле Земли — биологический щит планеты...

— И все-таки, принимая тезис о неизбежности катастрофы, можно ли предположить, пусть даже в самых общих чертах, каков же будет Исход, что на сей раз ожидает землян, с учетом нынешних реалий?

— Будущее всегда таит в себе непредвиденное, непредсказуемое. Его невозможно рассчитать, запланировать. Сама история человечества говорит о том, что не было такого случая, когда бы усилия людей сводились к тому, к чему они стремились изначально. Можно сказать так: у каждой цивилизации свой сценарий исхода, но, с другой стороны, они погибают и выживают по одним законам, а экологический кризис выступает в качестве толчка, триггера, после которого общество может перейти в иное состояние. Конечно же, цивилизации или государства, реанимирующие систему доминирования, доводя ее до крайней централизации, особенно уязвимы. «Бабуиновые» организации не выдерживают кризиса; централизованная экономика не вписывается в условия, принципы неолитического хозяйства. Словом, так или иначе все ощутят катастрофу, но ощутят в разной степени — кто-то окажется в относительно лучших, а кто-то в худших условиях. Скажутся национальные, региональные, социально-экономические, демографические, научно-технические и прочие особенности.

Но, надо сказать, мы и без про-

явления Высших Сил Природы весьма близки к катастрофе. Ни одна цивилизация не доходила до того, что мы, ныне живущие, позволяем себе. Деградируют реки, моря, лес, тундра, экосистемы... Все прошедшие экокризисы, можно сказать, были чисто природными. Шестая катастрофа, вне всякого сомнения, прозвучит куда сильнее. Страшнее будут и ее последствия. Человек сам себя загнал в пороховую бочку.

— Иначе говоря: «Куда ни глянешь — города в руинах»...

— А здесь уместно вспомнить старый вывод Жоржа Кювье: катастрофы уничтожают жизнь и вместе с тем жизнь формируют... Нам не изменить Природу вещей, не отменить — и слава Богу! — кризисы, катаклизмы, катастрофы. Все, что нас окружает, появилось не вопреки, а благодаря им! Без них не состоялась бы сама Жизнь, не зародились бы Вселенная, планета Земля, ее биосфера с ее генетическим богатством. А человек не стал бы человеком.

Сколько раз Земля вздрагивала от больших и малых катастроф, сколько раз замирала жизнь, однако она не только ни разу не оборвалась, но после каждой геокосмической встряски переходила в более высокие формы! А человек... человек всего лишь один из видов животного царства. И нам неизвестно, прервется ли род людской на Земле, не приближает ли он свой конец, проявляя себя как «вид, приносящий бедствия», игнорируя судьбы исчезнувших цивилизаций, народов и этносов.

Будем надеяться, что у человека еще не угас вкус к жизни и люди найдут выход, как нашел выход наш далекий, неуклюжий предок более двух миллионов лет назад, став из мутанта ЧЕЛОВЕКОМ.

ШОРИТ

«Акелла промахнулся! Акелла промахнулся! — кричал шакал», «Мы с тобой одной крови — ты и я».

Р. Кишинг

ПРОЛОГ

22
Генерал Петр Николаевич Орлов и полковник Лев Иванович Гуров вернулись в генеральский кабинет из управления кадров. Полковника восстановили в должности старшего оперативного уполномоченного по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД России. Три месяца назад Гуров уволился из милиции по собственному желанию, став руководителем службы безопасности в коммерческой структуре. Уход из органов сорокадвухлетнего полковника, опера-важняка, без скандала, просто так — явление довольно редкое, а его возвращение на прежнюю должность — случай вообще беспрецедентный.

Верочка, секретарь Орлова, встретила мужчин в крохотной приемной.

— Значит, правда? Вернулись? Лев Иванович, дорогой! — чуть не рыдая, забормотала она.

— Вероника! — Орлов пытался смотреть грозно. — Он что, с фронта вернулся или из тыла врага выбрался? Прогулялся кот по помойкам — и нах хауз! — Он распахнул тяжелую дверь своего кабинета, взглянул на Гурова. — А ты женись разом на всех девках моей конторы, и покончим с вопросом раз и навсегда!

— Верунчик, ну что ты? — Гуров обнял девушку за плечи. — Ведь люди неизвестно что подумать могут.

— Никто про вас ничего не подумает! — Верочка вернулась к своему столу. — Кофе сейчас будет!

Гуров прошел в кабинет, занял свое привычное место у окна. Орлов расстегнул мундир, ослабил галстук.

— Между прочим, моя контора не проходной двор, господин полковник. Слезь с подоконника и не смотри в окно.

Гуров согласно кивнул, достал сигареты.

Верочка принесла поднос с кофе. Генерал увидел три чашки, спросил:

— Станислав? — Он делал ударение на втором слого, что придавало имени иностранный оттенок. — Зови.

— Разрешите? Здравия желаю! Явился, прибыл, готов слу-

ВЕРНУЛСЯ

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ПОСЕВА

жить! — выпалил Станислав Крячко, переступая порог кабинета.
— Входи, присаживайся, рад видеть, — в тон ему ответил генерал.

Полковник Крячко в этом году собирался отметить сорокалетие, чуть ли не двадцать лет он проработал в розыске. Начинать помопера, бегал по вокзалам, задерживал карманников, барыг, тогда они еще не назывались коммерсантами. В прошлом году возглавил один из отделов МУРа, но пришел новый начальник, отношения не заладились. В это время Гуров заявил о своем уходе из милиции. Они ушли вместе, теперь вместе вернулись. В кадрах друзей даже не ругали, лишь слегка пожурили, как добрый педагог журит любимого отличника за шалость и прогул урока.

Гуров отлепился от подоконника, подошел к столу, погасил в пепельнице сигарету.

— Петр Николаевич, у тебя хороший компьютерщик имеется?

— Ну? — Орлов взглянул настороженно. — Я вас, мальчики, еще по месту не определил. А каждый солдат должен быть к своему котелку приписан.

Зазвонил один из телефонов, тут же тренькнул другой. Орлов снял обе трубки, в одну сказал, чтобы подождали, по второй, представившись, начал переговоры, покосился на друзей.

— Они оба у меня, господин генерал-лейтенант... Плохо, что вам докладывают. Доносчики должны стучать только мне... Хорошо. — Орлов положил трубку, ответил по другой: — Слушаю вас.

— Чуешь, нас еще в стойло не определили, а уже сбрую справили, — философски изрек Крячко.

Орлов брякнул трубкой по аппарату, поднялся.

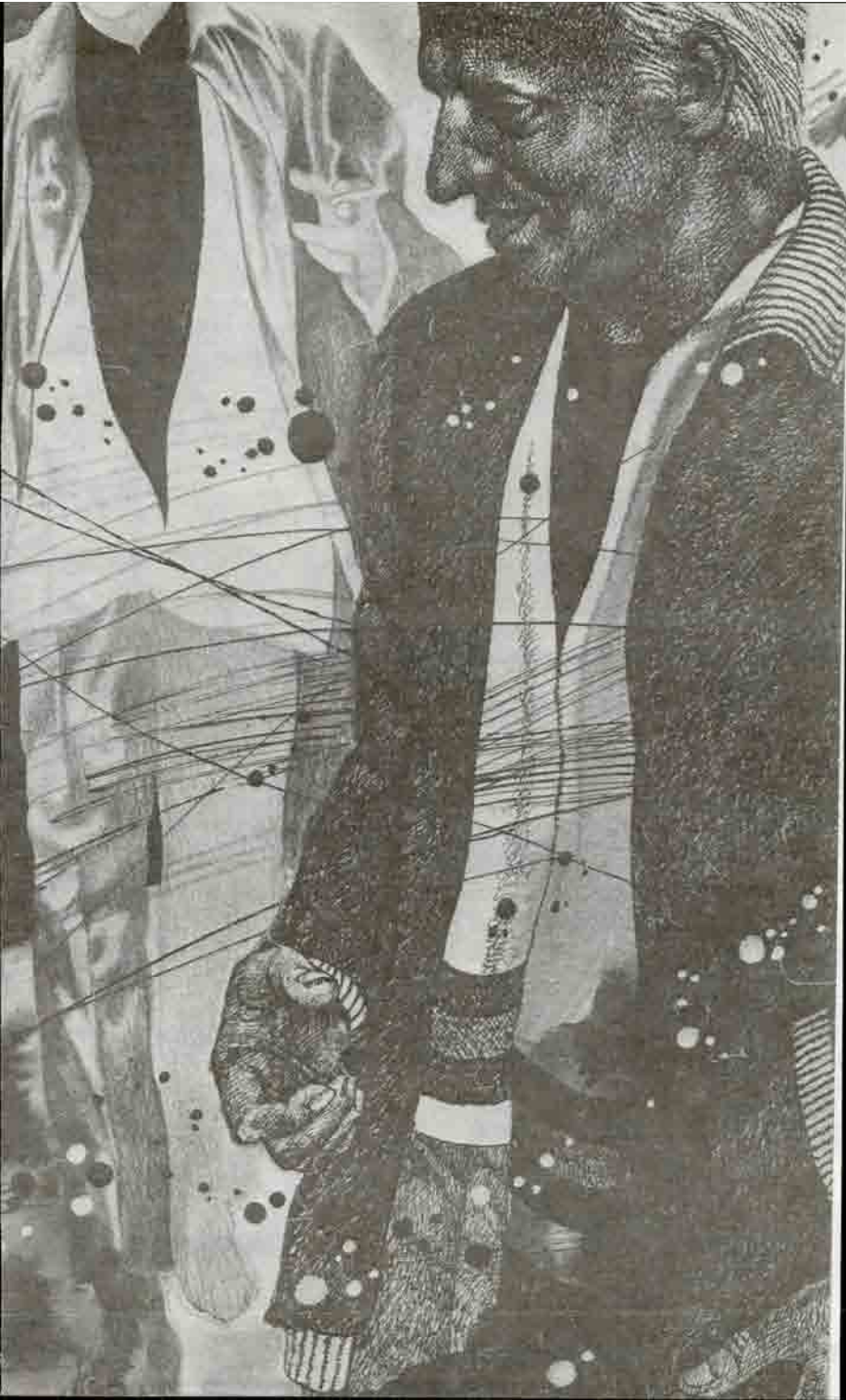
— Идемте, я вас новому замминистра представлю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кабинет заместителя министра был уютен и деловит одновременно. Серебристый палас, окна с белоснежными шторами, темная полированная мебель.

Когда оперативники вошли, сидевший за громадным письменным столом молодой человек приветственно махнул рукой и вышел из-за стола. Роста он оказался среднего, выглядел лет на

тридцать пять; позже Гуров узнал, что они с замминистра одногодки, обоим по сорок два.

— Давайте знакомиться. — Хозяин улыбнулся Орлову, протянул руку Гурову. — Бардин Николай Ильич.

— Полковник Гуров.

— Лев Иванович, наслышан о вас. — Рукопожатие Бардина оказалось коротким, жестким.

«Делает маникюр, занимается спортом, — непроизвольно отметил Гуров, — наверняка играет в теннис, слегка таскает железо, не курит, почти не пьет».

Бардин познакомился с Крячко, сказал несколько слов, показывая, что знает полковника, и пригласил всех к столу для совещаний.

Гуров отметил поразительную чистоту, свежий воздух. Обычно в подобных кабинетах из-за бесконечных совещаний дышалось тяжело, даже если хозяин курить не разрешал.

На полированном столе для совещаний стояли бутылки с водой и соками, хрустальные пепельницы, которыми явно никто не пользовался. Бардин занял место во главе стола, открыл минеральную воду, кивнул — мол, угощайтесь.

— Значит, так выглядят лучшие сыщики России. — Он улыбнулся, пытаясь начать непринужденный разговор.

Бардин говорил общие, необязательные слова, что было странно, обычно чиновники такого ранга постоянно торопятся и времени на болтовню с подчиненными не тратят. Гуров разглядывал нового зама без особого любопытства, много их приходило и уходило, они проводили политику министров и сами по себе ничего в верхах не решали.

— Лев Иванович, вы размышляете, на кой новый заместитель вам, розысникам-практикам, нужен? — спросил Бардин. — Кстати, вы ведь курите, так и курите, пожалуйста.

Орлов испугался, что Лева сейчас расскажет, о чем он размышляет, и взаимоотношения, не успев начаться, будут испорчены.

— Извините, Николай Ильич, ваш вопрос не корректен, — ответил Гуров.

Бардин рассмеялся.

— Меня утром ужасно вами пугали, мол, Гуров совершенно не управляем, дерзок, способен нахамить... Я не мог удержаться и не проверить. Считайте, Лев Иванович, что я ничего не спрашивал. — Помолчав, он продолжил: — Зачем я вас пригласил? Профессиональных честных людей мало. Как результат — рост преступности в целом, особо опасных преступлений в особенности, стрелять стали даже в депутатов. И рост коррупции, и еще большая потеря авторитета уголовного розыска. Порочный круг. Так что нам делать, господа сыщики?

Господа молчали, полагая, что чиновник поговорит, устанет и отпустит их с миром.

— Напрасно молчите, я вас не отпущу, пока не скажете, что можете предпринять в данных конкретных обстоятельствах. Не правительство, не Дума, а вы лично.

— Я подал перечень мероприятий...

— Извините, Петр Николаевич, — перебил Орлова чиновник. — Я ваш фолиант читал, вы дали указание перепечатать бумажки, сочиненные несколько лет назад, которые были перепечатаны с более ранних бумажек. Аналогичные папки лежат на столах и лестничных площадках, вплоть до чердаков, где обитает Президент. Меня интересует, что можете сделать вы, а не что вы просите сделать государственный аппарат.

— Государственное устройство ломали общаком, авторитет милиции изничтожают десятки журналистов, радио и телевидение, а восстанавливать его предложено трем старым ментам. — Крячко хмыкнул, моргнул белесыми ресницами. — Нам легче взамен колеса чего-нибудь придумать.

Орлов взглянул на Гурова, который сидел напротив:

— Лева, у тебя есть чего?

— Есть, но не скажу, — ответил Гуров, давно мявший незажженную сигарету.

— А почему бы и нет? — удивился Крячко. — Идея продуктивная, могу поделиться.

— Станислав! — Орлов чуть было не ударил кулаком по столу.

Бардин хотя и был готов к провокациям, но на простодушный взгляд Крячко попался, согласно кивнул.

— Изложите, Станислав, не стесняйтесь.

Гуров знал, что сейчас Крячко выдаст, прикрыл глаза и вздохнул. Бардин смотрел на опера-важняка с интересом не потому, что ожидал услышать ценный совет, просто был заинтересован в непротокольном разговоре. Один разговорился, и слава Богу, надо проявлять интерес, какую бы ахинею тот не понес. Возможно, парень сейчас над начальником подшутит, даже высмеет, не беда, посмеемся вместе.

— Ну-ну, Станислав, чувствую, быть тебе министром. — Бардин одобряюще улыбнулся: — Выкладывай свое секретное оружие.

— Оружие обычное. Перестрелять пяток парламентариев, парочку министров, троечку из окружения Президента, и враз все получим. Можно подборочку сделать, чтоб детишек не было, значит, без сирот обойдемся.

Бардин побледнел, достал носовой платок, промокнул лоб.

— Господин заместитель министра, чего это вы? — Круглое добродушное лицо Крячко стало злым, вытянулось. — Более ста ментов положили, не пикнул никто, а одного депутата Думы стрельнули, так чуть ли не всенародный траур.

— Понял, понял, — быстро сказал Бардин и выставил ладонь, словно опасался, что оперы начнут отстрел начальства прямо сейчас. — Даже отбросив нравственность и известный миру опыт, что на крови храм истины построить невозможно, ваш план, господин полковник, не годится.

Запал у Крячко кончился и как можно беспечнее он сказал:

— Ну, не годится, так не годится, я чего-нибудь другое сочню.

Бардин уже взял себя в руки, но опасный разговор не прервал.

— Твоя ошибка, Станислав, в том, что ты совершенно неверно

представляешь себе результаты акции, направление взрывной волны. Последствия будут таковы.— Он начал загибать пальцы.— К власти придет фюрер, который проведет чистку и начнет с тебя и меня. Затем он установит диктатуру, закроет все, что закрывается, и только потом, уже из новых людей, создаст полицейский аппарат, раздавит преступность и остальных людей.

— Николай Ильич,— вмешался Орлов.— Голос у генерала звучал ровно, негромко, но Гуров и Крячко поняли, в каком он бешенстве.— У вас есть к нашей службе предложения? Мы вас слушаем внимательно.

— Хорошо, генерал.— Бардин заговорил размеренно и сухо: — Опустим вопрос о том, что я в вашем деле профан, но за вашу работу министр и администрация Президента спрашивают именно с меня. Что, эти убийцы, как их... — Он замялся.— Киллеры? Да, именно киллеры, они действительно неуловимы?

— Николай Ильич, киллеры бывают разные. Вас интересует какое-то конкретное дело? — спросил генерал.

— Меня интересует высшая категория киллеров, если можно убийце присваивать категорию. И не частный случай, а теоретически. Возможен ли розыск убийцы, прошедшего специальную подготовку, человека хладнокровного, опытного, естественно, крайне осторожного?

— Теоретически все возможно, а на практике... Статистика вам известна,— ответил Орлов.— В раскрытии подобных дел нам похвастаться нечем. Конечно, это не оправдание, но результаты немногим лучше и у ФБР, и у спецслужб других стран.

— Полковник Гуров недавно в Москве задержал наемного убийцу. Три месяца назад, совместно с коллегой из Германии, он также выловил убийцу, совершившего преступление в Гамбурге.

— Гуров удачлив, слов нет, но в одном случае ему помогли исходные данные, которых в большинстве случаев не бывает, а последний случай — вообще особый, так как убийца охотился непосредственно за Гуровым и полковник был предупрежден. К тому же операцию по выявлению и задержанию проводил не Гуров самолично, а оперативная группа.

— Наемники — страшная беда.— Бардин поднялся, вышел из-за стола.— Но не меньшая беда — уверенность людей в нашем бессилии. Как следствие, уверенность в безнаказанности убийц. Не знаю, как, но эти мнения, суждения, называйте как угодно, необходимо поломать. Надо разыскать и задержать киллера, дать делу широкую огласку. Не хвастаться, не делать из одного задержания триумф, а внятно, на всю Россию объявить, что угрозыск тоже не льком шит и хорошо работает! — Бардин расхаживал по кабинету, жестикулировал. Он поучал, не требовал, скорее, просил помощи.— Знаю, знаю, о чем вы, сыщики, думаете. Пришел парень со стороны, в сыском деле не сечет, а отличиться хочет. Да, хочу ситуацию переломить! И отличиться хочу! Что плохого? У меня есть некоторая власть, не большая, но все-таки власть. Петр Николаевич, я могу вам помочь?

— Существует управление по борьбе с организованной преступностью...

— Извините! — перебил Бардин. — Известно, наемными убийцами занимается и контрразведка. — Он перестал бегать по кабинету, сел за стол. — Не хочу хвастаться, но вы думаете, Управление кадров с превеликой радостью приняло заблудших сынов? Я вас не попрекаю. Вернулись, и слава Богу! Но я к этому тоже руку приложил. Благодарности от вас не жду, делал для людей и для себя, а для вас самих в последнюю очередь. Я выяснил, вас считают лучшими. Даже люди, которые лично Гурова Льва Ивановича терпеть не могут, признают, что он дело знает.

Новый зам Гурову нравился — рассуждал Бардин здраво, держался без выпендривания, но и не опускался до панибратства. Только все это к делу отношения не имело. Гуров устало ждал, когда начальство кончит переливать из пустого в порожнее, поставит конкретную задачу и отпустит.

— Я прошу вас сделать все возможное и задержать наемного убийцу. Лучше, если он в прошлом будет сотрудником правоохранительных органов, и просто великолепно, если окажется не наш, милицейский, а из контрразведки или разведки. — Бардин поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Николай Ильич, но весь оперсостав главка и без специальных указаний пытается...

— А я хочу, Петр Николаевич, чтобы не весь оперсостав пытался, а присутствующие здесь оперы-важняки занимались только данным вопросом. Когда отвечают все, значит, не отвечает никто. Подумайте, какая вам нужна помощь, и приступайте. С легендой о неуловимости киллеров-профессионалов необходимо покончить. — Бардин смотрел на Гурова, словно обращался только к нему.

Гуров пожал плечами:

— Нам с полковником Крячко нужен персональный компьютер, человек, умеющий на нем работать, и чтобы никто, кроме генерала Орлова, не приставал к нам с вопросами. Включая и вас, господин генерал-лейтенант.

— Хорошо. Сколько вам требуется времени?

— Возможно, месяц. Возможно, всю оставшуюся жизнь, пока не убьют...

— Разрешите идти? — Орлов взялся за ручку двери.

— Да-да, конечно. А вы, Лев Иванович, задержитесь на минутку.

Когда Орлов и Крячко вышли, Бардин спросил:

— Вы не хотели бы отдохнуть недельки две в санатории?

— Спасибо, нет. — Гуров провел ладонью по лицу, словно проверяя, что навело чиновника на подобные мысли.

— Ну-ну. — Бардин подошел к столу, взял визитную карточку, написал на ней домашний номер телефона, протянул Гурову. — Мою жену зовут Алла, можно без отчества. Если вы, Лев Иванович, заглянете к нам на чашку чая, мы будем искренне рады. Ждем вас в любой день.

— Благодарю. — Гуров взял визитку, хотел сказать, что это вряд ли, но искренность и теплота, звучавшие в голосе хозяина кабинета, удержали сыщика от резкости, и он молча вышел.

Не придет, даже звонить не станет, подумал Бардин, усажива-

ясь за стол. Я для него лишь выскочка, чиновник, который по чужим костям хочет вскарабкаться повыше. И он недалеко от истины, только не понятно, почему лезть вверх считается у таких, как Гуров, зазорным, даже неприличным?

— Когда хамит Лева, — указал Орлов на вошедшего в кабинет Гурова, — я и внимания не обращаю. Потому как не со зла, а по недомыслию. Он всех по себе меряет и силу рассчитать не может. Но ты, Станислав, такой чуткий и хитрый... Зачем над человеком издевался? Не ментовский, не наш, глупый вопрос задал, и ты в ответ? Стыдно, парень, и меня, старого, дураком выставил. Получилось, что мой человек дерзок, нахален, меры не знает, следовательно, глуп. А когда подчиненный неумен, значит, и начальник с того же огорода. Стыдоба!

— Петр Николаевич, ну, грешен, покаяться уже, больше не буду. Вот Лев Иванович за меня ручается. — Крячко протянул руки к Гурову.

— Не паясничай, Станислав. — Орлов вопросительно взглянул на Гурова.

— Они приглашали меня домой на чашку чая. Сказали, что будут рады.

— Если интересует мое мнение, то приглашение надо принять, — сказал Орлов. — Ты, конечно, не пойдешь, а зря. Хороших людей, даже если они начальники и стремятся сделать карьеру, надо поддерживать. Он — доктор наук, юрист, читал лекции по уголовному праву, работал в Мосгорсуде, потом в администрации Президента, видно, головастый парень...

— Головастый на сковородку не попадет, — вставил Крячко. — Первое громкое убийство, и его вышвырнут. Министра не посмеют, начальника главка, — он поклонился Орлову, — трогать нельзя, работать кто-то должен...

— Не дури, — прервал Орлов. — Думаешь, он не понимал, когда согласился? Он все прекрасно просчитал, потому позвал нас, открыл карты. — Генерал взглянул на часы. — Все, господа хорошие, давайте работать, признаться, чертовски рад, что мы опять вместе. Компьютер и спеца по нему получите завтра.

Парня, на следующий день принесшего компьютер в кабинет Гурова и Крячко, звали Артем Ермаков. Лет двадцати с крохотным хвостиком, лопоухий и веснушчатый, он был тих, неразговорчив, фантастически упрям и настойчив в достижении цели, в чем очень быстро убедились старые сыщики.

Гуров давно размышлял над тем, как можно современную технику использовать в розыске, но дальше картотеки, уже давно имевшейся, фантазии не хватало. Гуров понимал, что возможности компьютера огромны, но как их использовать в деле? Впервые мысль о возможности при помощи компьютера напасть на след наемного убийцы появилась у сыщика, когда он прочитал статью в газете, в которой журналист достаточно аргументированно доказывал, что киллер высшего класса не имеет непосредственных контактов ни с заказчиком, ни с жертвой, поэтому и неуловим. Теперь сыщик получил все необходимое:

помощь государственного аппарата, санкцию министра, спецкомпьютерщика. Остался пустяк — воплотить теорию в жизнь.

Артем Ермаков с восторгом играл со своим компьютером, так как даже не мечтал получить столь современный аппарат. Он не обращал внимания ни на Крячко, задумчиво смотревшего на мальчишку, ни на Гурова, сидевшего за своим столом и рисовавшего на листочке треугольнички, — это означало, что полковник растерян, сердит и вообще не в своей тарелке.

— Мне простиительно, — нарушил молчание Крячко, — я только сыщик-сорохврат, но вы-то, Лев Иванович, интеллектуал.

— Не говори незнакомых слов, — произнес Гуров. — Будь естественнее, ругайся матом.

Скверное настроение опытных сыщиков объяснялось просто. В своих расчетах они учли многое, кроме наличия в команде Артема Ермакова и его дальнейшей судьбы. Два опытейших профессионала, просчитывая предстоящую операцию, начисто забыли, что, имея на руках беззащитного ребенка, начинают драку, которая может перейти в кровавую войну на уничтожение. А без Артема сыщики лишаются главных козырей, и весь замысел гроша ломаного не стоит.

— И как мы про тебя забыли? — удивился Крячко. — Затмение на нас нашло?

— В каком смысле забыли? — Артем оторвался от компьютера.

— В прямом, черт подери! — Крячко взглянул на Гурова. Тот сидел с безучастным видом, словно происходящее его не касалось.

— Понимаешь, парень, — продолжил Крячко, — у нас со Львом Ивановичем был ученик... В отличие от тебя очень приличный оперативник... Полгода назад его убили. Он по нашему заданию убийцу установил, так его стрельбой на улице отвлекли, подошли сзади и выстрелили под лопатку. Ты не смотри, что у Льва Ивановича лицо портретное, он человек нормальный, смерть ближнего переживает. Я это к тому, что ежели тебя убьют, то мы вроде бы в похоронную команду превратимся.

Гуров смял лист, бросил в корзину и закурил. Артем знал, что Гуров — старший, только он решает, будут использовать в работе лейтенанта Артема Ермакова или отправят назад в аналитический отдел. Он молча смотрел на знаменитого сыщика, понимал — следует заверить полковника в своей преданности и бесстрашии, но слов не находил.

— Станислав, не грузи на парня лишнего, у него скоро своего с избытком накопится, — сказал Гуров. — А выпад в мой адрес я оценил, спасибо. Артем, ты себя считаешь человеком смелым?

— Смелым? — Артем растерялся. — Не знаю, в школе меня несколько раз били, но я не отступал. Лев Иванович, я же не оперативник, а математик и программист, в острых ситуациях не бывал.

— Ответ подходящий, — кивнул довольно Крячко.

— Если ты начнешь с нами работать, то окажешься в крайне опасной ситуации. — Гуров посмотрел Артему в глаза. — Не

люблю громких слов, но вынужден сказать: возможно, ты будешь рисковать жизнью. Подумай до завтра, реши, твой отказ мы расценим как шаг мужественный. Договорились?

— Так точно, господин полковник, однако...

— Стоп! — прервал лейтенанта Крячко. — Тебе сказали — завтра. Постой на краю, погляди, куда прыгаешь, мы ждем тебя здесь в девять утра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро, ровно в девять, Артем предстал перед Гуровым.

— Лев Иванович, я долго думал и решил, что для меня большая честь работать с такими асами розыска... — Артем запнулся, увидев насмешливый взгляд полковника, и упавшим голосом закончил: — Я согласен.

— Врать грешно, Артем, а врать начальству еще и опасно. Ситуацию ты оцениваешь неверно, предстоящей опасности не понимаешь, но специалист ты, Артем Ермаков, отличный, я навел о тебе справки и выяснил.

— Спасибо. — Артем слотнул слону.

— Что означает слово «хакер»? — спросил Гуров. — Мне сказали, что ты отличный хакер.

— Если упрощенно, то человек влюбленный в компьютер, пытающийся извлечь из него максимальную пользу.

— Ты там в своем окружении гением прослыл, в результате сюда и попал, в общем, сам виноват, высовываться опасно.

Крячко хмыкнул:

— А как мне жить? Между двух гениев жестковато будет.

— Ты, Станислав, не пропадешь, за тебя я спокоен. — И без всякого перехода Гуров продолжил: — Значит, ты думал, размышлял и решил? Теперь выслушай меня, может, перерешишь. Министерство наше, хотя и секретное, но по сути — обыкновенная контора, со своими сплетниками, бездельниками и прочими атрибутами бюрократического организма. Давай отбросим мысли о том, что в таком огромном доме обязательно должны жить люди коррумпированные, не будем думать о преступниках. Представим себе, как поведут себя обыкновенные люди, когда узнают, что два розысника, которые терпеть не могут заниматься бумажной работой, неожиданно засели в кабинете и вооружились компьютером? А мы устроимся здесь надолго и будем сидеть с утра до позднего вечера.

— Пока нас не разгонят, — вставил Крячко. — Высокое начальство не любит терпеть. Через несколько дней тебя, господин полковник, вызовут на ковер и спросят: где мышь? Они считают, если выпустили кота, то мышь должна быть изловлена немедленно.

— Не слушай, Артем, господин полковник сам не верит в то, что говорит. — Гуров улыбнулся. — Уж месяц нас точно никто не побеспокоит, затем еще месяц удержит оборону генерал Орлов, а за такое время мы что-нибудь раскопаем.

— А что мы будем копать? — не выдержал Артем.

— Доберемся и до этого. — Гуров смотрел на парня внимательно, оценивающе, хотя прекрасно понимал, что выбора нет, придется работать с лейтенантом Ермаковым. — О самой работе чуть позже, мне надо, чтобы ты понял, как вести себя с окружающими, пока мы не получим первых результатов.

Гуров инструктировал компьютерщика, а Крячко думал о том, какие дороги выбирает человек. Почему Лев Иванович Гуров — не генерал и не начальник главка, а лишь полковник и опер? На данный вопрос Крячко мог ответить с уверенностью: Гуров самолюбив, порой самовлюблен, но совершенно лишен тщеславия. Дорожит мнением лишь очень ограниченного круга людей, которые ценят человека не за звание и должность, а за профессионализм. За рюмкой Гуров порой болтает: не способен подняться, потому что не сможет наверху угождать и приспосабливаться. Так эти байки для недоразвитых. Ему и не пришлось бы на верхнем этаже льстить и врать, такие, как Гуров, везде нужны, терпели бы грешника с его прямоотой и другими прибабахами. Он просто боится потерять свободу, перестать быть незаменимым. Любого генерала, любого министра можно заменить, никто и не заметит. А старшего опера-важняка Гурова заменить нельзя, как первую скрипку в оркестре. Можно одного выгнать и взять другого, только все будут знать, что это не замена, а подмена. И Гуров не хочет идти на повышение, потому что уникальный специалист, будь то водопроводчик или зубной врач, не подчиняется никому.

Разговор между Гуровым и Ермаковым продолжался второй час, парнишка загрустил, по его лицу было видно, что он начал сомневаться в гениальности своего начальника и даже в наличии у того здравого смысла. Крячко парнишке сочувствовал, но помочь не мог. Однажды полковник, тогда еще капитан, присутствовал при допросе Гуровым свидетеля, имевшего несчастье оказаться на месте преступления — одновременно с выстрелом сесть в троллейбус. Парень не видел ничего, стреляли на другой стороне, обзор закрывал троллейбус. Он рассказывал об этом Гурову три часа, два раза просил пить, один раз сходил в туалет. Крячко слушал, слушал, несколько раз сгорал от стыда за честь мундира, написал Гурову три нехороших записки, плюнул и из кабинета ушел. А поздно вечером узнал, что Гуров «вытащил» из свидетеля словесный портрет сообщника убийцы, который стоял на остановке и вошел в троллейбус раньше парня.

В тот день Крячко дал себе зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах не вступать в разговор Левы, какую бы ахинею тот ни нес. Один Бог знает, сколько раз Крячко благодарил себя за этот зарок.

Артем Ермаков выпил воды, извинился и отправился в туалет.

Гуров поправил безукоризненной белизны манжеты, провел пальцем по верхней губе и сказал:

— Думаю усы отрастить, как считаешь?

— Девки от тебя и без усов сохнут.

— Будет за чем ухаживать. Кот профессора от меня сбежал.

Иногда приходит, но привыкнуть не может, наверно, чувствует, что это я его хозяина упек. Кота нет, так хоть усы будут.

— Ты, конечно, гениальный сыщик, но дурак.

— Так я и не скрываю.

— Простите, господа, — сказал вернувшийся Ермаков. — Я, честно говоря, Лев Иванович, не вижу смысла в нашей беседе. Но вы — старший, ваша воля.

— То, что ты не видишь смысла, — полбеда, я не вижу смысла — вот это беда. — Гуров подмигнул Ермакову и неожиданно спросил: — Лопухости своей стесняешься?

Крячко обомлел.

— А чего такого, нормальный вопрос. — Гуров пожал плечами. — Человек с комплексами уязвим, мы должны знать.

— У меня с девушками все в порядке, господин полковник.

— Прекрасно! — Гуров потер ладони, повел мощными плечами. — Влюбчив?

— Есть немного, в определенный тип.

— Хорошо, позже уточним. Давай переходить к главному. Как ты, конечно, заметил, я человек самоуверенный. — Гуров вышел из-за стола.

— Это самое мягкое определение, — вставил Крячко и быстро добавил: — Но и на солнце есть пятна.

— Основной мой недостаток: когда берусь за дело, то почти всегда дохожу до цели. Сегодня наша цель — найти киллера, настоящего, профессионального, на сто процентов законспирированного. Почти наверняка это будет бывший сотрудник органов, знающий все и вся. Господа министры полагают, что когда мы его выявим, то сможем арестовать. Это есть глупость номер один. Мы не найдем против него улики. Вывод второй: установив «лицо», его можно заставить взять в руки оружие, спровоцировать перестрелку и убить. После чего собрать журналистов, показать «горячее» оружие, доказать самооборону и получить значок «Ворошиловский стрелок». Я этого делать не буду, мне не интересно. Я хочу выйти через киллера на «пахана», кем бы он ни оказался. А теперь прикинь, парень, чем такое дело может обернуться. У тебя есть последний шанс отказаться. — Гуров присел на край стола и хлопнул молчавшего Ермакова по плечу. — Хорошо молчишь, мальчик. Нам нужен киллер и один жирненький, добренький слуга народа, который дал команду нанять этого киллера. И если мы, друзья, покажем его всему свету, он заговорит, и заговорит обязательно, потому как силенок не хватит подняться на эшафот одному.

— А что я? — забормотал Ермаков.

— Заткнись! Ты знаешь, почему я вернулся в эту контору? всю жизнь говорил, пусть лучшие ушли, худшие продались, но на моем участке фронта они не пройдут! Я ушел, бросил свой окоп. Мне стало стыдно бриться, я смотрел в глаза дезертира! Нет, они еще не убили меня! Этому сытому генеральчику нужен киллер? Он его получит, но с таким довеском, что... — Гуров взял в руки стул.

— Лева, неловко классиков мурыжить, но зачем же мебель ломать?

Гуров аккуратно поставил стул на место. Закурил и продолжил:

— Поясняю. Нами заинтересуются сразу, считай, уже заинтересовались. Но это будет этакое вялое любопытство, не более. Но, когда мы наступим на хвост, а мы наступим на него обязательно, в гадюшнике переполошатся. У кого они попытаются получить информацию? — Он строго взглянул на Ермакова.

— Видимо, у меня, — ответил лейтенант.

— Видимо, — усмехнулся Гуров. — И чем жестче мы наступим, тем бесчеловечнее они будут действовать. Когда похлебка закипит, я постараюсь тебя от котла отсечь, чтобы они к тебе интерес потеряли, но всякое может случиться... Позже мы с тобой прокачаем ситуацию на случай твоего захвата. А сегодня давай думать, как жить сегодня. Разговоры в коридорах, буфете, обычная министерская болтовня... Первая — чем мы занимаемся? Ты не знаешь. Коли очень допекут, скажешь, что мы, — Гуров указал на Крячко, — пытаемся найти нечто общее в убийствах за последний год. Вторая — как ты к нам относишься?

— Следует говорить правду, одну лишь правду, — подсказал Крячко.

— Умница, Станислав. Значит, ты, Артем, характеризуя нас, говоришь только правду. Ты должен дать понять, что тебе начальники не нравятся, но говорить об этом ты не желаешь и лишь однажды вывалишь ведро с мусором на наши головы. Сорвешься, так сказать. Лучше, если ты откроешься женщине, выскажешься о нас кратко, но смачно. Максимум через час все любопытные будут о твоём срыве знать... На сегодня все, начинаем работать.

— Лев Иванович, но я отношусь к вам обоим с большим уважением, — пробормотал Ермаков.

— Уважаешь, и прекрасно, но ведь есть и кое-что еще? — Гуров усмехнулся. — Рассказать?

Артем Ермаков смутился и покраснел. Гуров расхохотался.

— Ну совсем как я двадцать лет назад! Красней, парень, смущайся, только не ври!

Он снял телефонную трубку, набрал короткий номер.

— Здравствуйте, беспокоит Гуров. Мне что-нибудь есть? Хорошо, тащите.

Вскоре в кабинет вошли двое в штатском. Они выложили на стол два металлических чемодана, отстегнули наручники, которыми были прикованы к драгоценной ноше, открыли цифровые замки и перевели дух.

— Теперь это хозяйство за вами, Лев Иванович, — облегченно сказал один.

— Обязательно. — Гуров хлопнул ладонью по лежавшим в чемоданах папкам, поднялось облачко пыли. — Роман, мы вроде раньше здоровались.

— Здравия желаю, господин полковник. Так ведь раньше-то мы операми по подвалам и крышам за жульем гонялись. А теперь, Лев Иванович, вы — господин полковник, главный проверяющий нашего ментовского труда. А от бывшего опера ничего не спрячешь, вы тут быстро накопаете дерьма, с лихвой на генерала хватит.

— Рома, помню, злым ты не был. Случилось чего?

— Так ведь по мокрым заказным, — Роман кивнул на чемоданы, — раскрываемость, считай, нулевая. Я бы сам тут накопал, на Клондайк хватило бы, а не на два золотых погона. А у вас глаз зорче...

— Бог тебе судья, полковник. — Гуров стал сух и официален.

— Распишитесь.

Гуров не глядя расписался в журнале.

— Вы свободны, возвращайтесь в девятнадцать, мы решим, что вам вернуть, что оставить.

— Приказано одному оставаться с вами, — вмешался второй опер.

— Я сказал, свободны.

— Мой генерал приказал, а я офицер.

— Передай своему генералу, что его просил позвонить генерал Орлов либо заместитель министра Бардин. Артем, закрой за господами офицерами.

Гости ушли, мощные засовы задвинулись, из чемоданов начали извлекать святая святых уголовного розыска — уголовно-розыскные дела. От следственных дел они отличались, как земля от неба, порой облачного, но в принципе чистого. Большая часть документов была под грифом «Совершенно секретно». Тут и агентурные сообщения, и просто пьяная болтовня, подслушанная опером, и запись телефонных разговоров, и сводки наружного наблюдения, в общем, информация на всех «чистых и не чистых», попавших в круг знакомых убитого, людей, с точки зрения розыскника, представляющих оперативный интерес. Никто, кроме инициатора розыска и его начальника, данное дело никогда не видит. В первую очередь прокуратура, которая от подобного беззакония упала бы в обморок. Как известно, прокуратура уважает закон и, хотя постоянно его нарушает, официально подводит под каждое безобразие хитроумное объяснение.

Разложив папки, сыщики выяснили, что им принесли четыре дела по заказным убийствам.

— Четыре. А нам сколько надо просмотреть? — спросил Гуров.

— Сорок три, мой господин! — Крячко шелкнул каблуками. — Пока все просмотрим, полагаю, за это время еще прибавится. Сегодня пятое июля, понедельник, несколько дней — и на Москву опустится жара. Дума уходит в отпуск, богатые люди улетают, убийцы уходят в оплаченный отпуск. Успеем.

— Ладно, два дела — тебе, два — мне, будут сомнения, поменяемся. Сейчас важно выяснить, был ли мальчик, то есть киллер. Артем, ты свободен до завтра, сегодня у тебя работы не будет.

— А если меня спросят, почему я ушел в начале рабочего дня?

— Отвечай, что тебе это тоже интересно, и пусть спросят у полковника Гурова. — Гуров выставил парня за дверь и задвинул засовы.

Сыщики не стали читать все многочисленные бумаги, подшитые суровой ниткой в пухлых папках. Лишь подолгу изучали описание места происшествия, заключения баллистической

экспертизы об использовании оружия, допросы людей, хорошо знающих распорядок дня убитых, и характеристики последних.

Около семнадцати часов работу закончили. Крячко положил перед Гуровым увесистый том.

— Взгляни на осмотр места преступления.

Во всех четырех убийствах сыщики не почувствовали почерка профессионала. В двух случаях жертвы были расстреляны из автоматов, в третьем — человека убили на пороге собственной квартиры, убийца выстрелил и спокойно ушел. В этот момент могло произойти множество случайностей, нелепых совпадений, которые профессионал допустить не мог. Четвертое убийство, заинтересовавшее Крячко, тоже «ставил» не профессионал. Банкира застрелили, когда он, выйдя из машины, направлялся к подъезду. Перед банкиром в подъезд вошел охранник, водитель остался за рулем, выстрела не слышал, лишь увидел, как хозяин упал. Стреляли из окна полуподвала, винтовку оставили. С точки зрения оперативников, работу выполнили грязно, дилетантски. Из окна был крайне узкий обзор, что происходит по бокам — не видно, выход из подвала в соседний двор также не контролируется, следуя дворами, можно встретить кого угодно. Убийство заказное, но исполнитель дерьмовый. Такой человек Гурова не интересовал. Он прочитал описание места преступления дважды, перечитал и приметы преступника, которого, конечно, во дворах видели, вопросительно взглянул на Крячко.

— Стареешь, маэстро,— самодовольно сказал Крячко.— Последний лист в протоколе... Бумага не та, ручка другая, да и писал хотя и тот же человек, только ему за столом было удобнее, и почерк изменился. Может, за этим ничего и нет, однако... Страницы могли испачкать, бутерброды положить, стакан поставить.

— Могли,— согласился Гуров.— Только нумерацию в открытую поменяли, что, как нам известно, случается. Обождем, спросим... Пока кофе сварил, отодвинь засовы.

Крячко кофе варить не стал, заказал Верочке по телефону.

Секретарь, расставляя чашки и тарелки с бутербродами, недобрительно заявила:

— Петр Николаевич велел вас не беспокоить, иначе я бы давно принесла.

— Верунчик, ты наша надежда и опора.— Крячко с удовольствием отхлебнул кофе.

В это время в дверь постучали. Гуров впустил оперативников, которые утром принесли дела. Верочка ушла, засовы задвинули.

— Присаживайтесь, господа.

Роман, будучи явно за старшего, усмехнулся:

— Лев Иванович, легко ты в господина превратился. Хотя, по правде сказать, всегда был не менговских кровей.

— Не обижай моего шефа, Роман,— откликнулся Крячко.— Они и на пол сплюнуть могут не хуже вашего, и слова разные знают отлично, а уж подрасться, так вам обоим сто очков форы. Они все умеют, только не любят.

— Да все я про Гурова знаю,— миролюбиво ответил Роман.—

Много по делам нацелили? Справку пришлешь генералу или нам в руки доверите?

— Дело ваше — в нормальном милицейском порядке, никакой справки составлять не будем, мы люди занятые.

Гуров пил кофе, курил, в разговор не вмешивался.

— Так мы можем забирать секретную макулатуру домой?

— Обязательно, — копируя своего друга, ответил Крячко. — Кажись, у Льва Ивановича один вопрос пустячный.

— Да? — Роман насторожился, он прекрасно знал манеру матерых оперов задавать ерундовые вопросы перед отправкой в камеру.

— Большое дело кто ведет? — Гуров открыл папку.

Роман все понял и обреченно кивнул.

— Мое дело.

— Где десятая и одиннадцатая страницы?

Оперативник длинно силюнул и разразился витиеватой матерщиной, несколько успокоившись, заговорил:

— Упреждал я этого козла в золотых погонах, что дела не на инспекторскую проверку несем, и нечего опытным сыскарем лашпу навешивать. А он: выполний, что приказываю.

— Так я же не сужу тебя, Рома, — миролюбиво сказал Гуров, — лишь спрашиваю, где страницы. А если уничтожили, что в них было?

— Вы сначала докажите, какие страницы пропали, — подал голос второй оперативник. — Потом вопросы задавайте...

— А тогда какие вопросы? — удивился Крячко. — Я не слышал при знакомстве, вы кем, собственно, будете?

— Я старший офицер милиции...

— Обыкновенный придурок, — вздохнул Роман. — Генеральский прихвостень из канцелярии.

— Что придурок — видно, — согласился Крячко. — Ваше удостоверение, пожалуйста.

— На, подавись. — Опер швырнул на стол удостоверение.

— Лишнее, что ли? — Крячко взял удостоверение, прочитал. — Подполковник милиции, Кокин Семен Семенович, состою на службе...

— Как это состоял? — Кокин привстал, но Роман дернул его за штаны, усадил на место.

— Лев Иванович, извини дурака, весь спрос с меня.

— Кокин, либо ты будешь молчать, либо я тебя выставлю за дверь мотаться по коридорам, так как ксиву я тебе не верну. — Крячко убрал удостоверение Кокина в стол. — Понял?

— Розыскник, мать твою, на ровном месте раскололся! Не бойсь, я генералу доложу, он тебя за мотню к потолку подвесит, — пообещал Роман.

— Мы зря теряем время, — взглянув на часы, спокойно произнес Гуров. — Давай, Роман, повествуй. Не знакомиться же мне со следственным делом в прокуратуре, а ведь из него выдернуть листочки вам не удалось, не так ли?

— Ну, как есть... — Роман взглянул на Кокина, вздохнул.

— Не отвлекайся, больному не поможешь. — Гуров закурил, угостил сигаретой Романа и подвинул пепельницу.

— Спасибо, — жадно затянулся Роман, открыл папку с делом, разложил фотографии, начал пояснять. — Значит, вот подъезд... Из этого окна его застрелили, туда он упал замертво. А вот здесь, в стене дома, рядом с входной дверью, на высоте сто семьдесят один сантиметр, я нашел pistolетную пулю девятого калибра. Откуда взялась пуля и когда, может, прошлым годом, неизвестно.

— Что говорят баллистики, вид оружия, свежесть? Они многое могут — наука. Расстояние, с которого был произведен выстрел?

— Начальство решило, что нам одной пули, выпущенной из винтовки, вполне достаточно. А эта, неизвестно откуда прилетевшая, вроде бы лишняя. Она и в опись не попала, значит, и экспертизу не прошла.

— Цела?

Роман достал из кармана маленький мешочек, вытряхнул из него кусочек свинца.

— Полагаю, что стреляли из «ПМ».

— Ширина улицы? — Гуров взял пулю.

— От подъезда до дома напротив шестьдесят один метр.

— Какого роста убитый?

— Сто восемьдесят. Если стреляли в него, то в голову. Одновременно. Пуля из подвала попала точно в сердце, расстояние шесть метров, а вторая пуля опоздала.

— А что прокуратура? — спросил Гуров.

— Лев Иванович, — развел руками Роман. — И в прокуратуре работают люди, никто лишнего на свою шею не ищет.

— Это точно, даже обязательно. — Гуров допил холодный кофе. — А кто в домах напротив живет? Гостевал кто, какие чердаки?

— Просил участкового походить, проверить. Он не проверил, и я сам не пошел. Виноват.

— Я распоряджусь, тебе на пару дней МУР несколько человек выделит. Дело это пока оставляю, генералу твоему позвонят, он будет тихий. Ну, а в дальнейшем он тебя, конечно, сожрет, и тебе из Управления надо уходить. Спасибо. Возможно, ты нам очень помог.

Когда оперативники упаковали три дела в металлические чемоданы и ушли, Крячко спросил:

— И какие мысли? Попытаться установить, откуда стреляли? Как человек в это место пришел, как ушел, и кто его видел, если видел? Главное, почему стрелков было два, причем один очень простой, а второй шибко хитрый.

— Ответы на первые вопросы будешь искать с операми района и МУРа. На последний существует лишь один ответ, если в принципе наша версия верна и было два исполнителя. — Гуров замолчал.

Крячко устроился поудобнее, у него не было вариантов, и ему интересно было услышать, что сыщик может высосать из пальца.

— Заказчик лично киллера не знает, дает задание посреднику. У того с убийцей связь односторонняя. После получения задания киллер сам связывается только с посредником. Хозяин, человек, кровно заинтересованный в смерти, скорой смерти Оле-

га Даниловича Белоуса, торопится. Возможно, его подгоняют обстоятельства. Он торопит своего подчиненного. И что тот делает, когда ему сказали: срок — месяц, а связи нет? Признается хозяину? Разумно, но разумные решения принимают в последнюю очередь. И посредник решает нанять второго убийцу. А так как найти настоящего киллера трудно, нанимает обычного бандита, что поплше, подешевле, зато побыстрее... Белоуса убивает второй наемник.

— А дальше? — замороженно спросил Крячко.

— Киллер, выслеживающий жертву, засек новобранца с винтовкой в подвале и решил, что у богатых свои приколы, потому звонить посреднику и требовать, чтобы дурня с ружьем убрали, не стал, а пошел за ним — след в след. Киллер не сомневался, свое он в любом случае получит. Место убийства определил бандит с винтовкой, оно киллера не устраивало, но иметь «слепого» напарника согласился: в случае неудачи менты берут человека с ружьем и успокаиваются. Стреляли одновременно, киллер целил в голову, убийца — в грудь. — Гуров произвольно почесал место, куда два года назад засадил пулю уже, к счастью, покойный Эфенди. — С шести метров стрелять в грудь — очень непрофессионально. Думаю, стрелка давно нет в живых. Боевичок, середняк, расходная карта. Но он был намного ближе, и его пуля оказалась быстрее.

— Как ты свои байки придумываешь, для меня загадка по сей день, — восхитился Крячко.

— Не прибедняйся и не держи меня за дурака. Сам знаешь, я изложил историю, только похожую на правду, хотя, может, эта пуля из иной оперы. Завтра с утра подскочишь на Петровку, сдашь пулю на экспертизу.

— Она без паспорта, не возьмут.

— Ты — бывший начальник отдела, сейчас выполняешь задание начальника главка. Пулю выковырял из собственного уха, тебе необходимо знать ее происхождение, знать все, что баллистика может из нее выжать.

— И мы начинаем работать по данному делу?

— Не торопись. Главное — ознакомиться с остальными «мокрыми висяками», причисляемыми к заказным, постараться установить, действовал ли где киллер-одиночка. Потом начнем дела изучать и загружать компьютер.

— Потом мы будем отбиваться от генерала...

— Не беги впереди паровоза, Станислав. Поживем — увидим, — заключил Гуров.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день Гуров просматривал новые розыскные дела, их принесли два молодых незнакомых оперативника. Артем Ермаков что-то бормотал компьютеру, разговаривая с ним, как с живым человеком. Около четырнадцати позвонила секретарь Орлова, передала, что генерал просил зайти. Гуров обрадовался, однообразная работа наводила тоску, и от долгого сидения начинало клонить в сон.

— Запрись и никого не пускай, хоть министра, хоть Президента. Даже на стук не отвечай, — наставил Артема Гуров, убирая документы в сейф.

— Пуля интересна, но вызывает сильное сомнение, — вместо приветствия пробормотал Орлов. Он тяжело выбрался из-за стола и прошелся по кабинету. — Бери кофе, кури, усаживайся на свой насест, черт с тобой.

Гуров взял чашку кофе, примостился на подоконнике.

— Ты сам-то как считаешь, это нормально — стоило Гурову бумагами пошедестеть, как обнаруживается криминал?

Гуров понял, что слушает увертюру, и вызвали его по другому вопросу, о котором Петру говорить не хочется, и он, так сказать, разминается.

— Куда Гуров ни ткнется, обязательно скандал. Полагаешь, прокуратура от твоей находки в восторге? Знаю, откопал сокрытие не ты, а Станислав, прокуратура о пуле в стене изначально знала, но люди договорились молчать, а Гуров пришел и нагадил.

— Фи, генерал, — передернул плечами Гуров. — Не распаяй себя, Петр, валяй по существу, чего от меня надо?

— Тебя Бардин в гости звал? Звал. А ты, хам, даже не позвонил. Бардин — парень неплохой. Заместители министров не привыкли, чтобы их приглашения игнорировали. Это элементарно. Но ты поступил невежливо в конце-то концов. Он супружнице сообщил, та подруге растрепалась, а тебя нет. Нехорошо... Может, они пирог испекли.

— Петр, конкретного разговора не было...

— Приглашение старшего равносильно приказу и всегда конкретно, — перебил Орлов.

— Честно сказать, забыл. Теперь определенно не пойду, не уговаривай.

— А зачем уговаривать? Я тебя просто попрошу, и ты победишь. Сегодня вечером. С цветами.

— Нечестно, Петр...

— Лева, прошу. Мне это нужно.

Бардины жили в переулке за Таганской площадью. Гуров по бульварам выехал на набережную, миновал Кремль, гостиницу «Россия», хотя особо и не приглядывался, но почувствовал: его «ведут». Он ехал чуть медленнее общего потока машин, и серая «Волга»-такси «засветилась» невольно: могла проехать на мигнувший желтый, но остановилась рядом. Гуров приспустил боковое стекло и спросил у мужчины, сидевшего рядом с водителем:

— Земляк, время не подскажешь?

— Без пятнадцати восемь, — недовольно ответил «пассажир».

— Спасибо. У тебя ко мне есть вопросы?

Зажегся зеленый, «Волга» сорвалась с места и умчалась, а Гуров, посмеиваясь, неторопливо прокатился мимо высотки на Котельнической и занял левый ряд.

Дом, в котором жил Бардин, был одним из трех домов, недавно

построенных в тихом переулке. Кирпичной кладки, с полукруглыми лоджиями, он свидетельствовал — строительство велось с большой любовью и уважением к будущим жильцам.

У подъезда выстроились машины, в основном иномарки. Инспектор ГАИ прогуливался, лениво поглядывая вокруг, словно девушку ждал. Еще бы, поста здесь не полагалось, а инспектор — знак уважения местных ментов к святому месту. А скорее всего и уважение отсутствовало, просто мента на разводе поставили. Так ведь пост этот вручался провинившемуся в виде наказания со словами: лучше без денег смену отгулять, чем потом, когда, не дай Бог, чего-нибудь случится, отчитываться и без бани потеть.

Гуров поставил свою вишневую «семерку» в начальствующий ряд, кивнул инспектору, взял из салона свернутую в трубочку газету, в которой покоилась роскошная чайная роза, и вошел в просторный подъезд. Он знал код, но вахтер тем не менее вышел из стеклянного укрытия. Посмотрел вежливо, правда, настойчиво.

— К Бардиным, — напыщенно изрек Гуров.

— Пожалуйста. — Вахтер ушел за перегородку и снял телефонную трубку. Гуров оглядел просторный холл, диванчик, журнальный столик. Не высшая категория, но солидно. Он одобрительно кивнул, словно решил всю эту прелесть купить, освободил розу и, пряча газету в карман, вошел в лифт.

На лестничной площадке, перед открытыми в квартиру дверями, его поджидали две молодые женщины. Они стояли обнявшись, с одинаковыми улыбками и ямочками на щеках и столь похожие, как только бывают сестры-близняшки.

— Здравствуйте, дорогой Лев Иванович, мы очень рады вас видеть, спасибо, что пришли, — произнесли они хором.

Гуров смутился, так как роза у него была всего одна.

— Прелесть! — Одна из сестер выхватила у Гурова розу, озорно глянула на сестру. — Будешь хорошо себя вести, дам понюхать.

Они подхватили сыщика под руки и повели в квартиру.

— Меня зовут Алла, я супруга самого Бардина, а другая — моя разведенная сестричка Ирина. Я завидую ей и не завидую вам, хотя при вашем опыте и хватке...

— Не говори о старшей сестре гонимые, — сказала Ирина, закрывая двойные двери. — Вы подумаете, полковник, что я приглашена специально, чтобы вас развлекать и охранять.

— Что будем делать? — Хозяйка оглядела Гурова, как осматривают поставленную в квартиру ненужную вещь — выбросить жалко, а поставить некуда.

— Предлагаю временно поставить в угол. — Гуров обаятельно улыбнулся.

Прихожая или гостиная, сразу и не поймешь, была обставлена шикарно: вдоль стен книжные полки, кожаная мебель, огромный телевизор, все новое и сверкающе полированное.

— Николай Ильич еще не вернулся? — тихо спросил Гуров, хотя и слышал, из-за дверей напротив доносились громкие голоса.

— Если бы! — Хозяйка свернула направо. — Ведем его на кухню! Будем думать.

Кухня сверкала хромом, современной аппаратурой, белым столом и полукруглым диваном.

— Сажаем его за стол и наливаем, — скомандовала хозяйка.

Гуров безропотно повиновался.

— Лев Иванович, вот какая история получилась, — рассказывала хозяйка, помогая сестре накрывать на стол. — Заявился к нам дружок Бардина, они ранее служили вместе. Некто Доронин Ион Пантелеевич. — Она бросила на Гурова быстрый взгляд, сыщик понял, что должен знать «дружка», но, увы, не знал, потому ответил улыбкой.

— Случается. У друзей всегда есть дела. А я так только рад, ведь не каждый день простому менту удастся побывать в таких апартаментах в обществе очаровательных женщин.

— Он опасен, — сухо заметила Ирина.

— Общеизвестно, его и Бардин побаивается.

— Мне плевать на твоего Бардина, ему побаиваться должно обзывает, я говорю о нас с тобой.

— У меня есть справка, — быстро сказал Гуров. — Я не ем маленьких девочек, даже самонадеянных. — Он взял из рук Ирины бокал виски со льдом, поклонился. И вдруг увидел, как она опустила ресницы. Гуров понял, эту женщину он может забирать хоть сию минуту. И не потому, что она распущенна или мужчина неотразим, но вот так, без объяснений, встретились взглядом, и предохранители все до последнего перегорели.

Хозяйка случившееся поняла, потому как электрический заряд ударил такой мощности, что в стерильной кухне запахло паленым.

— М-да. — Алла покачала головой. — Только этого не хватало.

— Так уж лучше я, чем ты, — произнесла Ирина, взглянув на Гурова невинным взором.

— За знакомство, Лев Иванович! — Хозяйка чокнулась с Гуровым.

Гуров лишь пригубил.

— Дружок, как я понимаю, из высокопоставленных и не совсем трезв.

— Волшебник, — прошептала Ирина.

— Только сыщик, — поправил Гуров. — Они во хмелю гневны, не любят милицию, и девушки опасаются, что об их гостя будут вытирать ноги. Милые девочки, если собрать в одно место всю обувь, которую об меня вытерли, то в Лужниках можно открывать ярмарку. Одной парой больше, даже не смешно.

В глубине квартиры хлопнула дверь, раздались шаги, и в кухню вошел хозяин.

— Лев Иванович, привет. Спасибо, что заглянул. Как тебе мои девочки?

— Высший класс, — искренне сказал Гуров.

— Дорогой, у тебя своя компания, у нас своя. Мы твоего Иона православного наслушались! — Хозяйка провела рукой по горлу. — Нам ваши дела не интересны.

— Алена, ты собственница и эгоистка, — рассмеялся Бар-

дин. — Ты же знаешь, что Ион в Думе курирует милицию, ему интересно увидеть живого милиционера.

— Никогда не знал, что в Думе нас тоже курируют. — Гуров отставил стакан с виски. — А до милиции господин курировал сельское хозяйство?

Бардин сдержал довольную улыбку, промолчал, а жена взяла Гурова под руку.

— Пойдемте. У меня просьба, если Ион вам не понравится и вы решите его ударить, бейте так, чтобы не было очень больно. Он парень вздорный, но неплохой.

Ион Пантелеевич Доронин оказался сухощавым и костистым, лет сорока, с лысиной, которую он пытался прикрыть длинными редкими прядями, перекинутыми от одного уха к другому.

Гуров пожал его ладонь, сел на предложенный стул и расстроился. Он собирался выпить в обществе красивых женщин, поговорить ни о чем с Бардиным, а часиков в десять уехать с сестрой хозяйки и провести ночь, как решат женщина и Бог.

Теперь все рушилось. Даже выпить не удалось. Гуров никогда не пил, если за столом оказывался агрессивно пьяный. Милицейский опыт доказывал, что подобная ситуация непредсказуема, может кончиться катастрофой. Трезвым он не умел ухаживать за женщинами, становился молчаливым и злым, а теряя легкость и остроумие, переставал нравиться, в общем — замкнутый круг.

— И что же милиция думает по поводу преступности? — спросил депутат. — Как воспринят указ Президента, который предоставил вам все права?

— Оставь, Ион, человек в гости пришел, — как можно мягче произнес Бардин. — Вы почему не пьете, Лев Иванович?

— Я за рулем, Николай Ильич.

— Обижаете, я вам дам сопровождающего.

Доронин выпил стопку водки, хрустнул огурцом и неожиданно схватил Гурова за рукав.

— Выпей, мент, не выдрючивайся!

Бардин хотел вмешаться, но Гуров взглядом остановил его.

— Ион Пантелеевич, я не пью за рулем. Надеюсь, этого достаточно.

— Лев Иванович, мне пора, проводите? — Ирина встала из-за стола.

— Ирка, стерва, ты в соседнем подъезде живешь. — Депутат дернул Гурова за рукав, но не смог сдвинуть его руку с места. — Не ходи, мент, пожалеешь.

Гуров взял пальцы Доронина в горсть, легонько подвернул. Депутат взвизгнул и шарахнулся в сторону.

— Алла, Николай Ильич, позвольте откланяться. — Гуров поднялся.

— Извините, Лев Иванович, — сказал Бардин, провожая своюченицу и Гурова до лифта. — Он парень хороший, только пить ему нельзя.

Квартира Ирины была не такой шикарной, но подавляющее большинство москвичей о подобной и не мечтало. Женщина

молча достала из холодильника бутылку, Гуров так же молча налил, и они выпили. После небольшой паузы Гуров спросил:

— Сколько тебе лет?

— И сто, и пятнадцать, зависит от настроения. В паспорте записано, что тридцать восемь.

— Давно развелась?

— Черт его знает, — задумалась женщина. — Сейчас соображу... Четыре, нет, шесть лет назад.

— Где работаешь?

— У отца в фонде. Ты знаешь, как моя фамилия?

— Знаю, что не Горбачева.

— Но мой отец...

— Извини, не интересно.

— А что тебе интересно? Тебе кто-нибудь, кроме тебя самого, интересен?

— Возможно. — Гуров поцеловал женщину в висок и направился к дверям. — Я на днях позвоню.

— И не вздумай, я не желаю тебя видеть.

— Лгать нехорошо. — Гуров вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Человека, стрелявшего из пистолета с чердака дома, расположенного напротив подъезда, где застрелили банкира, звали Борис Сергеевич Галей. В юности он пытался выяснить, откуда у него такая несуразная фамилия. Но мать не знала, отец же жил так, что не только фамилию, имя собственное забыл. Помер он от белой горячки. Мать Евдокия, женщина по паспорту молодая, а по виду и здоровью вином окончательно пришибленная, после кончины супруга и основного собутельника продержалась всего ничего, через год схоронили. Братья остались одни в двухкомнатной, по тем временам отличной квартире, которую у них наверняка бы отобрали, а самих запрятали в детдом, если бы не один момент, о котором чуть позже.

Пацаны, прячась от семейных скандалов и драк, целые дни проводили на «Динамо», в шестидесятые знаменитом стадионе. Разница в десять лет не мешала ребятам быть всегда вместе, наверное, их объединяла цель — заработать на еду и нежелание идти домой. Подмести, полить, подкрасить, лавки переставить, да мало ли дел на таком огромном стадионе. Вся стадионная обслуга знала ловких, услужливых мальчишек. Бутылка молока, батон хлеба, рубль, талончик в столовую. Братья никогда не торговались, не брали деньги вперед, были молчаливы и сосредоточены в драке за эту жизнь. Они давно поняли: на отца с матерью рассчитывать нечего, и никто им не поможет. Твердо знали, нельзя пить и красть, потому как пропадешь. Вином у них пропахли стены дома, а от воровства их отучили мелкие жулики с наколками и финками, сновавшие между тюрьмой и волей. Ворье братьев уважало за молчаливость, дикую злобу и стойкость в драке, между собой называли их «мужичками». Борис попробовал себя в спорте, ловко дрался на ринге, таскал мячи за футболистами и один сезон отбегал в команде мальчиков. Но у него был острый и цепкий ум, он быстро понял, с какого

момента в спорте приходят деньги и сколько пота надо пролить, чтобы выловить свой шанс. И еще увидел, что к тридцати «звезды» уже никому не нужны. Цепким мужицким умом он просчитал, сколько лет надо умирать и «пахать», в случае удачи — сколько лет по-людски пожить, потом сызнова лизать барские задницы за подачки с чужого стола.

Когда отец с матерью выпили последние стаканы и сгорели в крематории, Борису исполнилось шестнадцать, а брательнику шесть. Младший пастал по магазинам и готовил еду, старший добывал деньги, не гнушаясь никакой работой. Сосед по площадке, одноногий фронтовик, знавший пацанов с рождения, усыновил их. Вопрос о детдоме отпал. Они сами сделали ремонт, отциклевали пол, побелили, проветрили, квартирка засверкала. Так и жили брательники, пока старшему не пришел срок идти в армию. Тут помогло родное «Динамо». Борис пристроили в часть, стоявшую у «Сокола», где служили спортсмены, мастера невеликого ранга. Борис выучился на шофера. В части быстро проведдали, что у водителя Галея имеется младшенький, и ежедневно в кабину ставили судки, из которых можно было накормить не только Сашку, но и одноногого ветерана-опекуна.

За три года службы Борис обучился на водителя первого класса, получил аттестат об окончании десятилетки. И так как он прилично стрелял, знал азы рукопашного боя, родное «Динамо» рекомендовало его в школу КГБ. Еще через три года сухощавый, лобастый, сдержанный и молчаливый Борис Сергеевич Галей стал лейтенантом госбезопасности. Надев серый костюм, серый плащ и серую шляпу, начал нести службу во втором главном Управлении КГБ. Борис очень нравился кадровикам и начальству, он полностью соответствовал всем требованиям, которые предъявляла система к необходимым ей винтикам. Дисциплинирован, исполнительен, безынициативен, не честолюбив, ненужных разговоров не ведет. А то, что у Бориса Сергеевича Галея нет ни души, ни сердца, так это никого не интересовало, да и графы для данных предметов ни в одной анкете не сыщешь.

Когда братьям исполнилось — одному двадцать восемь, другому восемнадцать, между ними состоялся первый и единственный в их жизни разговор по душам.

— Ты уже взрослый мужик, брат. Мы свое оттерпели, пора определяться, — сказал Борис, разливая чай.

— Я с рождения взрослый, а решать тебе.

Несмотря на разницу в возрасте, они были очень похожи — крепкие, сухощавые, сероглазые, лобастые, с простоватыми русскими лицами, немногословные, скупые в движениях. Хотя братья никогда не вступали ни в какие конфликты, в округе их побаивались, а залетные уголовники часто принимали за своих. Наверное, последнее объяснялось тем, что братья жили по законам зоны: никому не верь, никого не бойся, никогда не проси.

— Воровать мы не будем — верная тюрьма, я знаю, — продолжал Борис. — На службе меня далеко не пустят, чужой. Думал через комсомол либо партию толкнуться, та же банда — целовать и лизать надо, а у меня язык шершавый.

— Ты говорить не умеешь, — вставил младший. — Я тоже думал, для нас в этой жизни одна дорога оставлена — в холуи.

— Не пойдем. — Борис допил чай, братья убрали со стола, помыли и вытерли посуду, вновь уселись за покрытый чистой клеенкой стол. — Только самая верхушка жирует, и там половина перевербована и ссучена, любого стука боится. Да нам она и ни к чему. Если мы тянуть от зарплаты до зарплаты не согласны, надо рискнуть. Только вдвоем, и только один раз.

— Согласен, потому как это тоже не жизнь.

— Мы парни подходящие, на учете не состоим, агентуры под нами нет. Где взять, я найду, остается решать, как деньги реализовать, чтобы не засветиться. Но сначала надо с твоей армией решить, твой год призывают.

— Я белый билет получил.

— Молоток, как удалось закосить?

— Сами дали, чего-то нашли... Этот, с молоточком, что психов определяет. В позвонке чего-то нащупал, по кабинетам водил, другим лечилам показывал.

— Чего молчал? — Борис забеспокоился. — Операцию предлагал?

— А чего болтать? Он много чего предлагал, о матери с отцом расспрашивал, вроде наследственное у меня.

— С головой?

— Черт его поймет, говорили: нога может начать сохнуть. Правая нога у меня как отмороженная.

— Чего молчал? — возмутился Борис.

— У тебя забот мало? — Сашка поморщился. — Может, обойдется.

Не обошлось — нога у Александра усыхала, слушалась хуже, потом вообще отказала, пришлось встать на костыли. Врачи говорили разное: одни настаивали на ампутации, другие утверждали, что ногу можно спасти, надо лишь потерпеть, настроиться на долгое лечение.

Братья терпели с рождения, копчили злость и ненависть на мир, который бил их без передыху. Конечно, с чем сравнивать: было много людей, живущих и похуже братьев.

Борис получил майора и приличный оклад, Сашка стал инвалидом первой группы, на жизнь хватало. Только такая жизнь братьев не устраивала. Ни врачи, ни экстрасенсы, ни даже колдуны помочь младшему не могли — нога мертво гноилась.

Бесплатная советская медицина ничего, кроме как отрезать кусок отмершего тела, предложить не могла. Система отстреляла, пересадила, изничтожила талантливых, да и просто профессиональных людей во всех областях, и медицина не составляла исключения.

Горбачев начал перестраивать, пытался из танков наделать сеялок и швейных машинок, но заряжающих и наводчиков сохранить. Что получилось — известно.

Когда в Москве принялись постреливать, затем стрелять азартно, майор Галей, изъяз у преступников несколько пистоле-

тов, не сдал их любимой власти, а сохранил для себя — так, на всякий случай. Начались бесконечные перетасовки спецслужб, их соединяли, разъединяли, переименовывали, сокращали, и очень быстро майор Борис Галей без блатных связей и покровителей оказался крайним. Ему предложили сдать дела. Кадровик даже тяжело вздохнул:

— Ты, Борис, самым надежным у меня был. А что могу? Приказано сократить зное количество единиц. У одного дядя имеется, у другого сосед, третней жене генерала потрафил. А ты единица, никем не защищенная. Иди в коммерческие структуры, такие нужны, деньги платят приличные, не то, что у нас.

Бориса взяли в одну из фирм охотно. Оклад положили приличный. Так он стал охранять шустрых пацанов, разъезжающих на шикарных иномарках. В доме Галеев появился достаток, жизнь текла тихо, однообразно. Борис уходил на работу, Сашка хозяйничал по дому, готовил еду, прибирал.

Если раньше Борис планировал «взять» инкассатора, и сложность заключалась лишь в том, как обойтись без наводчика, то теперь, когда он остался один, касса или инкассатор практически отпадали. В девяностых годах начались заказные убийства. Борис понял, что это дело для него подходящее, следовало найти солидного заказчика. Так где его взять?

Пацаны, работавшие вместе с Борисом, промышляли мелким рэкетом, много болтали о миллионах, но он видел, что все это несolidно. И хотя коммерсанты районных ментов купили на корню, бывший комитетчик отлично понимал, такая круговая порука гроша ломаного не стоит. О каждом деле знало несколько человек, и если кто-то солидный захочет шпану со шпалерами повязать, так и веревка не понадобится. Одному сунут крючок, потащат в околоток, и за решеткой окажутся все, крепко держась друг за дружку.

И все-таки Борис дождался. Январским слякотным днем он вышел из метро «Динамо», направляясь домой. Неожиданно рядом с ним остановился забрызганный грязью «БМВ», стекло бесшумно опустилось, и чей-то насмешливый голос произнес:

— Никак Борис Галей? Садись, приятель, здесь не дует.

Борис молча сел в машину, взглянул на водителя.

Им оказался Яков Исилин. Они вместе учились в школе КГБ. Вскоре Яшку взяли за валюту, статья в те времена была суровая, и Исилин загремел на долгие годы, пропал, с тех пор они и не виделись.

Исилин сидел, откинувшись в шикарном, мягко урчащем лимузине, разглядывал бывшего однокашника насмешливо, но с явным интересом.

— Судя по бедности убранства и курточке из Турции, все властям служишь? — Исилин достал пачку «Мальборо». Борис сигарету взял, хотя курил крайне редко. — Майор, подполковник?

— Был майором.

— Погнали? — Яков хохотнул. — Тебя-то за что? Ведь святей тебя я человека не встречал. Хотя признаюсь, Борис, в твою святость никогда не верил. Ты хищник, волк, только затаился. Как

у тебя терпения хватало, не пойму. А чем же ты оскоромился?

Борис понял, что с таким болтуном никакого дела иметь нельзя, потянулся к двери, чтобы выйти, но Исилин схватил за рукав.

— Стой, Борис! Ты по моим улыбочкам и болтовне не суди, я теперь человек серьезный. А что пустое болтаю, так у каждого своя масочка. Ты скромняк и молчун, но человека тебе зарезать, что два пальца... Так? У меня к тебе дело имеется.

Борис взглянул на Якова с сомнением:

— Покажи права и техпаспорт.

— Ты теперь в ГАИ?

— Покажи.

— Пожалуйста.— Исилин протянул документы.

Борис изучил их внимательно, вернул и сказал:

— Подвези к дому, я Сашке скажу, что задерживаюсь, потом поговорим.

— Так пойдем к тебе.

— Обьезжай стадион, там налево.— После небольшой паузы

Борис добавил: — Ко мне нельзя, Сашок приболел.

— Все возишься со своим младшеньким? Он ведь теперь лоб здоровый.

— Заткнись, делай, что велят.

Кафе было маленькое, чистенькое и, судя по охраннику, дорогое. Исилина знали, усадили удобно, на Бориса взглянули с удивлением, его внешний вид не соответствовал заведению. Накрыли быстро, ловко, удалились с поклоном.

— Умеючи и в России обслуживают, платить надо,— хохотнул Исилин.

Судя по всему, у него деньги имелись серьезные. Борис и документы проверил для того только, чтобы убедиться, что машина личная, а не какого-нибудь СП или одолженная у приятеля.

— Вижу, ты здесь личность известная,— равнодушно произнес Борис, отодвинул рюмку с водкой и налил себе сок.

— Меня в Москве знают,— самодовольно улыбнулся Яков.

— И какой же у тебя ко мне разговор, если ты его начинаешь, засвечивая нашу встречу перед холуями? А ведь из них каждый второй стучит.

— Брось, здесь все схвачено, только глухонемые работают.

— Каждая рыба глухонемая, пока в пруду плещется, а попадет на сковородку, заговорит человеческим голосом: «Чего тебе надобно, старче?»

— Гляди, ты и Пушкина читал!

— Короче, чего надо?

— Ты где сейчас?

— Не в конторе, вольный стрелок.

— Мне и нужен вольный и меткий.

— Я сам рогатку в руки не беру, но, если зверь крупный, оплата нормальная, охотника найду.

Борис, привыкший с детства ценить каждый кусок, ел салат неторопливо и аккуратно, вытирая тарелку хлебом и запивая минералкой. Исилин ковырял вилкой нехотя. Выпил две рюмки водки, внимательно разглядывал бывшего однокашника.

— Вроде ты и в зоне не был, а манеры у тебя эковские, — с усмешкой произнес он. — Значит, если цена подойдет, стрелок будет?

Борис не ответил, глянул недобро, неумело прикурил, пыхнул сигаретой.

— Мне домой надо, дела. Разойдемся тихо, ты ничего не говорил, я ничего не слышал.

— Как? — Лицо у Якова дернулось, веселость и дурашливость исчезли. — Ты чего, засбоил или испугался?

— Дураков не люблю и сам придурком никогда не был. Значит, едешь ты на иномарочке, глядь — старый кореш идет, ты и подумал, а чего бы его на интересное дело не нанять, вроде как дров поколоть? У тебя, Яшка, отродясь была одна извилина, и та в зоне мхом заросла. — Борис пододвинул тарелку с горячим, осторожно, боясь обжечься, попробовал: — Хорошая еда, как называется?

— Ну, хорошо, хорошо, я о тебе справки наводил, искал, уж больно ты мне в свое время понравился. — Исилин говорил тихо, серьезно. — Знаю, брат твой тяжело болен, его надо за границей лечить, дело очень дорогое. Учитывая твой характер и положение любимого брата, я решил тебя отыскать.

— Значит, решил на брательнике меня за горло взять?

— Выражения у тебя!.. — Исилин недовольно поморщился. — На тебе я остановился по многим причинам. Согласился, нет — ты мужик кремень, значит, риска никакого. Тебе необходима валюта, нам необходима услуга. Меня не интересует, кто исполнитель. Я говорю с тобой и с тобой расплачиваюсь.

— А мой Сашка у вас вроде заложника?

— Я этого не говорил. — Исилин наполнил свою рюмку, выпил.

— Твой человек гуляет один или в сопровождении?

— Двое друзей с ним не расстанутся.

— Я передам твою просьбу. Другок наверняка захочет на клиента взглянуть, тогда определит срок и сумму.

Исилин вытащил из кармана блокнот, ручку, написал занимаемую должность, место работы, домашний адрес, даже номер и марку автомобиля.

Борис Галей прочитал написанное, пододвинул пепельницу и начал неторопливо отрывать от листка тоненькие волокна, укладывая их кучкой.

— Уточню. Но, похоже, потребуется штук сто зеленых и месяц срока. Говорю ориентировочно, так как последнее слово не за мной.

— Ты, Борис, круто завернул, — искренне возмутился Исилин.

— Так это я сказал. — Борис поджег бумажную пирамидку. — Может оказаться и дороже. А нет денег, не ходи в салон, пусть жена стрижет за бесплатно.

Исилин расхохотался, шлепнул себя по ляжкам.

— Как свяжемся?

— А мы больше не свидимся. Через недельку получишь телеграмму, если заказ подтверждаешь, в одиннадцать вечера от-

крой форточку на кухне — значит, часы пошли. Если отказываешься, не открывай.

— Аванс?

— Не берем.

— Как расчет?

— Тебе скажут.

— Не боишься?

— Я? — Борис взглянул удивленно. — Мне-то чего бояться? Смешной ты парень, видно, у хозяина тебя ничему не научили.

Яков Исилин, как и большинство людей, был о себе мнения высокого, но, разговаривая с Галеем, ощущал неуверенность, даже страх. Хотя ничего угрожающего ни во внешности, ни в словах или тоне Бориса не было. «Может, плохо я разведаль, и Борис не живет бирюком с братом-калекой, а состоит в неизвестной мощной организации, потому так уверен и от аванса отказался?» — подумал Исилин и спросил:

— А если изменится что, так как связаться с тобой?

— Думай сейчас. Как форточку откроешь, поезд ушел. Я из Москвы уеду, вернусь лишь к сроку, за деньгами.

— Тогда, считай, я тебе ничего не говорил. Втемную не играю. — Исилин расплатился, и они пошли к «БМВ».

— До «Динамо» подбрось, дальше пешочком дойду, а за обед спасибо.

Исилин блефовал: от услуг Галея он отказываться не собирался, потому, остановившись у стадиона, сказал:

— Но ты телеграмму на всякий случай отбей, может, хозяин и подпишется.

Борис достал из кармана куртки какой-то прибор, обвел фигуру Исилина, словно очерчивая контуры, и вышел из машины.

«Это он проверил, не записываю ли я нашу беседу, нет ли при мне электроники», — догадался Исилин и зябко передернул плечами. Потому как положить в карман магнитофон идея была, но потом он о ней по рассеянности просто забыл. А сейчас на него словно ветром пахнуло. Так случается с человеком, когда он только собрался шагнуть с тротуара на мостовую, а в нескольких сантиметрах от него просвистел автомобиль. Страх проявляется по-разному: Исилин начал икать.

Произошло это на старый Новый год, в ночь на четырнадцатое января.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В четверг группа собралась в полном составе. Гуров и Крячко читали розыскные дела, Артем ворковал с компьютером.

Был июль, но в этом году лето задержалось, и жара не навалилась, чему особенно радовался Гуров, который ее терпеть не мог.

Вчерашние труды Крячко, оперативников МУРа и района не принесли существенных результатов. Убийство совершили четвертого февраля. Тогда ближайшие дома обследовали довольно тщательно и получили приметы молодого мужчины, стрелявшего, видимо, из подвала. Теперь искали следы другого человека,

но нашли лишь чердак, с которого наиболее удобно произвести выстрел из пистолета.

Но тут не повезло: месяц назад сюда занесли кровельное железо. Если в феврале кто и побывал на чердаке, следы его уничтожены. Нашлась одна старушка, живущая на четвертом этаже, непосредственно под интересующим оперативников чердаком, утверждавшая, что зимой там кто-то ночевал. В каком точно месяце над головой начали осторожно расхаживать, старая женщина не помнила, но утверждала, что снег тогда еще лежал.

Баллистики, исследовав пулю, установили: выпущена она из пистолета «вальтер» с глушителем, скорее всего в феврале, но точно установить не представлялось возможным.

Гуров внимательно изучал собранные материалы по убийству банкира в феврале, отдавая должное Роману Веселеру, инициатору розыска. Дело велось профессионально, тщательно и скрупулезно, дополнительные оперативные мероприятия составлялись с умом и фантазией и явно не для проформы. Малозначительных бумаг в дело для «весу и солидности» не подшивали.

Роман предпринял серьезную попытку выявить фирму, банк, лиц, заинтересованных в смерти банкира Белоуса. Обратился к профессиональным финансистам. Те ознакомились с делами банка и представили розыску список крупнейших партнеров, клиентов, высказав свои более чем туманные соображения. И тут Гуров понял, что неумная фантазия завела его в дебри финансовых интересов и интриг, а в них сыщик абсолютно не разбирался, следовательно, весь его опыт розыска и психолога был попросту не применим.

Крячко отложил одну папку, раскрыл другую, поднял глаза на Гурова:

— Упорство и упрямство — качества разные.

— Ошибаешься, практически они очень близки, различны лишь результаты.

— Да независимо от результата нас обзовут психами, — почему-то весело сообщил Крячко.

Гуров взял папку с заключениями экспертов, подошел к столу Ермакова, тупо взглянул на экран компьютера.

— Заряди эту информацию, Артем. Только не как она здесь собрана в виде винегрета, а придумай классификацию: банки отдельно, СП отдельно, фамилии в особый раздел. В общем, сообрази, на то ты и специалист.

— Понял, господин полковник, — сухо ответил программист.

Крячко усмехнулся. Гуров безропотно вернулся за свой стол, открыл очередную папку. Сосредоточиться на материале не мог, мысли разбегались, возвращались в основном к событиям и разговорам прошедших дней.

Задание замминистра Бардина Гурова не насторожило, он не осуждал людей, стремившихся выдвинуться, — здоровое тщеславие не порок, а стимул к действию. Хочется человеку оказаться на виду и из безликих замов стать личностью, да ради Бога. Ничего зазорного, в общем делу польза: хоть на грамм, а авторитет милиции станет весомее. Но почему Бардину понадобился

именно бывший особист, ставший профессиональным киллером, а не просто наемным бандитом? Для гражданина все убийцы одинаково опасны, что естественно. И сам Бардин профессионала от дешевого наемника не отличит. Кто-то генералу подсказал. Кто и с какой целью? Задание не касается конкретного дела, значит, месть как мотив отпадает. Но за этим заданием что-то стоит, наверняка нечто серьезное, раз без звука вернули в строй двух полковников, оскорбивших своим увольнением честь мундира.

Гуров позвонил Орлову, попросил принять. Через час вошел в кабинет начальника и друга.

— Что у тебя? — Орлов взглянул недовольно. — Как прошел вчерашний вечер?

— Хочу знать твое мнение и о вчерашнем вечере тоже, — в тон ему ответил Гуров, привычно присаживаясь на подоконник.

— Немедленно сядь в кресло. Мне надоело сворачивать голову набок и смотреть против света. И с каких это пор тебя интересует чье-либо мнение, кроме твоего собственного?

Гуров послушно пересел, но не в низкое кресло для гостей, а занял стул у книжной полки.

— Меня всегда интересует ваше просвещенное мнение, особо когда не имею своего.

— Вторая половина соответствует действительности, продолжай.

Гуров рассказал о своих сомнениях и неудачном визите к Бардиным. Не утаил и рюмку, выпитую у свояченицы высокого генерала, и о намечающемся романе.

— К чему бы все это, Петр? — закончил он и замолчал.

— М-да... — Орлов почесал в затылке. — Какие-то нескладушки... У супруги имеется сестра, естественно, ее пригласили для атмосферы, так сказать. А учитывая, как женщины обожают устраивать чужие судьбы, так и говорить не о чем. Но при чем тут пьяный депутат? Доронин, говоришь? Кажется, однажды я о нем очень лестные отзывы слышал. И он оказался в квартире, хотя ты предупредил, что придешь? Друзья молодости... Сегодня Бардин зависит от Иона Пантелеевича. Однако... В тех кругах не принято являться без предупреждения, да еще нетрезвым.

— Пьяным, — уточнил Гуров.

— Ну, лишнюю рюмку депутат мог и за столом принять. — Орлов состроил недовольную гримасу. — Конечно, мог заскочить вроде бы на секунду и застрять, не вытолкаешь! Но ведь мы с тобой не любим случайные совпадения?

— Забыл сказать, по дороге к Бардиным я засек за собой наглое неквалифицированное наблюдение. Сегодня проверил: машина списана в таксопарке, принадлежит бывшему таксисту, занимается частным извозом.

— В тебя не стреляли?

— Петр, с тобой все в порядке? — Гуров покрутил пальцем у виска.

— Ты же забыл сказать о наблюдении.

— Не придай значения: работали грубо, на одной машине. Полагаю — элементарная ошибка.

— Покажись врачу, дружок. Сестра-красавица, пьяный депутат, открытая слезка. Это даже не кино, а цирк. За кого они тебя принимают? Придется в данной истории разбираться.

— Простите, господин генерал, но, как вам известно, я имею задание.

— Ты меня на «понял — не понял» не бери, соплик! Сказано заниматься, значит, будешь заниматься. — Орлов помедлил. — В свободное от работы время. — И, выдержав паузу, добавил: — С сегодняшнего вечера. Как сестренку кличут? Ирина? Прекрасное имя. Говоришь, очаровательная. Ну-ну. Папа бывший секретарь ЦК, сегодня не функционирует. Действуй. Дари цветы, целуй ручки, укладывай в койку! Не знаю, как это делается, но ты понимаешь.

— Петр, ты толкаешь меня...

— Заткнись! — перебил Орлов. — Легенда простая: возникла неловкая ситуация, а полковнику Гурову врагов хватает, он хочет с новым заместителем министра если не дружить, то жить мирно.

— Ну ты, Петр, даешь. — Гуров вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

54 Непьющий и дисциплинированный Борис Галей в фирме, где работал охранником, был на хорошем счету. И когда вечером, после встречи с Яковом Исилиным, отставной майор позвонил начальству и попросил несколько дней отпуска за свой счет и старенький «жигуленок», объяснив, что больного брата требуется свозить к врачам, то безоговорочно получил и машину, и отпуск.

Он подъехал к дому Якова спозаранку, позвонил из автомата. Услышав знакомый голос, повесил трубку и, загнав машину в соседний двор, стал ждать.

Иномарка подошла к подъезду Исилина около девяти. Тот мгновенно спустился и, как большой начальник, сел не рядом с водителем, а расположился на заднем сиденье. Галей на своих «Жигулях» пристроился следом, пропустив вперед «Ниву», выкатился с улицы Строителей на проспект Вернадского. Понял, что занимается делом пустым — у светофора «БМВ» прибавит газу и уйдет. Но случилось иначе, иномарка замигала, показывая, что припарковывается, не доезжая до метро. Улицу чистили, сгребали снег и наледь к тротуару. Галей выскочил из «Жигулей», смешался с потоком тружеников, торопившихся к метро.

Яков вышел из машины неторопливо, осторожно перешагнув через сугроб, пошел не оглядываясь. «БМВ» остался ждать. «У него встреча в метро», — гадал Галей, следуя за бывшим однокашником. Народ шел густо, торопливо, вести слезку было легко. Но Исилин к метро не подошел, остановился у будок с телефонами. Из трех автоматов работал, видимо, только один, так как две кабины пустовали, а у ближайшей толклись парень с девушкой и женщина в платке, с тяжелой сумкой. Автоматы стояли вплотную у занесенного снегом газона, и люди обходи-

ли будки с двух сторон, создавая для Галея просто идеальную ситуацию. Он достал из кармана портативный магнитофон с присосками, закамуфлированный под комочек грязи, и, помогая какой-то девице на высоких каблуках не поскользнуться на мокром асфальте, прошел позади таксофона и приклепнул аппаратик на нижний край бокового стекла.

Дождавшись своей очереди, Яков зашел в будку, набрал номер. Говорил менее минуты, после чего заторопился назад.

Борис поблагодарил судьбу за удачу. Решил не искушать ее дальше, забрал магнитофон и поехал домой.

«— Здравствуй, переговоры прошли нормально, в принципе подрядчик за работу берется.

— А не в принципе? — прозвучал нетерпеливый молодой голос.— Переходи к своим «но», я не слышу, что они у тебя в наличии.

— Цену хочет сто двадцать штук.

— Ты мелкий кусочник. Никто не просит сто двадцать. Не на барахолке».

Галей выключил магнитофон и рассмеялся. Молодой хозяин Якова оказался далеко не глуп. Борис Галей был очень доволен, что удалось так быстро установить номер телефона главного заказчика. Он не сомневался, что номер настоящий, а не посредника-телеграфиста, иначе Исилин позвонил бы из дома, а не прыгал по гололеду в поисках исправного автомата.

— Чего гогочешь? — недовольно спросил Сашка, сидевший, насупившись, в своем кресле.

— Скоро купим тебе машину с ручным управлением, бабку найдем, чтоб тряпки стирала.

— Попрекаешь? — Брат набычился. За последние годы он сильно похудел, голубоватая жилка билась на виске под серой пергаментной кожей.

— Дурак, — без обиды ответил Борис. — Я ради кого навоз таскаю, глядки окучиваю? Ладно, братан, не заводись, тебе волноваться вредно. Давай послушаем, чем толковища закончилась. — Борис нажал кнопку воспроизведения.

«— Что еще? — спросил хозяин.

— Подрядчик просит месяц на строительство.

— Месяц? Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что человек, видно, солидный, плохо, что месяц придется ждать. Какая предоплата?

— Никакой. Расчет по окончании работ.

— Удивляюсь, Яша, откуда у тебя столь солидные знакомые? Послезавтра встретимся, обговорим детали».

Гуров шел длинными коридорами министерства и встретился с малознакомым полковником. Кивнув, хотел пройти мимо.

— Привет сыщикам. — Полковник остановился. — С возвращением, Лев Иванович. — Он говорил так, словно они были чуть ли не друзьями. Гуров не знал имени-отчества полковника, но, судя по всему, он служил в управлении кадров.

— Спасибо. — Гуров собрался пройти, но тот преградил дорогу.

— Как тебе известно, я у Серебрякова, меня в ваше управле-

ние переводят. — Генерал Серебряков был заместителем начальника управления кадров. — Бог располагает, а кадры предлагают! — Полковник довольно хохотнул. — Слышал, ты инспекторской работой занялся, что-то Орлов специалистами разбрасывается.

— Ну, извини, — развел руками Гуров. — Я сейчас как раз от генерала, в конце дня увижу его, обязательно передам, что ты недоволен.

Пока кадровик подыскивал ответ, Гуров пошел дальше.

Неизвестно, почему у человека появляются неожиданные мысли. Гуров не думал о депутате, практически забыл о нем, но, столкнувшись с полковником-кадровиком, вспомнил об убийстве, и потянулась цепочка. Одно звено крепко цеплялось за другое. И глаза у наглого кадровика круглые, и ничем он себя не выдал, однако...

Гуров выбил условную дробь на двери своего кабинета, отстранил откинувшего замки Артема и направился к своему столу.

— Станислав, что сказал наемни Роман Веселер, когда покидал сию обитель?

Видно, вопрос Гурова сбил Крячко с какой-то важной мысли, потому что он болезненно поморщился, заложил ручкой лежавший перед ним том и вздохнул.

— Черт тебя подери, полковник! — Крячко бросил быстрый взгляд на Артема, увидел, что парень занят делом и не слушает перепалки старших. — Что сказал? Да депутата какого-то в начале июня пришли. Они только осмотр начали, наехала прокуратура, кагэбэшники — или как их иначе величать — ментов от дела отстранили, а бумажки и тело увезли в неизвестном направлении.

— Ты вчера весь день с Романом провел. Об этом деле разговор не вели?

— Мы о футболе говорили, — ответил Крячко. — Убивают каждый день, а первенство мира по футболу раз в четыре года. У нас опять четыре сбоку и вместо игры объективные причины. Я сызмальства в футбол не играл, но выпусти меня, только мертвого бы принесли. Я бы их даже перекусал...

— Значит, о последнем убийстве разговора не было?

— Нам не хватает? — Крячко указал на стопку дел.

— Я помню, Рома сказал, что депутата застрелили, а из чего стреляли?

— Из пистолета, — ответил Крячко, — но не «вальтер» и не «девятка».

— Да откуда ты знаешь, если их прямо с осмотра убрали? — рассердился Гуров. Пододвинув телефон, набрал домашний номер знакомого контрразведчика, услышал мягкий интеллигентный голос.

— Здравствуй, Юрий Петрович...

— Здравствуй, Лев Иванович. Пока с поздравлениями воздержусь.

— Умен шибко, — огрызнулся Гуров. — Все всё слышали, слово я диктор телевидения. Я по тебе соскучился, как бы проще решить данный вопрос?

— Подскакивай в низинку, где мы в последний раз с тобой толковали, скажем...

— Через два часа, — подсказал Гуров.

— Прекрасно, я думал, ты торопишься. Меня дома застал случайно, я вновь служу... Запиши телефончик, суп стынет... Не ради старой дружбы. Значит, договорились.

— Спасибо. — Гуров позвонил по внутреннему телефону в приемную Бардина.

Полковник мог позвонить заместителю министра непосредственно, но решил предоставить Бардину возможность от разговора уклониться. Когда секретарь ответил, Гуров произнес:

— Здравствуйте, говорит полковник Гуров. Николай Ильич у себя?

— Приветствую, Лев Иванович, какие проблемы? — раздался тут же голос Бардина.

— Здравия желаю. Надо бы посоветоваться. Когда вы, Николай Ильич, сможете меня принять?

— Минут через пятнадцать.

— Спасибо. — Гуров повесил трубку, усмехнулся: — Наш новый зам — большой демократ.

— Не привыкай, у него это скоро пройдет, — засмеялся Крячко.

— Лев Иванович, — вмешался Ермаков. — Указывая приметы человека, довольно редко называют цвет глаз, а мне это крайне желательно.

— Какой цвет глаз у генерала Орлова? — поднимаясь из-за стола, спросил Гуров.

— У генерала? — растерянно переспросил Ермаков. — Кажется, карие.

— Молодой человек, запоминаются лишь темные глаза и светлые, все остальные цвета лишь кажутся, либо свидетель врет... Запри за мной. — Гуров подмигнул покрасневшему лейтенанту и вышел.

— Здравствуйте, рад, что заглянули. — Бардин кивнул, приглашая Гурова сесть.

— Спасибо, я буквально на несколько минут, — опускаясь в низкое кресло, которых терпеть не мог, ответил Гуров. — Дело в том...

— Лев Иванович, извини нас с супругой за вчерашнее, — перебил Бардин. — Ион — отличный мужик, но, стоит ему выпить, дуреет.

— Пустое, Николай Ильич. — Гуров улыбнулся. — В России не пьют только больные и хитрые.

— Девочки так хотели познакомиться с легендарным сыщиком. — Бардин тоже улыбнулся. — Будет возможность, на следующей неделе сообразим. Так я вас слушаю.

— Четвертого июня в Москве, адреса не знаю, застрелили депутата Думы, материал забрала контрразведка. А мне на те бумаги надо взглянуть. Они ребята с гонором, везти сюда папки могут отказаться, так вы скажите, что мент, который делом интересуется, человек не гордый, подъедет, куда скажут.

— Хорошо, Лев Иванович. — Бардин сделал пометку в блокноте. — Вам завтра сообщат.

— Николай Ильич, — Гуров поднялся, — они вам не откажут, но могут резину тянуть: сотрудник в командировке либо еще чего, так вы не настаивайте. Мне, конечно, интересно взглянуть на оперативные материалы, так для начала сгодится и следственное дело, которое в прокуратуре.

— Спасибо за совет. Думаю, мы получим и оперативные материалы, — с явной обидой в голосе ответил Бардин.

— Не берите к сердцу, Николай Ильич, — беспечно произнес Гуров. — У нас с соседями любовь давняя, взаимная. Разрешите идти?

Бывший полковник контрразведки Юрий Петрович Еланчук когда-то способствовал транспортировке через Россию наркотиков, проведая, что к чему, понял — увяз в деле по уши. Но ему подфартило: хозяин наркопредприятия налетел на Гурова и разбился. Сыщик первым вычислил Еланчука, сумел перетянуть его на свою сторону, а в финале спас его жизнь и репутацию. О том, что Юрий Петрович Еланчук был замешан в наркобизнесе, знал только один человек. Гуров всю свою жизнь в уголовном розыске коллекционировал умных, информированных должников, словно скупой рыцарь. Хранил их в своей памяти, никогда без острой нужды не беспокоил и уж ни при каких обстоятельствах не напоминал о долге.

Еланчук, прекрасный агентурист, бывший разведчик, прошедший по делу лишь свидетелем, прекрасно понял, что рано или поздно полковник Гуров объявится.

Сегодня такой день настал. И вот он и Гуров вновь прогуливались по тенистой аллее на Воробьевых горах. Последний раз оперативники виделись на этой же аллее. Тогда была ночь и непогода, неподалеку шастала смерть, разговор шел тяжелый и рваный. Сегодня светило солнце, на лавочках грелись пожилые люди, прогуливались мамы и бабушки с колясками — шла нормальная жизнь, не имевшая никакого отношения к профессии двух мирно разговаривающих мужчин.

Поздоровавшись и справившись о здоровье семьи, Гуров не любопытствовал, где нынче Еланчук обитает, чем занимается. Полагал, возможно, того вернули в строй, а возможно, на него обратил внимание Интерпол, что, учитывая биографию разведчика и последние дела, в которых он замазался, было очень даже вероятно.

— Ты не женился? — спросил Еланчук. — Все по крышам да чердакам?

— Обязательно, там днюю и ночью, для удобства кладу «вальтер» под ухо.

Еланчук хотел было спросить, сколько можно и не устал ли коллега, но понял, вопрос получится грубым и риторическим, потому лишь сказал:

— Ну, тогда выкладывай. Считаю, я верю, что пригласил ты меня со скуки и от безделья, а вопросы твои к делу не относятся.

— Юрий Петрович, ты будешь смеяться, но так оно и есть.

Видишь ли, один вельможа попросил меня доставить ему киллера. Да не просто убийцу окаянного, каких сейчас в городе как котов не давленных, а настоящего, взаврадашнего. Подозреваю, вельможа не знает, какого точно зверя он хочет, и ему можно любого окровавленного подсунуть, но мне моя сыщицкая суть жульничать не велит.

— Верно. Грех неразумных людей обманывать, — поддержал Еланчук. — А вельможа не подсказал, где конкретно взять того киллера?

— Нет, он сказал, мол, Москва большая.

Словно усомнившись, Еланчук окинул взором Воробьиные горы до самого горизонта.

— Что же, вельможа положением своим недоволен? Надеется за счет твоей добычи лишнюю висюльку от царя получить?

— Для них лишних висюлек не бывает, — наставительно произнес Гуров. — По сути, мой вопрос в том и состоит. Я же с тобой встретился не киллера в долг попросить. Зачем человеку нужен киллер, если он волка от дворового пса отличить не может?

— А какую легенду предложили? Чего-то придумали, иначе зачем именно такой зверь нужен? Наверное, об общественном мнении говорили, о спокойствии?

— Точно. Главное, только не смейся, я эту «тюльку» проглотил. Решил, задержим киллера. Начальство, как положено, щеки надует, грудь выпятит. Плевать. Главное — дадут широкую прессу, телевидение, растреляют. Решил, пусть себе играют, а люди увидят, что менты хоть и полудохлые, а мышек еще ловят. Лишь позже подумал: что-то тут, зайка, не так уж больно проста морковка.

— А может, на воду дуешь? — неуверенно предположил Еланчук. — Киллер — слово красивое, иностранное. Твой генерал наслушался и повторил. А ты всерьез принял.

— Плохо то, что лично мой генерал не профессор, а давно академик. Это министра либо какого-нибудь вертухая из президентской команды можно на козле объехать, моего же генерала голыми руками не возьмешь. С просьбой обратился человек вышестоящий.

— А с вышестоящими пусть твой умный генерал договаривается.

— Ты меня не учи! — рассердился Гуров. — Как из петли выскочить и сбежать, сам соображу. Я тебе конкретный вопрос задал, изволь думать.

— Так я в убийцах меньше тебя понимаю.

Гуров остановился, оглядел бывшего гэбэшника, пожал плечами.

— Ты, Юрий Петрович, не придуривайся. Не о преступниках спрашиваю, а о политиках. Я газеты мельком просматриваю, по «ящику» спорт и мультяшки смотрю. Ты в политических интригах ас. Подумай. Чего вельможные задумали или могли задумать? Зачем им киллер понадобился? Не желаю, чтоб меня словно слепого кутенка втемную использовали!

— Лев Иванович, зачем же сердиться, — усмехнулся Еланчук, изучающе поглядывая на Гурова.

Он явно тянул время, обдумывал ответ, решал, что можно полковнику сказать. Приняв решение, нехотя произнес:

— Тогда мне фамилии твоих графьев желательно знать.

Гуров назвал Бардина и депутата Доронина.

— Ион Пантелеевич не рядовой депутат, далеко не рядовой. Ориентация его неясна, характеризуется как человек сильный, принципиальный, врагов имеет значительно больше, чем друзей, что при таком раскладе естественно.

— Юрий Петрович, может, знаешь ребят, которые по убийству депутата Сивкова работают? — спросил Гуров как бы между прочим.

— Нет. К расследованию убийств я отношения не имею.

— Ну-ну, — пожал плечами Гуров. — Не хочешь, не говори.

— Я покручу твой кубик-рубик, — уклонился от продолжения разговор Еланчук. — Если что, звонить в приемную Орлова?

— Лучше всего. — Гуров повернул в сторону, где стояли их машины. — Не рассчитывал, что ты мне вывалишь слиток золота, но какого-то результата, признаюсь, ожидал.

— Ну, кое-что могу тебе предложить. К примеру, Харви Освальда готовили не один год. Спецслужбы облизывали его долго и тщательно. — Еланчук хлопнул Гурова по плечу. — Уважаемый Лев Иванович, твои труды по спасению моей облезлой шкуры в свое время не были напрасны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В январе, за полгода до описываемых событий, Борис Галей принял решение и дал телеграмму: «Заказ принят. Будет выполнено в течение месяца, подтвердите условия оплаты».

На следующий день, вечером, Галей удовлетворенно взглянул на открытую форточку на кухне Якова Исидина.

На работе Галей заявил, что в связи с ухудшением здоровья брата работать охранником не может. Готов сесть за руль и возить кого угодно хоть круглые сутки, лишь бы машина была в его распоряжении, и он имел бы возможность возить брата на процедуры. Таким образом он получил «Жигули»--«шестерку» и ненормированный рабочий день.

«Клиент» — Белоус Олег Данилович, лет тридцати с небольшим — производил приятное впечатление. Но все это Галей не интересовало. Он относился к банкиру как к предмету неодушевленному, который следует убрать с дороги. Белоус работал на Пушкинской улице, а жил на Первомайской, ездил на «мерседесе» с шофером и охранником.

Сначала Галей присмотрелся к двум парням, постоянно сопровождающим хозяина, и довольно быстро выяснил — шофер и охранник не профессионалы. В «органах» не служили и опасны лишь в рукопашной. Молодые, здоровые, наглые, позволяли себе выпивать, особенно сопровождая хозяина на прием.

Галей не имел возможности сменить машину, не мог рисковать и «засветиться», потому вел наблюдение за лакированным «мерседесом» лишь на дистанции. На светофоре объект терял, но

не суетился, не пускался в погоню, а переносил слезку на следующий день. Он составил расписание дня банкира, определил основные маршруты его передвижения, привычки охранников и самого «героя».

Мест, в которых постоянно и примерно в одно и то же время бывал банкир, определил несколько: собственный дом, банк, любимый ресторанчик, там, видимо, проводились деловые встречи, квартира постоянной любовницы. Следовало определить, с какого места стрелять и как уходить. Дом любовницы Галей отшел, приготовишься, а «голубки» повздорят, ресторан тоже не подходил. Бывало, банкир не посещал его несколько дней подряд. Лучшим местом для ликвидации Галей определил дом банкира, а время — вечер, когда клиент и охранник часто бывали навеселе.

Через две недели после «подписания контракта» Галей поднялся на чердак дома, расположенного напротив подъезда. Без труда определил очень удобную позицию и прекрасный путь отхода — чердак. Можно было спуститься во двор и через минуту оказаться на другой улице, где ходили троллейбус и автобус, а за пятнадцать минут пешком добраться до метро. Машину на дело решил не брать. С точки зрения ментов, машина должна использоваться обязательно, так в данном случае ее не будет.

Галей все подготовил, даже назначил день, но заметил, что банкира «пасет наружка». Значит, финансист замазался по крупному. Галей приуныл, собрался звонить Якову и от дела отказываться, но из чистого любопытства решил присмотреться, сколько человек и машин задействовали бывшие коллеги. За один день выяснил, что это не «наружка», а болтается за банкиром один парень, и, судя по его действиям, он в наблюдении фраер. Тогда Галей переключил свое внимание с жертвы на внезапно объявившегося преследователя, крутившегося у дома банкира. Изображая приезжего, тот зашел во двор и через несколько минут мелькнул в подвальном окне, черневшем рядом с парадным подъездом. Галей все понял. Яков торопился. Видно, хозяин шибко подгонял, и вот наняли дублера. Галей обиделся, но не потому, что не доверяют, а что заменили на фраера, скорее всего смертника. Подобных «исполнителей» надолго в живых не оставляют, используют, как одноразовый шприц.

Галей решил позвонить Якову и потребовать убрать этого придурка. Но, подумав, решил: пусть болтается, ментам будет за что цепляться, и я козырь против нетерпеливого Якова получу, платить же его заставлю в любом случае.

Тот факт, что убийцы выбрали один и тот же вечер и выстрелили практически одновременно, может показаться невероятным, но... что черт не делает, когда Бог спит. Галей увидел, как клиент упал, и заторопился уходить заранее проложенным маршрутом. Сомнения уже тогда появились, но раздумывать было некогда — не дома у телеящика дремлешь, с места убийства уходишь.

Жил Галей все эти недели не дома, а у любовницы. Доброй, уже немолодой женщины, мечтающей выйти замуж за Бориса.

Она закупала для Сашки продукты, подсобляла по хозяйству. Дважды передавала Галею, что брат просит позвонить, но Галей воздерживался. Телефон — дело шибко неверное.

После выстрела Галей вернулся к женщине — сразу менять жизнь не следовало, а если кто случайно зацепится, такие совпадения ни к чему. Он провел вечер как обычно, даже позволил себе похвалить еду и пару анекдотов рассказать. На следующее утро подошел к месту убийства, оставив машину поодаль. Молодой лейтенант милиции, скорее всего участковый, стоял в окружении женщин и двух подвыпивших хулиганов и укоризненно говорил:

— Ходит чужой мужик по нашему двору, а вы...

— Когда он завернул в подвал, я подумала, по нужде пошел, — сказала молодая женщина, опуская на землю хозяйственную сумку.

— Да не бери ты к сердцу, Василек, — успокаивала участкового пожилая толстуха. — Пусть все они друг дружку перестреляют.

Галей хоть практически не курил, но сигареты и зажигалку при себе всегда имел, угостил стоявшего рядом пьянчугу, дал прикурить.

— Чего, власть достает?

— Вчера, к вечеру, нашего миллионщика шлепнули, — вздохнул мужичок. — Из подвала, винтарь дорогой бросили... Эх, золотой мужик был, ну завсегда не отказывал, меньше пяти тыщ не давал.

— Беда, — согласился Галей. Он медленно пошел дальше. Вспомнил, как банкир упал, а его нехорошая мысль кольнула. Неправильно свалился банкир, на колени рухнул, потом на бок. Так от пули в голову не падают. То ли на какой лекции, а может, от бывалых ребят Галей слышал, что человек падает в сторону выстрела.

В «БМВ» было тепло, пахло дорогим одеколоном и хорошими сигаретами. Машина стояла на улице Строителей, где и подсел в нее Галей. Он поздоровался, словно расстались вчера. Яков ответил в тон, чуть усмехнулся, сказал несколько слов шоферу, тот вышел. Галей приспустил стекло, протянул ему ключи, кивнув на стоявший неподалеку «жигуль»:

— Посиди там, на улице промозгло. — Затем повернулся к Исилину: — Если у кого вопросы возникнут, знакомство со мной не отрицай, объясни, что интересуешься сборными домами. Моя фирма строительством занимается.

— Я тебя, Борис, по старой дружбе не корю, но и ты мое терпение не испытывай. Ты за чужую работу бабки хочешь получить?

— Какие еще бабки? — удивился Галей. — Разговор шел о долларах...

— Не кажись дурней дурного, и так не шибко умен. — И тут же Исилин получил не сильный, но болезненный удар в печень. Опустив глаза, увидел неестественно длинный пистолетный ствол.

— Тебя за глупость и наглость посадили, не обидно за то же

и умереть? — Галей говорил спокойно, без угрозы. — Но самое обидное, тебя похоронят, а мы с твоего Михаила Михайловича должок все равно получим. Был договор, был установлен срок, работа выполнена.

— Нет! — выдохнул Исилин, пытаюсь вялыми мокрыми пальцами отпихнуть стальную глушитель.

— Согласен, я такими делами не занимаюсь. Я лишь подрядчик, рабочие за вложенный труд обязаны сполна получить. А что ты недоумка с ружьем нанял, дело твое и Михаила Михальча Карасика. Я имя верно запомнил?

— Откуда?..

— Учиться, учиться и учиться, говорил вождь мирового пролетариата. А ты, придурок, за деньгами погнался и вместо учебы на ныры устроился, так то дело твоей говенной биографии. Слушай. — И Галей включил свой портативный магнитофон.

Яков Петрович Исилин сидел на упругом, покрытом дорогим велветом сиденье комфортабельной машины, а казалось, что со всех сторон вонзаются в него острые зазубренные колья. По лицу и шее струился холодный пот, рубашка прилипла, галстук давил горло.

— Ты чего? — Галей сидел прямо, руки на коленях, никакого пистолета и в помине, смотрел прямо в ветровое стекло. — Деньги небольшие...

— Да шеф уже заплатил, больше ни копейки не даст, — запинаясь, произнес Исилин.

— Несерьезно. — Галей говорил мягко, рассудительно. — Заказ твой одному авторитету передали, тот распорядился, теперь он и сам должен в общак отстегнуть. Ты их законы знаешь. Полагаешь, серьезный человек вместо твоего Карасика деньги выложит? Его прежде зажарят десять раз, хотя и одного вполне хватит.

— Кто знал? Кто знал? — повторял Исилин, комкая носовой платок. — Шеф живет в ином мире, воровских законов не знает.

— Ты мне про иные миры хреновину не пори: он убийство заказывал или костюм пошить? Ты его спроси, он как полагал: заказ официанты в белых манишках исполнять будут?

— Ну, я-то как попал? А ты не предупредил! — Исилин хотел взять Галея за руку, но тот уклонился. — Друг называется, разговоры записал...

— Все! — перебил Галей. — Моих записей для следствия и суда, может, и маловато, но для воровской толковни даже не очко, а два туза. Сегодня у нас, — он взглянул на часы, — четвертое февраля, пятница, деньги должны быть во вторник, восьмого. Девятого включается счетчик... Мое дело деньги у тебя взять и передать. В случае неуплаты меня не кольшет ни твоя судьба, ни жизнь твоего шефа. И не думай, что я тебя лично пальцем трону. Ствол показал, чтобы доходчивее было, как на уроке анатомии школьникам демонстрируют учебное пособие — скелет показывают. — Галей хохотнул и открыл дверь машины. — До вторника, однокашник.

Борис все просчитал заранее. Яшка связей в блатном мире не

имел, проверить, тем более уличить Бориса во лжи не способен. Галей никого не убивал, претензий к нему никто предъявить не может. Он любовно огладил пристегнутый под курткой «вальтер», — теперь его можно сохранить. Сейчас главное — получить сто тысяч долларов. И Галей доллары получил, причем на удивление быстро и просто.

Михаил Михайлович Карасик был умен, дальновиден, как всякий бизнесмен, деньги считал, но на дело не скупился, зная, что скупой платит дважды.

Он возглавлял акционерное общество, торговавшее аккуратно нарезанной бумагой, каждый клочок которой назывался акцией. Отличалось его АО от пресловутого «МММ» скромностью как в количестве вовлеченных в аферу простаков, так и в рекламе. У Карасика, в отличие от знаменитого Мавроди, было чувство меры и вкуса.

Сразу после Нового года приятель Карасика, директор коммерческого банка Белоус Олег Данилович, поддерживавший создание АО по продаже обычной бумаги за рубли, сказал:

— Все, Миша, закрывай лавочку. Оплати мои бумаги по сегодняшнему курсу, расплатись, с кем необходимо, и сворачивай скатерть-самобранку.

— Хорошо, договорились, — мягко ответил Карасик, — только растянем оплату твоих акций месяцев на шесть-семь, равными долями. Ты еще до января продержишься, людишки денежки понесут, цена поднимется.

— Нет, мне нужны наличные, рассчитаемся в январе.

— Я посоветуюсь с правлением, — ответил Карасик, отлично понимая, что ни с кем советоваться не будет. Если оплатить «акции» в один прием, АО останется без наличных денег, что повлечет за собой обвал и смерть.

Тогда Карасик отыскал Якова Исилина, а тот в свою очередь нашел Бориса Галея.

Карасик дал скромную, изящную рекламу, акции АО прыгнули вверх. Когда Белоуса застрелили, то никому в финансовом мире и в голову не пришло связывать убийство банкира с АО, пусть торгующим бумагой, обреченным, но на сегодняшний день высоко котируемым.

Хотя все и закончилось благополучно, Михаил Михайлович Карасик чувствовал себя отвратительно. Как он, такой аккуратный и многоопытный, мог довериться краснобаю и болтуну Яшке Исилину, Карасик и сам объяснить не мог.

Когда Яшка, назначив встречу в ресторане, явился к накрытому столу и изложил свою «одиссею», умный Карасик, расспросив подручного о Галее, увидел не петлю, которую изображал Яшка, а свет в конце туннеля. Почему-то финансист сразу представил себе Галея, собранного, молчаливого, спокойного, понял, что никаких авторитетов и воров нет, есть убийца-профессионал, какой и нужен.

Карасик положил перед Яшкой бумажную салфетку, ручку и сказал:

— Напиши мне фамилию, имя, отчество, адрес, телефон Га-

дея — интересно все-таки, кому такие деньги платишь, — и мы с тобой расстанемся. «БМВ» верни.

— Так она на меня оформлена, — прошептал Исилин.

— Сними с учета, продай фирме. Ты когда машину получал, оплатил оформление и страховку? Вот и получишь эти деньги. Нужен будешь, тебя найдут, доллары передай аккуратно, я проверю.

— Обижаете.

— Пока нет. — Карасик наполнил свою рюмку, Исилину не предложил, и тот понял — аудиенция окончена. — Не прощаюсь, увидимся.

— Всего доброго и приятного аппетита. — Последняя фраза шефа обнадеживала. Исилин считал, что легко отделался, но ошибался. Как только он вышел из кабинета частного ресторана, Карасик пересел на диван, к столу с телефоном, набрал номер Галей. Ответили почти сразу.

— Слушаю.

— Здравствуйте, Саша, — мягко произнес Карасик. — Вы меня не знаете, фамилия моя вам ничего не даст, мне надо поговорить с Борисом.

— Он человек занятой. — Сашка разбирался в людях, голос и манера говорившего ему понравились.

Братан как раз был дома, продукты привез. Сашка прикрыл трубку:

— Борис, тебя серьезный мужик спрашивает, меня знает, советую потолковать.

— Раз советуешь... — усмехнулся Галей и взял трубку. — Здравствуйте, вы меня застали случайно, я в это время на работе. Слушаю, какие проблемы?

— Борис Сергеевич, мы заказывали у вас санузел, получили полный комплект, мне сегодня доложили, что с адресом отправителя неувязочка. Я сейчас дал команду, завтра вы можете получить окончательный расчет. Вас это устраивает?

— Вполне, Михаил Михайлович. — Галей моментально понял, с кем разговаривает.

— Значит, мы остались друг другом довольны. Приятно. Вы в сотрудничестве заинтересованы?

— Об этом рано говорить: надо еще получить деньги, и меня абсолютно не устраивает ваш представитель.

— Согласен, я уже уволил его. Вы получите гонорар, и если спустите этого представителя в канализацию, так я вам большое спасибо скажу. — Карасик рассмеялся.

Галей торопливо соображал — Карасик действительно шутит или говорит серьезно. Если ему, Галей, предлагают Яшку ликвидировать, то это очень заманчивое предложение.

— Ну, то дело хозяйское, мы люди рабочие, — осторожно произнес он.

— Да я бы сам утопил паршивца! — поднял голос Карасик. — Это надо придумать: по одной накладной два унитаза заказать, голова не болит, хозяин заплатит.

Галей выдержал паузу.

— Посредники вечно что-нибудь напутают.

— А как без них?

— Придумаем, только вы по этому номеру больше не звоните. Брат болен, а я тут не живу, — соврал Галей. — Надо будет, я вас сам найду.

— Яшку я уволил, вы меня поняли?

— Я не понял, зачем вы его нанмали.

— Частный ресторанчик на Сретенке знаете?

— Вы из него звоните. Уважаемый, телефонный разговор окончен. — Галей положил трубку, запомнил номер, высветившийся на его аппарате, осуждающе покачал головой.

Он был недоволен собой. Слишком близко оказался от заказчика. Это фраера галдят, что надо стоять у кассы. Профессионал знает: другой профессионал, который ищет, пойдет от кассы, как от печки, и чем от окошечка дальше, тем дольше на свободе. А Яшка оказался глупее последнего дурака, попав меж двух огней. Совсем дух потерял, сдал Галея хозяину со всеми потрохами. У Карасика, видно, свой резон: как с Галеем жизнь сложится — сказать трудно, а вот Яшка Исилин от жизни устал, определенно устал.

К середине июля солнце проснулось и с яростью, словно навестывая упущенное, набросилось на каменное громадьё — Москву. За два дня асфальт накалился, ночью лениво отдавал свой жар, днем набирал заново, температура подскочила к тридцати. Народ взвыл.

Гуров не выносил жару органически. Да еще вынужден был ходить в костюме: не носить же пистолет в открытую, а без него сыщик чувствовал себя словно без штанов. Правда, он большую часть времени проводил в кабинете, где пиджак и галстук можно было снять, что полковник, лишь переступив порог, и делал.

Артем Ермаков беззвучно «музицировал» на клавишах компьютера. Крячко работал молча, с едва уловимой улыбочкой. Изредка переставал читать описание очередного убийства, выпрямлялся на стуле, потягивался и, заложив ладони за голову, с интересом изучал сидевшего напротив Гурова. Словно усмотрел в начальнике что-то новое. Гуров, как правило, на приятеля внимания не обращал, а если случайно сталкивался с ним взглядом, то смотрел на Станислава затуманенно.

Так и работали. Молчали часами. Изредка Гуров отвечал на телефонные звонки, порой ненадолго уходил, возвращался и сразу же усаживался изучать доставляемые с воли дела.

Розыскники Москвы быстро уяснили, что проверка у сыщиков происходит формальная, для «галочки», так как почти все дела возвращались быстро, практически без замечаний. А потому тащили папки охотно, ничего из них, после первого случая, не изымая и не припрятывая.

Порой, возвращая дело, Гуров внимательно смотрел в лицо розыскника и серьезно говорил:

— Я бы мог по делу наехать на тебя, но отпускаю с миром, потому с тебя причитается! Ты понял меня?

— Понял, господин полковник, — растерянно отвечал опер.

— Нагло врешь, — спокойно продолжал Гуров. — Ты ничего не

понял. О таких вещах в присутствии свидетелей не болтают. Я тебе позвоню, скажу, куда, сколько следует принести. Свободен.

Опер хлопал дверью, жизнь продолжалась. Таких разговоров Гуров провел пять. Артем Ермаков, конечно же, сидел, ничего не слыша и не видя, а Крячко после ухода очередного «должника» интересовался:

— Ты взятки будешь в одиночку брать, или я тоже в доле?

— В данном деле ты, Станислав, будешь паровозом.

Станислава интересовало, что Гуров замышляет, зачем и кому именно напоминает о долге. В чем тот долг состоял, он понимал. Гуров что-то задумал, отбирает людей одному ему ведомым способом, и он, Крячко, этим парням не завидует.

— Смотри-ка, такого, кажется, давненько не было...

Гуров поднял голову. Крячко разглядывал фотографии.

— Жду продолжения. — Гуров откинулся на спинку кресла и потянулся.

— Двадцать второго февраля в троллейбусе пятнадцатого маршрута примерно в пятнадцать часов обнаружен труп гражданина Исилина Якова Петровича. Судя по тому, что людей, а следовательно, и свидетелей было полно и никто не видел, как труп заносили, есть основания полагать — данный гражданин вошел в троллейбус самостоятельно, а в труп превратился на глазах у изумленной публики.

— Пропусти десять страниц, объясни суть, — раздраженно произнес Гуров.

— Пожалуйста, заключение специалиста по трупам. Гражданин Исилин скончался не от инфаркта, как предполагалось, а от... Тут очень заумно излагается. А по-нашему, по-простому, закололи его шилом, либо иным иглообразным предметом. Удар нанесен сзади под левую лопатку, соответствующие отверстия имеются на пальто, пиджаке, рубашке и майке убиенного. Я почему сказал, давненько такого не было, когда-то так «детиншки развлекались», особенно любили подкалывать людей в метро, в часы пик...

— Полно, — перебил Гуров. — Артем, запусти в память: Исилин Яков Петрович, что-то мне не помнится...

— Точно есть, сейчас найдем, — ответил Артем.

— Надеюсь, не надо объяснять, что территориальная милиция долго друг дружке труп отпихивала. Троллейбус-то движется, и по чьей территории ехал человек, а на чьей он в труп превратился, неизвестно. Кто ж его за своего примет? В общем, пока суть да дело, ни одного свидетеля обнаружить не удалось.

— Станислав, с нами работает молодой коллега, имей совесть, — укорил Гуров.

— Господин полковник, я всю свою совесть готов променять на одного свидетеля.

Артем Ермаков, видимо, уже получил необходимые данные, смотрел на экран компьютера и нетерпеливо ждал, пока начальник угомонится.

— Так, — Гуров хлопнул ладонью по столу. — Банкира застрелили четвертого февраля. Труп неизвестного молодого мужчины

найден шестого. Фотографию трупа опознали жильцы дома, в котором жил Белоус. Люди утверждают, опознанный болтался во дворе дома за день-два до убийства. Есть основания предполагать, что парень и убил Белоуса. — Гуров с надеждой взглянул на Ермакова, тот состроил довольную рожу, даже осмелился подмигнуть. — Значит, Белоус убит четвертого, предполагаемый убийца застрелен шестого, а господина Исилина находят в троллейбусе двадцать второго февраля. Господин Исилин... — Гуров повернулся к Артему. — Скажи, пацан.

— Господин Исилин проходил свидетелем по розыскному делу. Он допрашивался в качестве свидетеля.

— Свидетеля чего? — разозлился Крячко. — Если мы так клеить начнем, я сам такие сложу цепочки. Обхохочетесь! Так свидетелем чего был убитый? Почему он допрашивался?

— Гражданин Исилин не допрашивался, — рассеянно ответил Артем, глядя на экран компьютера. — Он лишь упоминался. Упоминался в розыскных материалах, как человек, записанный на прием к президенту компании Карасику, но не принятый.

— Попробуй меня не прими, я вмиг порещу, — пробормотал Крячко.

— Однако убили его непросто. Рука профессионала. Согласен?

— С профессионалом согласен, а связи пока не вижу. Думаю, закололи его во время посадки в троллейбус, когда на ступеньках толчея. Он ничего и не успел почувствовать. Убийца «помог» человеку подняться, а сам остался, якобы решил ждать следующего троллейбуса.

Крячко листал дело — ни одного толкового свидетеля. А ведь кто-то видел, как человек вошел, как ему стало плохо, как его усадили. После о нем могли забыть. Где он сел в «пятнадцатый», идущий по бульварам? Труп обнаружили у Сивцева Вражка, значит, он ехал по Трубной, переехал Тверскую.

Крячко замолчал, почесал в затылке. Артем повернулся к своему компьютеру. Гуров сжал телефонную трубку, соединился с Бардиным.

— Здравия желаю, господин генерал-лейтенант, Гуров беспокоит.

— Здравствуйте, Лев Иванович, какие проблемы?

Гуров про себя чертыхнулся, но вслух вежливо сказал:

— Я хотел бы ознакомиться с материалами по убийству Сивкова. Их забрала доблестная контрразведка.

— Да-да, у меня был разговор, обещали...

— Благодарю. Но чтобы получить обещания, не обязательно быть заместителем министра.

Бардин попытался обратить все в шутку.

— Вы неделю не можете выкроить минутку и позвонить девушке, а вырвать секретную папку из лап контрразведки за день желаете.

— Если существует прямая взаимосвязь, позвоню сегодня же. Благодарю за внимание.

— Пожалуйста, — сухо ответил Бардин, понимая, что шутка не удалась. Он разговаривал с коллегой из контрразведки, тот заверил, что убийство народного избранника расследуется со

всей тщательностью, но, судя по всему, оно произошло на личной почве, и никакой коррупции в деле не прослеживается. Материал, конечно, можно показать, — какие секреты между коллегами?

— Началось... — Крячко вздохнул. — Вновь хамишь начальству. — Он открыл ящик стола, вытащил новенькую папку. — Значит, депутатом упорно интересуешься? У нас своего дерьма мало? — И уже другим, деловым тоном продолжил: — В народе существует мнение, что Сивков взятка не брал, был несговорчив, вздорен, придирался к пустякам. Его интересовало, почему предприятие с миллионным оборотом не платит налогов. В шухере, который он поднял, замазалась вся верхушка районной администрации. Надо покопаться в его корнях, наверняка внук «врага народа» мстит за дедов, и прочее...

— Что же молчал? — прервал Гуров.

— Каждому овощу свое время, мы еще с майскими делами колупаемся. — Крячко поглядел лежавшую перед ним папку. — А депутата «замочили» в июне. Ежели честно, не хочу, чтобы ты лез в политику, да и киллер наш — человек явно нанятый людьми денежными.

— Господи, Станислав, как ты мне надоел! — Гуров вновь потянулся к телефону, начал крутить диск.

— Ну еще бы, — фыркнул Крячко. — Человек, который говорит правду, всегда раздражает...

Гуров набрал номер и, когда соединился, представился шутовски:

— Левка Гуров беспокоит. Не сидится ему на завалинке. Здравия желаю, Федул Иванович.

— Привет, хлопец, слышал, одумался ты, в дом вернулся, — ответил заместитель генерального прокурора Грач.

— Прокуратуре все положено знать.

— Не выкидывай коленца, — буркнул заместитель прокурора. — Чего надо?

— Тут четвертого июня шлепнули одного гражданина. Я фамилию лишь из газет узнал, он при жизни в Думе заседал.

— У тебя есть чего? Приезжай, рады видеть, — быстро ответил Грач.

— Имею лишь любопытство. Меня к делу не подпускают: с одной стороны прокуратура, с другой ФСК, или черт знает, как нынче КГБ зовут!

— Я любопытных уважаю, приезжай.

— Выстрел был один или его из автомата полоснули?

— Не буду с тобой по телефону калякать. — Грач явно рассердился. — Сказано, приезжай. — Он замылся: — Только не сегодня...

Гуров вспомнил, что на столе зампрокурора видел фотографию красноармейца, но явно не самого Грача, а кого-то из предков.

— Слушай, красноармеец, я ради тебя в лепешку расшибусь, скажи, выстрел был один?

Вместо ответа зампрокурора коротко матюгнулся и положил трубку.

Гуров подмигнул Крячко, тот сидел, открыв рот.

— Зампрокурора красноармейцем обзываешь? Охолонись, Лева, я так без начальника останусь.

— Федул — мужик простой, наверняка сейчас Орлову названивает, якобы для разноса. Ладно, шутки в сторону, необходимо на это дело взглянуть. А пока ты мою красивую цепочку: банкир — труп наемника — труп Исиллина в троллейбусе — разорвал и взамен ничего не предложил. Нехорошо, коллега.

— Вариант имеется, но больно заумный...

— Давай! — согласился Гуров.

— Солнцем полна голова! — Крячко откинулся на спинку кресла и неторопливо начал повествовать: — Живет человек и не знает, когда ему кирпич на голову свалится. Небезызвестный мессир Воланд утверждал, что просто так никому кирпич на голову не падает. Отметьте зрудицию. — Он выдержал паузу, аплодисментов не дождался. Гуров смотрел сердито. Крячко выпрямился в кресле и деловито продолжил: — Когда человека подстерегла беда, он быстро выяснил, что довериться некому и ждать помощи неоткуда. А от кого можно? Не от мамы же с папой? Остаются только друзья детства либо однокашники, сокурсники.

— Ну-ну, не тяни, — раздраженно сказал Гуров, уже понявший, куда клонит друг. И расстроился, что столь простая мысль не пришла к нему первому.

— Кого мы имеем в розыскных делах? Правильно. Множество сотрудников, немного соседей и родственников. А нужны нам, как уже сказано выше, друзья детства, сокурсники, знакомые, если удостоимся раскопать.

— Да где же их взять? — Артем всплеснул руками.

— Я лишь опер, а по части магии у нас они... — Крячко поклонился Гурову.

— Они не подведут. — Гуров пододвинул к себе телефон. Начал названивать розыскникам, побывавшим в этом кабинете.

Кого не заставлял, просил срочно перезвонить, с кем соединялся, разговор велся как под копирку:

— Привет, с тебя причитается. Пора долги гасить, дружок. Быстренько ко мне, буквально на пять минут. Не можешь сегодня — завтра поутру.

Когда все звонки были сделаны, Гуров принялся за присутствующих.

— Срочно составьте список людей, в чьем окружении может оказаться нужный нам человек.

Артем начал возиться с компьютером. Крячко размашисто написал три фамилии и перебросил листок на стол Гурова. Тот взглянул искоса, усмехнулся:

— Фантазией не блещешь.

Крячко взял у Ермакова список, покачал головой.

— Ты не в морской бой играешь, парень. За каждой нарисованной тобой фамилией лежит громадный человеческий труд. Операм машина не положена, они ножками, ножками. Ты вот фамилию, — Крячко ткнул в листок, — слуду черкнул, а человек кишки наматывать станет.

— Так ведь Лев Иванович определять будет, — робко ответил Артем и покраснел.

— Твой Лев Иванович еще тот душелюб.

Разгорелся спор, втянули в него и Гурова. Он занял нейтральную позицию между воюющими сторонами, но ближе к Артему Ермакову. Фамилии вычеркивались, снова вписывались. Вскоре начали подходить оперативники. Их вытряхивали основательно. Когда наконец посторонние ушли, Крячко сказал:

— Я считаю, настоящий киллер в руки шило не возьмет. Лев Иванович, прошитый в троллейбусе мужичок нам совершенно не в масть.

— Ты великий интриган, Станислав, — убирая бумаги в сейф, заключил Гуров и подмигнул растерявшемуся Артему. — Сам ведь кричишь, что Яков Петрович Исилин твой и только твой... Я, конечно, соглашаюсь, не могу такую перспективную версию у друга отнять. Теперь шутки шутить изволишь.

Гуров посмотрел на Крячко так искренне, что тот даже засомневался в собственной памяти, начал в ней копаться. Слов сегодня много говорили, может, он действительно брякнул чего. Когда же сообразил, что его элементарно «обули», было поздно.

Гуров деловито распоряжался:

— Завтра ты, Артем, с утрачка будешь один, рот не разевай, кроме генерала Орлова, никого не пускай, да он может и не прийти. Я появлюсь после пяти, ну а ты, Станислав, раз решил, действуй. Значит, Исилин Яков Петрович. В один день ты не уложишься, скажешь — я тебе людей дам. С Богом!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

71

Третий день в Москве стояла жара. Настроение у Гурова было скверное, он вел свои «Жигули» следом за иномаркой, за рулем которой сидела Ирина, сестра супруги Бардина, и не представлял себе, зачем следит за молодой женщиной. «Взял» он Ирину от ее дома, теперь они следовали по набережной, поток машин становился все гуще, и сыщик понимал, что вскоре придется пристроиться непосредственно за машиной Ирины или отстать на ближайшем светофоре.

У Каменного моста Ирина свернула направо, миновала библиотеку, вскоре свернула на Тверскую и припарковалась под знаком «остановка запрещена». Вдоль тротуара стояло множество машин, видимо, все имели специальное разрешение стоять где им вздумается. Гуров пристроился в ряд и тут же увидел инспектора ГАИ. Лениво помахивая жезлом, вконец разомлевший от жары, он направился к «чужой» машине. Как гаишники узнают, что водитель не блатной и не родственник, не знал даже лучший сыщик России.

Гуров запер машину, шагнул навстречу инспектору:

— Полковник Гуров, нахожусь на работе, шагай мимо, — и заторопился следом за Ириной, уже скрывшейся за сверкающими дверями гастронома.

Гуров почти ежедневно бывал в магазинах, такова холостяцкая доля. Сегодня, как известно, везде все есть, но оказалось, что магазин магазин рознь, и женщина не зря проехала по душевой Москве.

За прилавками, уставленными самой различной снедью, порхали улыбающиеся продавщицы. Колбасы, ветчины, окорока, сыры, банки и баночки, а главное, этикетки, от которых можно сойти с ума.

Гуров встал в сторонке, оглядел длинный магазин и начал наблюдать за Ириной, лениво размышляя, почему такая интересная, богатая, родовитая женщина не замужем, а в данном, конкретном случае без сопровождающего?

Когда она обошла весь магазин, загрузившись пакетами, Гуров «случайно» замешкался в дверях. Ирина его толкнула. Он пробормотал извинения и подхватил женщину под руку.

— В какой-то телевизионной рекламе я слышал, что от судьбы не уйдешь.

— Судьба? — Ирина прищурилась. — Расскажите морским пехотинцам. Ладно, несите в машину, полковник. — Она ловко перегрузила пакеты Гурову.

Гуров не стал валять дурака и спрашивать, к какой именно машине нести пакеты, остановился около иномарки, при ближайшем рассмотрении оказавшейся «пежо-405». Ирина достала ключи, отключила сигнализацию и уверенно сказала:

— Проводите до дома.

— Спасибо, но мне срочно надо... — Гуров замолчал, понимая, что отказом подводит под их неначавшиеся взаимоотношения окончательную черту.

— Сколько сил и времени затратили, и все напрасно. — Ирина открыла багажник. Гуров уложил пакеты. Мелькнула мысль не возвращаться на Житную в министерство.

Ирина выглядела совершенно иначе, чем в тот злополучный вечер. Глаза не темные, а рыжие в крапинку, зрачок в голубом ободке, как у кошки, волосы тоже рыжие, местами даже льняные, только губы прежние: полные, сочные, резкого рисунка, с легким пушком над верхней губой.

— Гуров, не устраивай мне сцен у фонтана, прошу, да и сумки до лифта некому донести.

— Разве что сумки, — сердито буркнул Гуров, захлопнул багажник и пошел к своей машине.

— Значит, на работе, полковник... — услышал он за спиной насмешливый голос гаишника.

Сыщик сел за руль, включил движок и опустил стекло:

— Неужели тебе не жарко, инспектор?

Его машина поехала следом за «пежо».

Когда они вышли из спальни, Ирина отправилась на кухню. Поджарила вырезку, приготовила какой-то фирменный соус, прервала затянувшееся молчание:

— Мне налей рюмку водки, а себе по усмотрению, ты ведь на работе и за рулем.

— Такую жизнь придумал не я. — Гуров наполнил рюмки, чокнулся. — За тебя.

Они вышли и сели за стол, словно были знакомы давным-давно.

— Спрашивай. Что тебя интересует? — сказала Ирина просто,

как бы невзначай.— Если могу, то постараюсь тебе помочь. Только не ври, не говори о любви с первого взгляда и прочую ерунду.

Лев Гуров отлично знал: женщине ни при каких обстоятельствах нельзя признаваться в корыстных побуждениях. И легкость вопроса, и небрежный тон — сплошной обман. Один неверный шаг — и вместо возможного союзника он приобретет серьезного врага. Гуров на секунду замешкался, понял, что выдает себя, у нормального мужика в подобной ситуации не должно быть холодного взгляда.

— У меня действительно много вопросов,— спокойно ответил он.— Только я их не задам. И с любовью я во взаимоотношениях натянутых, как с первого взгляда, так и со второго. Ты красива, у тебя великолепное тело, ты потрясающая любовница, но у тебя нет и не будет на меня никаких прав. Давай выпьем по второй и не будем портить неожиданный праздник.

— Как говорится в старом анекдоте, физическая близость еще не повод для знакомства,— улыбнулась Ирина.— У тебя нет постоянной женщины?

— И не постоянной тоже нет. Моя бывшая жена убыла с новым мужем в Америку, я бесхозный.

— И как женщины позволяют тебе разгуливать без присмотра?

— Я тоже удивляюсь,— пожал он плечами.— Однако, как видишь, не заблудился и под трамвай не попал.

— А если серьезно?

Гуров собрался сочинить остроумный ответ, но лишь вздохнул и после паузы неохотно произнес:

— А ты задай аналогичный вопрос себе, если ответ понравится, поделись, интересно послушать.

— Хорошо,— легко согласилась Ирина.— Ты говорил, что у тебя есть ко мне вопросы, но ты их не задашь. Почему? Может, передумал?

— Это вряд ли.

— Тебя не интересует, сколько раз я была замужем, есть ли у меня постоянный мужчина? Не интересует.— Ирина кивнула.— Значит, ты хотел спросить о Бардине и его дружке, в прошлый раз хулиганившем у Алки?

Гуров холодно смотрел на женщину. Она переставала ему нравиться, но было жаль терять ее так быстро. Ирина словно почувствовала, что с Гуровым что-то происходит, и как можно ласковой произнесла:

— Прости, я любопытна.

Гуров наполнил рюмки, пододвинул телефон.

— Извини, я на два слова.— Он набрал рабочий номер.— Артем? Говорит Гуров. Что-нибудь есть? Хорошо. В восемнадцать все запри, опечатай, меня сегодня не будет.

— Я впервые слышу, как мужчина говорит, что не придет на работу, ничего не объясняет и не врет. Ты часто врешь?

— Случается.

В дверь позвонили, явно условной трелью. Ирина встала, поправила прическу.

— Это Алла, в гостиную можешь не выходить.

— Ты хозяйка, решай, как лучше.— Гуров достал сигареты.

Из прихожей донеслись голоса. Гуров понял, что сестра пришла не одна. Ирина громко сказала:

— А у меня тут случайно в кустах рояль! — Она заглянула в кухню.— Лев Иванович, прошу!

Гуров погасил сигарету, вышел в гостиную, увидел Аллу, при дневном освещении меньше походившую на сестру, и статного мужчину, в котором не сразу узнал депутата Иона Пантелеевича Доронина.

— Великий сыщик! — воскликнула Алла.— То вас невозможно отыскать, то вы являетесь как...— Она не смогла найти нужное слово, махнула рукой.— Вы знакомы — Ион Доронин, звезда эфира.

Доронин сдержанно улыбнулся, пожал Гурову руку. Сыщик отметил: сегодня ладонь у депутата сухая и сильная.

Изображая хозяина, Гуров пододвинул гостю кресло.

— Прекрасно! — Алла и в квартире сестры сразу захватила инициативу.— Вы болтаете о политике, а женщины удаляются на кухню.

Мужчины молча опустили в кресла, закурили, словно выполняли ритуал. Доронин выглядел rispetабельно, даже зачесанные через лысину пряди светлых волос не делали его смешным.

Сыщик автоматически начал просчитывать, случайно произошла встреча или она кем-то запланирована. Быстро пришел к выводу: как ни парадоксально, встреча случайная, так как о ней час назад не знал и сам Гуров.

Полицейский полковник, а именно так называл про себя Гурова депутат Думы, вызывал у него чувство раздражения. Но для выполнения задуманного полковник был депутату нужен. Гуров должен стать верным союзником и верить Доронину безоговорочно. А умеет ли полицейский доверять другому человеку, либо в нем вырабатывается профессиональная настроенность к людям?

— Вы хотите задать вопрос,— нарушил молчание Гуров.— Задавайте, постараюсь ответить правду.

— Вы умеете ее говорить?

— Оскорбление не лучший способ начинать знакомство.

— Извините, но ваша профессия как бы обязывает не отвечать, а задавать вопросы.

— У вас неправильное представление о сути моей профессии.

— Так просветите...— Доронин злился на себя, что повел разговор в конфликтном тоне.

— А вы объясните мне мотивы человека, который соглашается засесть в Думе.

— Соглашается? — возмутился Доронин.— Да человек ночи не спит, изничтожает себя вконец, лишь бы в Думу попасть.

— За привилегиями, из стремления в дальнейшем устроиться так, чтоб меньше работать и больше получать.

Доронин проглотил оскорбление на удивление легко.

— А как же стремление изменить жизнь к лучшему, любовь к России?

— Стремясь изменить жизнь к лучшему, надеюсь, вы уже успели получить хорошую квартиру и прочие мелочи, причитающиеся народному избраннику.

— Я живу неплохо, — скромно ответил Доронин, вынимая из кармана и протягивая Гурову визитную карточку. — Загляните на досуге.

— Давайте сойдем с тонкого льда. Вы приехали встретиться с Николаем Ильичом?

— Николай обещал заскочить к обеду, — ответил Доронин.

— Мужчины! — В гостиную вошла Алла. — Помогите слабым женщинам накрыть на стол. — Она взяла под руку Доронина. — Мой супруг так безобразно опаздывает...

— Извини, но я, пожалуй, смоюсь. Дела. — Доронин вежливо улыбнулся.

В этот момент позвонил Бардин, сказал, что он дома, ждет гостя, видимо, добавил еще кое-что, о чем Алла сочла за лучшее промолчать. Она схватила депутата за руку, и они удалились так же неожиданно, как и пришли.

Гуров пробыл у Ирины еще с полчаса, затем раскланялся.

— Звони. — Ирина проводила Гурова до дверей с таким выражением, словно он действительно лишь помог дотащить тяжелые сумки да выпил чашку кофе.

— Обязательно. — Гуров поцеловал ей руку и вышел. Такие взаимоотношения сыщика вполне устраивали.

На следующий день Крячко в кабинете не появился, сказал по телефону, что выполняет задание и, возможно, в этом году закончит.

Гурова вызвали к Бардину. Артем в одиночестве колдовал с компьютером.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — ответил генерал-лейтенант на приветствие полковника. — Начнем с того, Лев Иванович, что я прошу вас не распространяться, что вы встречали Иона Доронина в моем доме.

Гуров молча кивнул.

— Отношения в верхах непростые, не хочу лишних сплетен... — Зазвонил один из телефонов, стоявший на приставном столике. Бардин приподнял и опустил трубку. — Что вам известно об убийстве депутата Сивкова, произошедшем четвертого июня?

— Только то, что его убили у собственного подъезда. Больше ничего.

— И это все? — насмешливо спросил Бардин.

Гуров развел руками.

— Дерьмо, кругом дерьмо! — Бардин вышел из-за стола, прошелся по кабинету. — И что вы думаете по этому поводу?

— Николай Ильич, я занимаюсь другим делом. Оно продвигается с большим трудом, если вы будете меня отвлекать, то забуксует окончательно.

— Но сказать свое мнение вы можете?

— Если след не обнаружен сразу, он может быть не найден никогда. Делом занимается прокуратура города и контрразведка, мне оперативные материалы не показывают, я даже не знаю, у кого они в производстве. Возможно, для этого есть серьезные основания. Господин начальник, поверьте моему милиционерскому чутью, давайте оставим это дело тем, кто им занимается. Не будем мешать.

Гуров понял, что Бардину сообщили о его запросе в прокуратуру и попросили унять не в меру любопытного мента. Ситуация была проста. Прокуратура и контрразведка уперлись в тупик, а признавать это перед ментами не хотели. Но Грачу стало ясно: что-то у Гурова имеется, прокурорский захотел это выяснить лично, потому и приглашал полковника к себе в кабинет.

— Пусть каждый занимается своим делом, — повторил Гуров.

— Вам виднее, Лев Иванович. — Замминистра вернулся за стол. — Больше нечего мне сообщить?

— Пока нет, господин генерал-лейтенант. — Гуров встал. — Разрешите идти?

— Да-да, конечно. — Бардин сделал вид, что разыскивает на столе какой-то документ.

— Домашним поклон. — Гуров быстро вышел.

Полковник контрразведки Еланчук сидел в кабинете своего начальника, генерала Барсука Степана Акимовича, и ждал, когда тот закончит телефонный разговор, состоявший из междометий и невнятного хмыканья. «Если его абонент разговаривает таким же манером, как они друг друга понимают?» — подумал Еланчук.

В свое время генерал увольнял Еланчука, а недавно якобы способствовал возвращению полковника в ряды доблестных чекистов. Еланчук разбирался в людях, работа такая, знал генерала много лет и не понимал совершенно. Неумен, необразован, хотя хитер, с прекрасной интуицией, но это же не объясняет, каким образом он при любых властях, перестройках, перетряхиваниях, чистках и реконструкциях остается в кресле. Все руководство сменилось, уволили классных специалистов, трижды перестроили, меняли название и направление работы, а генерал Барсук продолжал руководить. Неужели никто не видит, с кем приходило работать?

— О чем задумался, Юрий Петрович? — спросил генерал, положив телефонную трубку.

— О жизни, — глубокомысленно, стараясь не улыбаться, ответил Еланчук.

— Оно и понятно, — согласился генерал. — Хотя в сегодняшней жизни ни хрена не понятно. У тебя в милицмейских верхах кореша имеются? Короче, известно, ты с полковником Гуровым отлично знаком.

— Тоже мне верха! — презрительно фыркнул Еланчук, пытаясь казаться как можно беззаботнее. — Опер, мент обыкновенный.

— Теплоцентральный видел? — неожиданно спросил генерал.

— Какую? — не понял Еланчук.

— Любую! Здоровые трубы, небо коптят, город греют. Там тысячи труб, отводов и подводов, но ежели в твоей квартире кран прорвет, прокладка полетит, либо другая мелочевка, затопит к едрене-фене. Твой Гуров начал крушить кран, который не надо трогать.

— Так скажите его начальнику, чтобы полковник бросил баловаться, отошел в сторону.

— Сказали уже, твой Гуров обещал не влезать куда не следует. Только слышал я, он с придурью. Ты можешь с ним потолковать, проверить: он всерьез отстал или начальству лапшу на уши вешает?

— А в чем дело, собственно?

— Дело не мое... — Генерал сменил тему. — Пусть сами разбираются. Ты мне лучше скажи, есть такой засранец в Думе, председатель комиссии, Доронин Ион Пантелеевич, жид, наверное?

— Это вряд ли. — Еланчук вспомнил Гурова и усмехнулся.

— У тебя на этого Иона есть чего?

— Откуда, Степан Акимович? Нам же категорически запрещено...

— Цыц! — перебил генерал. — Ты кому заправляешь? Мы поставлены наших депутатов охранять! А как охранять, если не знаешь придурка? Займись Ионом. — Генерал ощерился, видно, очень не нравилось ему имя депутата Доронина. — Где родился, крестился, учился, знался, болтался? Сам знаешь, тебя учить — только портить.

— Так что, мне на Доронина разработку заводить, а на основании чего? На него какая-нибудь серьезная компра имеется?

— На основании моего устного распоряжения! — рыкнул генерал. — Ты агентурист, разработчик, вот и занимайся. Но никакого дела не заводи, ничего не регистрируй, бумажка к бумажке, и в папочку, когда стопочка соберется, глянцем, чем он пахнет, твой Ион.

— Большую компанию вы мне собираете, Степан Акимович. Мой Гуров, мой Ион Доронин, — сухо произнес Еланчук и встал.

— Что ты в бутылку лезешь? Знаешь, у меня присказка такая, — миролюбиво сказал генерал. — Наступил твой Ион на мозоль начальству, а они этого не любят... Может, есть у нас чего? Ну, в смысле, на твоего этого, извини... — Он махнул рукой. — Иди. Да, ты с Гуровым повстречайся, рюмку выпей, может, он сболтнет чего.

— Извините, Степан Акимович, но с Гуровым без дела встречаться не буду, мы не друзья...

Еланчук вышел из генеральского кабинета и решил сегодня же созвониться с Гуровым.

Именно в это время Гуров тоже разговаривал с генералом.

— Петр, чего ты мучаешься, говори, сам знаешь — меня обидеть даже поленом трудно.

— Я не обидеть боюсь, не хочу лишних слов говорить. Ты телевизор совсем не смотришь?

— Спорт, детективы, если не поздно. Ты о политике хотел спросить?

— Дума отдыхать собирается, наши правители, думаю, тоже в отпуска соберутся.— Орлов вздохнул.— Ты кому симпатизируешь?

— Я их плохо отличаю...

— Они с осени к перевыборам начнут готовиться, нам следует в стороне быть.

— А нас и так никто не спрашивает.

— Дай Бог.— Орлов снова вздохнул.— Но могут использовать в своих интересах, втемную.

— Чего? — Гуров всплеснул руками.— Они... Нас... Втемную?

— Ты, умница, не гоношись! Они в свои игры играют, а мы в них даже правил не знаем.

— Какие в политике правила? Петр, очнись!

Орлов пропустил его слова мимо ушей, будто и не слышал.

— Игра идет, и идет по-крупному. Они будут пытаться друг друга скомпрометировать. К дачам, квартирам, машинам люди уже привыкли, тут все замазаны, на таких делах ухи не сварить. А на чем сварить? На уголовщине. А по убийствам главный в России кто?

— Так говоришь, словно мы с тобой главные на Руси убийцы, — усмехнулся Гуров.

— Не придирайся к словам, смысл понял? Кого скомпрометировать, утопить на уголовщине? Лучше нас с тобой не сыскать. А ты хочешь, что тебя нельзя втемную использовать! Как раз тебя, Лева, с твоим упрямством и прямолинейностью, и легче всего. А ты, психолог, не чуешь, какая вокруг тебя возня началась? Депутат, девица... Понять не можешь, при чем здесь ты? А тебе не надо понимать! Ты на другую сторону речки переберись и шагай своей дорогой. Понял? Я, старый пень, тебя к Бардину подтолкнул. Так я все свои грешные приказы отменил! В дом к нему не ходи, никаких шашней с дамами, не звони, ничего не спрашивай, не интересуйся! Дали тебе указание киллера найти, вот и рой землю, разыскивай, устанавливай, собирай улики. А шаг в сторону — считаю, побег! И тогда пеняй на себя! Все, разговор окончен. Можешь быть свободен.

Дом, в котором жил Гуров, фасадом выходил на Суворовский бульвар, а черным ходом во двор, в Калашный переулок. В начале переулка, около здания некогда знаменитого «Моссельпрома», располагалось посольство, у которого, как и положено, круглосуточно дежурил милиционер. Напротив этого постового Гуров и оставлял на ночь свою новенькую «семерку», чуть наезжая на тротуар, чтобы не мешать проезду и без того в узком переулке.

Гуров вышел из машины, махнул постовому, тот в ответ козырнул, и направился в свой двор. Сейчас, в девять вечера, духота еще не отпустила. Гуров нес пиджак в руках, но перед входом во двор надел его, что и спасло сыщику жизнь.

Надев пиджак, Гуров неторопливо достал сигарету и зажег ее. Видимо, от него не ожидали остановки, потому поторопились. Пацан выскочил из двора навстречу с заготовленной фразой:

— Дяденька, дай закурить!

— Не курю, сынок, — ответил Гуров, шелкая зажигалкой и затягиваясь. Слегка повернув голову, увидел двух подростков, выпешедших из-за забора стройки на другой стороне переулка. Один держал руку за спиной.

Самым простым и правильным было убежать в сторону машины и постового. И ничего стыдного в том, что старший оперважнюк, полковник милиции, бегаёт от сопливой шпаны. Гуров отлично знал, на что способны такие «пацаны» и «сынки». Он хотел уже вернуться, но внезапно остановила мысль, что это не рядовой грабёж, а хорошо организованная засада на него, полковника Гурова. Для грабежа ещё рано, слишком светло. Словно подтверждая догадку сыщика, сопляк, кланчивший папиросочку, исчез, а из глубины двора выдвинулись три высокие фигуры.

— Попросили закурить, как человека, а вы пыхтите сигареточкой и хамите нищей молодежи. Нехорошо, — с ехидцей, но вполне миролюбиво произнес один из парней.

«Главарь, он-то мне и нужен, захватить его во что бы то ни стало. Напасть первому», — думал Гуров, внимательно наблюдая за главарем. Сыщик опустил в карман зажигалку и снял с предохранителя газовую «беретту», не раз выручавшую.

— Если курить хочешь, не хоронись за мусорными баками, не посылай вперед малолетку.

Главарь, отсидевший два года в зоне для несовершеннолетних, почувал опасность: мужик был слишком уверенный и острый. Парень тянул с нападением, понимая, что навели его либо на авторитета, либо на мента и не предупредили, дешевки. Хотя назвать дешевкой человека, распорядившегося «замочить» мужичка под видом ограбления, нельзя. Главарь беспечно глянул на подручного, стоявшего с цепью за правым плечом сыщика.

Гуров понял этот взгляд и сделал быстрый шаг влево. Ржавая цепь только взметнулась для решающего удара, а сыщик уже выстрелил в лицо нападавшего, ударил по затылку кинувшегося с ножом главаря, парень рухнул лицом на асфальт.

Гуров защелкнул наручники на главаре, сначала хотел приковать к сотоварищу, который, так и не выпустив цепь, валялся под ногами, но передумал. Показания главаря важнее ареста уличного бандита. А парень расколется лишь в том случае, если будет уверен, никто из банды не знает, что он попал в руки милиции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Гуров усадил задержанного в свою машину и задумался, как поступить дальше. Везти его в отделение или на Петровку и там допросить — нельзя. Даже если удастся уговорить дежурного не регистрировать задержанного, все равно полковника Гурова увидят десятки милицийских, ведь дежурная часть — что вокзал. Завтра о задержании заговорят...

Гуров объехал квартал, остановился у парадного. Подняв «приятеля» в свою квартиру, завел в туалет и, усадив на стульчак, приковал к трубе. Затем позвонил Крячко.

— Лев Иванович, дорогой, совесть имейте, — услышав голос Гурова, взмолилась супружница Станислава. — Только поел, прилег.

Гуров не успел извиниться, как услышал голос друга:

— Лев Иванович, какая приятная неожиданность! Всегда рад, только шепните, лишь штаны надену — и готов.

— Тогда приезжай ко мне.

— Я шутил, полковник, ты юмора не понимаешь?

— Давай, Станислав, давай...

— Счастливо, родной! Особый поклон от моей благоверной.

— Я тоже вас обоих люблю. — Гуров положил трубку и вернулся к задержанному.

Тот сидел раскочерчившись, уронив голову на грудь, и пускал слюну. Гуров пощупал ему затылок, намочил полотенце, вытер физиономию. Отстегнув наручники, провел на кухню, затолкнул на полукруглый диван.

— Сиди смирно, не шали. Кто же тебя, неразумного, так жестоко подставил?

— Чего? — парень дурашливо скривился. — Баловались, курить хотелось. А ты, пес, Семочку всерьез «замочил»?

Гуров зажег плитку, поставил чайник. Взял с подоконника магнитофон.

— Как тебя зовут? — усмехнулся он. — Подожди врать, скоро я буду знать о тебе все. Пока назови имя.

Парень задумался, отыскивая подвох, но решил имя называть — не прогадает.

— Михаил.

— Миша, значит. Лет тебе примерно двадцать, ты уже посетил зону, знаешь, что нары не устилают коврами, а баланда не ресторанный харч. Считаю, Миша, ты парень образованный.

Вода закипела. Гуров снял с плиты чайник.

— Теперь разреши представиться: зовут меня Лев Иванович, полковник, старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного Управления уголовного розыска России. Служу я в розыске больше лет, чем ты, Миша, живешь, так что силы наши неравные. Получается, ты со своей пшаной и зубочисткой в виде ножичка бросился на танк. Смекаешь?

Гуров умышленно назвал свою должность полностью. Парень должен созреть, чтобы склонить его к полному признанию. Гуров чувствовал, сделать это будет очень непросто, но совершенно необходимо. В той неразберихе неуловимых киллеров, пьяных депутатов, капризных красавиц, которые сейчас окружали Гурова, этот молодой претендент в убийцы был единственным понятным, давно знакомым сыщику человеком. Кончик знакомой веревочки, ведущей к знакомому клубочку.

Гуров готовил чай и поглядывал на парня. Вот такой сопливый мальчишка готов убить полковника милиции. Сбил бы с ног ударом цепи и добивал ногами, тыкал ножом, возможно, отрезал ухо — как доказательство, что задание выполнено.

«Странно, нет ненависти. Я стал верующим и всепрощенцем?» — удивлялся Гуров, ставя перед парнем тарелку с бутербродами и чашку с чаем.

— Сколько тебе обещали заплатить?

— За что заплатить? — Михаил насупился, изображая недо-развитого. — А ведь теперь, начальник, ты мне ничего не дока-жешь, даже хулиганку не пришьешь.

В дверь позвонили. Гуров ловко пристегнул наручником кисть парня к ножке стола, пояснив:

— Мебель жалко. — Прошел в прихожую и впустил Крячко.

Взяв из письменного стола все необходимые приспособления для снятия отпечатков пальцев, Гуров с Крячко вернулись в кухню.

— Господин полковник, откатайте индивидууму пальцы, за-тем смотайтесь в контору и привезите его личное дело, — распо-рядился Гуров.

Крячко сдержал язвительное замечание, готовое сорваться с языка, лишь усмехнулся:

— Кажется, меня понизили в должности. — После чего ловко снял отпечатки, взял ключи от квартиры Гурова и молча уда-лился.

— Через час я буду знать о тебе все. А пока, Михаил, не трать время, не трепи нервы, расскажи, кто тебя нанял, кто с тобой был, и все остальное, — сказал равнодушно Гуров.

— За жратву спасибо, хотя я привык получше питаться, теперь сигареточкой угостите.

— Здесь не курят, — ответил Гуров.

— Что же ты, начальник, желаешь из меня сучонка сделать, чтобы я скурвился и людей сдал, а сам такой неласковый. — Михаил укоризненно покачал головой.

Сыщик сел напротив парня, долго молчал. Где взять злость, азарт и силы? Он представил, как лежит оглушенный, в тело ему втыкают нож, отрезают ухо или нос, он мучается от боли, пыта-ется подняться и тогда получает удар ножом в горло. Он видел такие трупы. И седые менты, и прошедшие через кровь «автори-теты» поражаются бессмысленной жестокости малолеток.

Он поднял взгляд. Только что ухмылявшийся парень втянул голову в плечи, шархнул от стола.

— Нервный ты больно. — Гуров выждал, пока вздрагивающий Михаил не усядет на место, и размеренно, с паузами, как преподаватели читают диктант, заговорил: — Я могу тебя отвез-ти на Петровку, через трое суток отпустить. Тогда тебя в лучшем случае зарежут, в худшем начнут пытать, что именно ты мне рассказал. Полковник, сыщик Гуров, в большом авторитете у твоих бугров. Никто не поверит, что ты не сказал мне ни слова. Ты сам знаешь, как будешь умирать. Годится?

Гуров закурил, подошел к потемневшему окну, долго смотрел на тусклую россыпь огней.

— Двадцать два, начальник, банкуй по новой, — наконец прошептал парень.

— Я уже сказал, меня зовут Лев Иванович, обращай ко мне по имени отчеству и на «вы».

— Хорошо, Лев Иванович. — Парень тяжело сглотнул. — Ча-шечку чая можно? Пожалуйста, Лев Иванович.

Гуров налил ему остывший чай:

— Существует иной вариант. Никто не видел, как я тебя взял.

Трое твоих дружков сбежали, один остался на асфальте в беспмятстве. Ты тоже мог убежать, я бросился тебя догонять, но не догнал. Годится?

— Рембо, так зовут парня, что вы оглушили из газовика, мог видеть, Лев Иванович...

— Что я тебя увел?

— Ну да. Газ — дело неверное, может глушануть надолго, а может и нет...

— Верно, Миша, такое исключить нельзя. Значит, твоя версия. Когда кореша тебя бросили и затопали по Калашному в сторону улицы Герцена, а Рембо валялся с цепью, ты, оглушенный, стоял на коленях. Мужик, то есть я, схватил тебя и поволок в сторону проспекта. Ты изловчился, ударил его ножом, но тот не упал, лишь отпустил тебя и закричал. Там посольство, у ворот мент, выгоднее было бежать за дружками, к Никитским, но ты сообразил, что наведешь мужика на Рембо, и рванул на проспект.

— Так чем же мне вам платить, Лев Иванович? У меня и нет ничего, кроме Рыбы, так зовут парня, велевшего вас «замочить», он и адрес дал.

Гуров словно не слышал, продолжал:

— Тебя бросили на меня втемную, не предупредили, практически отдали на растерзание. Для них твоя жизнь плевка не стоит. Они точно знали, что я всегда вооружен. — Неожиданно в руке Гурова оказался пистолет. Сыщик достал его столь быстро, что Михаил даже головой затряс и на секунду зажмурился. — Ты никого не предаешь, не закладываешь, просто ведешь бой за свою жизнь, сражаешься по правилам, которые придумали другие. А как тебе позже выскочить из истории, сохранив голову и не попав в зону, я придумаю, не сомневайся.

Хлопнула входная дверь, вернулся Крячко. Он положил на стол канцелярскую папку.

— Здесь все, господин полковник. Где гражданин родился, крестился, с кем водку пил, богатая биография, несмотря на столь молодой возраст.

Михаил смотрел на папку замороженно, Гуров открыл ее, взглянул на единственный листок, прочитал вслух:

— Захарченко Михаил Павлович, семьдесят четвертого года рождения... Москва... Проживает... Кличка... Осужден... Освобожден... Связи... — Гуров взглянул на «гостя». — Имя назвал правильно, молодец. А чего скромничаешь? Связи у тебя богатые, но об этом позднее. — Он вернул папку Крячко и кивнул на плиту и холодильник. — Подзаправься, полковник, и ложись спать, у нас с Михаилом разговор долгий.

— У меня и дома койка имеется, — недовольно буркнул Крячко, открывая холодильник. — Знаю я вас, Михаил Павлович будет врать, а я буду проверять. — Он неожиданно сунул под нос парню кулак. — Скорее говори правду, сукин сын! Я этого дяденьку сто лет знаю: пока он все из тебя не выжмет, ни тебя, ни меня домой не отпустит.

— Станислав, нельзя от человека требовать непосильного, — укоризненно произнес Гуров.

— Знаю.— Крячко вытащил из холодильника кастрюльку.— У тебя здесь суп? Валайте, беседуйте, меня здесь нет...

— Ну давай, Миша, попробуем. Как говорят киношники — дубль первый.— Гуров включил магнитофон.— Когда ты родился, ваша семья уже жила на Ордынке?

Крячко взглянул на часы — начало первого, перевел взгляд на Михаила Захарченко и неожиданно для себя жалостливо вздохнул, до утра было еще много времени.

Он устроился на диване в гостиной, долго прислушивался к голосам за дверью и незаметно провалился в глубокий сон.

Проснулся Крячко от мощного толчка в плечо и старой, заплесневелой шутки:

— Станислав, если сдаешь экзамен на пожарника, то уже получил пятерку.

Крячко легко вскочил, переход от сна к бодрствованию у него всегда был мгновенным, весело спросил:

— Привет! А здорово я прикидывался? Даже ты поверил!

Гуров был уже выбрит, ночной гость в квартире отсутствовал.

— Высокие договаривающиеся стороны, как вижу, пришли к соглашению! — Крячко побежал в ванную.— Я возьму твою бритву?

— Если парня в ближайшие двое суток не прирежут, из него будет толк.— Гуров прислонился плечом к двери ванной, наблюдая за быстрыми ловкими движениями друга.— Я из него вытряхнул то, чего он и не знал...

— Не сомневаюсь.— Крячко поглядывал на Гурова в зеркало с благодарностью — дал выспаться, хотя и не знал, что предыдущую ночь Станислав провел на ногах.

— Конечно, шестерка и есть шестерка, однако до валета мы с ним дорожку протопали. Может, через валета и короля установим.

Друзья пришли на кухню, занялись приготовлением завтрака. — Я тоже не с пустым лукошком,— сказал Крячко.— Или киллер нас больше не интересует?

— Очень даже интересует.— Гуров расставил тарелки, сел за стол.— Думаю все в один узел завязать.

— Ладно! — Крячко махнул рукой.— Не заговаривайся.

— Но мы же ничем больше не занимаемся. Теоретически. Кто-то дал команду убрать старшего опера. И этот кто-то должен быть с полковником Гуровым на одном уровне, внизу Гурова просто не знают.

— Нельзя во всем искать логику,— возразил Крячко.— Ты же знаешь, война и интриги не только в Думе и Правительстве, среди уголовников тоже идет непрерывная грызня. Молодежь теснит признанные «авторитеты», а уж воров, с их примочками и законами, так на дух не переносит. Кто-то из воров или «авторитетов» по пьяни назвал твое имя, молодой услышал и брякнул, мы вашего знаменитого мента в момент «замочим». Молодого подначили, мол, давай, давай... Команда, как шарик по желобу, покатилась вниз, так и организовалась компания «тимуровцев», что встретила тебя у дома.

— Согласен, — кивнул Гуров. — Думаю, примерно так и было. Крячко взглянул на друга подозрительно.

— Ну, чего у тебя имеется?

— Станислав, мое имя выпрыгнуло не из прошлого, тут день сегодняшней. А наши дела ты не хуже меня знаешь.

— Ответить мне нечего, а вопросы задавать я и сам горазд.

— До выезда в контору у нас около часа, выкладывай, где ты топтал землю двое суток, и что у тебя в лукошке. — Гуров приготовился слушать, но неожиданно выпрямился. — Чуть не забыл! Значит, мне вчера порезали левую руку, я об этом молчу, а ты в конторе проговариваешься. Можешь надо мной посмеяться, у тебя получится.

— Постараюсь. — Крячко лукаво улыбнулся, видно, уже прокручивая разговор в буфете министерства.

— Сочинить успеешь, сейчас о работе, излагай, можешь хвататься, — сказал Гуров и прикрыл глаза.

— Я установил, что заколотый в троллейбусе Яков Петрович Исилин и президент АО «Высота» Михаил Михайлович Карасик учились в одном классе. После армии Исилин поступил в школу КГБ, на втором курсе был арестован за валютные дела. Я дело Исилина не смотрел, нам его прошлое ни к чему, интересно настоящее. Он учился в школе КГБ, следовательно, оперативно грамотен, сидел в зоне, может иметь определенные знакомства. АО «Высота» упоминалось во время проверки банка, где председательствовал покойный Олег Данилович Белоус. Еще один пустячок — Исилин год назад купил в АО «Высота» автомобиль марки «БМВ», а второго февраля продал его опять же компании, через два дня купил «мерседес», а зарезан, как известно, в троллейбусе. С одной стороны, убийства Белоуса и Исилина через «Высоту» связать можно, с другой, одного застрелили, другого зарезали. Подключи свою фантазию, Лев Иванович... Оружие и метод убийства сменили круто, чтобы сыщики профессиональную руку не почувствовали.

Крячко взглянул на Гурова, тот одобрительно кивнул:

— Так много знает только человек обученный, оперативно грамотный, а у нас упоминается школа КГБ.

— Список однокурсников Исилина мне получить удалось.

— Молодец, Станислав, даже если ты из всех стволов в молоко засадишь. — Гуров встал, поставил на плиту кофейник. — Что значит демократия, в старые добрые времена мента и близко бы не подпустили в святая святых. Ладно. Пьем кофе, едем в контору, добытую тобой информацию заряжаем в компьютер.

Заместитель прокурора Федул Иванович Грач, худощавый, жилистый мужик лет шестидесяти, взглянул на вошедшего Гурова равнодушно, скрывая неположенную на службе симпатию, сухо сказал:

— Здравствуй, сокол, присядь, если уж залетел.

— Здравствуйте, дорогой Федул Иванович, рад видеть, выглядите вы просто великолепно, — ответил Гуров, глядя на прокурорского распахнуто и искренне, что получалось у него не так уж часто.

— Никакого почтения... Почему под дверью не томишься, не ждешь, когда вызовут?

— Да я с утра просидел под дверью часика три, потом перекурить отошел,— улыбнулся Гуров, доставая «Мальборо».— Угоститесь, или вы «Беломор» смолите?

— Ничего не смолю.— Федул Иванович взял у Гурова сигарету, прикурил, смачно затянулся.

Гуров вновь отметил, какие у Грача цепкие, узловатые пальцы. Хитрые светлые глаза под кустистыми бровями напомнили циркового богатыря-дрессировщика Михаила Рогожина.

— Что тебя в деле интересует?

— Стрелок, естественно,— просто ответил Гуров.— Что еще может интересовать мента в деле об убийстве? Так как стрелка у вас нет, дайте на материалы взглянуть.

— Смотри, Лев Иванович.— Прокурорский был заинтригован интересом знаменитого сыщика к безнадежной «висячке», как называли нераскрытые дела.

Гуров, устроившись за журнальным столиком, начал читать дело. Оно состояло из постановления о возбуждении, протокола осмотра места происшествия, допроса свидетелей, которые ничего существенного сказать не могли, заключения баллиста по изъятой из черепа пуле и патологоанатома о причине смерти.

Выстрел произведен один, пистолет «вальтер», девятым калибр, пуля пробила затылочную кость и застряла в лобовой. Стреляли примерно метров с шестидесяти. Гуров выяснил то, ради чего и приехал, не валял дурака перед уважаемым человеком, «пустые» бумаги лишь пролистал, сидел, раздумывал, что можно говорить Федуду Ивановичу, а чего не следует.

— Взглянул, и топай себе, делов у тебя хватает,— сказал неожиданно Грач.— Я твоему Петру позвоню, он мне все выложит.

— Это вряд ли.— Гуров положил папку на письменный стол.— Расскажу вам все я, только не сегодня. Большое спасибо, Федул Иванович, распорядитесь, чтобы мне дали пулю, хочу на всякий случай повторную экспертизу провести.

— Так и знал.— Грач хмыкнул.— У тебя уже есть одна пуля от «вальтера» девятого калибра, так желаешь сравнить. Между прочим, убийство второй пулей от «вальтера» не зарегистрировано.

— Парадокс заключается в том, Федул Иванович, что пуля действительно имеется, а убийства нет.— Гуров развел руками.— Судя по всему, это мой стрелок.— Он постучал по папке с делом.— Экспертизу провести необходимо, так что не обессудьте.

— Валяй, проводи,— насунился Грач.— Разговариваешь ты, парень, как в кино, словечки такие выковыриваешь, закачаешься.

— Большое спасибо, господин советник юстиции, не знаю, какого класса, в мундире вас не видел,— поклонился Гуров.— А вы своей простотой дураков объезжайте.— Он направился было к двери, но передумал и вернулся.— Федул Иванович, ты

моего генерала сто лет знаешь, встретился бы с ним, потолковал, может, две старые головы и придумали бы что толковое.

— Хорошо. Сделаем, — согласился Грач, глядя на Гурова с нескрываемым интересом. — А ты мне скажи сейчас, я бы подумал, приготовился.

— Да нет у меня ничего конкретного, — вздохнул Гуров.

— А с рукой у тебя чего приключилось? — неожиданно спросил Грач.

— Трамвай хотел остановить, а он не понял. — Гуров уже выходил из кабинета, когда услышал за спиной телефонный звонок, и остановился, вспомнив, что сказал Крячко — в случае крайней необходимости звонить в прокуратуру.

— И где же ты, пустряк, трамвай отыскал? — поинтересовался Грач, снимая трубку: — Слушаю. — Жестом позвал Гурова. — За хвост тебя поймали...

Гуров взял трубку:

— Это я, говори.

— Тебя просят в течение получаса подъехать к месту, у которого ты был позавчера в пятнадцать часов, — сказал Крячко.

Солнце лениво выползло из-за туч и, не успевая накалить город, вновь уплывало в облака. Аллея на Воробьевых горах утопала в тени деревьев, но Гуров в пиджаке все равно привлекал внимание. Мамы, бабушки с колясками и редкие прохожие были одеты совсем легко. Полковник Еланчук, в рубашке с короткими рукавами и неизменным шейным платком, здороваясь, усмехнулся.

— Конечно, мы с тобой блестящие конспираторы. — И сразу же перешел к делу. — Тобой и Ионом Дорониным интересуется наше ведомство, я получил задание встретиться с полковником Гуровым, выяснить его истинные намерения. — Еланчук подробно пересказал свою беседу с генералом Барсуком.

Гуров удивленно посмотрел на него.

— Чего уставился? Полагаешь, я прибежал, потому как ты завербовал меня? — Он сунул под нос Гурова кукиш. — Они снова хотят нас в легавых и проституток превратить! Найдутся, найдутся у нас людишки, с великой радостью... Только не я!

— Надеюсь, ты о своей позиции не высказался? — Гуров улыбнулся.

— Ты меня своим агентом не считай! — горячился обычно спокойный Еланчук. — Союзники, напарники, подельники! Никаких агентурных дел.

— Я таких слов не употреблял...

— Хорошо, хорошо, но что будем делать? — успокаиваясь, спросил Еланчук.

— Работать, Юрий Петрович, мы с тобой больше ничего делать не умеем.

— Начнем с того, что место встречи надо сменить, мы здесь слишком «светимся». Я ехал небрежно, не исключено, что нас уже засекли. Я выполняю задание начальства, а ты?

— Интересуюсь убийством депутата Думы Владлена Семеновича Сивкова. Кстати, что тебе известно?

— Ровным счетом ничего. Слышал урывками по ящику, читал в газетах, тоже мельком. Кажется, его застрелили в начале июня у собственного дома. Сначала поднялся большой шум, потом волна спала, сейчас упоминают редко.

— Вот это ты мне и сказал. Я же ответил, так как доступ к делу затруднен, я к нему интерес потерял, а в моих аналитических выкладках одно убийство значения не имеет.

— Логично, — согласился Еланчук. — А на самом деле?

— Ответ я получу завтра, после экспертизы. Теперь ответь, не могли тебя в данной ситуации втемную использовать? О нашем знакомстве известно, любой ваш аналитик поймет, что мы из одной колоды. И через придурковатого генерала тебя послали к полковнику Гурову сообщить, что власти интересуются компроматом на депутата Думы Иона Доронина. Из чего Гуров должен сделать вывод — Доронин находится в оппозиции к черным силам, ему можно доверять.

Гуров достал из кармана визитную карточку Доронина, протянул Еланчуку. Тот повертел визитку, вернул:

— Откуда у тебя?

— Самолично вручил, понимаешь? Он со мной дважды случайно встретился. Ты, полковник, как относишься к случайным встречам?

— Обожаю!

— Вот именно. — Гуров указал на пустую скамейку. — Присядем.

Они сели, довольно долго молчали. Гуров смотрел на тенистую, в солнечных пятнах аллею, на автобус с туристами, толпившимися у смотровой площадки.

— Тебе следует отдохнуть, Лев Иванович. И железо стареет, изнашивается. — Еланчук деликатно коснулся руки Гурова.

— У меня такое ощущение, будто я нахожусь в тылу врага. Они что-то задумали, и мой шеф, Петр Николаевич Орлов, прав, что каким-то образом хотят использовать в своих замыслах ментов, и полковника Гурова в частности.

— Ты великолепный сыщик, не хочу обидеть, но Лев Иванович Гуров — слишком мелкая монета для политической игры.

— Оно, конечно, так, но я верю своей интуиции. Вообще-то люблю работать один, но в данном случае такой вариант не проходит. Предлагаю. — Гуров закурил, с минуту помассировал затылок. — Надо создать группу единомышленников. Генерал и два полковника, включая меня, в милиции у нас есть, двух-трех верных оперов с Петровки я привлеку. Сегодня был в прокуратуре, думаю, что Петр с одним крупным чиновником договорится. У тебя, Юрий Петрович, среди офицеров, работающих по коррупции, людей не найдется?

— Подумаю, — неуверенно ответил Еланчук. — А какова цель?

— Полагаю, готовится грязная история на предстоящих президентских выборах, — ответил Гуров. — Мне лично Ельцин сегодня не симпатичен, но он законно избранный президент, и у оппозиции альтернативы ему не видно.

— Но демократические блоки станут выдвигать молодых порядочных кандидатов.

— Ну и дай Бог им удачи. Наша задача лишь следить, чтобы не устроили кровавую смуту и на грязной волне не вытолкнули на трон фашиста.

— Тебе говорили, что ты наивен?

— Множество раз.

— Больной перед смертью потел? — Еланчук тихо рассмеялся. — Извини, старый анекдот.

— Слушай, умница. — Гуров заговорил шепотом, но с такой злостью, что Еланчук отшатнулся. — Все надо мной подшучивают, критикуют, надоело слушать. Не хочешь участвовать, катись! Но я сидеть сложа руки и ждать, когда за мной придут с веревкой, не желаю. Нам нужен человек, разбирающийся в нынешней политической ситуации, партиях, группах, течениях, главное, в интригах.

— Нереально. Любой политолог субъективен. Тебе придется самому разбираться в этом дерьме, смотри ящик, читай газеты, делай выводы.

— Попробую. — Гуров вздохнул. — Нам необходима постоянная связь, не рация с ограниченным радиусом действия — телефонная. Как она называется?

— Пейджер, нужно по триста пятьдесят долларов на человека, да еще абонентная плата пятьдесят долларов в месяц.

— Доллары я найду, ты обеспечь эти аппаратики, подключение к диспетчеру.

— Нет проблем. — Еланчук взглянул на часы.

— Тогда поехали. — Гуров встал.

88

Он вернулся в свой кабинет и выяснил: экспертиза установила, что пуля, изъятая из стены в феврале, и пуля, убившая депутата в июне, выпущены из одного и того же «вальтера».

Сообщив новость, Крячко взглянул вопросительно. Гуров кивнул и сказал:

— У нас есть шанс выйти на убийцу, если он учился в школе КГБ вместе с Исилиным.

— У меня список только одной группы.

— Надо будет, достанем списочный состав курса.

Артем Ермаков возился с компьютером, не обращая внимания на разговор начальников.

— Опера звонили? Никто ничего не зацепил?

— Звонили. Пусто. Я, Лев Иванович, распустил ребят по местам, надо меру знать.

— Молодец.

— Звонили с телевидения, желают у вас взять интервью. Я объяснил, что вы человек занятой и вообще не по этому делу. Просили вас позвонить, но я телефон не записал.

— Снова молодец. Присядем, покурим, пораскинем мозгами, или, как выражаются молодые, подобьем бабки.

— Надо их, Лева, иметь, потом подбивать.

Гуров внимательно посмотрел на друга.

— Станислав, не тяни, выкладывай, что удалось раскопать.

— Подробно?

— Только суть.

— Не знаю, зачем покойный Исилин сидел в приемной Карасика, если они несколько раз обедали в ресторане.

— Станислав, ты гений! Как удалось?

— Дедовским способом. Установил, где обедает Карасик, дальше и рассказывать нечего.

— Значит, связь Карасика с Исилиным установлена прочно. Полагаю, это два звена в центре цепи, один конец ведет к Белоусу, другой — к убийце.

— Возможно, но не наверняка.

Зазвонил телефон, Крячко снял трубку.

— Приемная. Здравствуйте. Полковник Гуров вернулся, сейчас у него люди. — Крячко прикрыл трубку рукой. — Лев Иванович, телевидение. Пошли их сам, иначе не отстанут. — Ему что-то сказали в трубку, и Крячко ахнул. — Как? Неужели лично? Какой юмор, девушка, вы же разговариваете с милиционером. Мы польщены, я доложу...

Гуров сидел напротив, подперев голову ладонью, и улыбался, завидуя другу, почти всегда пребывавшему в хорошем настроении. Крячко положил трубку на стол:

— Лев Иванович, ты хоть изредка ящик смотришь? У них есть ведущий, некто Александр Турин.

Эта популярная фамилия даже Гурову была известна, мало того, тележурналист сыщику нравился. Он взял трубку:

— Здравствуйте, полковник Гуров у телефона.

— Здравствуйте, Лев Иванович, мои девочки никак не могли вас отловить. Они объяснили нашему товарищу, что мы хотим пригласить вас на мою передачу.

— Благодарен за внимание, но вынужден отказаться.

— Лев Иванович, вы, видимо, не поняли. — Турин говорил мягко, хорошо поставленным голосом. — В моей передаче с удовольствием участвуют президенты.

— У президентов такая профессия.

Турин искренне расхохотался.

— Вы считаете — президент это профессия?

— Конечно, я не считаю, сказал, и все. — Гуров еле сдерживал раздражение. — Моя работа, уважаемый телеведущий, связана с некоторым риском, я не хотел, чтобы и фамилия моя упоминалась. А откуда вы узнали ее и данный номер телефона?

— У нас большие возможности, Лев Иванович. Вы же не выдаете свои источники информации?

— Пользуйтесь своими возможностями и источниками аккуратнее. Я вас прошу больше сюда не звонить.

Гуров понимал, что ведет разговор неправильно. С телевизионщиком не следует конфликтовать, а надо встретиться и выяснить, кто назвал его, почему он понадобился популярной передаче, и многое другое. Словно отвечая на мысли Гурова, сидевший напротив Крячко сказал:

— Ты самолюбивый дурак.

— Лев Иванович, у меня для вас есть информация, которую не стоит обсуждать по телефону. Давайте встретимся, поговорим, возможно, вы измените свое отношение к моему предложению.

- Хорошо, я встречаюсь с вами, только не перед камерой.
- Сегодня вечером?
- Отлично, где и в какое время?
- В двадцать часов, в Останкино, пропуск будет заказан, вас встретят и проводят.
- Отпадает. Приезжайте ко мне домой. Один. И не берите с собой магнитофон,— сказал Гуров.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В жизни телезвезда оказался таким же эlegantным и обаятельным, лишь лицо у него было не столь гладко и ухожено, и фигура более сублинна, чем выглядела по телевизору.

Гуров усадил гостя в своей ультрасовременной кухне, налил чашку кофе и рюмку коньяку, подвинул вазочку с печеньем.

— Ну, рассказывайте, Саша, как вы отыскиали меня, и на кой черт вашей передаче понадобился мент обыкновенный?

— Не слабо живет обыкновенный мент при невысокой зарплате.— Турин осмотрелся.

Гуров понимал, что где телевидение, там и газета, и могут такого наговорить да написать, век не отмоешься.

— Ремонт, обстановка не стоили мне ни копейки. Один богатый человек все устроил. Я у него некоторое время работал, он и представил мне данную квартиру в обмен на мое скромное жилье и некоторые услуги.

— Чувствую, прессу побаиваетесь? — Турин улыбнулся.

— Остерегаюсь,— поправил Гуров.— И не прессу, а журналистов. Они лишь люди, следовательно, разные. Мы отвлеклись, вы хотели мне поведать некоторые секреты.

— Ваше здоровье! — Турин поднял рюмку, пригубил коньяк.— Да, секреты! — Он сделал неопределенный жест рукой.— Четвертого июня выстрелом в затылок убит депутат Думы Вадик Сивков, думаю, из того пистолета ранее стреляли. Делом занимается полковник Гуров, но его к материалам по убийству Сивкова не подпускают. Мне кажется нормальным, что было бы интересно узнать, как такое возможно. По-моему, это и в ваших интересах, господин полковник!

Слава Богу, телевизионный мэтр так увлекся своим монологом, что Гуров успел собраться после столь сокрушительного удара. Баллисты дали заключение лишь утром, Гуров еще не доложил генералу Орлову, ничего не сказал замминистра Бардину...

— Вы, как мне известно, старший оперативный уполномоченный по особо важным делам. Я кое-что слышал о вас... Убийство депутата Думы — особо важное дело?

— Безусловно!

— Так почему розыском убийцы занимается не профессионал Гуров?

— В Москве нераскрытых убийств в несколько раз больше, чем у меня пальцев на руках и ногах.— Гуров уже успокоился, просчитывал, откуда ушла информация, решил, что от экспер-

тов, узнавших новость первыми. Наверное, кто-то из них стучит в КГБ. В общем, я обладаю секретом полишинеля,— понял сыщик и успокоился окончательно.

— Неужели, Лев Иванович, вас устраивает такой бардак? — спросил Турин.

— Вопрос не по адресу. Вам, Александр, следует вернуться на привычный уровень, спросить министров, советников Президента. Сегодня особо криминальными делами занимаются контрразведка, специальное управление и мы, грешные менты, розыскники. В цивилизованных странах тоже существуют параллельные правоохранительные структуры, убежден, что имеется и соперничество, и охрана собственных секретов от конкурентов. А теперь вы мне скажите, кто вам сообщил секретную информацию?

— Никогда! — Турин от возмущения повысил хорошо поставленный голос.

— Меня не интересуют фамилия, имя, отчество. — Гуров подлил в свою чашку остывший кофе. — В принципе, меня ничего не интересует из того, что вы знаете. «Проболтался» вам офицер контрразведки. Его вы по недомыслию считаете большим демократом и поборником гласности. Разглашение совершенно секретных сведений — не гласность, обыкновенное преступление. Именно так это расценивается в любой стране, преследуется по закону, сроки тюремного заключения разные. А вас, Александр, попросту используют, как одноразовый шприц, который, вам известно, потом уничтожают.

Турин явно испугался, но повел себя достойно, выпил еще рюмочку, крикнул:

— Я этого человека давно подозревал. Значит, некто желает скандала? Потому мне и подсунули вас?

— Мыслите правильно, однако неполно. Одни люди желают начать разборку, другие, не менее «симпатичные», сделают все возможное, чтобы все было тихо, как в могиле. — Гуров поморщился, так по-мальчишески напыщенно прозвучали его слова.

— Я, как любой журналист, заинтересован в сенсационном материале, однако лезть между жерновами не желаю.

— Ваши девочки названивали мне целый день. — Гуров неловко положил на стол забинтованную руку. — Затем мы с вами разговаривали, сейчас вы у меня в гостях...

— И все это известно кому следует, — продолжил Турин.

— Обязательно. Значит, завтра вы благодарите своего осведомителя и сообщаете ему правду. Гуров оказался мужиком компанейским, но от передачи категорически отказался. На сообщение о том, что из пистолета стреляли дважды, Гуров не реагировал, обмолвился: при такой пальбе, какая сейчас в Москве творится, из одного и того же пистолета могли и десять пуль выпустить.

— И что мне говорят? — спросил Турин.

— Говорят, именно так Гуров себя и вел. А чего он на самом деле думает...

— А чего он на самом деле думает?

— Пора у Саши Турина, очень умного и на весь мир знаменитого, магнитофон отобрать, а запись разговора стереть.

Турин изобразил недоумение:

— Какой магнитофон, Лев Иванович?

— Портативный, японского или немецкого производства, находится в левом внутреннем кармане вашей изящной курточки.

Турин понял, что отпираться бессмысленно, выдержал паузу и решительно сказал:

— Я ничего вам не отдам!

— Это вряд ли, — улыбнулся Гуров, глаза у него стали холодные, недобрые. — Вы поставите и себя и меня в дурацкое положение. Магнитофон я у вас все равно отберу, при этом причину вам боль. В общем, не стоит. Я же просил не брать с собой магнитофон.

Александр Турин взглянул на хозяина, понял, все будет так, как тот сказал, вынул из кармана магнитофон, вытряхнул из него кассету.

— Возьмите на память. Как вы узнали?

— У меня есть щуп. Он и определил, что у вас в кармане электроника. Теперь попробуем договориться. Вы молодой, современный, образованный человек и должны понимать, что в моей профессии вы профан. Как и я в вашей. Тут ничего обидного нет, нормально. Согласны?

— Конечно. — Турин взял бутылку, налил себе немного коньяку, пригубил.

— Я занимаюсь делом, в котором изрядно запутался, но знаю абсолютно точно: убить человека моему противнику ничего не стоит. Вас хотели использовать в не известных мне целях. Считаю: узнав, что дело сорвалось, они интерес к вам не потеряют, поэтому вы пока находитесь в безопасности. Пока. Если расскажете о нашем разговоре любимой девушке или лучшему, верному другу, ситуация может измениться, и вас убьют.

— Просто убьют? — Турин грустно улыбнулся, держался просто, без бравады.

Гурову знаменитый ведущий нравился все больше.

— Совсем просто. Вы обладаете секретной информацией, каждую неделю появляетесь на экране телевизора, популярны, пользуетесь авторитетом. Вы очень привлекательная фигура для заговорщика и... — Гуров подличал. — И снайпера.

— Хорошо, понял. — Парень занервничал. — Обещайте, когда у вас будет годный для публикации материал, передадите его мне первому.

— Я подумаю. А теперь выпьем, и вы расскажете о раскладе в Думе, Правительстве и окружении Президента.

Гуров наполнил рюмки, закурил, вытянул ноги и прикрыл глаза, приготовился слушать.

— А почему, собственно, я должен... — Турин загнулся, посмотрел в спокойное, бесстрастное лицо Гурова, тяжело вздохнул, словно предстояло не говорить, а таскать тяжести. — Ответа на ваш вопрос, думаю, нет. Союзы, банки, даже дружественные связи — в политической жизни величины постоянно меняющиеся. Я могу дать мои, сугубо личные, характеристики, но через неделю от них откажусь, потому как пасьянс уже лежит иначе.

Братья Галей закончили ремонт своей квартиры. Сашка ходил на костылях из одной комнаты в другую, заглядывал в кухню, ванную, осторожно присаживался на уголок кожаного кресла или на диванчик с резной спинкой, восхищенно качал головой.

Хотя мебель привозили и расставляли под его надзором, он не мог представить, что в конце концов получится из их берлоги. «Берлога», раньше заставленная облезлой и развалившейся мебелью, превращалась в просторную шикарную квартиру, в каких Сашке бывать не приходилось, такие хоромы он видел по телевизору и в zahraniчных фильмах.

Теперь Александр расхаживал по серебристому паласу, который назывался ковролин, и чувствовал себя так, словно забрался в музей, вот-вот появится мент, и Сашку Галей арестуют и поволокут в участок.

Сашка вернулся в меньшую комнату, где за письменным столом в кожаном вертящемся кресле сидел Борис и читал газеты. Раньше он в руки их брал только в сортире. Борис взглянул на брата, тепло улыбнулся.

— Привыкнешь, Сашок. Все путем, на честно заработанные обустроились. Мы нормальную жизнь выстрадали, смотаемся за рубеж, может, тамошние лечилы тебе ногу выправят.

Александр опустил в кресло, оперся на костыль.

— Тебе решать. — Он поддернул адидасовские брюки, чтобы коленки не вытягивались. — Ко мне пацаны хотят зайти, взглянуть, чего мы нагородили. Пусть и не спросят, но каждый подумает, сколько же бабок ты за такое отвалил.

— Откуда у нас деньги, вся округа давно знает. Скажи, старшой коммерсантом стал, на бирже играет, — спокойно ответил Борис. — Дружков приглашай, не стесняйся, в прихожей, видал, тапочки, пусть грязь не несут.

— Ты спишь нормально, ничего не видится?

Улыбка с лица Галей сползла, глаза стали холодными.

— Ты лишнего в голову не бери, тебе своего хватает.

— Лады, браток, спасибо за все, — поклонился Александр. — Может, попа пригласить, пусть дом освятит?

— Дело твоё, деньги на расходы в правом ящике.

— Спасибо. — Сашка оперся на костыль, поднялся, вышел из комнаты и перекрестился.

В феврале, получив с Исилина доллары и переговорив с его шефом, Михаилом Михайловичем Карасиком, Борис Галей решил затаиться и выждать. Но покоя не давал Яшка Исилин. Он был патологическим болтуном и выпендрилой. От него следовало избавиться, к тому же еще подзаработать и крепче вязать в дело господина Карасика. И Галей решил не откладывать дело на потом, действовать, тем более что Яшка — карта разменная, ее могут убрать и без его, Галей, услуг.

Он купил годовалую «шестерку», практически новую. Сегодня, когда все раскатывают на иномарках, такая покупка внимания не привлекала. Он сел за руль, взял под наблюдение сверкающий «мерс» Карасика. За несколько дней выяснил, что ездит тот обычно с водителем и охранником, но на короткие маршруты по

центру города, в дневное время, водит машину сам, при этом не всегда с качком-охранником. Выяснив все это, Галей позвонил бизнесмену и, не называясь, сказал:

— День добрый, Михаил Михайлович, у нас недавно был разговор о здоровье общего знакомого. У вас интерес не пропал?

Карасик сразу узнал звонившего, без нужды откашлялся:

— Вопрос интересный, можно обсудить.

— Вы иногда заезжаете на Суцевский вал?

— Случается.— В горле у Карасика действительно запершило, он закашлялся вполне естественно.

— Пятьдесят тысяч баксов не деньги? Так захватите их с собой. Подъезжайте к дому пять, конечно, один, без того жирного алкаша, который красится под охранника. В пятнадцать часов, если не будете валять дурака, я подсяду в ваш роскошный «мерс».

Если вы хотите изменить внешность, учили в свое время Бориса Галея, думайте не о дурацких париках и усах, а измените свой социальный статус, стиль. И за два часа до назначенного времени по Суцевскому валу шел элегантно, несколько старомодно одетый мужчина. Галей был в пальто и в шляпе, из-под шелкового кашне выглядывал белоснежный воротничок рубашки, на ногах сверкали черные ботинки. Утром он зашел в салон-парикмахерскую и постригся. Сделал маникюр, купил французский одеколон.

Работая в «наружке», Галей научился видеть улицу, легко сортировал прохожих, запоминал машины, паркующиеся у тротуара. В общем, когда у дома номер пять притормозил знакомый кремовый «мерседес», Галей не сомневался, что, кроме него самого, данную машину никто не поджидает.

Он подошел к дверце водителя, слегка наклонившись, спросил:

— Если разрешите, Михаил Михайлович, я сяду сзади? — Обошел машину, снял шляпу и сел позади удивленного Карасика.

Бизнесмен не ожидал увидеть такого денди, но виду не подал:

— Деньги я, конечно, не привез, уважаемый, но обсудить вопрос согласен.

Галей демонстративно проверил, нет ли у Карасика записывающей электроники, усмехнулся.

— Заказ ваш понятен, кроме денег, других вопросов не существует.

— Но раньше вы работали без предоплаты.

— Не надо торговаться, пятьдесят тысяч баксов, и нет проблем.

— Вы пользуетесь одеколоном «Шанель»? — неожиданно спросил Карасик.

Галей сжал рыхлое плечо бизнесмена:

— Я представляю фирму, которая не отвечает на вопросы и тем более их не задает.

— Простите, но «Шанель»...

— Кончай придуриваться, или ты кого ждешь? — перебил Галей.

— Как можно? — искренне возмутился Карасик. — Ни одна живая душа не знает...

— Потому и твоя душа живая, — вновь перебил Галей. — Ты — мастер своего дела, мы — своего. Бабки при тебе, дай сюда. Я пошел. Качество гарантируем, а сегодняшним днем жизнь не кончается. — Он говорил негромко, монотонно. — Раз уж телефон брата знаешь, буду нужен, позвони. Скажи, срочно нужен сантехник, я найду тебя.

Как загипнотизированный, Карасик вынул из кармана пригтовленный конверт, отдал, и Галей легко выпрыгнул из машины.

Это не одиночка и не уголовник, думал бизнесмен, провожая взглядом стройную фигуру в дорогом пальто и шляпе. Это ликвидатор. Дисциплина и порядок, держит марку. За банкира одна цена, за Яшку Исилина иная. Если я ошибусь, меня шлепнут бесплатно.

Через два дня Карасику доложили, что его бывшего подручно зарезали в троллейбусе.

Галей отлично знал, что сыскная служба группирует преступления по почерку, потому отказался от пистолета, вытащил из тайника узкий и острый, как шило, стилет, который купил за бесценок, еще обучаясь в школе КГБ. Стиллет был укреплен в ручке зонта, вынимался легко. Борис назначил встречу Яшке Исилину у «Макдоналдса», предупредив, что машина не нужна. Проходя мимо бесечно покуривающего Исилина, Борис шепнул:

— Мы не знакомы, следуй за мной. — И прошел к троллейбусной остановке, где толклись несколько москвичей.

Исилин взглянул удивленно, зонт в руке Галея вызвал у беспечного Яшки лишь улыбку, и он покорно взобрался на ступеньку подъехавшего троллейбуса. Вежливо пропустил вперед женщин с сумками и тяжело вздыхающего пенсионера.

Если бы человек знал, какой шаг является последним в его жизни! Не дано, и слава Богу! Исилин шагнул легко, легко вошла под левую лопатку и острая сталь, смертельно кольнуло сердце. Исилин не издал ни звука, плотно прижатый между пассажирами, стоял, двигаясь, словно живой. Занятые, всегда опаздывающие люди передвигали труп с места на место.

Борис Галей соскочил на следующей остановке, пересек Тверской бульвар и сел в свои «Жигули», загодя оставленные у нового МХАТа.

Окончание следует.

"У человек-легенда. Один из самых интересных и остроумных людей нашей культуры» — так представлял патриарха отечественной драматургии Иосифа Прута Никита Михалков в телевизионной передаче «Иллюзион».

Трудно не согласиться: снято в кино 32 сценария и поставлено на сцене 28 пьес; многие из этих произведений вошли в историю отечественной культуры... Но наш разговор с Иосифом Леонидовичем о другом.

ИОСИФ ПРУТ:

**„Чем
раньше
тебе
перебьют
нос,
тем
лучше.“**

— Иосиф Леонидович, по-моему, не многие знают, что в вашей жизни поначалу был серьезный спорт — выступления на ринге, работа тренером и спортивным журналистом, а уже потом пришла драматургия.

— Благодаря спорту я и дожил до девяноста трех лет. Сейчас я тебе, сынок, все объясню... С 1901 по 1919 год я прожил в Швейцарии...

— Вы там родились?

— Нет. Я родился в России. Но, когда мне было шесть месяцев, отец заразил меня туберкулезом. К тому времени туберкулез перерос у него в скоротечную чахотку. Мы отправились лечиться в Швейцарию. Почему туда? Горный воздух этой страны и ее знаменитые врачи спасали от этой болезни... По дороге, в Германии, на маленькой станции отец скончался. А меня мама повезла умирать в Швейцарию. Считалось, что я обречен. Но, как сказал когда-то товарищ Молотов: «Враг просчитался». И я не умер.

Меня начали лечить. Сначала мне давали материнское молоко, смешанное со свежей бычьей кровью. Затем просто свежее молоко с той же кровью. Долго ли, коротко рассказывать — я стал поправляться. И когда подрос, попал в школу с медицинским уклоном, которая называлась «Эколь ну-вель» — «Новая школа». Ученики ее, болезненные дети, либо выходили в жизнь здоровяками, либо умирали. Я принадлежал к первой группе. Лечили нас по-разному. Первое дело — спорт. Если это был худенький мальчик с длинными ногами — его приучали к прыжкам в высоту или длину. Если у него преобладали силовые задатки — его ожидал ринг, борцовский ковер... Подготовка к специализациям начиналась вот с какой процедуры. Представь себе стол, обтянутый грубым одеялом из жесткой шерсти. Сначала тебя, семилетнего, на короткое время бросают в снег и катают секунд 20—30. А потом на этот стол. И начинают месить, как тесто для пирогов. Ты задышаешься то от холода, то от жары — такая вот своеобразная система для циркуляции крови...

Мсье Шапюи, наш учитель гим-

настилки, включил меня в группу бокса.

— Простите, вы говорили о том, что учитывались задатки ребенка. Следовательно, вы были драчуном?

— Нет, я не был драчуном. Но я не был швейцарцем, а происходил из города Ростов-на-Дону. И не позволял некоторых вольностей, которые швейцарские мальчики позволяли себе по отношению друг к другу. Я был независим, меня лучше было не трогать. Расскажу один случай...

Отец моего швейцарского дяди, мэр города Делемона, почтенный и мудрый старик, дедушка Виктор, имел небольшую часовую фабрику. Он и подарил мне первые в моей жизни часы. Я уже был достаточно большим мальчиком с перебитым носом (Иосиф Леонидович ладонью сплющивает нос.) Мой тренер, мсье Шапюи, считал, что чем раньше тебе перебьют нос, тем лучше — будет менее болезненно. И сам исполнял эту операцию. (Мсье Шапюи имел свои взгляды на методику подготовки. Я ему благодарен, мой нос не подводил меня впоследствии.) Итак, я был страшно горд подарком, при каждом удобном случае показывал на циферблат. Моим одноклассником и однолеткой был внук президента Швейцарской республики Гюстава Адора Фернанд Рамблз. Он ощущал себя «хозяином» нашей группы, поскольку, кроме всего прочего, считался еще и прекрасным боксером...

— Школа, разумеется, была частной?

— Да, она принадлежала группе педагогов и врачей, которые здесь преподавали и лечили... У Фернанда была дурацкая привычка давать всем подзатыльники. Он себя ставил выше других — внук президента. Я его предупре-

дил: «Фернанд! Если ты меня тронешь, я разобью тебе рожу. Ты меня знаешь».

«Вот я хотел бы это посмотреть», — сказал он. Короче: на перемене я разговариваю со знакомой девочкой. Мы, мальчики, жили на пансионе, а девочки приходили только учиться. Нужно — не нужно поглядываю на часы. Держу их в руке. И в этот момент получаю по затылку. Разворачиваюсь и, забыв, что часы зажаты в руке, бью по физиономии президентского внука. И разбираю ему нос. И свои часы. На следующий день я должен был ехать к бабушке на выходные, а часы разбиты. Ужас...

Иосиф Леонидович, войдя в образ, блистательно в лицах изображает и зарвавшегося обидчика, и себя — мальчика, отчаявшегося в ожидании кары, и сурового деда Виктора. Становится понятным, почему в литературе драматургию он предпочел прозе.

— Дед сразу понял, что что-то не в порядке, — продолжает Прут. — «Что произошло?» — строго спросил он. «Произошла ужасная вещь», — забормотал я. И, запинаясь, выложил всю историю. Дедушка встал и грозно сказал: «Ты разбил физиономию внуку нашего президента?» Я задрожал. «И правильно поступил», — закончил фразу дедушка. И подарил мне золотые часы. Так что бокс, как видите, начал служить мне с детства. Этот вид спорта еще не раз в жизни помогал с достоинством выходить из сложных ситуаций. И если вы не сочтете за труд взять за бицепс девяностолетнего парня, — он протянул мне руку, согнутую в локте, — то поймете, что я не промахнусь.

Рука его оказалась жилистой и крепкой. Потом девяностотрехлетний «парень» продемонстрировал мне кое-что из наследия мсье Шапюи. В частности, упражнения

со стулом, которые Прут ежедневно выполняет в течение более чем 80 лет. Он считает, что в них да еще в умении задерживать дыхание — разгадка долголетия. Несколько лет назад Иосиф Леонидович посетил свою школу и даже повстречался с бывшим одноклассником, вице-президентом Международного Красного Креста мсье Фредериком Сиордз (увы, вскоре его не стало). Им было что вспомнить. А шесть снимков Прута, выполняющего упражнения со стулом, опубликовал швейцарский журнал. Система не устарела. «Эколь нувель» вновь принял эти упражнения в учебную программу.

— Так как же вы во второй раз оказались в России? — возвращаюсь я к «преданьям старины глубокой».

— Мне исполнилось девятнадцать лет, и дедушка Виктор сказал: «Поезжай на родину. Когда в стране идет война, в нашей семье в девятнадцать лет дома не сидят. Даю тебе три дня — выбери белых или красных».

— Многие в ту пору ехали в обратную сторону...

— ...а я приехал сюда. Как это ни парадоксально, но полковник Дирин из генерального штаба Деникина при встрече в Ростове порекомендовал мне выбрать красных. Так я попал в Первую Конную. Служил там, потом в пограничных.

— О первоначальном выборе не жалеете?

— Нет.

— А в Первой Конной — на коне, с шашкой?

— Да, все, как положено. Но, кроме того, я еще работал в армейской печати. Поэтому, попав

в Москву после войны, стал сотрудничать в газетах; писал репортажи о спортивных состязаниях и заметки о театральных премьерах. И тренировал в Институте физкультуры на улице Казакова.

Многие фамилии я забыл, но одним из моих добрых учеников был еще Костя Градополов*. Помню Якова Брауна. Эти мальчики выходили тогда на большой ринг. Когда бывал в Ленинграде, помогал Косте Верткову, талантливый боксер был. Семьдесят лет почти прошло. Иногда мне кажется, что, кроме меня, все это помнят только Минин и Пожарский. Все, что знал, я передал моим товарищам. А потом жизнь взяла свое — спорт потеснили кинематограф и драматургия.

— Как же вы стали сценаристом?

— Я уже говорил, что писал о театре и спорте. У меня было много знакомств в этом мире. Точнее, я знал все и всех. Четыре года учился у Олега Леонидовича Леонидова. Ему понравились мои «Фронтальные рассказы». Он тогда работал на киностудии «Межрабпромфильм» и часто давал мне творческие задания. Ну, например, он говорил: «Придумай концовку к такому-то сценарию (кинематограф тогда еще был немой). У меня есть свой вариант, а ты придумай свой». Однажды мне повезло, и я сочинил шесть различных версий финала. Олег Леонидович жил этажом выше над Евгением Багратионовичем Вахтанговым...

— Вы и с Вахтанговым были знакомы?

— Конечно. Он в юности дружил с моей теткой и матерью, это было во Владикавказе. В два-

* Впоследствии один из легендарных чемпионов Союза, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР.

дцать втором году я попал на премьеру «Турандот». Вахтангов вручил мне билеты, поскольку я до был два килограмма разноцветных тряпок для оформления сцены. По тем временам это была немислимая удача, ведь кругом — разруха...

А каких замечательных друзей — на всю жизнь! — я приобрел в те годы. Однажды я позвонил в дверь квартиры Вахтангова. За дверью голос: «Кто там?» «Прут», — отвечаю. «Кто прет?» «Не прет, а фамилия у меня такая». Выяснилось, что шутник за дверью был Юрий Завадский, ученик вахтанговской студии. Юрий Александрович поставил потом мою пьесу в Театре Моссовета. Помню, как блистательно играли в «Катрин Ля Февр» Верочка Марецкая со Славой Пляттом.

Я дружил и работал с Колей Охлопковым, Иваном Пырьевым, Владимиром Коршем, Григорием Александровым, Алексеем Поповым... Целая эпоха перед глазами. Если вы откроете энциклопедию, то увидите, что Театр Советской Армии начинался с пьесы Прута «Князь Мстислав Удалой». Там было поставлено семь моих пьес. Недавно иду по Парижу, вижу надпись в витрине: «Шедевры советского кино — фильм «Тринадцать». Приятно! Это мой сценарий, ставил Михаил Ильич Ромм...

Очень дружил с футболистами братьями Старостинными. Все четверо — замечательные спортсмены. Но Александра я бы назвал футболистом века. Именно его, а не Заморру, Пеле или Марадону. Однажды спросил его: «Саша, объясни, как это тебе удается?» «Очень просто, — отвечает, — я думаю не за себя, а за соперника».

Настоящие, надежные друзья, готовые в любую минуту подставить плечо. Это было в нас: если человек упал — помоги ему немед-

ленно. Бросайся на помощь. Не упуская момента сделать добро. До последнего помогали друг другу. Бог ты мой, как подумаешь, что почти никого нет в живых...

— Вы работаете? Вам не скучно сейчас живется?

— Я живу своей жизнью. Ничего не меняю... Я уже «не призывного» возраста.

— Вы и в Отечественную воевали?

— От корки до корки.

— Еще можно вопрос? Мы беседуем больше часа. Вы не устали?

— Ничего. Давай-давай, сынок.

— Вы, что и говорить, бывалый спортсмен. Есть ли для вас что-либо интересное в современном спорте? Какие спортивные передачи любите смотреть?

— Все! Я ведь был свидетелем очень многих рекордов прошлого, поэтому теперь мне интересно сравнивать. Скажем, мой друг, Толя Переселенцев, участвовал в Олимпийских играх 1912 года... Спортивная журналистика чрезвычайно популярна. Пожалуй, ей иногда не хватает точки зрения на событие, изложенное художественно, литературно. Больше рассказов о прошлом хотелось бы. Надо использовать возможность излагать мудрые, добрые мысли, а не только говорить о телесной мощи, о мускулах...

**Беседу вел
КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ.
Фото автора**

≡
 Оттого, что были вечно не впрок
 мне все курсы шитья и кройки,
 и, верна себе, по труду урок
 я сдавала не выше тройки,
 от судьбы перепала мне в должный срок
 ночь с тобой на казенной койке.

Впрочем, стоит ли на судьбу роптать?
 К нам двоим она благосклонна.
 Не дала мне уменья шить и латать,
 но зато научила рифмы сплетать,
 подбирать из грязи, вносить в тетрадь —
 и смотреться в синь небосклона.

Ни родства не дала тебе, ни тепла,
 ни земного, хлебного ремесла,
 только музыку вдунув в жилы,
 а теперь она нас с тобой свела
 и в одну постель положила.

«Эй, май», твердишь, «это просто май»,
 и как хочешь, так, мол, и понимай,
 но не стоит — слишком серьезно.
 Вряд ли с койки казенной взлетают в рай,
 были мы — и остались — розно.
 Но душа у меня — на манер стрижа,
 что взмывает ввысь, дрожа и кружа,
 и, с уплатою неустойки,
 сохранит — со всей крутизной виража —
 ночь с тобой на казенной койке!

≡
 Отчего ты пугаешься счастья?
 Самого себя, и своей любви,
 и моей над тобою власти,
 а слова твои то нежны, то грубы?
 Как земля от зноя,
 от страсти
 у тебя пересохли губы.

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Эй, художник, найдется ль другой человек,
 чтобы рыж, как Ван Гог, и безног, как Лотрек?

Да такого не сыщешь среди тысяч калек —
 чтобы рыж, как Ван Гог, и безног, как Лотрек.

Ты сидишь, за столом забывая про стыд,
и красивая женщина рядом сидит.
Презираешь, естественно, всех недотрог:
ты безног, как Лотрек,
и патлат, как Ван Гог.

И другого, ушедшего, тайно любя,
эта женщина вдруг пожалела тебя.

То ли впрямь от души, то ль пригубив вина,
но тебя в этот миг пожалела она.

Сигарету берет, говорит нараспев...
Кем-то станет она, вдруг тебя пожалев?

==
Это счастье — спать на твоей руке!
Пусть грохочет гром вдалеке...
Время вихрем струится в сухом песке,
бьется жилкою на виске.

У грядущих бед — беспокойный пульс,
но осталось — Богом клянусь! —
и продлится в сердце,
звезде,
строке
это счастье — спать на твоей руке!

==
Знаю, скоро тебе быть опущенным в землю сырую,
И отнюдь не скорбя и события не торопя,
Говорю: не люблю и давно ни к одной не ревную,
Даже к смерти самой я уже не ревную тебя.

Мне теперь ни к чему предсказанья Сатурна — Урана,
Просто слушать смешно, что во всем виновата среда...
Кто себя промотал, тот уходит бессмысленно рано,
Как птенец из гнезда — без следа — в никуда —
навсегда.

Остаются, как в Библии сказано, чресла и чрево.
Хоть и разум велит, только сердце щемит и болит:
По велению Божьему я создавалась как Ева;
Чьей же волей меня превращают упорно в Лилит?

==
Словно ворох ненужных сомнений
с белоснежной поверхности дня,
в липкий сумрак ночных вождедений
ты упорно толкаешь меня.

*Оттого, так сутоло и глухо —
терпкий вкус униженья стерпя,
королевой, играющей шлюху,
я всегда ухожу от тебя.*

*Не взлетает подбитая птица,
и отравя чужого стыда
не простится тебе,
не простится,
не простится тебе никогда.*

*Руки положу на плечи,
если вновь надрыв и сбой,
и неволью станет легче...
Ты не бойся, я с тобой!*

*Если я к тебе остыну,
это будет как разбой,
словно нож, вонзенный в спину...
Ты не бойся, я с тобой.*

*Не оставлю, не покину.
Днем и ночью, в час любой
говорю тебе, как сыну:
— Ты не бойся, я с тобой!*

*Как безгласно умирают льдины!
Хмурая весна бредет по свету,
с бледным небом слившись воедино,
словно утро Нового Завета.*

*Так безмолвно умирает чувство,
обратясь в тоску по неземному,
и в душе просторно, гулко, пусто,
словно мебель вынесли из дому.*

Фотографии

СВЕТЛАНЫ ПОЖАРСКОЙ

Сонеты — так я бы определил то, чем занимается в фотографии Светлана Пожарская. И не только потому, что Света пишет стихи — она живет в мире зыбкого сплетения слов и светотени.

...Светлану знаю около двадцати лет. Я уже заканчивал

кино-фотоотделение Московского государственного института культуры, когда на первом курсе появилась молодая женщина — большеглазая, элегантная, улыбчивая.

Работы ее уже тогда были необычны: портрет, натюрморт, пейзаж — все пронизано ясным воздухом поэзии. И — ни малейшего намека на красоту, вычурность, модность. Почерк, характер, эстетический отбор — все это уже присутствовало в работах Светланы Пожарской.

Какое-то время она работала в обычной «бытовой» фотографии (где освоила досконально технику портретной фотосъемки), а после института — в Российском доме народного творчества.

Она не стала профессиональным фотографом в смысле зарабатывания денег. Но не выше ли ее «любительство» иного профессионализма?

Свету можно почти ежедневно застать в подвальчике на Суворовском бульваре, в Союзе фотохудожников России: многим фотографам помогла она организовать выставки — отобрать и оформить их лучшие работы.

Пожарская не «человек тусовки», но истинные ценители художественной фотографии знают ее. Она не гонится за престижными премиями, призами, не рассылает свои работы по журналам и издательствам. Нынешняя публикация в «Смене», пожалуй, наиболее значительная в ее творческой биографии. И все же замечу еще раз: работы Светланы Пожарской — явление в отечественной фотографии. Так считаю не только я, но многие коллеги по фотоцеху, чьи оценки подкреплены собственным талантом и опытом.

Закончить эти беглые заметки мне хочется четверостишием Светы:

Замри, прекрасное мгновенье!

Останови летящий бег,

И в светописном отраженьи

Откройся миру, человек!

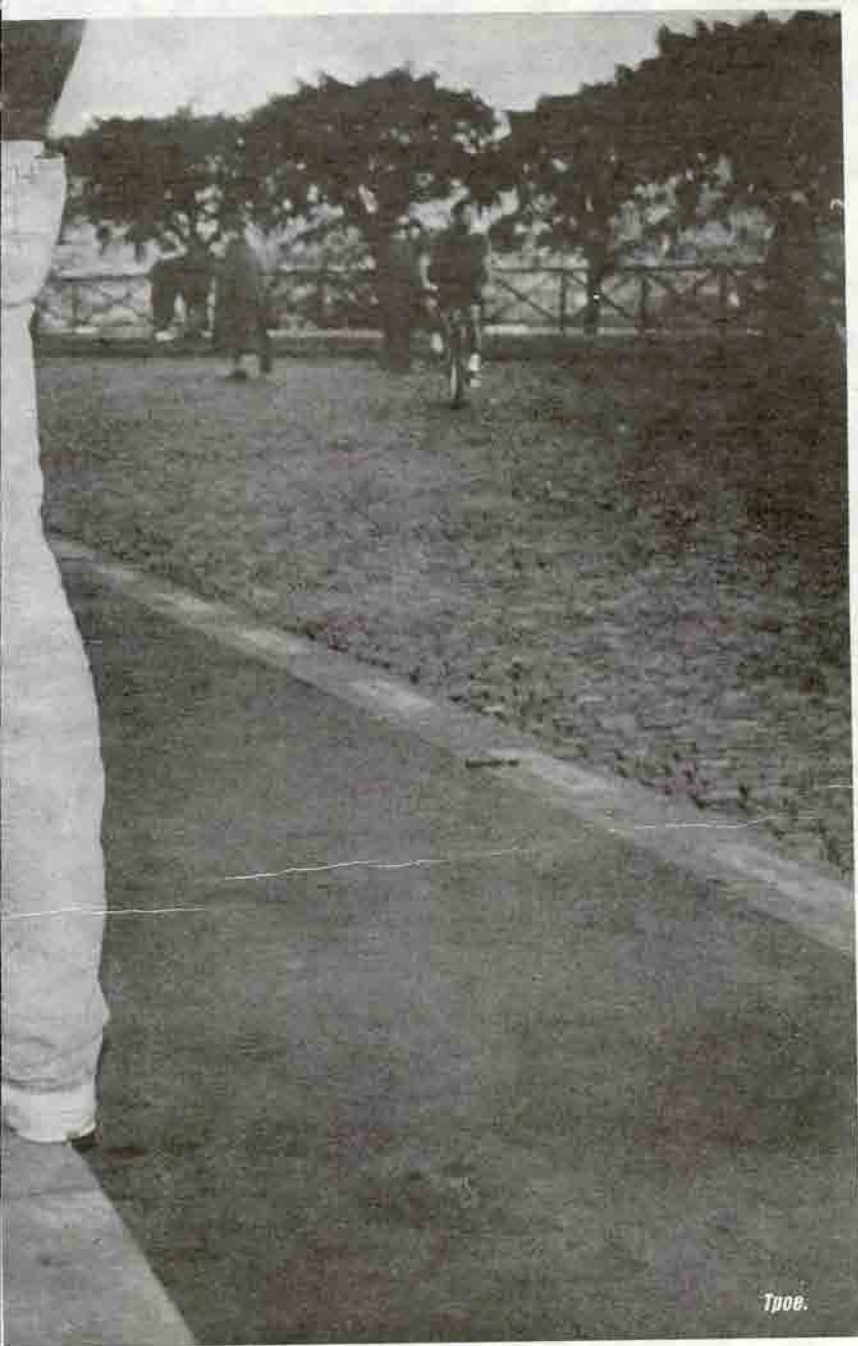
Пожарская в своих работах открывается миру и — открывает мир для нас...

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ

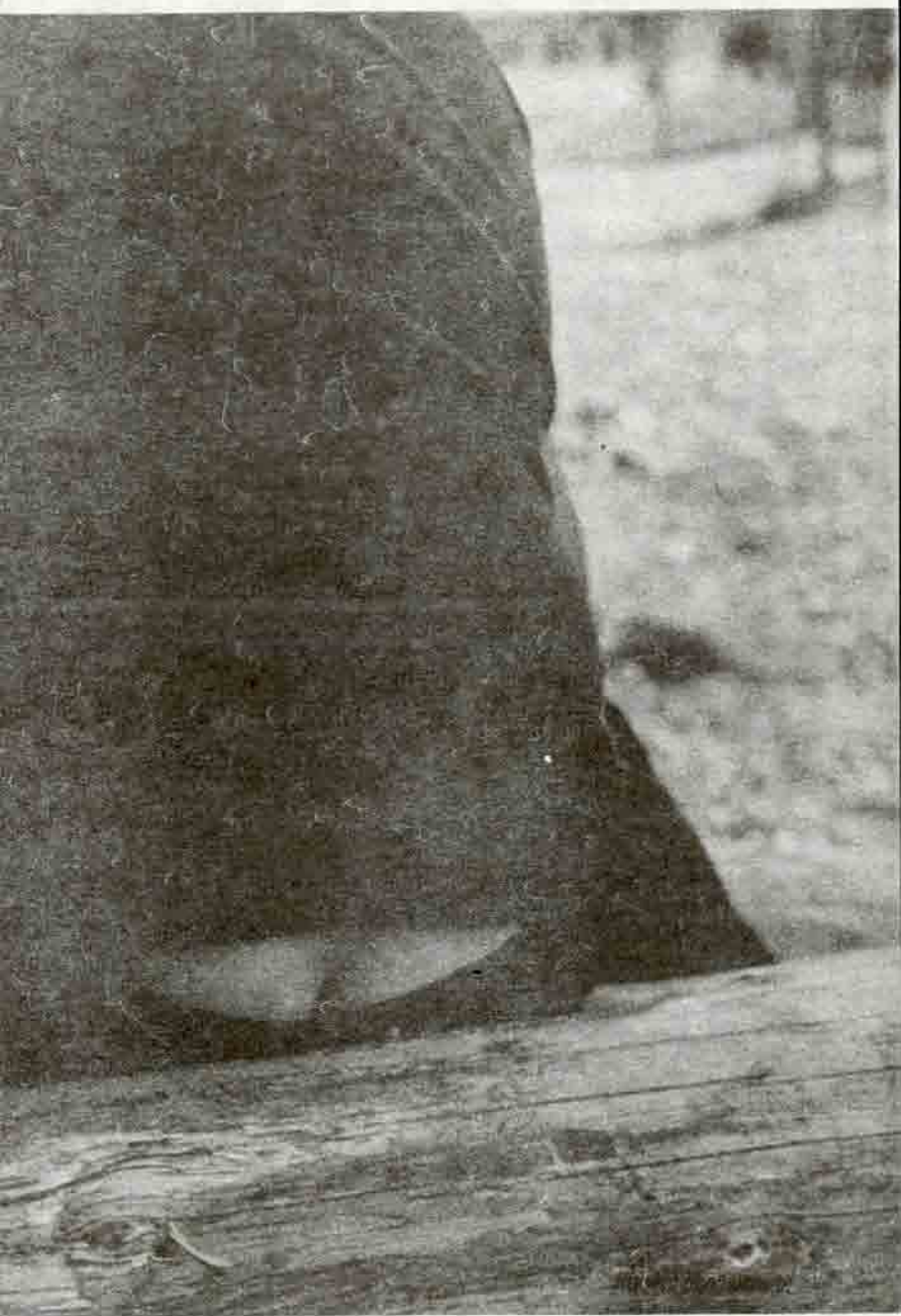
Связующая нить.

Трое.

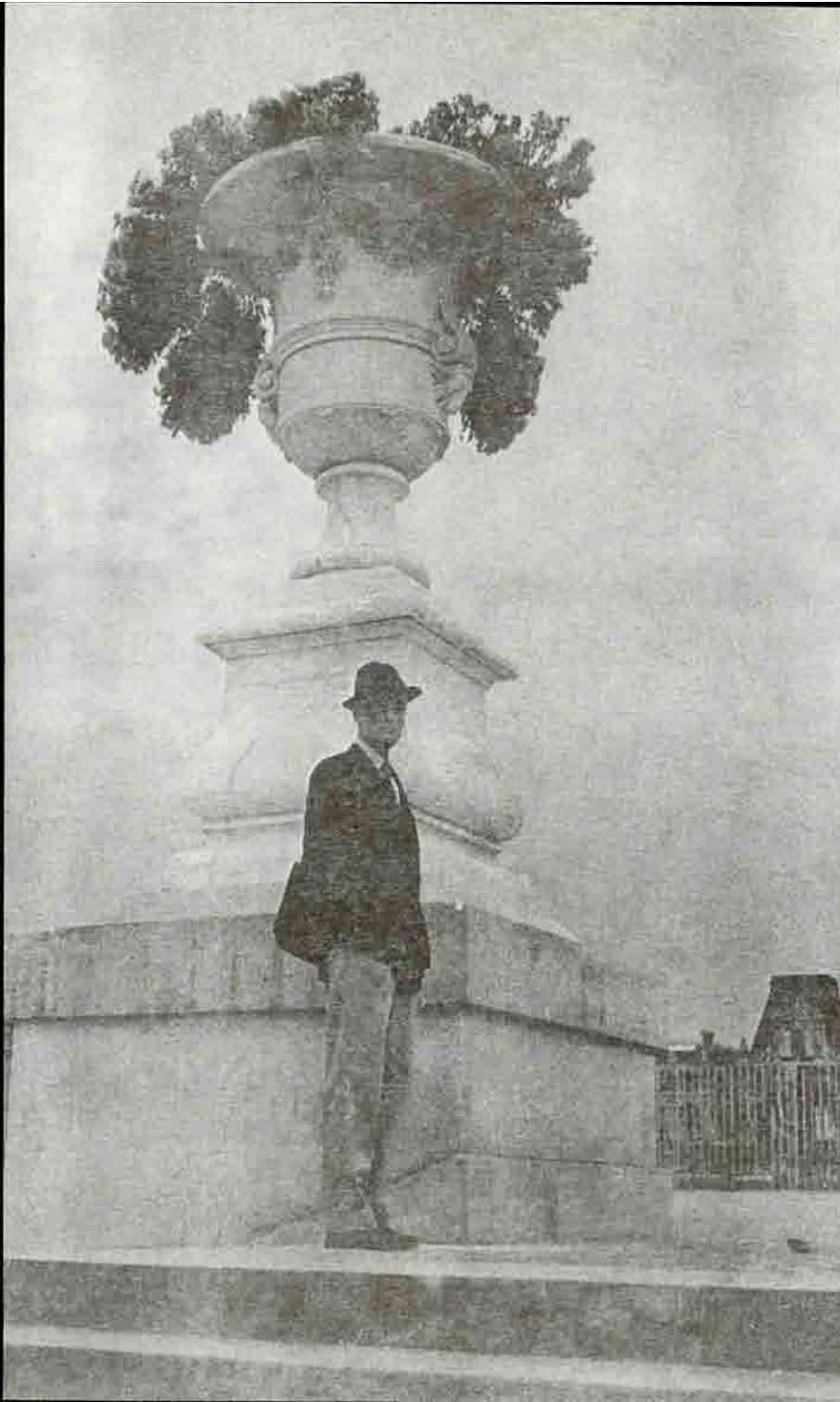
Хищник.

Подарок.

А ЧТО У ВАС?

Парижские ноты.

Фаддей никогда не изменит тебе. Скорее солнце переменит течение, нежели я изменюсь в моих к тебе чувствах. В нужде постою за тебя жизнью и именем, ибо я знаю тебя и люблю со всеми твоими слабостями. Все мы люди, исключая подлецов.

15 октября 1836 года. Апи Ф. БУЛГАРИН.

Конечно, имя, которым подписано это письмо к другу-соратнику Николаю Ивановичу Гречу, провоцирует нас предположить, что врет, каналья, изменит, предаст. Предположив, не ошибемся, разве что удивимся скорости, с какою этот апи, едва дописавши письмо, немедленно и надул партнера в деле чисто коммерческом, подробности коего можно и опустить. Но вот вопрос: сама страсть, с которой Булгарин словно колотит себя в грудь, убеждая в любви и преданности (так на Руси клянутся лишь спяну), сам этот нажим, эти шумовые эффекты — не таят ли они в себе... Да какое таят! Не выставляют ли они наружу чуть ли не с простодушной открытостью возможность, даже неизбежность обмана, предательства?

По-моему, да. И это как раз булгаринский стиль. В словесности. В самой жизни.

Как ни странно, многих и подкупавший — возможно, своеобразным простодушием, искренностью во всякий отдельный момент. Как тут: клялся в любви — так ведь сам по-ноздревски верил в эту минуту, что любит, или, во всяком случае, заглупшал клятвенной велеречивостью собственные сомнения на сей счет. А кончил письмо, воротился на землю, прикинул выгоду — предал. Тоже искренне. Как мы сказали бы нынче, без комплексов. Так что, по записи Вяземского, сам обманутый Греч имел свой резон сказать про дружка-обманщика — пусть по иному поводу: «Да вы не подумайте, что он подлец, совсем нет, а урод, сумасброд...»

Урод — то есть уж таким уродился, что с него взять? Горбатого могила исправит.

Но и уродом он казался далеко не всем.

«В 1832 году познакомился он, — эпически повествует о своем знаменитом брате Николае журналист Ксенофонт Полевой, — с Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным и был очарован их общением, где соединилось все, что только было остроумно-литературного, современного, блестящего в сравнении с тем, что представлял московский литературный мир». И ладно, Ксенофонт — мелюзга, Николай (кто забыл: вначале отчаянно смелый журналист, потом, после монаршего окрика, навсегда перепуганный сочинитель верноподанных пьес) — тот приезжий провинциал, но как быть с Рылеевым? С Грибоедовым?

Сюжет «Грибоедов — Булгарин», правда, скорее имеет разгадку в характере Грибоедова, и в сюжете — многое, не исключая даже и грязи, сожительства Александра Сергеевича с женою Фаддея, взятой к тому же им из публичного дома (на что

СТАНИСЛАВ РАССАДИН

РАССАДИН

неблагородно намекали авторы эпиграмм на Булгарина, в том числе Пушкин), и возможной причастности к появлению на свет булгаринского сына, Юрий Тынянов потом размышлял, «как невесело быть сыном Грибоедова и носить всю жизнь фамилию Булгарина», и, пожалуй, здесь в нем заговорил скорее историк литературы, чем сердцеведец. Не все дети ценят своих родителей в зависимости от их литературного ранга.

Там же, в этом сюжете, и то, что Грибоедов сквозь пальцы смотрел на сущность Фаддея, которую он с трезвейшим своим умом раскусил, конечно, ранее многих (тот же Тынянов дает свою версию, вложивши ее в грибоедовские уста: будучи Калибаном-уродом, Булгарин, по крайности, ни за кого другого себя и не выдает). И разрыв в 1824 году, когда бесцеремонный приятель, не рассчитав грибоедовского терпения, сочинил фельетон, где устами «истинного литератора» Талантина поносил Дельвига и Баратынского. Грибоедов, как и все остальные, признавши в Талантине самого себя, пришел в бешенство, но... Но обошлось, и нравится это нам или не нравится, а венчает их отношения выразительный документ, рукопись «Горя от ума», врученная Булгарину на хранение перед отъездом в Персию и снабженная надписью на титуле: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов».

Рукопись Булгарин сберег; это, впрочем, небольшая заслуга, чего не сказать о другом исполненном поручении. Вечером 14 декабря 1825 года, после того, как мятеж на Сенатской был разгромлен, Булгарин явился домой к ожидавшему ареста Рылееву. Тот его выставил, сказав: «Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой. Я погиб! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка». Поцеловал прощально и отдал сверток своих рукописей, каковы Булгарин и сохранил, не выдав Третьему отделению. Можно сказать, не исполнив гражданского и даже служебного долга.

Дружба Рылеева и Булгарина — тоже история из занимательных, уже больше льющая свет на характер второго из них. Надменному Грибоедову Булгарин служил, обожая его, преклоняясь перед талантом, изредка фамильярничая, но остерегаясь гнева. С Рылеевым дружба была на равных.

Сегодня преувеличивают рылеевскую проницательность, вспоминают две фразы, сказанные Фаддею насчет издаваемой им газеты: «Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим». И еще: «Ты не «Пчелу», а «Клопа» издаешь». Но близость здесь явственной разногласий: вольно было ругать Булгарина за конформизм, когда не скрывалось главное — близящаяся «революция», которую — и Фаддей Венедиктович это знал — собирался возглавить Рылеев. Не зря же, когда у Булгарина вышла ссора с Дельвигом и предполагалась дуэль, секундантом того, кого после сравнят с королем стукачей, с французом Видоком, без колебания согласится быть не кто иной, как Кондратий Рылеев.

Конечно, дело и в беспечности Рылеева со товарищи, оказавшихся скверными конспираторами, и в общей атмосфере краткого междуцарствия в декабре 1825-го, когда было неясно, чья

возьмет, а уж либеральничать почиталось хорошим — и неопасным — тоном. Так что за два дня до восстания в компании будущих героев и жертв отважно витийствовали не только Булгарин и осторожный Греч; даже и граф Хвостов, оказавшийся тут же и увидавший, что в его сторону кивают (при нем, дескать, лучше держать язык за зубами), обиженно возопил: «Не опасайтесь! Не опасайтесь! Я либерал, я либерал сам!» Но главное то, что еще не пролегал резкий рубеж между лагерем, куда начал откочевывать Булгарин, и лагерем тех, кто при всем различии взглядов считался неблагонадежным.

Ждать, однако, оставалось недолго. Уже 15 декабря Фаддей Венедиктович бойко давал показания против бунтовщиков, описывал приметы бежавшего Кюхельбекера, и хотя его враг, издатель-соперник Воейков рассылал письмо, утверждавшее, будто не все «возмутители и злодеи» арестованы, на свободе еще Греч и Булгарин, последний успел доказать делом, по какую сторону рубежа отныне твердо решил находиться.

...Во времена, когда возникает возможность осознать и, осознав, безнаказанно произнести вслух, что нечто в нашей истории было совсем не так, как преподносилось официально, появляется и соблазн метнуться в другую крайность: нет, даже совсем не так! Вот и насчет фигуры Булгарина, для которой не находилось других слов, кроме «доносчик», «продажный журналист», «агент Третьего отделения», нашлось вдруг такое: «социальный мыслитель высокого ранга» (А. Янов)! Прямо не Фаддей Венедиктович, а Михаил Никифорович (Катков). Или — это уже в статье А. Рейтблата — не только бережно упомянуты заслуги перед архивом Рыльева и первая публикация отрывков комедии Грибоедова, но сам «громадный успех» булгаринского романа «Иван Выжигин» подается вроде как победа всей российской словесности.

Между тем многое было действительно не совсем так. Начиная с внешности Булгарина, роль которого в отечественных биографических фильмах неизменно поручалась малорослым актерам, — как видно, нравственное ничтожество хотелось закрепить и физически: этаким катышек-шарик, комочек трусости и лакейства. Хотя, скажем, Авдотья Панаева запомнила его таким: «Черты его лица были вообще непривлекательны, а гнойные, воспаленные глаза, огромный рост и вся фигура производили неприятное впечатление. Голос у него был грубый, отрывистый; говорил он нескладно, как бы заикался на словах».

Да, по правде, как раз этот топорный облик — солдафона, а не втируши — соответствует булгаринской биографии. Даже (или тем более) в издевательском ее варианте, в пародийном контексте, который представил в 1831 году Пушкин на потеху читающей публике и в назидание самому герою памфлета, с кем велась ожесточенная полемика. Этот план-конспект и предвлялся угрозой, что может быть развернут и разъяснен — «смотря по обстоятельствам»:

«НАСТОЯЩИЙ ВЫЖИГИН»

Историко-нравственный сатирический роман XIX века

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Глава V. Ubi bene, ubi patria. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает» ... И т. д. и т. п., что, конечно, потребует расшфровки, вплоть до финала карьеры, многожды отраженного в эпиграммах: «Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы».

Буян, скандалист, пьяница, вор, участник разграбления Москвы при самом известном из ее пожаров — не густо ли наговорил Александр Сергеевич на Фаддея Венедиктовича? Между тем «все это было, было, было». Или почти все, не только давши Булгарину «материал» для его плутовских напумевших романов, но сделав героем романа его самого. Это рассказывал Пушкину давний знакомец молодого Фаддея, в ту пору разжалованного в солдаты, страдавшего запоем и действительно пропившего в кабаке украденную шинель. Если же глянуть повыше скандальной хроники, то откроются такие превратности судьбы, которые у одних поразят романтическое воображение, у других смутят нравственное чувство.

Итак, Фаддей, он же Тадеуш Булгарин, поляк, чья фамилия не исключает примеси и болгарской крови (1789—1859), родился в семье родовитого шляхтича, бывшего ни много ни мало соратником самого Костюшко, в чью честь и назвал сына. Отца сослали, как говорят, за убийство русского генерала — сосед оттягал имение, так что «воспитание ради Христа» — не совсем пушкинская фантазия. Далее — Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Санкт-Петербурге (сын за отца в ту эпоху не отвечал), насмешки кадетов над чужаком, кому русский язык давался непросто; наконец, 1806 год, выход корнетом в Уланский полк — и прямоком на войну с французами.

Тут-то и произошло то, что дало Пушкину и далеко не ему одному возможность, а считалось, и право язвить Булгарина кличкой предателя и переметчика, кому *ubi bene, ubi patria* — где хорошо, там и родина.

То есть вначале служба шла, как положено, и свыше того. Бой в Пруссии, где Булгарин ранен и отмечен орденом. После госпиталя — бой в Финляндии. Но здесь — обрыв: явив тягу к словесности и не удержав при себе шпилек, коими был уколот великий князь Константин, шеф булгаринского полка, тот попадает сперва в Кронштадтскую крепость, затем в отставку и в бедственность, где, вероятно, действительно было и попрошайничество, и воровство. Спасаясь от нищеты. Тадеуш-Фаддей кидается на свою *patria*, в Польшу, в Варшаву, а уж там вступает в Польский легион, сражавшийся за свободу Отечества и на той стороне, против которой офицер русской армии Булгарин еще вчера обращал оружие.

Италия и Испания, Белоруссия и Литва, наконец, и Россия-

мачеха — вот где он воевал под польским орлом и под рукою Наполеона (был как знаток русской местности даже проводником императора через реку Березину); заслужил капитанский чин и, шутка сказать, орден Почетного легиона. В 1814-м взят в плен, отпущен в Варшаву; в 1820-м уже в Петербурге и на литературном поприще, где сразу явил издательскую хватку: отдал краткую дань пропаганде польской словесности, с 1822 года берется за журнал «Северный архив», который вскоре объединится с «Сыном Отечества» под дуумвиратом Греча — Булгарина; с 1825 года и почти до кончины он — создатель, издатель и наиглавнейший сотрудник «Северной пчелы», самой массовой русской газеты тех лет.

В этом смысле ему не было равных благодаря уникальному сочетанию двух не уникальных качеств, зато доведенных до полного совершенства: дара журналиста-издателя, чующего, как никто, потребность читающей публики, и абсолютной безнравственности подлеца, в подлости, как я сказал, доходившего до почти обаятельного простодушия. До такой нравственной раскрепощенности, которая — отчего бы и нет? — может кому-то казаться свободой.

У короля фелетона начала XX века, у Власа Дорошевича, есть очерк, в котором купец-черносотенец заявляется к губернатору, требуя запретить представление оперы «Демон», где мало того что воем воеет нечистая сила, но и ангел изображен актрисой с такими спелыми формами, что... Не захочешь, да согресишь.

Губернатор до поры упирается:

«— Да ведь на казенной сцене играют! Дуботол! Идол! Ведь там директора для этого!

— Это нам все единственно. Нам еще не известно, какой эти самые директора веры. Тоже бывают и министры даже со всячинкой!

— Ты о министрах полегче!

— Ничего не полегче. Министры от нас стерпеть могут. Потому, ежели какие кадюки или левые листки, — тем нельзя. А нам можно. Наши чувства правильные».

Вот оно! Как помним, еще Вяземский замечал, что в комедиях Екатерины II встречаются дерзости, по которым тотчас узнаешь царскую руку: другому бы этого не позволили. Ибо возможны ли чувства более правильные, чем у «старшего учителя»?.. Хотя — возможны, и вот на первом представлении «Ревизора» государь Николай Павлович смеется и аплодирует, решившись либерально сказать, что в комедии и ему перепало, а министр финансов граф Канкрин тем не менее позволяет суждение, что не стоило ехать смотреть столь глупую фарсу. Хотел бы я знать, был бы он независим в своих словах, если б ему «Ревизор», напротив, пришлось по вкусу, а император покинул бы, осердясь, свою ложу?

Смелая критика *справа*, считая по-русски за правую сторону тех, кто в отличие от «левых листков» стоит за властей, за их непреклонную жесткость, — это та степень свободы, которую позволяет себе холоп. Так что нечего удивляться, что Булгарин уже в 1826-м, едва успевши отмыться от репутации рылеевского

дружка (и, не забудем для справедливости, храня в тайнике рылеевские бумаги), представит записку в правительство, ну прямо с отчаянием смертника перечисляя отечественные пороки: «В финансах — упадок кредита, торговли и фабрик, истребление государственных лесов... В юстиции — взятки, безответственность... В министерстве внутренних дел — совершенный упадок полиции и безнаказанность губернаторов... В военном министерстве — расхищения». Пестель! Чаадаев! Герцен! Передавая эту записку наверх, управляющий Третьим отделением фон Фок даже из осторожности кое-какие резкости вычеркнул.

Секрет этой отваги прост — да и нету его, секрета. Как лишь на первый, наивный взгляд покажется странным яростный пафос борьбы со всеобщей бедой, цензурой; Фаддей Венедиктович будет, к примеру, срамить цензора Фрейганга, который вымарал выражение «исполать вам», решивши, что «исполать» — слово матерное. Даже дойдет до обобщений: «...Взгляните на нынешних цензоров! Кто с борка, кто с сосенки!.. Цензор Крылов признан негодным занимать место адъюнкта статистики в университете, куда девать его? В цензоры! Этот человек почти идиот, туп как бревно!» Но взывать он станет — к кому, куда? В Третье же отделение. И вот ради чего: «Вместо того, чтобы запрещать писать противу правительства, цензура запрещает писать о правительстве и в пользу оною».

Много позже адвокат Федор Плевако найдет формулу поуклончивее: цензура — вроде свечных щипцов, которые снимают нагар и помогают свече светить ровно. Но и обращаться он будет не к тем, кому внятен язык докладной записки или доноса.

За свободу монополиста — хвалы властям, а при случае, и в умеренных дозах, упрека им, — за свободу, дающую власть над публикой, прежде всего, конечно, коммерческую, Булгарин готов был платить чем угодно.

Стукач, доносчик, агент, Видок — точно так. Но причиной тому была не патологическая страсть к доносительству, смолоду вовсе не наблюдавшаяся, даже не одна лишь потребность искупить былые грехи, тем паче не страх, ибо, случалось, Булгарин и зарывался, напарывался на начальственный гнев. Совсем другие страсти владели им, а по сути, одна-единственная, необоримая, всепоглощающая. «...Булгарин не был прямым политическим осведомителем, и все дело было сложнее», — утверждает Вадим Вацуро, и если «не был» можно оспорить, так как сам Бенкендорф, раскричавшись на Дельвига, в горячке не скрыл, что о его противоречивых разговорах «доносит Булгарин», то с тем, что «сложнее», надобно согласиться. Да. «Он был политическим конформистом, но прежде всего был литературным буржуа в феодальной России. Он не нападал, а защищался, сохраняя свою собственность — газету, подписчиков, покупателей. И здесь он не разбирает средств...»

Средства, как водится, оправдывались целью, победно достигнутой. В начале тридцатых годов тираж «Северной пчелы» был 4000: по тем временам цифра ошеломляющая (для сравнения: всего сто подписчиков в эту же пору на «Литературную газету», правда, уже перешедшую от Дельвига к Оресту Сомову и уви-

дающую). Презируемый Пушкиным роман «Иван Выжигин» за пять дней 1829 года расходится в 2000 экземпляров, за два года — в 7000, а тиражи самого Пушкина — 1200, много, если 2400, для него это уже желанный успех. Не перевести ли голые цифры на хруст ассигнаций и звон серебра? Разница выйдет еще эффектной: «...Булгарин и Греч, продолжая издавать «Северную пчелу» и «Сына Отечества», получали в год чистого дохода около 20 тысяч серебром (около восьмидесяти тысяч ассигнациями)...» Подсчитав это, Натан Эйдельман не удержится от нашего общего, ревниво-болезненного сравнения: «...Между прочим, вдвое больше, чем весь капитал, поставленный несчастным Германном на первую карту, и не намного меньше пушкинских помертвых долгов».

Словом, феномен фигуры Булгарина (да, в те годы еще феномен, еще не началось производство и перепроизводство булгаринных, чего русской словесности было не избежать) в том, что, и глубоко презирая его, с ним как с властителем душ приходилось считаться. И когда граф Соллогуб в книготорговой смирдинской лавке и в обществе Пушкина импровизировал эпиграмму: «Коль ты к Смирдину войдешь, ничего там не найдешь, ничего ты там не купишь, лишь Сенковского толкнешь...» — а Пушкин блестяще ее завершил: «...Иль в Булгарина наступишь», — тут нечаянно сразу сказало все: и презрение, и неминуемость.

Булгарин — был. И пусть тот же Пушкин расценивал как пощечину фразу «Московских ведомостей», поместивших их в оскорбительном для него соседстве: «Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности...» (переводя оскорбленность на наш нецеремонный язык, дескать, на одно поле не сяду), — куда было деться? Да еще на общем поле, в сословной среде, где все повязаны общностью, даже и нежелательной: или хлясть по щеке перчаткой и на дуэль, или уж водись! И вот в феврале 1824 года Пушкин, сидя в Одессе, вымучивает эпистолярную благодарность за булгаринскую благосклонность к «Бахчисарайскому фонтану»: «Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания и похвалы могут быть и должны быть уважаемы». А позже, когда полутайное стало до омерзения явным, все еще происходит внутренняя борьба, в которой и признается Александр Сергеевич: «Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке — раскланяюсь и даже иной раз поговорю с ним; на большой улице — у меня не хватает храбрости».

(А тот таким манером простится с Пушкиным в час его смерти: «Жаль поэта, и великого, а человек был дрянной». Что ж, это своего рода даже некая объективность в размере, доступном Булгарину: мог ведь сказать, что и поэт-то — дрянцо.)

Да, Вацуро выразился точно: Булгарин защищался и защищал, не лезя на приступ из кожи вон, дабы доказать свою силу и правоту. Сила и так была на его стороне, исчисляясь даже не знаками начальственных милостей, а тем, что куда весомей и убедительней, так что гневайтесь, сударь Александр Сергеевич, исходите бессильною завистью, а читают и покупают-то нас! Не вас!.. Пушкин — тот действительно нападал, и хотя при его

авторитете, при его острословии уколы бывали болезненны для болгаринского самолюбия, дела поправить они не могли. Дело было проиграно Пушкиным — именно дело, в торговом, коммерческом смысле, на том пространстве, куда переселял русскую публику автор «Ивана Выжигина» и издатель «Северной пчелы». Он знал, что делал; знал, как делать. И если уж Осип Сенковский, барон Брамбеус, в битве за тиражи был затоптан стадным союзом Булгарина, Греча и Полевого, если была оттеснена его «Библиотека для чтения», первый в России толстый журнал, рассчитанный на читателя из провинции (и, как помним, чтимый, читаемый в доме Сквозник-Дмухановских), если проиграли даже они, знаменитый барон и знаменитый журнал, не отличавшиеся принципиальностью, но *слишком* талантливые и самобытные, куда ж было тягаться с Булгариным щепетильному гению Пушкину?

Не помогало и то, что порой Александр Сергеевич, подчиняясь задорным законам полемики, изменял щепетильности и в ход шли намеки на необычную болгаринскую женитьбу и т. д. и т. п., — *демократы*, как звался болгаринский лагерь, были сильнее *аристократов* (Пушкин, Вяземский, Дельвиг, Баратынский, Плетнев). Они их уверенно превосходили все той же свободой — не только от нравственных тормозов, но и от избытка талантливости.

Последняя из свобод — весьма нешуточное подспорье в борьбе.

В книге Шаляпина «Маска и душа» есть замечательный эпизод. Федор Иванович вспоминает послереволюционные годы, когда он еще пытался ужиться с «товарищами» и даже раскивал с ними, что Бог пошлет или, верней, доставит черный рынок. И однажды финский коммунист Эйно Рахья, вошедший в историю в качестве ленинского проводника-телохранителя, высказал, несмотря на подпитие, трезвую мысль: «...Очень откровенно и полным голосом заявил, что таких людей, как я, надо резать.

Кто-то полюбобыгствовал:

— Почему?

— Ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство».

Мудро. И хотя до столь четкой сентенции обществу предстояло еще дозреть, но жажда такого равенства, когда не то что не нужно напрягать духовные силы для встречи с талантом на занятой им головокружительной высоте, но и таланту не нужно спускаться к тебе, оскорбляя намеком на неравенство ваших уровней, — подобная жажда способна объединить многих. Едва ли не всех, сливши индивидуальности в массу и успех организуя соответственно массовый. На уровне, до которого никому не надо тянуться, всякий может найти свое удовольствие: тот, кто попроще, воспримет преподанное ему совершенно всерьез, как подлинное искусство, а высоколобый... Что ж, разве не лестно бывает ощутить свое превосходство над автором?

И лишь по наивности негодовал Баратынский:

«Я, право, уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных! Знаете ли вы, что разошлось 2000 экз. этой глупости? Публика либо вовсе одуреет, либо решительно очнется

и спросит с благородным негодованием: за кого меня принимают?»

Он ошибался, конечно. Публика не обижалась. Она получала то, что ей было нужно и чего ей недодавали... Да, да, недодавали — и сам Баратынский, и Пушкин.

В романе Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» Александр Сергеевич Грибоедов подслушивает и подглядывает, как его слуга Сашка Грибов что-то читает дворне вслух:

«— «Я был известен под именем сиротки... Никто не приластал меня из всех живших в доме, кроме старой заслуженной собаки, которая, подобно мне, оставлена была на собственное пропитание».

Грибоедов жадно слушал.

Сашка читал «Сиротку», новое сочинение Фаддея, первую главу из его будущего обширного романа «Выжигин». Вот исполнение пророчества...

— «Для меня не было назначено угла в доме, для меня не отпускалось ни пищи...»

...пророчества Фаддея перед расставанием:

— Я теперь, братец, пишу настоящий роман с приключениями, и герой страдает прямо как собака, пока доходит до благополучия. Человек богатый всегда прочтет, потому что приятно, братец мой, читать о холоде и там о страданиях перед роскошным камином. А в хижине — читать, братец, об этом лестно, потому что кончается-то благополучием...»

Оборву цитату ради вопроса: а я разве говорил не о той же приятности для разных читателей — сойтись на одном уровне, находя на нем каждый свое? Впрочем, много раньше Тынянова и тем паче меня, при выходе «Выжигина» в свет, критик журнала «Телескоп» заметил, с какой расчетливостью Булгарин угодил поистине всем:

«Благодаря его карикатурам деревенские помещики могли вымещать горе, претерпеваемое от уездных судов и губернских палат, громким и раздольным хохотом над грозными членами; миролюбивые кушцы находили тайное удовольствие посмеяться себе в бороду над спесивыми барами; пронырливые сидельцы, в свою очередь, могли забавляться изуродованными харями суровых своих хозяев; лакеи тешились над господами, горничные пересмехали барынь. Коротко сказать — Иван Выжигин умел найти чувствительную струну в каждом сословии русского народа и пошевелить ее приятным щекотанием».

Приятным? Это сказано о романе, полном «карикатур» и «харь», о романе, получившем прозвание «нравственно-сатирического»? Да в том-то и дело, что, доставляя удовольствие всем, способом этого взаимного пересмешничества Булгарин утверждал *социальный мир* — в обществе, где уже накопилось столько междусловных обид. Успокаивал смехом или трогал слезами, став для современных читателей не только русским Лесажем, с кем его сравнивали чаще всего (как «Выжигина» — с «Жиль Блазом»), но, если угодно, и русским Диккенсом.

Продолжу цитату из тыняновского романа — вернее, цитату в цитате:

«— «Смотря, как другие дети ласкаются к своим матерям и нянькам, я ласкался к своей кудлашке и называл ее маменькою и нянюшкою, обнимал ее, целовал, прижимал к груди и валялся с нею на песке».

Брр. Собачья нежности. Фаддей как на ладони, фламандская, свиная душа. Душа-Фаддей!»

Так, согласно Тьяннову, реагирует утонченный Грибоедов, да и Пушкин, мы помним, в сатирическом жизнеописании «настоящего Выжигина», то есть самого Булгарина, язвил насчет «кудлашкиной конуры». И разве они одни? Булгарина с его «Выжигиным» дружно ругали чуть ли не все, но — вот письмо одной из ругательниц-современниц, княгини Мещерской (ругает, однако же не бросая читать!):

«Вы, конечно, порадовались уже новым цветком нашей литературы, достойным цвести и благоухать в передних, трактирах и в подьяческих библиотеках, — Иваном Выжигиным?»...

Вот в какие низы отослан роман, аккуратно к Сашке Грибову, но если место ему только и именно там, откуда такое знакомство со всеми его подробностями у княгини?

«Вообразите, несмотря на отвратительные непрерывные описания порока во всех видах, на невероятность гнусного разврата во всех действующих лицах, почти без исключения, на совершенный недостаток малейшего интереса к герою романа и на подлую тривиальность слога, его раскупили здесь в несколько дней и начали печатать второе издание. Куда ни придеешь — везде говорят об Иване Выжигине, но редко с похвалой; куда ни взглянешь — в гостиницах, в дамских кабинетах, везде увидишь Ивана Выжигина, даже с разрезанными страницами, занимающего почетное место на столах».

В общем: «...Необыкновенный успех «Ивана Выжигина», — подытожит Белинский, — был точно так же заслужен, как и необыкновенный успех «Юрия Милославского». Заслужен — чем? Тем, добавит великий критик, что «до «Выжигина» у нас вовсе не было оригинальных романов, тогда как потребность в них была уже сильная. Булгарин первый понял это...»

Странное заявление. Романы были и до 1829 года, когда явился и прогремел первый «Выжигин» (первый — потому, что коммерсант-литератор не избегал соблазна эксплуатировать свой успех, явился затем и «Петр Иванович Выжигин», не говоря уж о подражаниях, принадлежащих чужим перьям). Был Карамзин. Был Чулков со своей «Пригожей поварихой», по авантюристности и бытовизму прямой булгаринский предок. Если ж для вас Карамзин чересчур элитарен, а Чулков архаичен, вот вам талантливый, демократичный Нарезный, которого можно скорее признать родителем самого Гоголя: он-то еще до явления «Выжигина» успел не только опубликовать своего «Российского Жилблаза, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», но и отбыть в иной мир.

Романы-то были, и даже такие, которые, как «Российский Жилблаз», не стеснялись изнанки быта. Читатель к ним был не вполне готов — вот в чем дело, и, больше того, он, *такой*, новый читатель уже хоть и нарождался, но еще не родился. Булгарин,

совсем не будучи первым, счастливо поспел к моменту, когда он вышел из пеленок и прокричал свое «агу» или «дай», — поспел и дал.

Хотя зафиксировал это рождение, конечно, не только Булгарин, но и другие. К примеру, его соперник, «аристократ» Пушкин.

Было так. В декабре 1828 года Дельвиг с Плетневым обратились в Цензурный комитет с просьбой о защите. Они разведали, что Бестужев-Рюмин, издатель альманаха «Северная звезда», собрался напечатать в нем несколько стихотворений Дельвига и Пушкина, добытых без ведома авторов. Бестужева предупредили, но он схитрил и все ж напечатал семь стихотворений, подписавши их Ап: аноним. Вот, в сущности, все, что вызвало к жизни «Альманашника», пушкинский фельетон (понимая слово в нынешнем смысле), где псевдонимы вполне прозрачны: Бестужев — Бесстыдин, «Северная звезда» стала «Восточной».

Избрана была диалогическая форма, в те времена — да и раньше, с самой седой древности — принятая, дабы имитировать спор или представить несколько правд; у самого Пушкина был «Опыт отражения некоторых литературных обвинений», где как раз поднималась на смех булгаринская компания:

«А. ... Читал ли ты, как отделади «Литературную газету», издателя и сотрудников?..

Б. Нет еще.

А. Так прочти же (дает ему журналы).

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал — тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. (отдавая журнал). Жаль, в этих ругательствах, может быть, был смысл, а в строках печатных его нет.

...А. Так ты, видно, стоишь за «Литературную газету». Давно ли ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? Что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? О, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель «Литературной газеты», и сотрудники его, и читатели его — все аристократы (разумеется, в ироническом смысле).

Словом, диалог как привычный и заурядный журнальный прием. А «Альманашник»... С ним вышла странность, ибо уже начало его мало похоже на то, что сочинено только ради полемики:

«— Господи Боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до сих пор не могу получить места. Я весь прожился, задолжал, а я ж отставной, того и гляди в яму посадят.

— А по какой части? Господи Боже мой! да разве я не русский человек? Я на все гожусь. Разумеется, хотелось бы мне местечка потеплее; но дело до петли доходит, теперь я всякому рад».

И т. п. Нет никакого сомнения, что в расчет Пушкина не входило писать драму или комедию, создавать характер; он всего лишь лукаво подводил к тому, что вот, мол, кто ныне берется за

журналы да альманахи — людишки из кудлашкиной конуры... Но, повторю, происходит странность. Пока на судьбу свою жаловался Альманашник (чьим прототипом был Татищев, финансировавший Бестужева — Бесстыдина), а вот и отчаянно жалкое, бесстыдинское самоутверждение. Вот его хамский разгул:

«— Водки! Эти аристократы... (разумеется, говорю в ироническом смысле)... вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого. Ты смотришь на мое платье...»

Ох, недаром, совсем недаром прозвучало здесь это слово — «платье». Тема одежды, которой приходится стыдиться, к этому времени мало-помалу становится навязчивой темой русской литературы. Даже пушкинский «Скупой рыцарь» открывает ей, а еще десять лет — и появится повесть, которая открывает собою целую школу. «Шинель».

Платье — это уже вопрос социальной ущемленности:

«Да уж натурально робеешь, когда сквозь одежду голые локти светятся, да пуговики на ниточках болтаются» («Бедные люди»).

Вот и Бесстыдин:

«Ты смотришь на мое платье... Оно немного поношено; меня обманули на шивом рынке... К тому же я не стану франтить в харчевне. Но на балах... о, на балах я великий щеголь, это моя слабость. Если б ты видел меня на балах... Я славно танцую, я танцую французскую кадрили. Ты не веришь... (Встаёт, шатаясь, танцует.) Каково?»

В общем: «Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге... А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать... Я ведь тоже балы даю».

Да, Иван Александрович Хлестаков.

Он, кстати, тоже ведь врет и самоутверждается в пьяном виде, но нечаянное сходство с Бесстыдиным тут поглубже. «Вы, может быть, думаете...» — беспокоится гоголевская фитюлька, носящая в себе вечное подозрение, что именно так о ней все и думают. «Ты смотришь на мое платье... Ты не веришь...» — корчится и Бесстыдин.

Это то, что Михаил Михайлович Бахтин, прослеживая рождение нового героя литературы (что параллельно рождению нового читателя), как раз и назвал «корчащимся словом с робкой и стыдящейся оглядкой и с приглушенным вызовом».

Корчится Хлестаков. Корчится и Макар Девушкин:

«У меня кусок хлеба есть свой; правда, простой кусок хлеба, подчас даже черствый, но есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну что ж делать? Я ведь и сам знаю, что я немного делаю, тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь; я работаю, я пот проливаю... Что, грех переписывать, что ли? «Он, дескать, переписывает! Эта, дескать, крыса-чиновник переписывает!»...»

«Так гоголевский герой становится героем Достоевского» (то же Бахтин). Потому что и Гоголь, и Достоевский фиксировали то, что происходило, что становилось в реальности. А до них...

Перечтем монолог пушкинского Бесстыдина: «...Вообразили

себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит... Ты смотришь... Ты не веришь... Гей, водки!» И — сравним:

«Господа! что ж вы присмирели, соскучились, что ли? Гей, шампанского! Прочь с рюмками: подавай нам прадедовские стопы!.. Человек, сюда! Не правда ли, что вино хорошо? Сам выписал из Петербурга от Боссанета...»

Или:

«— Да отвяжись ты, пустомеля! Что с тобой сделалось?..»

— Я хочу поделиться с вами моим торжеством и порадовать вас. Да, да! Я обедал сегодня с офицерами у Фальета! Правда, попили порядочно! Я хоть берегусь выпить лишнее, чтоб не проговориться иногда, но тут нельзя было отказаться...»

(А тут чья тень промелькнула? Уж не Ноздрева ли?)

«...— Поди проспись, братец, и оставь меня в покое!.. Избави Бог, если увидят, что ты говорил со мной наедине!

— А что за беда? Разве я не такой же дворянин, как другие?..»

— Говори тише и отвяжись — или я прикажу тебя вывести отсюда...»

Откуда это? Из Фаддея Булгарина.

Конечно, немедленно возникает мысль, что Пушкин непосредственно пародировал врага. Но — не сходится. Первая булгаринская цитата — из «Ивана Выжигина» (напомню, 1829). Вторая — из «Петра Ивановича Выжигина» (1831). «Альманашик» написан как раз в промежутке.

Но сходство не с ветру взялось — или, наоборот, принесло именно что всеобщим поветрием.

«Демократизировав» своих персонажей по сравнению с их прототипами, то есть ради насмешки (и впрямь *аристократической*) снизив Татищева и Бестужева, уж конечно, не щеголявших в обносках и не в обжорках обедавших, до обитателей «кудлашкиной конуры», Пушкин невольно коснулся нового и все больше заметного слоя — полудворян, получиновников. Слой, которым скоро займется Гоголь и которому отдаст себя Достоевский. Возник «стиль, отвечающий теме».

Но прежде Гоголя и Достоевского к этому — массовому — читателю, к этому слою с его языком, с его бытом, с его «комплексами» чутко обратился Булгарин. Без чуткости было ему нельзя; тут смешной, непрофессиональной выглядела неспешность, скажем, мечтающего Баратынского: «...И как нашел я друга в поколенье, читателя найду в потомстве я». Какое потомство? Успех немедленный и коммерческий — вот что единственно волновало Фаддея, вот что было главным его критерием. Он первым улавливал, что за жажда мучит читателя, и спешил к нему со своим дрянным питьем.

Иной раз эта профессиональная поворотливость принимала криминальный характер. Так вышло, когда император Николай Павлович не одобрил «Бориса Годунова», согласившись с суждением анонимного «внутреннего рецензента», что, мол, лучше бы переработать трагедию в роман «наподобие Вальтера Скотта». Предполагают, что рецензентом мог быть как раз Булгарин — или близкий к нему Греч; так или иначе, но Фаддей Венедикто-

вич, угадав привлекательность исторической темы, поспешил Пушкина обогнать. Наскоро, опережая выход трагедии в свет, слепил роман «Дмитрий Самозванец», в сущности, полуукрав.

Гоголя Булгарин не обокрал. Он его опозлил загодя, совершив акт *предварительного опозления*.

Чуткость большого писателя не равна его оперативности, проявляясь совсем в ином. Истинно демократический стиль Гоголя, на старомодный и чопорный вкус, пожалуй, что и болтливый, появился закономерно и вовремя, но все же ему успели перебежать дорогу Булгарин или совсем уж бездарный Александр Анфимович Орлов. Произошел парадокс, потом повторявшийся: эпитоны родились прежде мастера, шарж возник раньше натуры, и вот, предположим, читая пародии современников на того же Гоголя, на его говорливую сказовость, ловишь себя: да какие пародии? Это Орлов! Булгарин! Их развязность, опередившая гоголевскую свободу...

Что ж, победа? (Говорю о Булгарине с его грандиозным успехом и баснословными тиражами.) Впору торжествовать, снисходительно глядя на Пушкина, тем паче с годами он вовсе терял популярность? Булгарин и пробовал торжествовать, да как-то неуверенно. Пушкин-то и мешал.

В 1830 году, в разгар их ожесточенной полемики, он сочинил эпиграмму:

*Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.*

Писалось, как видно, не для печати — цензура могла и не пропустить «Видока», имя знаменитого французского сыщика, приклеившееся позорной кличкой к Булгарину и, стало быть, компрометирующее не только его, но и Третье отделение, где Фаддей Венедиктович был своим человеком. Но тот, молодец, напелся. Взял да и сам напечатал стишок в «Сыне Отечества», во-первых, ослабив удар, во-вторых, совершив подмену. Вместо Видока — Фаддей, вместо Фиглярина — Булгарин; эпиграмма была обесмыслена, а самый стыдный попрек — в доносительстве — ликвидирован.

Самый стыдный? Так ли?

Немного спустя Пушкин предъявил свету новый вариант эпиграммы, на сей раз даже и напечатав ее — без подписи — в альманахе «Денница»:

*Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин...*

Вот оно как: даже «Видок» проскочил цензуру — по случайности? По неразумию? Потому ли, что это не концевая строка, не финальный укол? Иль потому, что на этот раз сказано: «не беда»? Служи, мол, коли охота, будь на здоровье Видоком... Не

знаю. Но что же тогда — беда, главная, истинная, непоправимая?

...Беда, что скучен твой роман.

Казалось, Булгарину в самый раз рассмеяться. Кой черт, скучен! Конечно, успеха «Выжигина» «Дмитрию Самозванцу» не досталось (речь в эпиграмме о нем), но не Пушкину же корить его этим — даже если Фаддею неизвестно, что через несколько лет насмешник получит от публики сокрушительную оплеуху: «История пугачевского бунта» останется нераспроданной...

Но Пушкин знал, куда бить.

Самое слабое место у литератора, погрязшего в грехах, даже в таком, как стукачество, все же — болезненное опущение литературной своей неполноценности. Можно в конце концов уверить себя, что, служа в полиции, служишь Отечеству, а в атмосфере всеобщей нравственной поврежденности можно и само общество заставить в это поверить. Однако сознание собственной бездарности — хотя бы даже и относительной — это неизживаемо.

Это больно. Страшно. И опасно — для общества, для культуры.

Я уже мельком сказал, что болгаринский феномен с годами перестанет быть феноменом, начнется его поточное производство и перепроизводство... Хотя где это «пере-», где начало избытка? Самого первого из болгаринных, самого Фаддея Венедиктовича — его одного уже было слишком много. Как бы то ни было, и в исторической, и в живой, бытовой нашей памяти — примеры, примеры, примеры, как изначальная ли бездарность либо проигранный, проданный, иссякший талант, эта воплощенная слабость, становились подлой и агрессивной силой. Подавляли и вытесняли (из страны, из литературы, из жизни), доносили, громили и запрещали, делая это с тем большим упорством, чем явственной ощущали собственную неполноценность.

Что ж, так было, так еще будет — долго или всегда, меняться станут только общественные возможности для приложения разрушительных сил; никого не остановил и не остановит пример Булгарина, ни для кого — даже для них — не обаятельный. Потому что неизлечима привычка все валить на время, не предоставившее условий быть лучше и чище, на обстоятельства, которым — ну, что бы им стоило не толкать нас на подлости?!

Ведь и Фаддей Венедиктович (вспомним письмо его к Гречу), уж верно, сдержал бы клятву, не предал бы, не изменил, если б... Если б не подвернулась возможность путем делового предательства умножить состояние. Значит, возможность и виновата: зачем подвернулась, зачем подвергла соблазну?

Утешимся тем, что у болгаринных никогда не бывает будущего. Но будем помнить, что у них всегда есть настоящее.

КРУГ РАЗМЫКАЕТСЯ С ПРИХОДОМ СМЕРТИ

ИГОРЬ ТАНЧУК

130

Анатолий Игоревич умирал. Он был опытным врачом и трезво сознавал: шансов прожить еще хотя бы год у него нет. Максимум — три-четыре месяца. Эти вялость и нежелание радоваться жизни, эта желтизна сухой кожи и упорный удушающий кашель, наконец, эта постоянная каменноподобная тяжесть в груди, переходящая то и дело в разрывающую плоть боль, — все указывало на один и тот же исход: близкую смерть от рака легких.

Каждое утро Анатолий Игоревич просыпался от этой боли — просыпался все раньше, потому что вчерашней инъекции наркотика хватало на все меньше минут покоя — и, удерживая в себе стон, защищаясь от умертвляющего страха, прижимался к сонно-теплому, живому телу жены, спрашивая себя: сколько дней еще осталось? неужели все кончится сегодня? или завтра? С детства он ненавидел смерть, не хотел, боялся ее, и вот теперь ему предстояло умереть на сороковом году скудной, безрадостной жизни, умереть и не увидеть, каким станет сын, как состарится жена, во что выльются изменения, разворачивающиеся в его неумелой поруганной стране. И ничего больше он не увидит, кроме этой постылой за долгие годы комнаты, — ни городов и стран, о которых так мечтал еще совсем недавно, ни лучшей обильной жизни, ни счастья на лице когда-то нелюбимой, а теперь все более дорогой жены, ни даже солнца, навсегда скрытого от него декабрьскими тучами...

Наконец боль и ужас, смешанные в теле Анатолия Игоревича,

достигали такой степени невыносимости, что он невольно начал поскуливать, будил этим жену. Она тотчас обхватывала его начинающими полнеть руками, без страсти, но нежно целовала в губы, и этот недавно усвоенный ею умиротворяющий поцелуй также служил для него верным вестником скорой смерти.

Осторожно, боясь усилить боль, жена прижималась к Анатолию Игоревичу живым полнеющим телом, на минуту замирала в сладко-горьком объятии и, ладным движением выскользнув из постели, ставила кипятить шприц. Анатолий Игоревич не отрывал взгляда от ее здорового обнаженного тела и сквозь боль, то смутно, то с пронзающей тоской, думал: не суждено мне открыть, объять, обнажить еще хотя бы одну женщину... Но вслед за этой мыслью тотчас приходила и другая — благодарная, наворачивающая на глаза слезы умиления: до чего же изменилась жена за время его болезни!..

Анатолий Игоревич прожил с ней пятнадцать лет и вспоминал теперь эти годы как счастливые — столь же счастливой, хоть и нелепой, представлялась ему и вся прожитая им жизнь. А ведь женился он лишь затем, чтобы прервать ежедневные пьянки, укрыться от мысли о никчемности всего прошлого, настоящего и будущего, избежать соблазна самоубийства, женился на женщине, которая полюбила его, но которую не любил он. И все эти пятнадцать лет он не любил ее, а только благодарил за верность и укрепляющую его жизнь заботу, но подчас и корил себя за свой, от безысходности сделанный, выбор: не было в любящей его женщине ни женственности, ни чуткой ласковости, о которых так мечтал он с самой ранней юности.

И без того неказистая, дома она обезобразивала себя, затягивая на голове нелепый пук и не стоняя с лица недовольного выражения. А недовольна она была всем, легко срывала злую усталость от беспросветной жизни на мужа и сыне, разговаривала вечно сердитым голосом, то и дело ударялась в крик, улыбалась же лишь в истоме ночной близости. Но и тогда не умела она быть нежной, и тогда могла укорить мужа за какую-нибудь невольную неловкость.

Сколько раз Анатолий Игоревич жалел самого себя, клял свою семейную жизнь и хотел избавиться от нее! Но он чувствовал, что жена его любит, знал ее верность и не мог решиться на предательство, перетерпевал все. И сколько раз, встречаясь с женственной, чуткой женщиной, Анатолий Игоревич мечтал изменить нелюбимой жене! Но всякий раз удерживал себя: пока она верна мне, я обязан не изменять ей.

Так продолжалось в течение пятнадцати лет, а изменилось все лишь недавно — с началом его болезни. В первые тревожные дни, когда перечеркивающий жизнь диагноз только подозревался, жена злым, противным голосом часто выговаривала Анатолию Игоревичу: вот, это ты во всем виноват! это курение твое вылезает! докурился? Но, едва переборов долгие слезы, вызванные выпитым у хмурых врачей приговором, она напудрила изуродованное горем лицо и вошла в палату к мужу с улыбкой на губах, впервые в жизни дотронулась до него по-настоящему нежными руками. Он чутко уловил в ней эту перемену и тотчас

осознал то, во что так не хотел верить: коллеги обманывают его — он болен не туберкулезом, а раком. Но хватило у него духа не показать жене ничего, с благодарностью во взгляде выслушать впервые произносимые ею слова утешения.

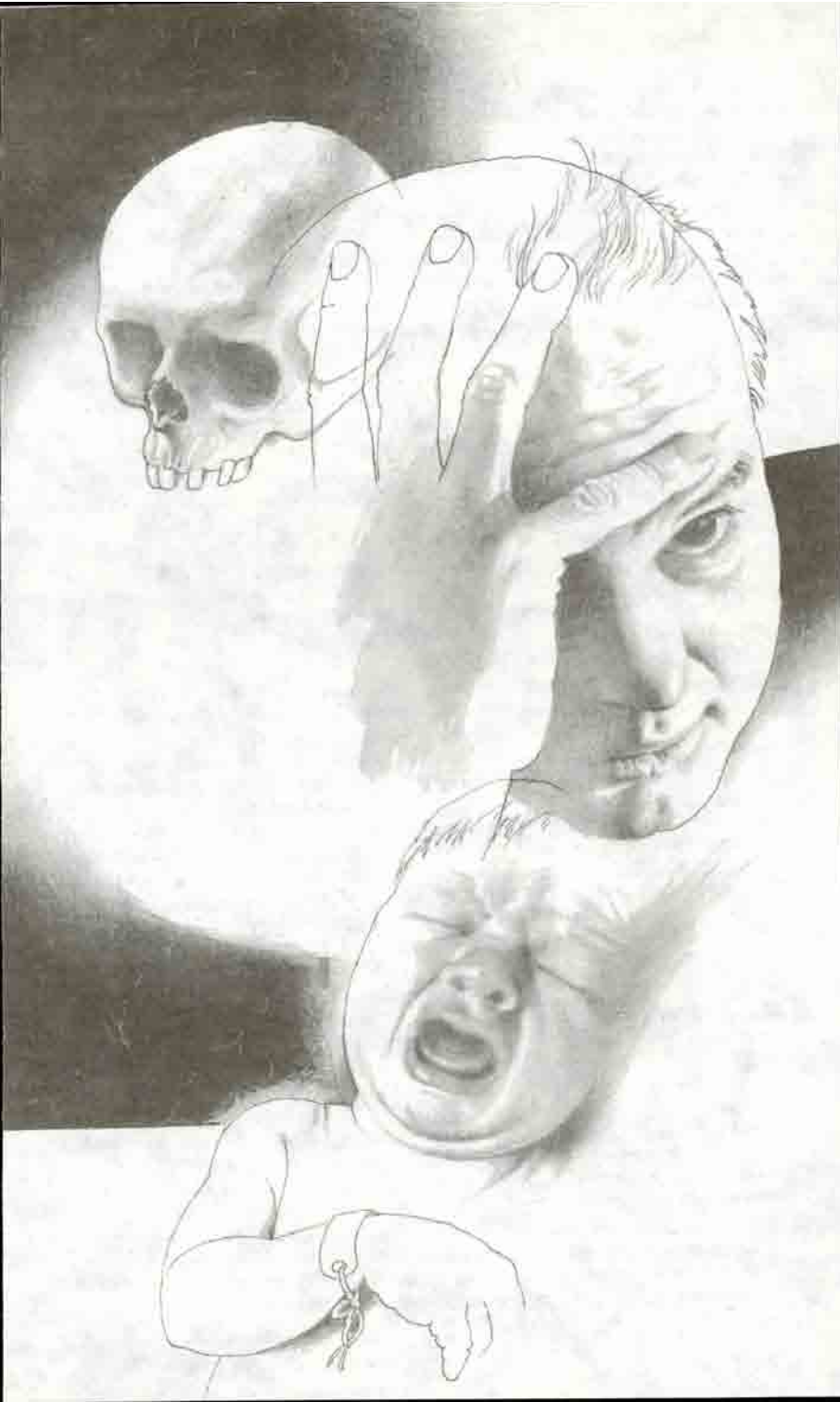
С тех пор жена стала стремительно меняться в своем отношении к нему. Теперь, придя с работы, она подолгу не стирала с лица косметику и ходила с распущенными волосами, из всех сил стараясь улыбаться мужу, и все чаще удавалось ей сдерживать себя, не срывать в крик, придавать голосу своему непривычную очаровательную доброжелательность. Прежде она готовила абы как, сообразуясь со скудным кошельком и пустыми магазинными полками, теперь же, не считаясь ни с чем, из сил выбивалась, приготавливая его любимые блюда. И он, видя это, съедал их через «не хочу» и делал то, чего тоже не делал прежде, — благодарил жену словами и поцелуем. Ночное поведение ее также изменилось — она уже не отбрыкивалась от супруга, отговариваясь усталостью, а при малейшем призыве с его стороны отдавалась ему с ненасытной нежностью прощания: словно стремилась насытиться его телом на все оставшиеся долгие годы. В конце концов она начала исполнять и угадывать все его желания — даже те, в которых отказывала ему годами: например, ложась в постель, снимала ночную сорочку и не спешила надевать ее по утрам.

132

Поначалу во всех этих изменениях чувствовал Анатолий Игоревич лишь беспощадные признаки близко дышащей смерти, но чем глуше отгораживала его болезнь от окружающей жизни, с ее мешающими задумываться спешкой и одуряющим бытом, тем зорче он видел: все произошедшие в жене перемены рождены не столько жалостью к нему, умирающему, сколько любовью, той подлинной любовью, встретить которую он тщился с ранней юности до самых последних дней. И вот — встретил. Теперь, глядя по утрам на обнаженную жену, он часто корил себя: она-то меня любит, а я?

Часто, просыпаясь по ночам от боли и из всех сил обуздывая ее в себе, думал он именно об этом, сладко и больно вспоминая всю свою, казалось ему, такую нелепую жизнь. Вспоминал скороспелую женитьбу, неловкое, холодное в постели тело жены и свои упорные потуги хоть чем-то воспламенить его, насладиться им, вспоминал всех красивых женщин, с которыми был знаком, и свое мучительное желание однажды овладеть хоть одной из них. Да, он то и дело флиртовал, часто влюблялся, несколько раз любил и посвящал любимым женщинам стихи, но всякий раз на пороге измены вспоминал жену, ее верность, ее молчащее самопожертвование и удерживал себя от последнего шага, оставался верен. Теперь, изо дня в день готовясь к смерти, он все горше понимал: эта его верность долгу и была той подлинной, увы, незамеченной им до сих пор любовью, раствориться в которой стремился он с тех самых пор, когда впервые осознал себя мужчиной.

Между тем жена делала Анатолию Игоревичу инъекцию, будила сына, ставила перед ним завтрак и уходила на работу. Анатолий Игоревич в ожидании начала действия наркотика

оставался в постели. С некоторых пор внутримышечные инъекции перестали помогать ему, а увеличить дозу не позволяли руководящие онкодиспансером инструкции, и Анатолий Игоревич обучил жену колоть внутривенно. Но такой инъекции хватало ненадолго, и часто среди дня, одолеваемый болью, Анатолий Игоревич вызывал «скорую помощь».

Пока же, в преддверии облегчения, он лежал в постели с закрытыми глазами и старался не обращать внимания на десятилетнего сына, нехотя ковырявшего вилкой в тарелке. Сын раздражал его. Раздражал своей непослушностью, беззаботностью, жизнерадостностью, своим непониманием происходящего. По вечерам, слушая, как сын, вместо того, чтобы корпеть над уроками, оголтело носится по квартире, Анатолий Игоревич гневно думал: отчего он не задумывается о смерти? Ведь и его она поджидает... В такие минуты он ненавидел сына, хотел причинить ему боль, хотел увидеть его слезы. С ужасом и отвращением Анатолий Игоревич сдерживал себя, но подчас все же срывался, кричал на сына, шлепал его или выворачивал ему ухо, со стыдом чувствуя при этом наслаждение.

Наконец сын уходил в школу, и Анатолий Игоревич оставался один. К этому времени наркотик уже притуплял боль и вызывал сонливость. Но спать Анатолий Игоревич не хотел. Нет-нет! Как же можно проспять эти последние живые денечки! А впрочем... Впрочем, какая разница? И ненадолго Анатолий Игоревич засыпал.

134 ...Сразу после пробуждения ощущал он в себе болезненный прилив жизни, выбирался из постели, пытался что-нибудь съесть, усаживался в кресло, раскрывал книгу, даже притуплял несколько строк, но не понимал их и не запоминал. Парализующая мысль овладевала им: зачем читать, зачем узнавать что-либо новое, если смерть взяла уже его за руку, если совсем скоро все его знания, его душа, его мозг будут съедены трупными червями, превратятся в ничто, в вечную кладбищенскую землю и траву? Сейчас, под защитой наркотика, Анатолий Игоревич способен был размышлять об этом без одуряющего ужаса и потому продолжал трезво спрашивать себя: ну хорошо, допустим, теперь узнавать что-либо действительно бессмысленно, а раньше? На протяжении всей жизни зачем было что-либо узнавать, к чему-либо стремиться, чего-либо достигать, если смерть все равно неизбежна? Если она — окончательна? Зачем нам дана жизнь, если дана и смерть? И вообще, стоило ли жить? Какой смысл во всем этом? И имеет ли смысл жизнь человечества, если и ее конец грянет когда-нибудь? Но если смерть обесмысливает жизнь и преодолеть ее невозможно, то отчего хочется умереть как можно позднее? Зачем искусственно длить бессмысленность?

Не в первый раз задавал себе Анатолий Игоревич все эти вопросы и не в первый раз тщился ответить на них. Впервые он сформулировал их в ту остро памятную ночь, когда вдруг разом осознал, что и он, как все, умрет, а жизнь после его смерти продолжится и останется столь же прекрасной, желанной, и кто-то в свой черед станет наслаждаться ею, а его уже не будет, вечно не будет, и никогда ничего он больше не услышит, не

увидит, не скажет, не почувствует, даже память о нем иссякнет — потому что умрут и те, которые знали его. Он исчезнет, навсегда исчезнет — словно никогда и не было его на земле.

И день за днем, минута за минутой не забывал он об этом и завидовал сверстникам, которые живут себе, веселятся и не вспоминают о том, что и им предстоит умереть. Жить так было невыносимо. Хотелось действовать, хоть как-то сопротивляться — не памяти о смерти, нет, а ей самой — смерти безжалостной, слепой и ненужной. Поэтому решил Анатолий стать врачом и специализироваться в реаниматологии.

Придя впервые в анатомический театр, он не ужаснулся, нет, но еще непримиримее возненавидел смерть, которая творит над живым человеком столь противоестественное насилие. И тотчас испугался за себя: ведь и я таким же стану, и мое тело развертнет нож да пила прозектора! Так и учился Анатолий в институте: ненавидя смерть и изо всех сил боясь ее.

С первого курса он подрабатывал в стационаре санитаром и, ухаживая по вечерам за умирающими стариками, терпеливо выслушивал их бессвязные нудные сказания. Ах, о каких же пустяках горевали они! «Как же так? — потрясаясь он внутренне. — Жизнь прошла, смерть держит их за руки, а они и не думают о ней, не страшатся ее». «Земля ждалась нас, — отвечали они ему и крестились украдкой. — Скорей бы нам лечь в нее, успокоиться».

Эта их примиренность со смертью возмущала Анатолия! Не понимал и не принимал он ее. Да зачем им смерть, зачем они так торопят ее, если есть жизнь, и они все еще живы? Всякую жизнь — даже бессмысленную, даже исковерканную душераздирающими страданиями, — любой миг всякой жизни воспринимал он как слепящее наслаждение — так как же можно поступиться хотя бы мгновением этого наслаждения? Нет, нет, он, Анатолий, выживет свою жизнь до дна и до последней капли сердца станет бороться против нелепой, непонятно зачем приходящей смерти — своей и чужой.

Но ежедневно на его глазах кто-нибудь умирал. Умирили в стационаре умиротворенные старики, молодые люди внезапно хватились на улице за грудь и падали замертво, кого-то сбивала машина, кто-то выпрыгивал из окна и потом, коротко или долго, лежал в реанимационном отделении под капельницей, на аппаратном дыхании и все равно умирал — несмотря на потогонный труд врачей и сестер.

А сколько иных смертей — непредсказуемых, непреодолимых, ненужных — видел Анатолий Игоревич, работая реаниматологом, и перед всеми этими смертями — даже детскими! — был бессилён. Если же и спасал кого-то, то ведь все равно спасенный обязан был когда-нибудь умереть...

Так зачем дана нам жизнь — неужто лишь затем, чтобы умереть? — все беспомощнее спрашивал себя Анатолий Игоревич. Смерть обесмысливала для него все: труд, любовь, мечты, рождение детей, их будущее, славу, дружбу, весенние рассветы, надежды, ненависть — все, все! Даже светлое будущее грядущих поколений — то, ради чего жил, трудился и страдал весь спло-

ченный советский народ. Да на черта мне это будущее, если лично меня в нем не будет? Так зачем бессмысленно продлевать бессмысленность — чужую, а главное, свою?

Все чаще у постели умирающего Анатолий Игоревич опускал руки и смирялся душой. Он понимал теперь умиротворенность стариков, их усталость от столь долгого — пожизненного — ожидания смерти. «Все мы живем в камере смертников, — говорил себе Анатолий Игоревич, — так не проще ли — головой об стену?»

Эта мысль возникала в нем все чаще, казалась все желаннее. С отталкивающим вожделием стал он поглядывать на мыло и веревки. Бездонность смерти уже не ужасала его, а влекла. Какая разница — когда?..

Но нет, нет — существовала разница! До чего ж любопытно было проснуться утром и спрашивать себя: что будет сегодня, а завтра, а через год? Какие встречи произойдут, какое неожиданное колечко выкинет судьба, какая новая женщина станет ласкать вечером? И тотчас: к чему все это? Бессмысленно, все бессмысленно! И сжав душу: не есть ли высшее мужество в том, чтобы дожить до конца вопреки неизбежности смерти? Если ты не трус, то живи и другим жить помогай!

А я не трус, убеждал себя Анатолий Игоревич, и лишь одно это удерживало его от мыла и веревки. Но слишком хрупка была опора, так хотелось хоть ненадолго расслабиться, почувствовать себя живым, позабыть о смерти...

В один из дней, алча расслабления, Анатолий Игоревич впервые напился — уродливо, до потери сознания. Наутро у него тяжело разламывалась голова, гулко билось сердце, а пальцы казались ватными, забывшими все, что умели. Анатолий Игоревич стыдился своего состояния перед всяким встречным, но одновременно вспоминал, как вчера, напиваясь, чувствовал себя человеком живым, почти бессмертным.

С тех пор мучило его ненасытное желание — пусть хотя бы на час, но ощутить в себе это безрассудное бессмертие! Ни возбужденное женское тело, ни возвышающее или заглывающее чтение, ни работа — то успешная, то изнуряющая, — ни кипучие споры с друзьями не дарили ему этого ощущения — только опьянение. И вскоре он прекратил сопротивляться, стал напиваться все чаще и чаще, а потом и каждый день, выходя из запоя лишь после того, как кончались деньги. В конце концов потерял способность работать, не приняв утром в ординаторской хотя бы пятидесяти граммов спирта.

Коллеги сперва поглядывали на него косо, потом начали вышучивать его, наконец, корить; начальство несколько раз вызывало Анатолия Игоревича на ковер, переводило на нижеоплачиваемую должность, а, потеряв терпение, заявило: все, увольняем по статье. Лишь тогда Анатолий Игоревич опомнился и увидел, что пьянство — это та же намыленная веревка, только сначала обращающая человека в животное, удавливающая его не за секунды, а за годы.

Такой судьбы не хотел он для себя и побежал от нее: уволился,

переехал в другой город и без надежды, наобум, женился на первой же женщине, которая пошла за него.

Однако вскоре нежданно обрел он в женитьбе зыбкое умиротворение, рожденное постоянным присутствием живого женского тела, в котором в любую минуту можно было раствориться и укрыться ото всех страхов и воспоминаний. В первое время думал он, будто умиротворение это вот-вот рухнет, но, к его удивлению, день ото дня оно росло и крепло в нем, постепенно отучая Анатолия Игоревича пить.

Он прекратил пить, когда окончательно понял, что жена любит его. Почувствовал себя необходимым человеком и впервые спросил, не зачем смерть, а зачем жизнь: быть может, именно затем, чтобы быть необходимым любящему человеку, укреплять его? Да, да, только в этом смысл — в необходимости живущим вокруг людям, — убеждался Анатолий Игоревич все прочнее.

Нет, он по-прежнему боялся смерти и часто ночами в отчаянном страхе сжимал живое тело жены всем своим холодеющим телом, но постепенно приступы эти становились все реже и короче. Примирился он наконец с чужой человеческой смертью и лишь с тихим сожалением, без сжигающей ненависти в крови, закрывал глаза погибшим больным, однако никак не мог примириться с необходимостью смерти собственной. Ну почему, зачем обязан и он в свой черед умереть, исчезнуть в небытии, раствориться в телах трупных червей, превратиться в атомы равнодушной земли? Вечной земли? На кой же понадобились тогда все его мысли, страдания, чувства, поступки, постижения? Если не только сам он, но и все человечество сгинет через сколько-то там миллиардов веков?..

Все эти вопросы по-прежнему билась в Анатолии Игоревиче, однако теперь не боялся он смерти слепо, по-звериному, а трезво спрашивал себя: что есть смерть, действительно ли она существует, конечна ли она?

Как истый материалист, он вынужден был отвечать себе: смерть существует, и смысл ее непостижим. Нет, нет, не имеет она смысла, как не имеет его природа. Почему происходят извержения? Зачем летает ветер? С какой целью светит солнце? А нет в этом ни смысла, ни цели. Все происходит и умирает по законам, которые существуют вне нас, нам от этого не уйти, и потому единственное, что остается, — смириться с этими законами, до какой бы степени ни были они ужасны. Когда-нибудь мы постигнем, как умираем, но никогда — зачем.

И не создается ли вышее мужество именно этим — жизнью наперекор осознанию смерти, умением исчезнуть без униженных жалоб и пустых надежд, смирением?

Однако, едва произносил он это слово — смирение, как из недр души его поднималось доселе неведомое, мучительное и влекущее молитвенное чувство. Он обращал глаза к небу и ощущал, что молится — беззвучно, бессвязно, бессмысленно, неизвестно кому, но молится, устремляясь к какой-то высшей, мудрой и спасающей силе. Чувство это вспыхивало всего на мгновение, но запоминалось как откровение, как счастье. В такие секунды он так хотел поверить в бессмертие души.

И бессилен был поверить. Втолкованное материалистическое мировоззрение не позволяло.

Анатолий Игоревич попытался соединить свое суровое мировоззрение с отрадным молитвенным чувством. Он понял уже, что смерть не глобальная философская проблема, а индивидуальная проблема мужества и веры. Смерть неизбежна — будь мужественен и помни об этом. Возможно, она твой абсолютный конец, все равно: проживи свою жизнь достойно, хотя бы не нападости в течение ее и столь же достойно, без стенаний и проклятий, подчинись, умри. Если за смертью следует хоть какое-то продолжение, в свой черед ты узнаешь об этом. Не обольщайся, но и надежды себя не лишай. Смерть неизбежна, поэтому будь мужественен и готовь себя ко всему.

Разумеется, это было все то же смирение, но слитое с глубокой, лелеемой надеждой и приносящее душе умиротворение — еще и потому, что все разрушающий миг смерти радостно мнил-ся очень далеким.

Однако убивающая болезнь не замедлила, и с ее приходом страх смерти накинудся на Анатолия Игоревича с прежней, юношеской силой. То видел он себя, желтого, изможденного, лежащим в гробу, то представлял, как жена станет выбривать его мертвые щеки, то чувствовал, как в его мозг, глаза, жизненные органы пробуравливают ходы мерзкие трупные черви — и бился в ознобе и застывал в параличе. «Как же так? Неужели и я? Сейчас? Так скоро? За что?» — рвалось в нем беспомощное сердце, и, выйдя из больницы, Анатолий Игоревич впервые за пятнадцать лет отчаянно напился — один раз, и второй, и третий, и много дней подряд.

Но нетерпеливая болезнь все решительнее отнимала у Анатолия Игоревича силы, а вместе с силами покидал его и страх смерти. Дурман алкогольный сменился более светлым и отрадным — наркотическим. Теперь Анатолий Игоревич мог чувствовать, думать, надеяться и опровергать надежду.

Проклятый вопрос: «Зачем жизнь и зачем смерть», — с каждым днем терзал его все менее остро. Гораздо важнее казалось ему понять, что есть смерть, и есть ли что-либо после нее. Снова и снова с прощающейся надеждой в душе размышлял он об этом.

Все радостнее вспоминал бердяевскую мысль, все роднее она становилась ему: то, что не находят анатомы при вскрытии тела душу, вовсе не есть материалистическое доказательство отсутствия ее как самостоятельно существующей субстанции и тем более не есть доказательство ее смертности, просто после смерти тела переходит душа в иное измерение, начинает существовать по-новому. И тотчас представлял себе Анатолий Игоревич, как зарывают тело его в могилу, как, разлагаясь и гнивая, атом за атомом сливается оно с вечной землей. Вечной! Бессмертной! Значит, и тело бессмертно, как бессмертна материя! А что же душа? Возможно, и она, атом за атомом, сливается с некой неведомой нам субстанцией и начинает существовать в какой-то иной ипостаси, пусть даже лишившись индивидуальных черт и памяти?

Да, да! Конечно, так! Не может быть по-другому! — с одурма-

ненной надеждой убеждал себя Анатолий Игоревич и в то же время трезво понимал: опять суррогат, даже если и так, то чем хуже смерть как абсолютный конец?

Вот над чем бился Анатолий Игоревич, прочитав бессмысленно несколько строк в ненужной ему книге и уставая блестящими глазами в ничто. Так и проходили его прощальные дни один за другим, похожие друг на друга, разве что боли становились все большее, кашель все удушливее, а тело, ум и желания все слабее. В конце концов перестал он брать в руки книгу и задаваться вопросом — зачем читать, если смерть столь близка, а всякую минуту, свободную от боли, тупо надеялся, что душа его хоть каким-нибудь образом бессмертна.

Однажды ночью Анатолий Игоревич проснулся не от боли — от удушья. Резко сел в постели и схватился руками за горло, не понимая еще, что уже не спит. Только что снилось ему, как уродливый скелет сжимает его горло, а вокруг взметаются не жаркие, но прожорливые, кровавые языки пламени. Анатолий Игоревич чувствовал, как выползают глаза его из орбит, как выходят из него последние капли жизни, как острыми своими пальцами скелет пробурливает его горло, с неудержимой болью раздирает грудь.

И тотчас все чувства Анатолия Игоревича утонули в страхе. Он понял, что проснулся и задыхается наяву. «Что это? Отчего?» — металось в нем, а жена его между тем спокойно спала под уютным одеялом и не слышала, с какой натугой, с каким свистом воздух входит и выходит из ее мужа.

Страшась разбудить ее и обеспокоить, Анатолий Игоревич вывалился из постели и, замирая через каждые полшага, доплелся до кухни. Он вернул уже в себя свое мужество, понял, что произошло, и трезво хотел убедиться в этом. На кухне привалился боком к стене, вставил в уши фонендоскоп и отстраненно вслушался в свои свистящие легкие. Так и есть: правое легкое молчало. Ателектаз! Конец! Сегодня или завтра, счастье, если через несколько дней. Конец! Абсолютное небытие. Или разгадка смерти?

Анатолий Игоревич сел на подвернувшийся стул и лишь теперь почувствовал, что обмочился от раздрающего ужаса. И в тот же миг как-то вдруг, без насилия, осенила его мысль о Боге. Эта мысль была даже не столько о нем, сколько о бессмертии души, но ведь бессмертие ее немислимо без веры и без Бога.

Анатолий Игоревич атеистом был не по убеждению, а по незнанию вероучения. Бездуховное государство напрочь лишило его выбора и выковало из него истинного материалиста, для которого верно лишь то, что возможно пощупать руками или доказать экспериментально. Душу пощупать невозможно, ее возможно лишь ощутить в себе и освятить своей верой. Поэтому душа была для Анатолия Игоревича всего лишь некой суммой нервных импульсов, то и дело причудливо сплетающихся в человеческом мозгу, нейрофизиологическим процессом, а не реально существующей субстанцией, таким же производным продуктом жизнедеятельности мозга, каким является речь.

Однако в минуты раздрающего страха он отчаянно хотел

поверить — неизвестно во что, но хоть ненадолго верить в нечто высшее, спасающее. В такие минуты он чувствовал существование над собой некой внечеловеческой силы и не желал ей подчиниться, взмолиться перед ней. Гордыня не позволяла ему зависеть от кого бы то ни было, а совесть стыдилась верить лишь из страха смерти или посмертного наказания. Мнилось ему, будто и все верят только поэтому, и оттого считал он верующих убегающими от правды трусами. Воздаётся каждому по вере его; мне достанется смерть страшная, а верующему — радостная, но в конечном-то счете обоих нас поджидает одно и то же: неведомое, не зависящее от веры нашей или безверия, а потому необходимо быть мужественным и не подчиняться ложно-утешительному, несуществующему, убеждал себя Анатолий Игоревич и убегал не в религию — в пьянство, в работу, в семью.

Впервые атеизм его поколебался под дуновением «апрельского ветра», когда обратил Анатолий Игоревич внимание на всем очевидное: овладев массами, идея становится материальной силой. Разве то не момент идеализма в самой материалистической из философских теорий? А бытие, определяющее сознание? Быть может, все же и сознание определяет бытие? Если человек осознает себя рабом, то и живет как раб. Если люди осознают нелепость, ущербность своего бытия, они стремятся изменить его — не так ли?

Но как раз тут все кинулись называть себя верующими — даже друзья Анатолия Игоревича напоказ надели на себя кресты. Это было омерзительно, лишало малейшей тяги к вере. И стал Анатолий Игоревич укрощать в себе молитвенное чувство, хотя и понимал уже, что атеизм — это тоже род внушенной извне веры.

Да и есть ли истинная, внутренняя вера? И какова цена ей? — часто мучился Анатолий Игоревич и отвечал себе: ни да, ни нет — смерть рассудит. С таким ответом и вошел он в болезнь, достиг ее убивающей стадии — ателектаза.

Теперь, обмоченный, он бессильно сидел на стуле и пронзительно чувствовал, что есть, есть она, истинная, внутренняя вера, и с ужасом понимал, до чего недоступна она ему даже сейчас, за сосчитанные часы до смерти. Ему показалось, будто он заснул от безысходности, а на самом деле завонил хрипло и — разбудил жену. Она тотчас уколола ему наркотик и вызвала «скорую помощь».

После многочисленных инъекций, после вдыхания кислорода Анатолию Игоревичу стало легче — удушье до времени отступило, он тяжело забылся. Пользуясь этим, жена сходила на работу и оформила двухнедельный отпуск за свой счет — хоть и не была медиком, но тоже поняла все. Теперь она сидела возле мужа целыми днями и даже спала едва-едва — готовая в любую секунду вскочить, действовать, укрепить, проводить.

А Анатолий Игоревич круглые сутки лежал в постели и почти не шевелился. Все перестало интересоваться его. Ни с кем он не заговаривал, ничего ни у кого не просил, ни за что никого не благодарил, на вопросы отвечал односложно, с натугой; прекратил принимать пищу, почти не пил, равнодушно позволял ко-

лоть себя и бесчувственно смотрел на самое притягательное для мужчины — по-прежнему обнаженное по утрам тело жены. Прошлое не волновало его больше, и из окружающей жизни он тоже уже ушел. Наконец совсем сдался и шагнул за порог живого мира.

Весь остаток своих сил отдавал он на то, чтобы родить в себе истинную, внутреннюю веру, но не находил в душе даже зачатка ее.

Между тем постепенно его организм привык к отсутствию одного легкого, удушье ушло, оставив после себя тяжелую отдышку, он смог хотя бы изредка садиться в постели, и вместе с этим вернулось к нему разнообразие мыслей и чувств. Я еще поживу, успею додумать, твердил он себе, а думал Анатолий Игоревич все о том же — о бессмертии души.

Он думал: пускай душа — процесс, но научились же живущие сохранять речь умерших, так, быть может, некто высший научился сохранять человеческие души? Но утверждение это опять требовало истинной, внутренней веры. А веры в нем не было! Снова и снова в решающий раз задавал он себе все свои юношеские вопросы и понимал, что наиболее простой и желанный ответ на них дает все та же глубинная вера в бессмертие души. Но не было в нем этой веры! Даже сейчас не желал он обманывать себя, даже сейчас не искал обманчиво легкой смерти верующего человека.

Благодаря друзьям со «скорой помощи» все последние дни постоянно находился он в наркотическом полубытьи. И вот однажды — уже после того, как открылось у него кровохарканье, — привиделся ему священник (или же приходил он на самом деле?), и услышал Анатолий Игоревич молитвы, услышал, как густой бас поет заукольную, почувствовал, как осеняет его крестное знамение, различил чей-то шепот: Господи, прости же грехи уходящего... И вдруг пронзительно вспомнил он всю свою жизнь, вспомнил пьянство и блуд, вспомнил, как не защитил однажды друга, не побежал на женский крик о помощи, долго и жестоко обманывал мать... Боже, ведь если душа моя бессмертна, то ей отвечать за все это, ей продолжать жить со всем этим! — впервые потрясся он и, словно благословение, почувствовал на лице своем теплую руку жены.

С тех пор Анатолий Игоревич знал, что не существует легкой, радостной смерти: атеист страшитсся абсолютного небытия, верующий — воздаяния за все сделанное и несделанное, вечной жизни с мукой непрощаемого греха. Так не желаннее ли абсолютное небытие?..

Таким и лежал Анатолий Игоревич в постели — смирившимся, пустым, часто не понимающим, то ли дремлет он в наркотическом тумане, то ли мыслит наяву. Изредка выползая из этого тумана, он чувствовал, что обязан, обязан додумать нечто разрешающее, последнее, но не мог одолеть в себе все разрушающей боли и вновь утонул в тумане.

В час, когда началось легочное кровотечение, Анатолий Игоревич не сжался, не обмочился, а отстраненно увидел себя лежащим в постели, мертвым, увидел рыдающую над его трупом

жену и вдруг разом вспомнил рассказы тех, кого удалось ему воскресить после клинической смерти. Почти все они ничего не помнили, но некоторые... Некоторые рассказывали, что вот так же отстраненно видели свое мертвое тело, работающих с ним врачей, а потом видели узкий туннель и влекущий свет в конце его. Они начинали трудно протискиваться к этому свету сквозь туннельную узость и не хотели, не хотели возвращаться в мертвое тело. Их всех принудили вернуться.

Узкий туннель, и в конце его — свет... Да, да! Вот то, что обязан он додумать! Анатолию Игоревичу показалось, будто он аж сел в постели, а на самом деле он лишь чуть-чуть оторвал от подушки голову. Труднопреодолимая узость и внезапный яркий свет — да это же человеческие роды! Так не является ли смерть рождением? Рождением человеческой души, которая здесь, на земле, прожила свою внутриутробную жизнь?

Эта мысль заполонила Анатолия Игоревича, рассеяла в нем наркотический туман, повела за собой, потребовала доказательств.

Но разве возможно получить их, если мертвые молчат, если ни один из нас никогда не узнает, что ждет его после смерти? Да, но ведь и плод не знает, что ожидает его после рождения, для него рождение такая же тайна, порог, быть может, абсолютное небытие, как для нас — смерть. А весь мир ограничен для него материнским чревом только оттого, что не дано ему заглянуть за его пределы. Родившись (или умерев?), плод обращается в иное существо, переходит в иной мир.

142 Не так ли и всякий из нас — высшее существо по отношению к плоду — является низшим по отношению к какому-то неведомому, невообразимому существу? А весь мир наш всего лишь чрево, организованное более сложно, чем материнское, чрево, за пределами которого ожидает нас иной, недоступный нашему разуму мир? И не бесконечна ли эта цепь рождений и смертей, как бесконечна материя? Но если любой из нас имеет начало — момент слияния яйцеклетки со сперматозоидом, — то, значит, имеет он и конец? Однако Вселенная тоже имела некое начало — тем не менее убеждены мы в ее бесконечности. А что если и Вселенная всего лишь чье-то чрево?

Это было совсем уж фантастично, и Анатолий Игоревич возвращался к более простым аналогиям и суждениям, находя в них столь необходимую ему сейчас отраду. И все время навязчиво возвращался к одному и тому же.

В момент рождения рождается наше тело, в момент смерти — душа. Как плод не ведает, что происходит с ним в результате рождения, так и душа не ведает, что происходит с ней в момент смерти, потому что жить начинает в ином измерении. Преждевременная смерть — это преждевременные роды души. Мертворожденный — это плод, не сумевший протиснуться сквозь узкий родовой туннель к влекущему свету и возвращенный каким-то образом в прежнее, дотелесное состояние. Да, мы при этом видим труп, но не знаем, оставляет ли душа возвращенного из клинической смерти человека какой-либо след в том, ином измерении. Да, мы хороним умершего и видим, как он сгнивает,

но хороним и послед, гнивающий тоже на наших глазах. Труп — это послед родившейся души, как хорион — послед плода.

Так что же? Круг размыкается в момент рождения? Круг замыкается с приходом смерти? Или наоборот? Или же все это единый бесконечный круг, по которому ходит всякий из нас и охватить который целиком наш разум бессилён?..

Со стоном, с натугой выплыл на минуту Анатолий Игоревич из наркотического дурмана и успел сообразить трезво и горько: даже если весь этот бред — истина, разве она утешительна? Ведь все равно утрачиваем мы память о нашей внутриутробной жизни. Но надежда, прощаясь, шепнула ему: зато остается знание об этой жизни. Быть может, и там, в ином измерении, сохраним мы знание о прожитом на земле, и страдания наши, радости наши хотя бы отчасти не пропадут даром?..

Тот час, в течение которого Анатолий Игоревич толчками обдумывал все это, оказался последним осмысленным часом его безрадостной жизни.

Анатолий Игоревич был врачом и провожал, напутствовал многих умирающих. Он всегда считал смерть самым значительным моментом человеческой жизни. И вот теперь, за несколько минут до собственной смерти, он выплыл из защитного дурмана и удивился тому, что умирает как-то странно — без чувств и мыслей. Он долго, со стоном соображал, что же такое очень важное необходимо сказать живым на прощание, и наконец вытолкнул из себя: прости меня, Боже. Но обращался он вовсе не к Богу, в которого так и не сумел поверить, а к людям. Он хотел сказать им: простите за то, что ухожу от вас, за то, что совсем скоро, вот сейчас, узнаю то, чего вы не узнаете до своего срока, не узнаете и будете мучиться этим незнанием. Простите меня за то, что не смогу я раскрыть вам тайну смерти...

Анатолий Игоревич не видел, не чувствовал, не слышал, как жена вызвала «скорую помощь», как незнакомый врач холодной рукой пощупал пульс на его сонной артерии и равнодушно закрыл ему глаза...

Исчезнувший

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ

Т. Б. И. К.

ет, не о знаменитом изобретении Рубика пойдет речь...

В главном детском магазине Москвы — «Детском мире», на Лубянке — я пытался разыскать обыкновенные деревянные кубики для трехлетнего ребенка.

«Игрушечных» отделов в универмаге полно — и на первом этаже, и на втором. Правда, подойти к ним можно, лишь миновав ослепи-

тельный салон со сверкающими «тойотами», «мерседесами», «шевроле», вовсе не из разряда игрушечных...

Есть мягкие игрушки с надписью «СНГ», которые продавцы, как сговорившись, относят к отечественным. Есть деревянные пирамидки и пластмассовые сборные конструкторы все того же «эсенгового» производства, красочные зверюшки невесты из какого материала, но в просторечии называемые резиновыми. Есть «Морской бой», «Рыболов», «Футбол» — нашенские настольные игры, памятные нам по собственному детству. Еще можно купить электронные игры типа «Ну, погоди!», пластмассовые наборы солдатиков и ужасного вида коляски для кукол.

Все. Больше ничего с маркой «сделано у нас» нет. Заведующие секциями, с которыми удалось пообщаться, только руками разводили: «Отечественного товара получаем...» — и называли кто один, кто пять процентов. Прилавки ломались от изобилия игрушек, в основном китайских, а также тайваньских, испанских, индонезийских (!), немецких, американских.

Наткнулся и на новый отдел под названием «Шутник». Здесь (для детей?) продают маски-страшилки, плотно натягивающиеся на голову; сувениры в виде, пардон, испражнений; скачущие по горизонтали (не знаю, как у них с вер-

тикалью) фаллосы; сигареты-пистоны, способные уложить на смерть инфарктника, если ему дать «прикурить»; ножи с уходящим внутрь лезвием; конфеты с перцем и чесноком. У прилавков всегда — куча пацанов, буквально прилипших к витринным стеклам. Цены — в долларах, тут же переводимых в рубли по курсу.

За кубиками продавцы посоветовали съездить в магазин у метро «Сокол», который получает отечественных игрушек больше других... И тогда я задумался вот над чем: погибает ли игрушечная отрасль в России? И если погибает — то почему?

В Сергиевом Посаде — единственный в России НИИ изделий для детей. Там же — музей национальной игрушки. Плюс к этому — игрушечная фабрика и уникальное производство детской (не игрушечной) мебели.

Научно-исследовательский институт появился в Сергиевом Посаде в 1932 году. И не случайно возник он именно здесь, по соседству с Троице-Сергиевой лаврой. В городе бытует предание, будто сам Сергей Радонежский заложил будущую индустрию игрушки, поскольку святой старец любил резать игрушки и дарить их приходящим в лавру ребятишкам, считая это богоугодным делом.

В XIX веке Сергиев Посад был «игрушечным» центром России. Процветал тут народный промысел. В 1913 году создали, собрав мастеров, артель, которая затем стала фабрикой, а нынче зовется новомодно — ТОО «Художественные изделия и игрушки».

Итак, новые изделия рождаются в НИИ. Особенно многочисленным штат института не был никогда, а сегодня в нем научных сотрудников, то бишь разработчиков современной игрушки и оборудова-

ния для ее производства, всего человек пятнадцать. Полтора года назад трудовой коллектив, а это, кроме разработчиков, еще и те, кто воплощает их идеи в жизнь, превратился в акционерное общество. (Как популярно объясняет заместитель директора НИИ по науке Борис Николаевич Бухаров, акционировались для того, чтобы «чужой дядя не заграбастал семизатжное здание института вместе со всеми, кто в нем сегодня трудится»...)

Новая игра — это прежде всего новая идея. Но придумать новую игрушку даже не полдела. Основные разработки касаются технологии ее изготовления, умные головы бьются над созданием оснастки, машин для производства игрушек. Эх, кабы денег хватало на то, чтобы сделать отечественную игрушку оригинальной, яркой, удобной, красивой, способной и увлечь ребенка, и чему-то его научить, и в чем-то воспитать. Но что говорить об этом — безденежье теперь беда общая... И беда эта тянет за собой целый воз проблем. Вот, пожалуй, самая острая: нынче НИИ не столько бежит по своим рельсам, сколько догоняет Запад, осваивая и переиначивая на свой лад то, что там уже давно изобретено. Так, «ихняя» Барби со своими нарядами и мебельными гарнитурами превратилась у нас в славяночку Наташу тоже с полным «боекомплектом» всего ей необходимого. Всемирно известный конструктор «Лего» трансформировался в нашенский, который по своим функциональным возможностям не уступает западному, хотя сильно уступает в материале и расцветке.

— В России идей не меньше, но их трудно или вообще невозможно воплотить, — с горечью признавался Бухаров. — Например, необхо-

дим бесшумный двигатель для машины, разумеется, игрушечный. Покупать за границей — дорого. Поставить наш — он шумит, и батарейки летят через каждые час-два работы. Или пигмент нужный подобрать, чтобы игрушка была яркой, веселой — та же проблема. Либо покупай на Западе — и увеличивай цены на изделия, либо обходишься тем, что дают свои химики, — и получай игрушку бледную, тусклую...

Вообще-то Борис Николаевич чуть-чуть сгущает краски. Хотя спад — вдвое! — производства игрушек в России за последние годы несколько обескровил рынок, все-таки выпускаемые сейчас стали заметно лучше прежних. Во всяком случае, то, что мы видели в «Детском мире», выглядит вполне прилично и выдерживает пока еще конкуренцию с импортом, правда, чаще все-таки за счет низких цен. А кукол, их одежду, мебель и конструкторы, сработанные в самом НИИ, вообще можно называть классными.

Да, представьте себе, НИИ, который раньше сам ничего не производил, теперь открыл свое производство — детали по его чертежам готовят на других предприятиях, а здесь собирают. Куда денешься — рынок, надо как-то зарабатывать. На базе института недавно возник отраслевой центр по сертификации игрушек на безопасность. ГОСТ соответствует европейским требованиям. Так что если ваш малыш тянет в рот полимерного отечественного зайца, не впадайте в панику — заяц «благонадежен». В отличие, например, от некогда заполнявших прилавки таких же полимерных зверюшек из Китая, которые безобидными симпатягами были только на вид. Детишкам же несли они аллергию и желудочно-кишечные расстройства...

Мысль о необходимости своей, незаемной игрушки охотно поддержал и развил молодой заместитель директора по науке Художественно-педагогического музея игрушки Александр Греков. В начале марта он вернулся из Швейцарии, возил туда выставку музейных экспонатов.

Впечатлениями переполнен. И в первую очередь говорил о том, что состоятельные швейцарцы всем достижениям научно-технического прогресса ныне предпочитают вещи рукотворные. К российской выставке они именно поэтому проявили огромный интерес, увидев разнообразие форм, типов, образов, какое им и не снилось.

Конечно, обидно, что при таком богатстве уже наработанных образцов у нас сейчас основная суть игрушки — быть теплой, ласковой, домашней — все больше выхолащивается. Детская забава становится жесткой, технологичной — и соответственно влияет на детей.

Недаром даже смекалистые на всякие электронные чудеса японцы нынче спешат отказаться от сверхдостижений в этой области, когда дело касается игрушки.

С Грековым можно соглашаться или не соглашаться, но слушать его необычайно интересно.

— Считается, что первую русскую матрешку в 1890 году выточил токарь Звездочкин, живший в Сергиевом Посаде, а расписал ее художник Сергей Васильевич Малютин. Матрешка та была очень простая — девочка, держащая в руках петуха. А название новой игрушки дало имя Матрена, ласково — Матрешка. Хотя иностранцы почему-то называют ее бабушкой, с ударением на втором слоге. Ну, на то они и иностранцы.

Обидно, что теперь народная игрушка, — продолжил Александр, — превратилась в сувенир, и только. Ею никто не играет.

А ведь, скажем, матрешка — игрушка универсальная. Она знакомит малыша с зачатками самых разнообразных знаний — объемом, формой, счетом; с художественной культурой и национальными традициями.

Вообще давно замечено, что деревянная игрушка рождает в детях теплоту, доброту, мягкость...

Конечно, Греков не имел в виду, что «Денди» или разные там трансформеры обязательно воспитывают дураков или бандитов. Но трудно опровергнуть его убеждение: именно народное искусство должно быть фундаментом для промышленных образцов, и тогда игрушка станет соответствовать нашим традициям и российскому складу ума.

А пока же бывшая фабрика, а ныне Сергиево-Посадское ТОО «Художественные изделия и игрушки» богатства выбора не предлагает.

Специализируются здесь в основном на куклах, в том числе сувенирных и изделиях народных промыслов. Выпускают и матрешек, и шкатулки расписные деревянные. Куклы, хотя и разработаны специально для фабрики российским автором, сделаны по типу все той же пресловутой Барби (ну куда от нее не деться!). Их выходит из цехов до 90 тысяч в месяц. Спрос огромный, поскольку и куклы, если отвлечься от их похожести на западные аналоги, хороши, и цена по нынешним меркам небольшая. И названия красавицам придумали замечательные — «Принцесса» и «Фея».

Шестьсот таких принцесс и фей в сказочных русских костюмах недавно купили американцы. Шкатулки постоянно заказывает и покупает французская фирма.

Но... Главный инженер ТОО Ва-

лентина Павловна Давыдова рассказывает, что старое здание фабрики передали несколько лет назад Троице-Сергиевой лавре, временно переселили фабричный люд в более тесное помещение, обещали построить новые просторные цеха. Но — нет средств. И какой смысл сейчас заниматься «стройками и переселениями», если из 700 работников в ТОО осталось лишь 320, да и тех едва удастся загружать работой из-за хронической нехватки сырья.

Люди, выпускающие отличные игрушки, получали по весне всего 100 тысяч рублей в месяц. О чем тут говорить?!

Вероятно, о том, что отечественная игрушка переживает сегодня самый настоящий кризис. Папы и мамы, желая порадовать свое, все чаще единственное, чадо, стараются купить ему самое-самое.

А это «самое-самое» в 99 процентах случаев оказывается заграничным. В самом деле, какая девчужка не прельстится на упакованную в яркую гляцевую коробку Барби, какой пацан не мечтает о все том же трансформере, который тебе и универсальный солдат, и космический корабль из фантастического мультсериала, и гоночный автомобиль, и еще Бог знает что... Раз уж российским идеалом стала американская мечта (хорошо это или плохо — каждый решает сам), то и нашим детям приходится покупать то же, что покупают родители их заокеанским сверстникам.

Но есть в Сергиевом Посаде фабрика, что делает мебель для детворы. Тут все, до последнего шурупа, наше, российское. И, поверьте, на зависть иноземным мебельщикам...

Отчего, говоря об игрушках, коснулся я «мебельных дел»? В отли-

чие от взрослых для детей стол, стул, кровать, полка для книжек — это те же игрушки, но только «взаправдашние». Мебель, которую производит АО «Асоль», по душе и взрослым, и детям. В демонстрационном зале предприятия я почувствовал себя так, словно вернулся на два десятка лет назад и опять оказался в детском саду.

Чего здесь только нет — и деревянные двухъярусные кровати, расписанные в изголовье замысловатыми яркими рисунками, и крохотные столы со стульями, и полки-игрушки, похожие на жирафа или страуса, и спортивные комплексы, и кони-качалки, и многоцветные деревянные строительные конструкторы, из которых при наличии фантазии можно запросто выстроить сказочный дворец, и наборы всяких зверюшек из русских народных сказок для постановки кукольных спектаклей, и бревно, раскинувшееся на полу веселым зеленым крокодилком (это и спортивный снаряд, и игрушка).

А еще всякие шкафчики, полочки, креслица, табуреточки, кровати-люльки. Каждый месяц ассортимент пополняется двумя-тремя новинками. Покупателей, естественно, хоть отбавляй.

...Шесть лет назад нынешний генеральный директор «Ассоли» Валерий Липатов, экономист по образованию и художник в душе, вместе с младшим братом и еще одним своим приятелем целое лето на даче разрабатывали и мастерили из дерева первый набор мебели из четырнадцати предметов... Дело пошло: уже через год Валерий со товарищи арендовал помещение, нашел и пригласил к себе высококлассных рабочих-мебельщиков. Сначала предлагали свою мебель окрестным детским садам. Потом благодаря широкой дилер-

ской сети слава об «Ассоли» пошла по всей стране.

Сейчас здесь работают триста человек, есть четыре цеха, современное оборудование, включая две лазерные установки для выжигания и резьбы по дереву. Кому что надо — «Ассоль» обязательно изготовит: недавно сделали на заказ тридцать наборов мебели для детей с церебральным параличом...

Цены не самые низкие, но и не выше, чем у других производителей подобной продукции. Однако качество, внешний вид... Ни на одном предмете вы не найдете какого-нибудь гвоздя или шляпки от шурупа, все тщательно упрятано под дерево.

Хорошо, что кто-то при мне случайно обронил слово об «Ассоли». Побывав на этом производстве, я воспрял духом: нет, не все потеряно, не все утрачено, пока к делу приходят люди, подобные Липатову.

Все специалисты «игрушечного» дела, с которыми мне довелось встретиться в Сергиевом Посаде, в один голос говорили о том, что самая главная функция игрушки — способствовать развитию ребенка, что игрушка — это не обычный товар, а средство воспитания маленького человечка, что в конце концов государство несет ответственность за то, как мы влияем, в том числе и с помощью игрушки, на подрастающее поколение.

Как влияем — то и получаем...

И вспомнился рассказ Стивена Кинга «Поле боя». Там 26 игрушечных солдатиков, вооруженных автоматами, базаками, вертолетами и ракетной установкой, после недолгой схватки расправляются с профессиональным наемным убийцей. Хотя Кингу, как всегда, в фантазии не откажешь, но он не так уж далек от нынешних реалий.

А всего-то навсего: искали мы детские кубики.

Самые простые, те, что раньше стоили от тринадцати копеек до сорока. Кубики, из которых так интересно складывать целую правильную картинку. Кубики, которых в нашем детстве в домах было по несколько коробок, — тут тебе и «Сказки Андерсена», и «Русские народные сказки». Попробуй потом все это ребенку не прочесть...

Кубиков мы не нашли. Даже на «Соколе».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Детство не только наше будущее, оно — настоящее. А потому требует внимания, заботы... И «Детский мир» — не только название торговой фирмы. Это мир, в котором сегодня не хватает многого — в том числе и игрушек. Отечественных, российских.

Что же, так и будут расти наши дети, играя в заморские «страшилки»?

Или все же возродим, наладим выпуск традиционной русской игрушки, придумаем и сделаем новые игры для ребят? Памятуя о том, что «игрушечный» бизнес во всем мире один из самых прибыльных.

Кто «за!» и готов реально помочь, вложив в это дело время, деньги, энергию, — милости просим в Сергиев Посад, в российский центр детской игрушки...

15 СУТОК В КАМЕРЕ с видом на море

Разговор у нас пойдет об Италии. И потому сразу поясню, что на итальянском языке слово «камера» означает совсем не то, что вы подумали, а просто «номер в гостинице», что со смехом и естественным юмором воспринимают русские туристы, впервые приезжающие отдохнуть в эту солнечную страну.

Мы прибыли на самый юг Италии, в благословенный край, носящий древнегреческое название Базиликата, в один из самых тихих и уютных его курортных городков, Поликоро.

Уверен, нашим читателям со школьной скамьи известно, что на карте мира очертания Италии напоминают дамский сапог с высоким каблуком. Поликоро, куда я настоятельно рекомендую нашим читателям съездить на отдых, находится как раз под этим самым каблуком, в центре залива Таранто на Ионическом море.

Туристический сезон в Поликоро начинается в мае и длится по конец октября. В течение этих пяти месяцев над вашей головой все время будет светить солнце, температура воздуха 25—27 градусов, а гостеприимство итальянцев вам обеспечено 24 часа в сутки. Мы почувствовали это, как только подъехали к гостинице «Гераклия», стоящей посреди большого парка. Сюда не доносятся шум города, сигналы машин — только шорох листвы да щебетание птиц ласкают ваш слух.

Нас встречает сам хозяин гостиницы синьор Франческо — энергичный, подвижный человек с неизменной трубкой во рту, постоянно погруженный в мысли о том, как лучше организовать отдых российских туристов, приехавших в Поликоро.

Отель «Гераклия», где вы будете жить, построен недавно, и потому в нем все суперсовременно: просторные «камеры» с телефоном, TV, балконами. Само собою, есть бассейн с морской водой, теннисные корты, спортплощадки, живописно вписавшиеся в пейзаж гостиничного комплекса. Если вы приехали не только отдохнуть, но еще и поработать, — к вашим услугам конференц-зал, факс, космическая связь.

А вот еще одна услуга, ради которой, уверен, сюда придет не одна дама, желающая во время отдыха сбросить этак годков 5—10 и вернуться домой молодой и красивой. В «Гераклии» есть прекрасно оборудованный фитнес-центр, врачи которого порекомендуют вам пройти один из трех терапевтических курсов. Конечно, за каждый такой курс придется заплатить, но, уверен, не дороже, чем в Москве, зато вы совместите приятное с полезным: например, косметический курс включает и очищение лица, и избавление от морщин, и массаж, и лечение дефектов кожи. Есть и солярий, и эпиляторий, и гидромассаж — ну, почти как в санатории.

Вы выходите на балкон своего номера (тьфу, забыл, не номера, а «камеры»), обводите взглядом раскинувшийся перед вами пейзаж: справа — фиолетовый горб далекой горы, на вершине которой в мае еще лежит снег, слева — ослепительная зелень апельсиновых и лимонных

деревьев, а прямо — сине-бирюзовое море, до которого от гостиницы ровно 160 шагов — сам измерял. Здешний пляж — один из 30 пляжей Италии, которому вручен голубой флаг ЕЭС за экологически чистейшее состояние воды, воздуха, песка.

Окно моей «камеры» выходило на противоположную от моря сторону, в парк. И я отнюдь не прогадал, потому что каждый вечер, перед сном, выйдя на балкон, наслаждался изумительной по красоте и мелодичности, многообразию трелей песней итальянского соловья.

Московская фирма «Ост-Вест» первой на российском рынке открыла для наших туристов это поистине райское место. Приходите в ее офис, и вам предложат каталог на русском языке с цветными фото гостиницы и ценами на все услуги. 15-дневная путевка обойдется вам в 890\$, — сюда входят страховка, перелет на «Боинг-757» Москва — Неаполь — Москва, трансфер до гостиницы, русскоговорящий гид, четырехзвездочный отель «Гераклия», 2 экскурсии, полный пансион. За все остальное вам придется платить, но вы скоро поймете, что все здесь примерно в два раза дешевле, чем у нас дома.

Здесь, на самом юге Италии, россияне пока еще побывало очень немного. Поэтому для поликорцев (да простят мне они это придуманное словцо!) мы являемся как бы пришельцами из иного мира, и они с открытым сердцем и добрейшей своей душой готовы принимать вас в своем доме.

Во второй день мы поехали на экскурсию. Нашим гидом была Марина. Невысокого роста, с большими черными, как маслины, глазами, с тихим голосом, но энергичная и решительная, филолог по образованию, изучавшая русский язык в Миланском университете, она всегда была к нам внимательна и доброжелательна. Марина восторженно рассказывала о древней Италии, о сегодняшних красотах Базиликаты, и вообще с ней приятно говорить о чем угодно — она прекрасно понимает наши шутки, юмор и даже безобидные милье глупости.

По пути в Бари, крупнейший портовый город, мы побывали в Матере — историческом центре с археологическими раскопками, относящимися к эре палеолита, полюбовались старинной часовней Аполло Лицио в Метополитане — городе, где жил древний философ и математик Пифагор, зачарованно ходили по подземным пещерам Кастеллане Гротто. Показали нам и потрясающую редкость — пещерный городок в скале, где когда-то жили первобытные люди и откуда последняя итальянская семья переселилась в 1959 году. Причем, у живших там итальянцев были не только кровати и столы, но и телевизоры с холодильниками. Говорят, некоторых переселяли из пещер в современные дома чуть ли не силой.

А совсем недалеко от гостиницы расположен Национальный музей Сиритида, где собрано все, что удалось открыть археологам во время раскопок древнего города Гераклия. Вы прикоснетесь к остаткам древнегреческих храмов, увидите старинные предметы, которыми пользовались жившие в древние века на побережье Ионического моря люди. — керамические сосуды, вазы, монеты, золотые украшения.

Вам хочется еще чего-нибудь необыкновенного? Например, почувствовать себя пилигримом? Тогда закажите морскую прогулку на быстрходной яхте: вас научат управлять судном, покажут, как рыбаки ловят кальмаров, крабов, а если вам очень повезет, любопытные дельфины будут сопровождать вашу яхту прямо до берега. Здесь, среди сосен с совершенно плоскими кронами, есть рыбный ресторанчик, хозяин которого, моряк Эчиккио, возивший вас по морю, тут же приготавливает на гриле рыбу-меч, и, запивая это блюдо прохладным белым вином, вы испытаете то самое райское наслаждение, которое не забудете всю жизнь.

И, наконец, зоосафари. Вы никогда не были в Африке, в знаменитых заповедниках, где дикие звери гуляют на воле, а туристы едут мимо на автобусах? Не расстраивайтесь — Африка далеко, там очень жарко, да

и путешествие туда не всем по карману. А вот из Поликоро вы можете всего за 80 долларов съездить в Паглию, где на территории в 20 га расположены огромный зоопарк и городок с фантастическими аттракционами. Львы, тигры, долгоязыые жирафы и флегматичные слоны будут подходить прямо к вашему автобусу, ожидая от вас какого-нибудь лакомства и давая вам возможность сделать уникальные фотографии.

Теперь немного о шопинге, или о том, что и почем можно купить в Поликоро. Прежде всего, конечно, обувь. О качестве итальянской обуви известно всем — оно выше всех похвал. Если в магазинах Поликоро вы купите туфли в два раза дешевле, чем в Москве, то на рынке те же туфли обойдутся вам в три раза дешевле. Та же картина с трикотажем и кожаными изделиями. Всякие мелочи для дома, для хозяйства совсем дешевы.

И что еще, на мой взгляд, очень важно: русская речь здесь пока еще редкость. И потому вас не будут, как в Турции, буквально хватать за руки и заывать в свои лавчонки, навязывая залежалый товар. Тут все чинно, солидно и в то же время просто. Если вы на чем-то остановите взгляд и продавец заметит это, он сам предложит вам скидку, а тут уж вы можете, если умеете, и поторгаться. Делайте это с улыбкой, как бы наслаждаясь милой беседой с торговцем, и он возблагодарит вас за это, продав за столько, сколько и стоит как раз та вещичка, которую вы присмотрели.

А как приятны неторопливые прогулки по шикарной набережной Поликоро — морской воздух, запахи апеннинской сосны и вечнозеленого эвкалипта сливаются в один тонкий аромат. Пиццерии, выставившие столики под открытое небо, заывают своими специфическими запахами, и с чашечкой «капучино» вы можете просидеть здесь хоть всю ночь — вас никто не побеспокоит, не прогонит.

Я еще ничего не написал об итальянской кухне, но только потому, что описать ее невозможно. Это надо попробовать. В ресторане гостиницы «Гераклия» вас будут потчевать вечно улыбающиеся официанты Леонардо и Рокко. Вот они водружают на стол блюдо со спагетти — макаронами, залитыми помидорным соусом и еще непонятно чем, вот раскладывают по тарелкам креспеллу — блинчики с начинкой из бобов, фасоли, орехов, потом появляются два подноса с дарами моря — рыбными деликатесами: креветками, омарами, кальмарами и устрицами. Все это вы должны полить соком лимона, и тогда, поливая доброе итальянское вино, хранящее прохладу и терпкий аромат летнего дня, вы почувствуете себя истинным гурманом. (Стати, очень прошу, не делайте глупости, не везите с собой в Италию нашу водку — она вам тут просто не польется в горло, по себе знаю.)

Итак, насладившись морем и солнцем, съездив в 2—3 экскурсии, потаскавшись по многочисленным лавчонкам и рынку, неторопливо похаживая по незнакомым улочкам и набережной Поликоро, насидевшись в кафе и пиццериях, наблюдая за мирным течением незнакомой и непривычной нам жизни, вы к концу 15-дневного отпуска, я уверен, почувствуете, что обычаи и традиции, лицо и душа этого замечательного курортного местечка вам хорошо знакомы, вы слились с ними, и вам будет очень трудно с ними расставаться. Такой отдых не может не запомниться — пройдут осень, зима, и вас снова потянет сюда, в Поликоро, где вечером со своего балкона вы, кажется, можете спокойно дотянуться рукой до созвездия Южный Крест.

Адрес фирмы «Ост-Вест»: 121019, Москва, ул. Маркса-Энгельса, 7/10. Тел.: 309-42-23, 187-65-23, 471-41-82, fax: 203-56-28.

Те же путевки вы можете заказать на фирме «Велий Росс»: 107140, Москва, Комсомольская пл., 3/9. Тел.: 975-15-77, 975-33-24, fax: 975-15-77.

В Поликоро побывал и приглашает всех **БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ**.

АБРАМ ЗФРОС

СУРИК

Большая Морозова в саях. Эюд.

ОВ

Иностранцы не задерживаются у Сурикова. Они его не видят. Моя память хранит лишь торопящиеся мимо силуэты. Ни один не остановился сам и не спросил, что это такое. От далекого Верхарна до недавнего Цвейга каждого надо было остановить. Когда же им говоришь о том, кто он, они понимают смысл наших слов, но не важность нашего тона. Они тем более удивлены, чем легче находили с нами в искусстве общий язык. Мы вдруг начинаем казаться им туземцами, говорящими у какого-то старого обломка: это святой камень. Если они нежимают открыто плечами, то только потому, что существуют навыки вежливости и в сношениях с аборигенами экзотических стран. В лучшем случае западные гости слушают нас так же, как мы слушаем панегирик заносчивого поляка Яну Матейко или нетонкого немца Беклину: с этим не спорят, так как это подрубают само себя. Суриков для них таков же.

На толстовских столетних торжествах, принимая в Третьяковской галерее Стефана Цвейга, я спросил его перед «Боярыней Морозовой», что думает он об этой любимейшей

* Абрам Эфрос (1888—1954), искусствовед, театровед, литературный критик. Статья о Сурикове, написанная в 1928 году, перепечатывается из книги: А. Эфрос «Профили», М. 1930.

из русских картин. Он впервые поглядел на меня чуть-чуть недоверчиво и чуть-чуть недоуменно, как будто думать об этом ничего нельзя, и лишь мой каприз остановил его на ходу, между тем примечательным, что я ему уже показал, и тем, что он еще увидит. Я тоже перестал его понимать: он только что заинтересованно спрашивал меня о меньших мастерах и о более слабых вещах, и в такой доброй согласованности устанавливались между нами критерии и оценки... Но лучше бы он не говорил того, что сказал, ибо он сказал: «Ist denn das etwas wichtiges?»* Ничего пренебрежительнее он не выразил бы, даже если бы хотел. У него были пустые глаза человека, стоящего перед ничем. Я неприязненно подумал, что закон суриковского непонимания тверд и Цвейгу тоже его не перешагнуть. Я задержал его перед Суриковым опрометчиво. Поздно! — вино было откупорено. Я принудил себя произнести: «Это — Толстой русской живописи». Но четыре элементарных слова приобрели несвойственный им характер. Они прозвучали неуместным парадоксом. Видимо, даже они показались ему несколько вызывающими. Он огорчился, и я тоже. Мы заторопились прочь. Я поймал себя на мысли, что недоволен собой. Однако мог ли я сказать что-либо другое, более короткое и более верное?

Сурикова Западу уступить нельзя. Его нельзя выдать даже потомкам. Здесь спор культур, который скоро станет спором поколений. Преемственность российской истории прервана. Суриков — это: «о, русская земля, за шеломаем еси...»; это последнее слово искусства о том прошлом, которое мы еще можем считать своим. Дальше начинается, видимо, лучшее и более молодое, но другое. Когда европеец морщится перед произведениями, служащими оправданием опорным именам русской художественности, нет желания парировать вызов. Вежливость здесь менее важна, нежели истина. Объективная требовательность объединяет всех.

Русская живопись действительно провинциальна. Однако в ней есть несколько явлений, которые поднимают ее до уровня мировых художественных культур. Среди этой плеяды Суриков первый. Не потому, что он больше Александра Иванова, поразительнее бедного Федотова, тоньше Рокотова, раскрытее Врубеля, аристократичнее Коровина: он ни покрывает, ни устраняет их. Но если слово «национальное искусство» может иметь действительное бытие, если художественная форма способна стать глубочайшим проявлением народности, тогда Суриков тот, кто сообщает подлинный смысл понятию «русская живопись».

Среди его полотен стоишь перед самим собой, как перед прозрачными часами, где движется история. Ты слушаешь свое время. Суриковский XVII век отражается в нас веком XX. Суриковские сюжеты не принудительны. Можно быть равнодушным к тому, что он изобразил: никакие весы не соблазнят меня измерить вес стрелецкой крови, пролитой на Лобном месте; ссылка Меншикова — случайнейшая деталь случайнейшего десятилетия истории России; в сибирской борьбе ермаковских дружин и татарских полчищ оба стана — татарва и азиатчина.

* Но есть нечто более значительное? (нем.)

Исторические поводы суриковского искусства — ничто. Репин занимательнее, Шварц — точнее, Ге — назидательнее, Рябушкин — приятнее. Но Репин утомителен, как народный балаган, и его доступные страсти досадны; Шварц чопорен скукой каталога, бестактным излишней обстоятельностью; Ге простоват неслезным либерализмом Островского; Рябушкин пестр театральностью... А Суриков, переполненный ошибками, которым нет оправдания, случайностями, которые ничем не мотивированы, утверждениями, которым нет доказательств, Суриков — это самый русский из русских художников и единственный исторический живописец среди них, которому пристал титул «великого».

II

Как Толстого, его больше чувствуешь, нежели помнишь. К нему надо постоянно возвращаться. Каждый раз убеждаешься, что в его эпопеях чего-то недоглядел и не обдумал. Хранителей Третьяковской галереи, изо дня в день проходящих по залам, я вижу привычно останавливающимися перед «Боярыней Морозовой» или «Стрельцами». Они медлят и во что-то всматриваются. Так останавливаюсь и я. Это не эстетический ритуал и не служебная повинность. Это душевная потребность, пауза во имя самого себя. Суриков соединяет в нас мысль и ощущение. О нем не думаешь, идучи, но от него отходишь, размышляя.

В суриковском произношении история есть то, что собирает массу в народ. Простейшее происшествие может обладать тогда законом основания для исторической живописи. Тогда у Сурикова круглятся зоркостью глаза и трепещут ноздри, ибо «здесь Русью пахнет». Этого не дают ему события официальных дат. Они его не возбуждают. Они бессильны не потому, что они ложны, а потому, что в них народная стихия не свободна. В дни формального календаря истории народ взвуждан и объединен государственной принудительностью. В эти дни народ всегда безмолвствует — даже когда кричит ура. Для Сурикова же народ перестает быть массой только тогда, когда силы разобщения и сцепления уравниваются. Его народ говорит всегда *вместе*, но никогда не говорит *скопом*. Это равновесие вольности и ограничения. Каждый сам по себе, но всякий со всяким связан. Это и есть «толстовство» Сурикова. Он диалектичен, как Толстой. Ни одна маленькая жизнь не пропадает за его охраняющей кистью. Но ни одной человеческой судьбе среди этого народного мира Суриков не попустительствует; он никому не позволяет заменить собой общего; у него никто не говорит «я» вместо «мы»; его закон уравнителен; он обязателен для великих и малых.

Им, этим законом, определены масштабы фигуры Петра в «Утре стрелецкой казни». Они ощутимы, но не первенствуют: они уступают место страдающему народному миру. Казнящий царь отодвинут в сторону стрельцом с предсмертной свечой, убивающейся горем женщиной и даже неосмысленно кричащим ребенком; боярыня Морозова — не весомее, нежели юродивый, лиловеющий рубищем на снегу, или боярышня, кланяющаяся

великим поклоном ее испытаниям, или даже приказная сволочь, ухмыляющаяся лисьим оскалом ее аввакумовским неистовствам. Ермак Тимофеевич — разбойный казак в толпе таких же; Суворов — гренадер, похабно веселящий товарищей, скатывающихся на заднице с Альп. Суриков — за повторные величины. Его герои — это средний разрез русской типичности.

Сурикова величали народником и клеймили реакционером. Это верно и ложно разом; это идет близко, но мимо. Можно сказать по-тургеневски: «Суриков несомненное принципов 1870-х годов». Он настолько же больше их и глубже их, насколько Толстой больше своей дворянской семьи и глубже своего крестьянского пафоса. Суриков — «самое общее», что есть в русском искусстве.

Он не тенденциозен; он пассивен, потому что он *стихиен*. Он не позволяет себе быть ни мирским вожаком, ни тем более мирским судьей. Он не входит в обсуждение причин и правоты. У народа всегда есть достаточные причины делать то, что он делает, и народ всегда прав.

В его картинах существует лишь два движения народной стихии: у него народ вольничает и народ мучается. Второе так же неизбежно, как первое. Одно в другом таится. Одно другим обусловлено. Здесь разиновщина и пугачевщина, но здесь же и четвертование Степана и Емельки; здесь та запись, которую собственноручно сделал Суриков на рисунке палача в красной рубахе, занесшего кнут над обнаженным мужичьим телом: «До 1863 года. Видел собственными глазами».

Может быть, это следует назвать его формулой. Сила его изобразительности в том, что он в самом деле *все видел собственными глазами*. Он не измышляет, а свидетельствует.

Мы знаем, как Суриков добывал свою историю. Он не был ни ретроспективистом, ни модернистом. Свое воображение, тянувшее назад, он держал в таком же подчинении, как интерес к современности, которую отвела ему жизнь. Приемы его творчества состоят в том, что в прошлом прощупывается сегодняшнее, а в сегодняшнем — прошлое. В этом основа огромной емкости его искусства. Суриков — гений отбора. Явления и образы российской жизни он подвергал двойному испытанию: на длительность и на общность. Типы и отношения, которые больше не существовали, были Сурикову не нужны. Ему нечего было делать с тем, что захватила смерть или тронуло тление. К обломкам истории он пафоса не чувствовал. Но и только что возникающая, еще хрупкая жизнь влекла его так же мало. Злободневность он принимал равнодушно; она была поражена пороком незрелости и необязательности существования. Своим материалом Суриков считал то, что умело жить в каком-нибудь семнадцатом столетии так же, как продолжало жить в девятнадцатом. Я помню, как на углу Красной площади, у дверей церкви Казанской Божьей Матери, сейчас же после октябрьских дней 1917 года я повстречал кучку слепцов, поющих, сидя на тротуаре, духовные стихи: Никольские ворота еще зияли пушечными пробоинами, а здание Судебных Установлений, выдававшееся над кремлевской стеной, было покрыто сыпью пулевых точек. Слепцы

Утро стрелецкой казни. Фрагмент.

казались нарочитыми. Я испытал чувство неуместности и смущения. Но это было суриковское явление.

III

Он искал наиболее типического и наиболее дрящеющегося. Он сам рассказывал о процессе собирания материала для своих работ. О следующих стадиях перехода в картину говорят эскизы. Он не умел придумывать, он умел искать. Его сковывало бессилие, пока жизнь не выдавала ему нужный человеческий облик, тип, жест. Он зависел от жизни, но он ее одолевал, потому что не отступался, пока не получал. Суриков — один из примеров того, что гений — это высокое терпение. Уличным человеком он умел быть в той же мере, в какой бывал затворником. Одно было для начала, другое — для конца; там он добывал, здесь срашивал. Он выходил на улицу, как на разведки. Как следопыт детских книжек, он примечал и взвешивал все. Он присутствовал на торжищах, среди скопищ, при обрядах, драках, мелких происшествиях. Он наблюдал отношения и связи. Он ходил за приглянувшимися людьми долго и настороженно. Он гнался за старухами, нищими, странниками, торговцами, разночинцами, понами, чтобы добиться от них согласия позировать. Его огромные холсты отмечали, как карты географов, то, что найдено, и то, что еще не определено. Белые пятна пустот зияли среди уже написанных фигур и голов. Угловые схемы очертаний зывали к прячущимся, упорствующим, не дающимся в руки обликам. Линии диагоналей и многоугольников ждали движения людей и их связи. Сурикову доводилось испытывать то же, что гоголевскому герою, гонявшемуся за своим носом, и видеть, как достигнутый было образ, принадлежавший белому пятну его картины, исчезал, и надо было снова возобновлять погоню. Но он ни разу не утомился и не удовольствовался полурешением и полунаходкой. Этим он отличался от сверстников по эпохе — передвижников. Где у них — жанр, у него — тип; где у них — происшествие, у него — событие; где они — рассказчики, он — историк.

Он окончателен. Облики и отношения получают у него решительный чекан. В русском искусстве нет более обязательных типов, чем суриковские. Это — люди с тяжестью памятников или памятники, ведущие жизнь людей. Густота их крови так же велика, как уплотненность их душевных свойств. Следует сравнить суриковские переходы от портрета к типу или от этюда к картине, чтобы наглядно увидеть процесс этих метаморфоз.

«Дочь Ольга с куклой» (1888) была существом иной породы, когда сидела меншиковской дочерью в березовской избе (1883); этюд юродивого, что в Вятском музее, такой, казалось бы, завершённый своей типичностью и непреложностью, начинает скво-

*Римский карнавал.
Пир Валтасара.
На поляне. Этюд.
Старик огородник.*

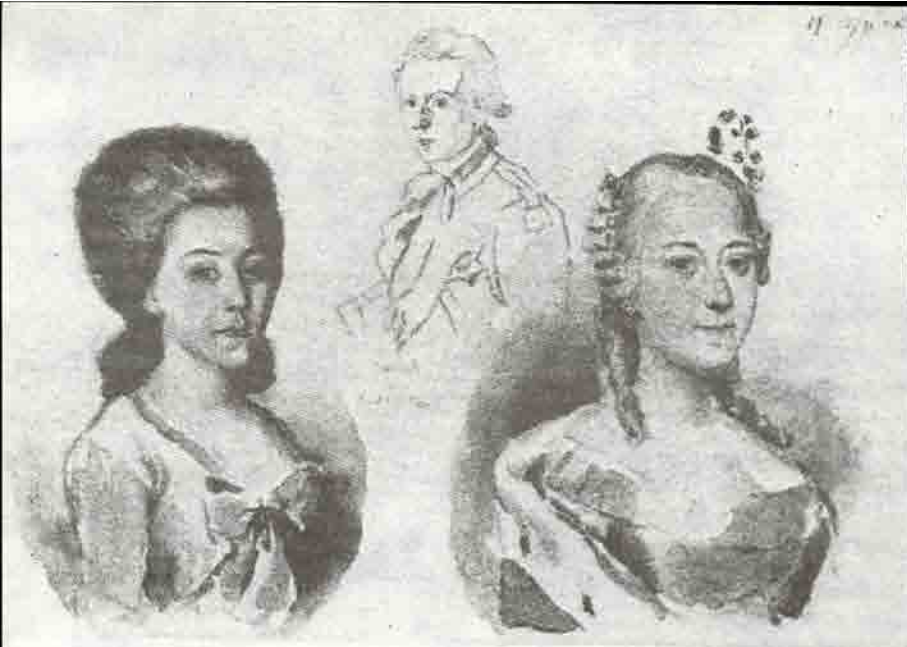
зять мелкотой и вариантами, когда его сопоставляешь с незыблемой фигурой у саней Морозовой. Любой эскиз стрельцов выдает свое передвиженчество возле эпических смертников Лобного места. Великая «весомость» суриковских полотен создается насыщенностью. Она соединяет тяжесть образов с их густотой в пространстве. Суриков ничего не подает зрителю на блюде, как Васнецов или Репин. Он не боится, что могут чего-то не заметить. Суриков любит тесноту: чем теснее, тем лучше; чем больше, тем значительнее. У него количество всегда переходит в качество. Ему даже нужна сутолока. Он хочет тесноты в движении. Его полотна вмещают столько людей и отношений, что кажется, будто картина не выдержит напора обликов и сил. Суриковские холсты трещат, стонут и скрипят от нагруженности. Это — протискивающийся друг сквозь друга муравейник, задерживающийся воронки густот вокруг предмета или существа и текущий дальше, от обода рамы к ободу рамы, все время уносимый и все время возобновляемый.

Его вечную зыбь поддерживает техника суриковской красочности. Ее фактура диковинна. Ни один из его сверстников не знал такой палитры. Это подвижное месиво. Можно ли сказать, что его создала рука художника? Мы это знаем, но этого не чувствуем. В нем не заметно труда и расчета: оно вольно, капризно, беспорядочно. Но в нем не видно и вдохновения, ибо оно ровное. Оно набухает, замешивается, вскипает, переливается, играет цветистостью, проступает темнотами, встает бугорками, катышками, крендельками, пылинками, оседает ложбинами, дырочками как бы само собой, от внутреннего строения своего вещества. Это почти явление природы, а не мастерство. Это похоже на весеннюю землю, нанесенную ручьями на отлогий скат.

Суриков дает нам возрожденный в своей чистоте и прозрачности тон иконы — невероятную голубизну поклонной боярышни в «Морозовой» — и дает цветовые контрапункты импрессионизма: снег под морозовскими санями. Недаром еще по сей день художники говорят о Сурикове профессионально. Он все еще для них явление живого ремесла. А между тем в искусстве ничто так не устаревает, как прием. Русские западники девятьсот десятых годов, после Сезанна, Моне и Матисса, продолжали ходить к Сурикову. К нему ходят и сейчас. О ком из русских живописцев можно сказать то же? Это не главное в значительности мастера, но это последнее, чего можно желать. Суриков же выдержит утверждение, что он художник и для художников.

IV

Рисовать Суриков не любил и потому не умел. Карандаш его не радовал. Для него это был лишь рабочий инструмент. Он просто закреплял то, что нужно было удержать в памяти. Рисунки Сурикова всегда являются черновиками. Суриков относился к рисунку примитивно. Он требовал от него только полезного действия; он его не холил; он рисовал лишь то, что могло пригодиться. Самостоятельных рисунков у него нет; это всегда

Портреты Меншиковых. Эюд. 1882 г.

Стрельчиха, закрывшая лицо. Эюд 1880 г.

делалось для чего-нибудь; тут накапливался материал записных тетрадок; они предназначались для будущей работы. На отдельное существование они были непригодны. Использовать их могли впоследствии еще разве что исследователи суриковского искусства.

Рисунки Сурикова вызывают в памяти черновые записи из дневников Толстого: «Ягоды — грибы. Сено прееет. Гречиха лопа-ется. Навоз пахнет» — или: «Грибы. Шум ручьев. Птицы. Бабы. Мальчишки босиком — ноги белые» — или еще: «Белые грибы. На репях пчелы. Плод на лице. Запах яблока» и т. д. Суриков рисовал так же упрощенно и схематично. Это наливалось соками и цвело лишь потом, в живописи. Его всегда упрекали в тяжеловесности. Во всяком случае, его рисунки приземисты и почти что неуклюжи. В них нет и первой капли той игры, которая превращает сырой материал в произведение искусства. Они выполняют тяжелую работу для его живописи; только для этого они созданы; их назначение подчиненное. Они служат ей, трудятся ради нее, мучаются там, где она появляется уже на приготовленное и найденное. Такой суровости не знает вся история рисунка, а для новейшего времени она даже парадоксальна. Рисунок — это любимец художников, легкий щеголь, успешный остряк, почти что законодатель вкусов, во всяком случае, он равный среди равных в кругу искусств. Суриков же держит его на низшей ступени; это простейший регистратор накопленных кусочков жизни или черновой конструктор задуманной картины. Его рисунок — только идеограмма образа, формула типа или схема композиции.

На вступительном экзамене в академию Суриков провалился по рисунку. Он должен был много и горько поработать, чтобы снова добиться приема. Можно сказать, что потом он за это расплатился с академией сторицей. Разница между его академическим рисованием и самостоятельными рисунками не просто велика, но декларативна. Классные этюды натурщиков и наброски заданных программ соблюдают установленные каноны. Может быть, и через силу, но учащийся Суриков послушен. Его карандаш тонок, податлив и легок; он скользит и играет с бумагой; он даже почти щеголяет округлостями моделировок и мягкостью светотеней. Он безличен старательным школярством ученика, ищущего медалей. «Апостол Павел», «Клеопатра», «Исцеление Товита» могли быть сделаны каждым академиком. Пожалуй, можно поверить, что их выполнял ученик Чистякова, но, глядя назад, изумляешься, что ученик носил фамилию Сурикова. Это было укрощение строптивца, а не обращение верующего. Знаменитый учитель Чистяков добился подчинения, но не увлеченности. Суриков не стал чистяковцем. Из всей плеяды больших художников, прошедших через эти руки, Суриков один, кажется, не пожелал сохранить чистяковских заветов. Он отрекся от них, как только оказался вне воздействия конкурсов и отличий. В первых же зарисовках к «Стрельцам» он уже неузнаваем. Можно сказать, что он сломал свои академические карандаши, выбросил резинку и назло, упрямо, по-своему каким-то куском незаостренного графита стал чертить по бумаге. Кажется, будто

Мария Меншикова. 1882 г.

и в самом деле его не пускали ходить даже мимо ворот академии, как грозился на экзамене инспектор. Он опять превратился в казацкого парня из Красноярска — в невышколенного самоучку. Его рисунок очень крепко шит, но и столь же нескладно скроен. С 1878 года и по эпоху «Разина» Суриков действует отрывками карандаша на первых подвернувшихся листах. Он равнодушен к качеству бумаги и к приемам рисования. Тонкий ли, грубый ли штрих, пятно или сетка — для него почти безразлично. Его кухня даже неприщлива. Он бороздит лист, чернит его, грязнит, мнет, вспахивает. Он тут же перечеркивает, переделывает, поправляет. Он прокладывает по контуру новый контур и по пятну другое пятно. Есть какая-то неумолимость в том, как втискивает он в бедную плоскость лицо, фигуру или сцену. У него тяжелая рука; он налегает на карандаш, как на соху.

У рабочего рисунка может не быть развития. Суриковский рисунок неподвижен. В нем есть всего две разновидности — академическая и зрелая. Это постоянные величины, хотя первая насчитывает всего пять лет, а вторая — четыре десятилетия. В этих сорокалетних границах можно бы переместить названия и даты и почти не найти разницы. Стрелецкие рисунки таковы же, как разинские. Это чаще чертеж, нежели рисунок, и скорее пометка, чем образ. Если это — искусство, то оно косноязычно. Может быть, надо только добавить, что один из русских поэтов называл такое косноязычие «высоким».

Оно не удивляет. Я не раз ловил себя на чувстве, что тяжеловесность суриковского карандаша кажется естественной. Высокое косноязычие свойственно Сурикову вообще. Его могучая живопись ступает тяжело. Сложность его палитры давит. В суриковских работах чувствуется даже их физический вес. Рисунок только обнажает коренную кряжистость его искусства. Толстовство лежит в основе его художественного склада. Великий писатель земли русской писал плохо: «накурившись, между солдатами завязал разговор» и «лошадь с подвязанным узлом хвостом». Это не описки, но настоящий толстовский стиль. Каждый грамотный человек напишет лучше, как любой обученный художник нарисует ловчее Сурикова. Но странное человечество плохо платит учителям рисования и идет в рабство к безграмотным гениям.

V

Для себя он оставлял немного: угол личной жизни и папку с акварелями. Здесь он был неподатлив. Он упрямо охранял их от чужого любопытства. В какой-то мере тут может быть применена сумасшедшая формула Глеба Успенского. Было два существа: одно — Суриков, другое — Василий Иванович. Суриков был национальным достоянием и создавал «Боярыню Морозову»; Василий Иванович жил для себя и делал акварели. Его мы не знали до самой смерти и лишь понемногу узнаем теперь. Это был приветливый, веселый человек, умевший шутить и даже баловаться. Он так же легок, как труден Суриков. Он не подымался над веком. Он жил попросту. Он знал, что такое женщина. Он любил гитару. Он дружелюбно и охотно рассказывал. Старое

недоверие к записям Максимилиана Волошина* сейчас поколеблено. Если в их торопливом красноречии мы все еще видим на первом плане автора, глядящегося в зеркало, то за его оплывшей спиной уже можно различить небольшую подвижную фигурку Василия Ивановича. Иногда доходят обороты его речи, местами слышны даже интонации.

Акварель — искусство интимного Сурикова. Она поражает своей независимостью. От его живописи до нее простым путем не дойдешь. Это действительно мастерская Василия Ивановича, а не знаменитого творца исторических полотен Сурикова. Это вполне личное искусство большого художника. Оно отвечало его особым потребностям. Письменностью Суриков владел плохо. Он трудно писал. Слова переходили на бумагу мало послушно и совсем неловко. Опубликованные письма исполнены коснеющего напряжения. Записи наблюдений и чувств были бы для него изнуряющей повинностью. Да они и не дали бы ему. Он мог бы скорее написать исторический роман, сложный и большой, посуриковски задуманный, чем вести непринужденный и гибкий дневник. Акварель заменила ему слово. Его живая впечатлительность выработала художественное соответствие. Пока его эпический двойник медленно и сурово думал над своими огромными холстами, Василий Иванович наслаждался жизнерадостной акварелью.

Он создавал ее легчайшей, не суриковской рукой. Его тяжелый гений оборачивался блестящим талантом. Он даже делался виртуозом. Академия могла бы здесь гордиться учеником, и Чистяков в особенности. На своих акварелях Чистяков мог бы написать историческую формулу Жуковского: «Победителю ученику от побежденного учителя». Во всяком случае, в мастерстве акварелиста он срывался чаще, чем Суриков. Суриков ровнее и разнообразнее. Его акварели потому так и овладевают вниманием, что их неожиданный, обостренный контраст с привычной суриковской живописью сочетается с едва ли не самым разработанным мастерством этого рода, какое было в русском искусстве. Даже Репин — щеголь и виртуоз по преимуществу — должен уступить. Он здесь не первенствует — в лучшем случае он равен Сурикову.

Может быть, это зависело от суриковского постоянства. Он ничего не делал мимоходом. Его акварель не была ни эпизодом, ни случайностью. Она сопровождала его через всю жизнь. Вместе с ним она подымалась и спадала. У нее было живое развитие. Сначала она была наивной и неловкой, как та маленькая «Петербургская улица ночью» 1871 года, которая сохранилась от академических времен. К концу его жизни она стала вялой, схематичной и декоративной, как «Девушка на качелях» (1911 г.) или «Скала среди волн» (1913 г.). Ее высшим расцветом были все те же основные, «суриковские», 1880-е годы. Это «Женщина с гитарой» (1882 г.), это — «Девочка с веером» (1883 г.), акварельный этюд жены для «Меншикова» (1882 г.), «Букет»

* Имеется в виду написанная в 1916 году монография М. Волошина о Сурикове (ред.).

(1884 г.), это, наконец, та «Девушка в русском наряде» (1882 г.), где Суриков довел красочную звучность акварели почти до парадокса, до перенапряжения, до перехода ее в плотность и силу масляной живописи...

Я встретил Сурикова в 1912 г. на ретроспективной выставке В. И. Денисова. Залы были пустынные. Художника не признавали. Бродило несколько человек. Суриков стоял перед огромной холстиной. На ней были денисовские вихри красок и кривые контуры. То же клубилось справа и слева. Выставка подводила итоги работе Денисова. Было ясно, что это — беспомощно расплесканная, сырая сила. Суриков стоял подолгу прямо, в своей типичной позе, заложив руки за спину и слегка выставив ногу вперед. Я подошел узнать его впечатление. У меня не было сомнений, что для его природной сдержанности денисовская истерика нестерпима. Его ответ меня удивил. Суриков не захотел дать обобщения. Он резко прочертил пальцем круг в углу картины и сказал:

— Как горит-то, видите? Хорошо!

Обведенный им кусок действительно польхал. Но это не было ответом, в особенности для Василия Ивановича. Мне казалось, что он попросту неловко уклоняется от суждения. Это неприятно царапнуло и запомнилось. Но когда в работе над выставкой спустя пятнадцать лет впервые одна за другой стали передо мной разворачиваться суриковские акварели и чисто вспыхнули их красные, синие, зеленые, желтые блики, я понял, что не совсем чужим стоял тогда перед денисовским пожаром этот с виду такой суровый и замкнутый старик.

Подготовка к печати АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВА.

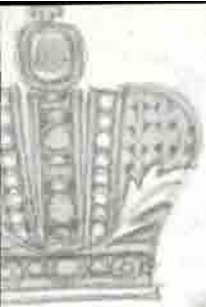
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВ

Полонянка

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

KAISERIN

CATHARINA ALEXEYEVNA

коло того времени, когда Петр впервые обдумывал планы против Швеции в деревянном Преображенском дворце (который после был обложен фейерверочными препаратами и подожжен собственной рукою Петра, чтобы не оставалось памяти о его вражде к этой державе), чума губила народ в Ливонии.

В одном из опустошенных заразою приходов умер священник, умерла и значительная часть его домочадцев. Пастор Глюк приехал навестить приход, лишившийся проповедника, и, войдя в дом умершего пастора, увидел маленькую девочку, бросившуюся к нему с криком «папаша» и с просьбою накормить ее. Пастор занят делом, но девочка тормошит его, и он вынужден уделить ей частичку внимания. Девочка понравилась Глюку. Кто она?

Нетрудно было узнать, что маленькая Марта была приемным ребенком покойного пастора. Труднее было дознаться, откуда она родом, кто ее отец и мать. Да и особенной надобности не было в то время Глюку наводить эти справки о девочке, о которой в вымершем доме пастора, принявшего ее, никто не мог сообщить ему ничего положительного. Глюк решился взять девочку на свое попечение.

Он отвез ее к своей жене, и та стала воспитывать Марту при своих детях. Впрочем, ее воспитывали не как товарку маленьких дочерей пастора, а как служанку; доказательством может служить, что ее даже не научили читать и писать, и Марта выросла в хорошенькую, статную, но безграмотную девушку. Немудрено, что пастор и жена его косо посмотрели на отношения, начавшиеся было устанавливаться между их сыном и хорошенькою служанкою. Надобно было положить конец взорам и вздохам, которые не могли вести ни к чему доброму, и пастор Глюк очень не прочь был выдать Марту замуж, когда к тому представился случай. Драгун Иоганн в шведском отряде, занимавшем Мариенбург, сделал предложение Марте, и Глюк дал согласие на этот брак. Недолго, однако, судьба судила быть Марте с Иоганном.

В то время оправившиеся от поражения при Нарве войска Петра отнимали шаг за шагом Ливонию у Карла XII. Дошла очередь и до Мариенбурга. Шведское войско, занимавшее город, выступает, русские приближаются. Шведский майор, оставленный комендантом в Мариенбурге, не может помышлять о защите.

Отряд Шереметева, подошедший к городу, ожидала добровольная сдача. Между другими вышедшими навстречу победоносному неприятелю был и пастор Глюк со всеми домашними и в том числе с Мартою, молодой муж которой только перед тем ушел с шведскими войсками и расстался с нею (чтобы не видаться никогда).

Пастор Глюк был человек с тактом, знавший, как действовать в превратностях мира сего, и потому, отправляясь в русский лагерь, не забыл взять под мышку славянскую библию. Он знал по-русски и не упустил случая дать понять русскому главнокомандующему, что может быть полезен царю. Какое действие

произвела библия Глюка, нет положительных исторических сведений, но можно утвердительно сказать о действии, произведенном одною из спутниц пастора. Марту как пленницу, как военную добычу взяли к русскому главнокомандующему, а пастор Глюк спокойно возвратился в город.

У Шереметева Марту увидел Меншиков и склонил фельдмаршала уступить ему пленницу. Современник свидетельствует, что Меншиков скоро подпал под ее влияние и что в обществе более молодого и более красивого, чем Шереметев, любимца Петра Марта уже не несла одной покорности рабы к ногам своего властелина, а что, напротив, немного прошло дней, и уже нельзя было сказать, кто в доме Меншикова действительно раб — всевластный ли любимец российского царя или жена шведского драгуна Иоганна. В отношениях Марты к Меншикову приняло участие сердце, и гордый, алчный будущий князь Ижорский склонился перед ним. Было ли это чувство сколько-нибудь возвышенное? Мы сейчас увидим.

Приезжает к Меншикову Петр. У царя, как известно, всегда был солидный аппетит, и потому всюду, куда он приезжал, его ожидала закуска. О Петре же его доктор Арескин говаривал, что он одержим легионом духов сластолюбия. Имея это в виду, едва ли нужно долго распространяться о том, что Петр кушал у Меншикова и что, кушая, он заметил между подававшими кушанья Марту? Петр расположился ночевать у Меншикова и после ужина велел Марте посветить себе в спальню. Это был приказ, против которого не могло быть апелляции. Что же делает Меншиков? Он покорно склоняет голову в знак согласия. Добрый Александр Данилович! Ну и достанется же ему завтра от Марты!

Всегда циник, никогда селадон в своих нежных отношениях, Петр при прощании всовывает золотой дукат (два тогдашних рубля) Марте в руку. Едва уехал Петр, Марта показала Меншикову, что она думает о нем, и виновный должен был вынести справедливую кару.

Приезжает опять к Меншикову Петр. Опять — закуска. Между прислуживающими нет, однако, Марты. Верно, упреки ее не были забыты. Но и Петр не забыл ее. «Где же Марта?» Это — вопрос-приказание, и опять на него нет апелляции. Марта явилась. Петр начинает опять шутки, как и в первый раз. Но что же это значит? Марта сдержанна, задумчива... Смолкают шутки Петра, и он в задумчивости наклоняется к своей тарелке. Веселая беседа стихла. Что же такое с Петром? Что запало в это сердце, которому до того чужды были тревоги более слабого человечества? Не он ли гордился прежде тем, что женщина в глазах его игрушка? Неужели задумчивость эстонской девушки отразилась в задумчивости гордого монарха?

Петру в конце ужина подают рюмку водки на подносе. Он поднимает глаза. Подносит та же, поневоле обязанная прислуживать Марта. Но Петр уже пришел в себя. «Я увожу ее с собою», — говорит он Меншикову, вставая из-за стола. На этот раз он остановился не у Меншикова в доме. Он взял Марту под руку и вышел.

На следующий день царь видит Меншикова, но ни слова ему

о Марте. Видит его и на другой день, и также ни слова. Только на третий день, когда было переговорено о деловом, Петр зовет уходившего Меншикова и говорит ему, что у Марты нет ничего из платья и что им нужно ее «оснастить» как следует. Александру Даниловичу не надобно было дважды повторять слов Петра. Он понял, что это значит. Он отправляется домой, сам собирает в два узла пожитки Марты и посылает узлы с двумя девушками, бывшими у него в доме (на послугах у Марты), к ней в дом, где остановился Петр. Ловкий царедворец не упустил при этом благоприятного случая. Он угадывал, что ждет Марту в будущем, и спешил начать принимать свои меры. У любимицы Меншикова могло быть два узла пожитков и две горничные для услуг, но у любимицы Петра отчего не быть ящичку с драгоценностями между имуществом? Ящичек с драгоценными кольцами и тому подобным на сумму 5000 рублей кладется в один из узлов, и узлы отправлены.

Марта в комнатах Петра. Горничные, принесшие узлы, не найдя ее в комнате, несмотря на то, раскладывают принесенное. Скоро комната принимает другой вид. Возвращается Марта. Она удивлена, но ей не нужно пояснять, в чем дело. С находчивостью, заставлявшею предполагать, что она начинала чувствовать себя здесь как дома, она, обратясь к Петру, сказала:

— Я довольно долго была на вашей половине, теперь пожалуйте на мою.

Петр идет за нею. Марта в волнении перебирает присланные вещи. А это что? Ящик для зубочистки? Нет! Довольно было открыть ящичек, добавленный Меншиковым к имуществу Марты, чтобы бедной эстонской девушке, не выдавшей себя никогда обладательницею такого количества золота и дорогих камней, прийти в смущение.

— Это не мое! — с решимостью говорит она. — Если это от моего прежнего господина, я возвращу ему его драгоценности. Это кольцо, — она указала на недорогое кольцо на руке, — не меньше напомнит мне обо всем, что он для меня сделал. Если же это от моего нового господина, возвращаю ящик ему: мне нужно от него то, что дороже заключающегося в этом ящичке.

Петр улыбается, обещает сосчитаться с Меншиковым, а Марте, смущенной и в слезах от всего происшедшего, подали подкрепляющую рюмку венгерского.

С этого времени Марта остается у Петра, но Петр вида не показывает, что она у него. Он ли не балагурил прежде с приближенными о своих интрижках? Отчего же о Марте он ни слова? Значит, не мимолетна была тень задумчивости, упавшая на лицо его на памятном ужине у Меншикова?..

Посылая Марту в Москву с доверенным гвардейским офицером, Петр поручает ему заботиться, чтобы все было к ее услугам, чтобы поездка ее оставалась в тайне и ему ежедневно посылались рапорты о состоянии ее здоровья. Без огласки приехала Марта в Москву. Провожатый привез Марту к даме, у которой Петр хотел поместить ее. С этого времени она жила в одной из уединенных местностей Москвы, в доме, скромном снаружи и щедро снабженном внутри. В первое время Петр ездил к ней

без огласки. Только несколько времени спустя... Но несколько времени спустя мариебургская пленница Марта превратилась уже в государыню Екатерину Алексеевну. Есть, однако, основание полагать, что и по рождении старшей дочери она продолжала называться Катериною Василевскою, живя в Петербурге в 1708 году.

Отношения Петра к Марте долго оставались тайною даже для его приближенных; по крайней мере он думал, что они — тайна для них. Но скоро тайны нельзя было более скрывать. Марта была приобщена к православию и наречена Екатериною Алексеевною. Восприемником ее от купели был сын Петра царевич Алексей. Петр уже не одинокий приезжал в дом, где жила Екатерина: к нему часто съезжались туда министры и доверенные лица. Толковали о делах, и все замечали, что Петр, вообще не любивший, чтобы женщины вмешивались в серьезные дела со своими замечаниями, напротив, по-видимому, был доволен, когда в деловой разговор вмешивалась Екатерина. Из почтительного ли чувства к Петру или действительно Екатерина умела показать в этих беседах здравый ум и верное суждение, только сановники не раз утверждали, что простая и неизысканная логика собеседницы нередко выводила их из лабиринта правительственной софистики и, к удивлению их, бросала новый свет на вопросы.

Екатерина получила официальный титул «государыни». Современник-иностранец передает его словами «gnädige Frau»; но «государыня» по-русски значит несколько более, чем «gnädige Frau». Таким образом, в тесном кружке приближенных Екатерины и теперь уже была лицом, стоявшим близко к государю, хотя для всех прочих она как бы играла роль невидимки при дворе. Есть даже достоверное известие, что Екатерина и после рождения принцесс Анны и Елизаветы числилась официальной женою придворного повара и лишь в 1710 году ей было дано звание фрейлины. Двух дочерей она родила Петру в том же доме в Москве, куда ее привез гвардейский капитан из Ливонии. Это скрепило узы между Петром и ею.

В 1711 году Петр решил жениться на ней при немногих свидетелях. Это было перед отправлением в поход против Турции, и Екатерина уже умела сделаться настолько необходимою для Петра, что он не расставался с нею в поездках. Она имела сильное нравственное влияние на него. Слова ее часто обезоруживали его гнев. Если нужно было заступиться за кого-нибудь перед царем, посредницею выбирали Екатерину. Здесь кстати упомянуть обстоятельство, которое столь же важно в физиологическом и психологическом, как и в историческом отношении.

С Петром делались припадки. Считают, что они происходили от яда, данного ему в детстве его сестрою Софьею. Наступление припадка узнавали по особенному судорожному подергиванию рта. Страшен бывал Петр, одержимый таким припадком. Гнев его обрушивался на окружающих; ему все казалось в эти минуты, что хотят посягнуть на его жизнь. Сильная головная боль в течение трех дней была следствием припадка. Так было до

сближения его с Екатериною. После, едва замечали у Петра судорожные движения рта, как давали знать Екатерине. Та приходила, начинала говорить с ним. Звуки ее голоса производили на него как бы магическое действие; припадок ослабевал, и Петр засыпал часа на три на ее груди. Все это время она оставалась неподвинутой, чтобы не разбудить его. Петр просыпался свежим и бодрым, и головной боли как не бывало.

Екатерина, не трогавшаяся с места по три часа, пока Петр спал на ее груди, Екатерина, ходившая с заботливостью за ним, когда он страдал скорбютом в Слуцке, Екатерина, делавшая все угодное Петру и не связывавшая его ни в чем, не могла не привязать его к себе неразрывными узами. При всем том есть основания думать, что Петр смотрел на брак свой с Екатериной как на решительный шаг. Сестра Петра Марфа Алексеевна (носившая также имя Марии), после ставшая против Петра и за его первую супругу Евдокию, первоначально сочувствовала планам брата и из нерасположения к Евдокии советовала ему жениться на Екатерине. Следовательно, Петр нуждался в советах, в опоре домашних, чтобы решиться на брак с Екатериной, и при всем том, это был еще тайный брак. Чтобы сделать тот же брак гласным, Петру нужно было предварительно возвысить Екатерину в общественном мнении русских, приготовить их смотреть на нее как на царицу. Турецкий поход представил к этому удобный случай.

174 Казалось бы, какая заслуга в том, что Екатерина собрала все бывшие у нее и у ее приближенных драгоценности и, присоединив к ним то, что ее женственное красноречие выпросило у прочих русских, бывших в походе, послала все это для подкупа визиря, чтобы тот выпустил из засады русскую армию? Что этим Екатерина оказала личную услугу Петру, это несомненно. Ему ли, гордому победителю Карла XII, начать было дело об освобождении армии, окруженной неприятелем, подкупом? Ему ли было выпрашивать на это добровольные подаяния? Можно предположить, что, не будь Екатерины, он скорее решился бы погнубить, пробиваясь через ряды турок и татар, или сдать в плен, чем решиться на что-нибудь подобное. Екатерина вывела его из затруднения, спасла его самолюбие. Заслуга ее перед ним лично неоспорима. Но где же заслуга перед Россией, о которой говорили после Петр и его приближенные? А между тем поступок Екатерины прославили, его употребили, чтобы сделать ее имя популярным в рядах армии. С какою целью?

Цель уяснилась при обнародовании брака между царем и Екатериной. Петру нужно было привести к алтарю женщину, окруженную ореолом спасительницы отечества. Говорят, Екатерина советовала не оглашать их брака вторичною церемонией, но Петр уже успел подчинить себе общественное мнение отчасти общею уверенностью в тщетности сопротивления воле самодержца, отчасти блеском славы, который вовремя успели бросить на Екатерину, и союз их сделался гласным: государыня Екатерина Алексеевна сделалась царицею, и дети ее наименованы были «царскими высочествами».

Петр теперь не мог обойтись без Екатерины. Куда ехал он,

туда и она. Так она сопровождала его в заграничную поездку. В Астрахани, во время персидского похода, она должна была за сильными жарами сбрить волосы (белокурые, которые она красила в черную краску) и носить теплую меховую шапку, защищающую ее от солнечного жара.

Сопровождая Петра в поездках, Екатерина ехала в отдельном поезде. Поезд царя отличался всегда простотою, поезд царицы — пышностью. Петр любил окружать Екатерину роскошью и блеском, и странно — Екатерина, простая и кроткая, как прежде, Екатерина, которую быстрое возвышение не сделало надменною и не заставило забыть, чем она была, казалось, как бы создана была для этого блеска и этой роскоши. Петр после высказывал удивление ее способности быть императрицею. Она образовала себе двор, на котором отражалось тогдашнее переходное время в России: некоторые русские обычаи еще оставались, но немецкие уже преобладали. Иностранные гости и посетители находили при дворе ее такое сочетание вкуса с изяществом, которого можно было ожидать и не от бывшей эстонской крестьянской девушки. Детям своим Екатерина дала приличное их званию европейское образование, хотя сама не хотела, даже сделавшись царицею, выучиться читать и писать, говоря, что главная ее забота теперь выучиться делать все угодное Петру и что этого с нее достаточно.

Отправляясь в разъезды с Петром, она оставляла детей на попечение гувернантки-француженки. Она называла в разговоре Петра «батюшкой», слушала, не сердясь, его рассказы о его же интрижках, оканчивавшихся обыкновенно уверением, что все-таки с нею никто не сравнится.

Угождая Петру, она после завела у себя обер-шенкшу, что-то вроде князя-папы в женском платье, обязанностью которой было поить дам, так как у Петра вошло в страсть опаивать на всех празднествах и торжествах своих приближенных, как мужчин, так и дам. Когда дамы напивались, Петр любил входить к ним один или в сопровождении какого-нибудь из самых доверенных лиц. Делалось это потому, что сам Петр пил много и любил, чтобы другие пили, или, как полагают, эти попойки имели определенную цель: раскрывать мысли пивших царю, по пословице «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Как бы то ни было, но только в этих общих попойках пила и Екатерина, и часто девочки-дочери ее принуждаемы были проглатывать перцовку Ромодановского, от которой после четверть часа слюна текла изо рта.

Петр, однако, старался воздерживаться от крепких напитков, и доктора ему советовали то же. Но этой страсти Петр в себе не победил, и к ней он мог применить то же, что говорил о своей вспыльчивости: «Я преобразовал свое государство, но не могу преобразовать самого себя».

Есть свидетельства, что Екатерина просила Петра, чтобы он не приводил в исполнение смертного приговора над царевичем Алексеем, а постриг бы его в монахи. Это совпадает с тем, что мы знаем о мягком и незлобивом характере ее. Она искренно любила супруга царевича и при жизни Петра, как и после,

пеклась о детях Алексея. Ей приписывают также замечание Петру, что так как их собственный сын Петр Петрович был ребенок слабого сложения, то детей царевича Алексея надобно воспитывать так, чтобы они могли впоследствии поддержать славу русского престола.

Вообще Екатерину нельзя было назвать честолюбивою женщиной. Если справедливо, что она, не имея еще в виду сделаться русскою царицею, просила Петра образовать для нее особое владение из прибалтийских областей, завоеванных от Швеции, то в этом едва ли не надобно видеть участие Меншикова. Меншиков сохранил долю влияния на Екатерину и после, когда она была уже царицею. Не она ли спасала его своими просьбами не раз от царской дубинки? Алчность князя Ижорского не раз выводила Петра из терпения, но пред царем за князя всегда был ходатай. Петр называл Екатерину и Меншикова «детьми своего сердца», и каждый из «детей» старался, чтобы царская милость не оставляла другого.

В первое время Меншиков был рад, что Екатерина приобрела влияние на Петра, потому что она заняла в его сердце место девицы Монс, очень неблаговолившей Меншикову. После Екатерина была защитницей князю перед царем. Со своей стороны, Меншиков мог советовать ей, чтобы она просила царя отдать ей во владение прибалтийский край, хотя Петр, как ни ценил Екатерину, до которой, по его словам, никакие его планы не удавались, едва ли исполнил бы это желание. Меншиков же, вероятно, был причиною того, что неалчная Екатерина принимала подарки от посторонних за просьбы у царя и отдавала приобретенные этим путем суммы на хранение в банки амстердамский и гамбургский. По крайней мере третьим посредствующим лицом в этих финансовых сделках бывал и Меншиков. Екатерина до конца жизни оставалась под его влиянием, и Россия, переходя под управление Екатерины I, хорошо знала, что управлять ею будет Меншиков. Заслуживал ли временщик со своей стороны такого расположения к нему? Был ли он по крайней мере искренно расположен к Екатерине, не связанной с ним по оставлении его дома ничем, кроме воспоминаний? В этом можно сомневаться. Впрочем, если оно даже и так, то не Меншикову было бросать это в глаза Екатерине в известном споре с голштинским посланником!

Меншиков, как мы видели, упоминал о первом муже Екатерины, Иоганне. О нем мы встречаем в истории разногласия. По словам одних, он был в походе Карла на Россию, дрался под Полтавою, был взят с прочими шведами в плен, объявил в Москве, в каких отношениях он был к Екатерине, надеясь тем облегчить свою участь, но, несмотря на это, попал в Сибирь наравне с другими, где и умер в 1718 году, то есть уже по рождении всех детей Петра от Екатерины. Знал ли Петр об этом? Сообщающие подробности о пребывании Иоганна в России не говорят об этом определенно и даже не знают, передали ли второстепенные власти, которым открылся пленник, о его сообщении царю. С другой стороны, есть известие, что Петр хотел знать об участи Иоганна и отыскивал его, чтобы вознаградить

его за потерю жены, но безуспешно, и оставалось предположить, что он убит.

Что касается Екатерины, то был ли, не был ли Иоганн в России, она положительно не знала ничего о нем с тех пор, как рассталась с ним в Мариенбурге. Увидав пленного шведского генерала Шлиппенбаха, она вспомнила, что Иоганн служил в его корпусе, и заметила: «Не правда ли, мой Иоганн был бравый мальчик?» Шлиппенбах был бы плохой придворный, если бы на это замечание супруги Петра не дал ответа, что он гордится честью, что имел под своим начальством такого молодца, хотя генерал, понятно, едва ли мог так близко знать доблести простого драгуна, заброшенного судьбою к нему в ряды, и который сам, без сомнения, не знал, что ждет впоследствии его супругу.

Встречу Екатерины с ее братом Карлом подготовил сам Петр. Как-то польский посланник, проезжая из Москвы в Дрезден, услышал в одном грязном литовском местечке, как поссорившийся со своими товарищами половой гостиницы ворчал про себя свои зубы, что ему стоило бы сказать одно слово своим могущественным родичам, и противникам его хорошенько бы досталось. Посланник упомянул об этом в шутку в письме в Москву. В XVIII столетии, как, впрочем, и в другие, письма отнюдь не скрывали в себе тайны. Слова польского посланника дошли до Петра. Рижский губернатор Репнин, по желанию царя, разыскал в гостинице слугу, ворчавшего так загадочно, и навел о нем справки. Оказалось несомненно, что этот слуга, Карл Самойлович, — родной брат Екатерины. Начали для виду какое-то дело против него и для подачи апелляции самому царю послали его в Петербург. Петр видел его у придворного метрдотеля Шапилева, где слушал его дело, и велел туда же прийти ему на другой день. Тут уже слушала его и спрятавшаяся в оконной нише Екатерина. Она изменилась в лице, когда этот молодой человек, похожий на нее, говорил с царем. Наконец Петр подводит его к ней:

— Это твоя сестра, — говорит он. — Поцелуй край ее юбки и руку ее, как императрицы, и поцелуй ее после, как сестру.

С Екатериною сделался обморок. Он был извинителен: она увидела брата, которого не видала столько лет и который будил в воспоминаниях все пережитое ею за это время...

Петр уже несколько времени собирался короновать Екатерину императрицею с тем, чтобы передать ей престол после своей смерти, но отправление в поход против Персии и другие обстоятельства мешали приведению этого плана в исполнение. Наконец 15 ноября 1723 года явился манифест, извещающий всех верноподданных, что Петр, следуя примеру императоров Василия, Юстиниана и Гераклия, намерен венчать свою супругу императрицею.

Вообще самодержавной воли Петра было достаточно, чтобы вызвать излишняя преданности императрице; но кто ручался, что эти излишняя были бы искренни? Петр имел в виду будущее. Как скоро он умер бы, теперешние льстецы могли первые отвернуться от императрицы — иностранки простого звания и проис-

хождения. Как скоро бы железные поводья, в которые Петр затянул все в России, ослабли б, где была гарантия, даже после венчания Екатерины, что воля его видеть ее преемницею будет исполнена? Вот почему сам Петр находил, что примера императоров, коронованных императрицами Зиновию, Лупицию и Марию, было недостаточно; что было недостаточно даже его самодержавной власти, чтобы утвердить Екатерину на готовившемся ей престоле. И вот Петр прибегал к той же тактике, которую употребил при оглашении своего брака с Екатериной.

При главных сановниках государства он говорит, что заслуга Екатерины перед страной велика, что она разделяла с ним его труды, отправляясь даже в походы, и что наконец женщина, спасшая государство в 1711 году, достойна править этим государством. Мы видели, в какой степени Екатерина спасла государство в 1711 году, но Петру нужен был аргумент, который действовал бы на патриотизм подданных, и это спасение было опять пущено в дело.

Между тем приготовления к коронации шли своим чередом. Во Франции делали для императрицы порфиру, и хотя современник говорит, что она стоила лишь 4000 рублей, но ее осыпали таким количеством золотых двуглавых орлов, что вместе с короною, весившею 4,5 фунта, императрице предстояло в теплый весенний день нести на себе тяжесть в 150 фунтов. Как ни сильно сложена была Екатерина — мы знаем, что она вытянутою рукою поднимала маршальский жезл Петра на свадьбе Головкина, — а этого жезла не поднять было таким же образом денщику Петра, молодому Бутурлину, — так вот, как ни была физически сильна Екатерина, но и она не раз во время процессии должна была останавливаться под этою тяжестью символов величия. Впрочем, три дня, проведенные ею перед коронацией в посте и молитве, также могли иметь влияние на то, что Екатерина была тут слабее, чем обыкновенно.

К коронации был учрежден отряд лейб-гвардии императрицы, давший начало кавалергардскому полку. Сначала в этом отряде было лишь 60 всадников — все офицеры. Командиром над ними назначен был расторопный и молодец собою, «глаз» Петра, генерал-прокурор Павел Ягужинский.

Одновременно с отрядом из 60 кавалергардов был устроен штат из 60 придворных дам для императрицы. Во время коронации архиепископ Новгородский подал Екатерине державу; скипетр все время держал сам Петр. Он сам надел корону на венчавшуюся. Эта корона в 4,5 фунта весом и стоившая полтора миллиона рублей была сделана к торжеству русским мастером. Главным украшением ее был огромный — в палец длиною — рубин Меншикова. Некоторые жемчужины в нем стоили каждая по 2000 рублей. Когда Петр надевал корону на Екатерину, та со слезами благодарности на глазах хотела нагнуться, чтобы рукою обнять его колени. Петр не допустил ее до таких мер.

Прошло несколько месяцев после этого — и какая перемена в отношениях супругов! Петр в гневе на Екатерину. Над канцелярией ее назначена ревизия, и доходы ее прекратились, так что она должна была занять у своих фрейлин 1000 дукатов, чтобы

склонить этою суммою денщика Петра, Василия Петровича, ходатайствовать в ее пользу. Петр собственноручно разрывает акт, которым назначал ее наследницею престола...

Откуда такая перемена? Уже то, что Петр искренно был привязан к Екатерине, дает понять, что удар самолюбию его был очень силен, если дело дошло до таких мер. Что же произошло?

В 1724 году Екатерине было 38 лет, а придворная любезность считала ей даже только 35. Она не была аристократическая красавица. Размеры башмаков ее, сохранившихся для потомства, заставили графиню Шуазель-Гуффье, выдавшую их, саркастически заметить в своих записках, что «императрица Екатерина была с этим миром на хорошей ноге». Но взамен аристократической изящности размеров природа наделила Екатерину статною, здоровою, свежую внешностью. Приятные черты лица ее представляли что-то особенное: они были неуловимы для кисти художника, и с нее нельзя было снять хорошего портрета. Она была прекрасная наездница и хорошая танцовка, хотя танцевала впоследствии лишь с Петром, а с другими лишь ходила. Характер ее представлял смесь замечательной женственности и почти мужской отваги. Обходительная, любезная с окружающими, ласкою и кротким словом смягчавшая порывы нрава Петра, она при опасности не боялась стать лицом к лицу с нею. В 1726 году, когда к Ревелю прибыли с враждебными целями флоты английский и датский, она — в то время уже самодержавная императрица — хотела сама принять начальство над русским флотом и вести его на неприятеля. Незадолго до смерти, когда она в мундире полковника производила, по обычаю, смотр гвардейским полкам, при построении Семеновского полка в каре пуля, пущенная неизвестною рукой, убила наповал бывшего вблизи императрицы знатного русского купца, пролетев в самом незначительном расстоянии от нее. Никто не заметил, чтобы этот случай заставил Екатерину измениться в лице: она продолжала смотреть, как будто ничего не случилось.

Если прибавим к этой наружности и к этому характеру страстный, подвижной темперамент, то немудрено, что в тридцативосьмилетней Екатерине было много такого, чем она могла увлечь как женщина.

С другой стороны, вспомним непостоянный, вечно неудержимый в порывах нрав Петра, его увлечения. Петр искал увлечений на стороне и тогда, когда могучая натура его уже была если не сломлена, то потрясена приближавшимися годами старости, после долгих лет не всегда легкого правления и не всегда умеренной жизни. Екатерина в это время еще была в цвете лет, если не по метрикам, то в действительности, а действительность важнее всех метрик.

Все это необходимо иметь в виду, чтобы представить себе в настоящем свете дело камергера Монса, наделавшее столько шума в промежуток времени между коронацией Екатерины и смертью Петра.

Брат прежней фаворитки Петра, девицы Монс, вышедшей замуж за генерала Балка и после бывшей придворною дамою Екатерины, камергер императрицы Монс-де-ла-Кроа, стал полу-

чать от императрицы столько знаков расположения, что злые языки, делающие нередко из мухи слона, делали лишь слона слоном же. Екатерина действовала под влиянием искреннего чувства; Монс отвечал ей тем же. Страстность Екатерины и впечатлительность привлекательного собою, отличавшегося изящными манерами камергера завели дело слишком далеко. Уши посторонних слышали и глаза видели много такого, на чем обыкновенно должна лежать печать тайны. Современник говорит, что он, ничего не слышав прежде от других об отношениях Екатерины к Монсу, проник в их тайну, как только раз увидел их вместе, хотя и видел их не одних, а в обществе. Огласка была сильна. Ягужинский, прозванный «глазом» Петра преимущественно за бесцеремонную правдивость, с какою он говорил о том, что видел, выговаривал открыто Монсу за его поведение. Наконец разразилась буря.

Петр не мог не узнать об отношениях Екатерины к Монсу. Он решился накрыть виновных и страшно отомстить одному из них. Что руководило им в этом случае — оскорбленное ли чувство любящего, или обиженное самолюбие? Любовь ли Екатерины к другому, или огласка ее? Надобно полагать, что последнее более...

180
Всегда крутой и необузданный в гневе, Петр вышел из себя. Но перед тем, как буря разразилась, тучи собиравшись долго. Петр три дня остается в Зимнем дворце, пока Екатерина и придворные думают, что он уехал, и внезапно застаёт Екатерину и Монса сидящими на скамейке в уединенном месте в саду, с госпожою Балк, в некотором расстоянии от них поставленною, как ему могло показаться, настороже. Петр берет часы Монса и переводит стрелку так, чтобы было позже и чтобы Монс шел домой. Там его арестует Ушаков.

Есть известие, что Петр, репившись сам быть судебным следователем дела Монса, сам подавал арестованному в первое время пищу, чтобы не допускать к нему посторонних, и что сначала Монс был заключен в Зимнем дворце, откуда его отвезли в крепость. В первое время Петр хотел отдать дело Монса на суд государственных чинов, но Остерман и граф Петр Толстой на коленях умоляли его не делать этого, представляя, что в таком случае его дочерям от Екатерины не найти женихов. Петр сдался на это представление, и Монса положено было преследовать лишь за то, что он и его сестра Балк брали приношения за ходатайства у императрицы о посторонних лицах, тем прямо нарушая закон 1714 года о взяточничестве. Обвинение было справедливо, и формально дело производилось лишь о «вещественной благодарности», которую Монс и его сестра не отвергли, хотя каждый знал истинную причину преследования.

Однажды в темный осенний вечер, когда в крепости происходило расследование дела Монса, Петр приехал к своим дочерям в то время, когда француженка давала им и девочкам, взятым для сообщества в учениц, урок. Эта француженка рассказывала после, что Петр был страшно бледен, его глаза навывкате горели гневом. Он стал ходить по комнате большими шагами, бросая от времени до времени грозные взгляды на своих дочерей. При нем

обыкновенно был складной охотничий нож, и он раз двадцать вынимал его, открывал и складывал. Между тем бывшие в комнате успели, одна за другою, ускользнуть в соседнюю комнату, и только маленькая француженка, спустившаяся с испуга под стол, оставалась свидетельницей дальнейшего. Петр бил кулаком об стол и об стены, бросил свою шляпу об пол и, наконец, выйдя из комнаты, так сильно ударил дверь, что та треснула.

В другой раз Петр стоял с Екатериною во дворце у окна.

— Ты видишь, — сказал он ей, — это венецианское стекло. Оно сделано из простых материалов, но благодаря искусству стало украшением дворца. Я могу возвратить его в прежнее ничтожество.

С этими словами он разбил стекло вдребзги.

Екатерине нетрудно было понять намек, но она не потеряла присутствия духа:

— Вы можете это сделать, но достойно ли это вас, государь? И разве оттого, что вы разбили стекло, дворец ваш сделался красивее?

Петр ничего не отвечал. Хладнокровие здравого смысла утихомирило раздражение.

Монса казнили. Перед казнью Петр сказал ему, что жалеет, что должен его лишиться, но что решение должно быть приведено в исполнение. Монс умер, не выказав упадка духа. Перед смертью он передал исповедовавшему его пастору часы с портретом Екатерины. Позже под подкладкою его платья нашли другой портрет Екатерины, осыпанный бриллиантами. Третий бывший у него портрет он успел передать доверенному лицу, когда его арестовывали.

Месть Петра Екатерине выразилась в том, что он повез ее смотреть на отрубленную голову Монса. Головы казненных выставлялись на общее позорище по азиатскому обычаю, не отмененному вводителем европейских. Екатерину провезли так, что платье ее должно было коснуться эшафота, и во все это время Петр, не спуская глаз, пристально смотрел на нее.

Екатерина верила в сны и имела привычку рассказывать их окружающим, находя для них истолкование. За две недели до ареста Монса она видела сон, произведший на нее сильное впечатление. Она видела, что постель ее внезапно покрылась змеями, ползавшими во всех направлениях. Одна из них, самая большая, бросилась на нее, обвила кольцами все ее члены и стала душить. Екатерина защищается, борется со змеей и, наконец, душит ее. Тогда все прочие мелкие змеи поспешно сбежали с ее постели. Екатерина истолковывала этот сон так, что ей будут грозить большие опасности и что она выйдет из них невредима. Обстоятельства подтвердили истолкование.

Казнен был Монс, а скоро спустя перешел в вечность и Петр. Что же делает Екатерина? Она сорок дней оставляет тело умершего супруга непогребенным и ежедневно утром и вечером по получасу плачет над ним. «Придворные, — говорит очевидец, — дивились, откуда столько слез берется у императрицы?» И добавляет, что, смотря на слезы Екатерины, он растрогивался, как на представлении «Андромахи». Тело Петра стояло открытым так

долго, что наконец запах от него стал очень чувствителен во дворце.

По смерти Петра при дворе «были в случае» (т. е. в фаворе), в течение девяти месяцев Левенвольде и после него молодой Салег, женившийся на племяннице Екатерины Софье Карловне Скавронской. Это была единственная из родни Екатерины, Скавронских, приближенная ко двору. Отец ее, брат Екатерины Карл Самойлович, хотя и получил богатые поместья и числился камергером, но не имел ни чинов, ни орденов. При жизни Петра Скавронские оставались в деревне, на родине, и предписано лишь было, чтобы о них пеклись и чтобы они ни в чем не нуждались. Екатерина, вступив на престол по смерти мужа, вызвала их в Петербург, хотя латышка, жена Карла Самойловича, и горько плакала, прося оставить их в деревне.

Екатерина недолго пережила Петра. Перед смертью она видела другой сон, верно истолкованный ею. Ей снилось, что она сидит за столом, окруженная придворными. Вдруг появляется тень Петра. Петр одет, как одевались древние римляне. Он манит к себе Екатерину. Она идет к нему, и он уносится с нею под облака. Улетая с ним, она бросила взор на землю. Там она увидела своих детей, окруженных толпою, составленною из представителей всех наций, шумно споривших между собой. Она истолковала сон так: она должна скоро умереть и что по смерти ее в государстве настанут смуты...

В апреле 1727 года Екатерина заболела. 29 апреля ждали смерти ее, но обильная рвота и затем пятичасовой сон на руках дочери Анны Петровны, казалось, обещали благоприятный исход болезни. Потом, однако, ей сделалось опять хуже, и через несколько дней она скончалась. Молва, передаваемая писателями-иностранцами, что она была отравлена медленным ядом, быть может, находила поддержку себе в ходе предсмертной болезни императрицы, с рвотою 29 апреля. Но молва эта, как не основанная на твердых данных, может быть только упомянута.

5 мая 1727 года во дворце русских царей пресекалась замечательная жизнь, начавшаяся в избе эстонского крестьянина и кончившаяся на одном из самых могущественных престолов. Екатерина возвысилась до трона благодаря случаю, благодаря Петру; удивительно ли, что в самодержице русской Екатерине I до конца жизни ее проглядывала прежняя мариенбургская Марта? Она и царицею не хочет учиться читать и писать, потому что вся забота ее — делать угодное Петру. Она до конца жизни подчинена влиянию Меншикова. Она не честолюбива, она восходит на трон лишь потому, что так сложились обстоятельства: этого хотел Меншиков. Она никогда не забывает, чем была прежде, не стыдится своего прошлого, не отталкивает от себя тех, кто знал и окружал ее в прошлом. Блеск и пышность не поразили ее; прежняя бедная доля в воспоминании не пугала ее. О ней можно сказать доброе слово: к чести ее, как ни менялись ее прозвища и титулы, она оставалась постоянно тою же. А это можно сказать далеко не о всех и каждом.

Худейте со вкусом!

В прошлом номере «Смены» (№ 6) мы опубликовали материал о препарате «Йохимбе», использование которого мужчинами сделает их сильными, выносливыми и желанными в любви.

У российского Агентства по связям с общественностью «PR-квадрат» есть и другие замечательные препараты, позволяющие любому человеку без особых усилий поправить свое здоровье. В частности, американская пищевая добавка «Сжигатель жира с брамелайном», обладающая удивительным свойством избавлять человека от излишнего жира, помогать ему худеть без диеты.

Что же это за чудо-препарат? Во-первых, особенно важно отметить, что эта пищевая добавка не содержит искусственных компонентов. В ее составе только витамины (холин, рутин, пиридоксин) и ферменты. И никакой «химии». О витаминах все слышаны, а вот о том, что такое ферменты, стоит поговорить особо.

Великий физиолог Павлов считал ферменты «возбудителями жизни». Это специфические белки, вырабатываемые живой клеткой. Они содержатся во всех тканях и органах животных, в растениях и микроорганизмах. Большинство химических реакций, происходящих в нашем организме, протекает с участием ферментов. Они способны расщеплять углеводы, белки, органические вещества, осуществлять гидролиз жиров, ускорять окислительно-восстановительные реакции.

Один из 800 известных науке ферментов — брамелайн. А получают его... из ананаса, относящегося к семейству бромелиевых. Всего 1 грамм брамелайна действительно «сжигает» безвозвратно 900 граммов жира, что равноценно забегу на 25 километров.

Состав «Сжигателя жира» сбалансирован таким образом, что трехнедельный прием препарата помогает раз и навсегда сбросить от 4 до 12 килограммов лишнего жирового веса. Разумеется, для каждого человека этот показатель будет индивидуальным.

Вот еще очень важное обстоятель-

ство — эта пищевая добавка прошла проверку в Институте питания РАМН. Контрольная группа тучных пациентов Института питания, имеющих к тому же сердечно-сосудистую патологию, в течение месяца принимала «Сжигатель жира». Состояние этих людей регулярно контролировалось с помощью биохимических тестов. Вот некоторые итоги этой проверки, заверенные подписями чл.-корр. РАМН профессора М. Самсонова, доктора биологических наук А. Васильева и кандидата медицинских наук Г. Покровской.

Подтверждена терапевтическая эффективность препарата. Вес пациентов снизился за четыре недели на 5—11 кг. Объемы талии и бедер уменьшились в среднем на 5—7 см. Содержание холестерина и триглицеридов в сыворотке крови снизилось соответственно на 14 и 44 процента. Отмечена тенденция к восстановлению иммунитета.

И вот заключение авторитетных специалистов:

«Установленные в процессе клинической апробации довольно высокие терапевтические возможности «Сжигателя жира» позволяют рекомендовать его как биологически активную добавку к пище с целью потери массы тела, коррекции нарушенного жирового обмена, а также для профилактики ожирения. Противопоказаний для применения этой добавки не установлено».

Итак, дорогие читатели «Смены», всего за три недели «Сжигатель» избавит ваши талию и бедра от жировых «подушек». И главное — без всяких изнуряющих диет.

Купить этот чудо-препарат можно в Агентстве «PR-квадрат» в Москве по адресу: Кутузовский проспект, 22 (работает без выходных и обеда с 10 до 20 часов). Если есть вопросы, звоните: (095) 112-23-94, 140-01-05, 421-66-51.

Желаем вам красиво похудеть!

АНАТОЛИЙ СЕЛИВАНОВ

USA SPORTS LABS™

ЭДВАРД ХОХ

ВСТРЕЧА

Рисунок ЛЬВЫ РАЗВИННИНА

Кабинет капитана Леопольда затерялся в дальнем конце третьего этажа грязно-серого мрачного здания полицейского управления, в котором, по-видимому, в силу предназначения, редко бывали какие-либо просители. Зато детективы, работавшие под началом его помощника Флетчера и в значительной степени подражавшие ему, имели возможность там передохнуть, поболтать, а иной раз получить и взыскание. В дни, предшествовавшие выборам, здесь могли появиться местные политики, но в основном просителями были совсем другие люди. Старый стул с потертой прямой спинкой, как правило, занимали подозреваемые в убийстве.

Гарри Толливер не был ни политиком, ни полицейским,

а обыкновенным коммерсантом, который делал деньги на продаже электровозов. Почти двадцать пять лет прошло после их последней встречи.

— А ты нисколько не изменился, — произнес Гарри. — Я тебя сразу же узнал.

— Правда, волосы слегка поредели. — Леопольд улыбнулся и предложил собеседнику сигарету.

— Я бросил курить. — Гарри Толливер отказался от сигареты. — Три года назад, когда мне стукнуло сорок. Какую бы чепуху ни мололи газеты, но со временем невольно начинаешь опасаться за свое здоровье.

— При моей работе гораздо большее опасение вызывает ночные прогулки по темным улицам.

— А-а, ты намекаешь на деятельность отряда по борьбе с преступностью? Как же, как же, знаю.

Леопольд улыбнулся, услышав популярную, но весьма далекую от реальности характеристику своей работы.

— На самом деле все обстоит не так. Во-первых, в городе такого отряда нет, а во-вторых, мы ведаем не просто преступностью как таковой, а особенно опасными деяниями, в основном убийствами. Впрочем, давай не будем об этом. Весьма сложно да и неинтересно. Лучше расскажи о себе. Чем занимаешься? Что привело тебя ко мне?

Интерес Леопольда нетрудно было понять, ведь Толливер никогда не был его другом, даже когда они вместе учились в средней школе.

— Что привело? Круглая дата. Двадцать пять лет.

— Чего? — озадаченно переспросил Леопольд.

— Нашего окончания школы. Недавно я встретился с несколькими бывшими одноклассниками, и мы решили, что стоит организовать встречу всего класса.

— Ах, вот как.

— Ну, конечно. Бесподобная идея, как ты считаешь?

Леопольд попытался вспомнить события минувших двадцати пяти лет, восстановить в памяти некогда известные лица и имена. За эти годы он много путешествовал, учился в колледже вдали от дома, служил в армии, работал полицейским на крайнем Западе, а затем десять лет на Востоке, все время собиравшись сыграть свадьбу, которая так и не состоялась, и, наконец, будучи уже человеком среднего возраста, капитаном полиции, вернулся в свой родной город, где ему всегда нравилось. Нравился свежий бриз с залива летом и даже сильные снегопады зимой. Возвращение домой делало его не таким одиноким.

— Даже не знаю, — откровенно признался Леопольд.

— Мы решили, что неплохо бы организовать большой пикник в Венецианском парке. Как в старые добрые времена. С женами, детьми и прочим.

— Видишь ли, я не женат. Так что мне не с кем прийти.

— Жаль, конечно, но все равно приходи. Ведь так интересно встретиться со старыми друзьями. Моих, наверное, тоже не будет. Детям сейчас слишком много задают в школе.

— И когда вы собираетесь все это организовать?

— В первую же пятницу июня, как это было в наш выпускной год.

— Ну что ж, Гарри, я подумаю.

— Черт побери, я хочу, чтобы ты не просто подумал, а помог найти бывших одноклассников.

— Все это хорошо, но у меня очень мало времени.

— Понимаю, но... Кстати, я тут кое-что принес.

Гарри наклонился и достал из своего портфеля толстый альбом со школьными фотографиями.

— Помнишь?

— Да, конечно.

Гарри Толливер с любовью погладил твердую обложку из искусственной кожи с золотым тиснением, несколько потускневшим от времени.

— Да-да... вот это были денечки! Ты только посмотри... Возьми на себя несколько человек и попробуй разыскать их. Черт побери, если другие могут найти, то ты просто обязан! Ты же детектив!

— Н-да... все это так... но...

— Кончай! Берись за дело!

Леопольд посмотрел в его уже немолодые глаза и понял, что отказываться просто бессмысленно.

— Ну хорошо. Может быть, действительно удастся кого-нибудь разыскать.

— Вот и договорились. Почему бы тебе не взять тех, чьи фамилии начинаются на буквы «F» и «G»*? Всего тринадцать человек.

— Хорошо. Ты не мог бы оставить свой альбом? Я не знаю, куда мой подевался.

Толливер неохотно протянул альбом.

— Только береги его, ладно? Мне бы не хотелось, чтобы с ним что-нибудь случилось.

Леопольд кивнул.

— Я перепишу все нужные имена и верну тебе.

— Прекрасно. А ты успеешь найти их? Не забывай, у нас только пять недель.

— Я это помню, Гарри. Не беспокойся.

Толливер встал и пожал ему руку.

— Очень рад был с тобой вновь увидеться после стольких лет, Леопольд.

— Я буду держать тебя в курсе.

— Слушай, а вас не собираются переместить в какое-нибудь другое здание? Это же почти разваливается.

— Обращайся к Городскому совету, Гарри. Они, наверное, думают, что у нас и так слишком шикарные условия работы.

После ухода Толливера Леопольд, сидя за столом, какое-то время просматривал школьный альбом. Он вглядывался в некогда знакомые лица, читал приветственные надписи, адресованные Гарри Толливеру. Таким был выпускной класс средней

* «F» и «G» — шестая и седьмая буквы английского алфавита (прим. переводчика).

школы имени Джорджа Вашингтона в прекрасный день, как раз накануне войны.

Он стал вспоминать свои школьные годы, и эти воспоминания привели его в уныние...

В течение последующих двух дней Леопольд быстро навел справки об одиннадцати лицах из своего списка. У восьми из них были телефоны, и их номера он занес в свою записную книжку. Адрес девятого, у которого отсутствовал телефон, был в городском справочнике. С помощью Толливера он вышел на координаты двух своих одноклассниц. Одной из них он позвонил в Нью-Йорк и передал приглашение. Каждый телефонный звонок вызывал огромные переживания. Леопольд чувствовал себя стариком, хотя никогда не закрывал глаза на действительность.

Человека, у которого не было телефона, звали Джим Гровс. Проживал он на западной окраине города. Однажды, на закате дня, по дороге домой Леопольд заехал к нему, как раз в тот момент, когда Джим, работавший на ближайшей фабрике, уходил в ночную смену. В свое время Джим Гровс был звездой — полузащитником футбольной команды школы имени Джорджа Вашингтона. Даже Леопольд хорошо это помнил. За прошедшие двадцать пять лет Джим не очень-то изменился.

— Леопольд! Боже, сколько лет, сколько зим!

Они пожали друг другу руки, и Леопольд рассказал о предстоящей встрече одноклассников.

— Она состоится в первую пятницу июня в Венецианском парке. Если ты женат, приходи вместе с женой и детьми.

Джим Гровс внезапно помрачнел.

— Они у ее родителей в Бостоне. Мы уже давно не живем вместе.

— Жаль. Я не знал. Извини.

— После многих лет супружеской жизни она вдруг решила, что вышла замуж за неудачника.

— Но все равно приходи, — настаивал Леопольд, по каким-то еле заметным признакам почувствовав, что Джим опасается этой встречи.

— Конечно. Интересно вновь увидеться с ребятами из команды да и с остальными. Ты всех предупредишь, да?

Леопольд заглянул в список.

— С большинством поддерживает связь Гарри Толливер. Я же разыскал всех из своего списка, кроме двоих. Может быть, тебе что-нибудь о них известно? Это бы в значительной степени ускорило дело.

— Кое-кого я видел. А кто тебе нужен?

— Ширли Фазен.

— Ах, вот как. Она вышла замуж за Квейна, нашего старосту. Помнишь его? Чак Квейн. Он, насколько мне известно, закончил колледж и работает инженером. Живут они в своем доме в пригороде.

Леопольд сделал пометки в записной книжке.

— Прекрасно. Потом мне необходимо найти Джорджа Фишера.

Гровс некоторое время молчал, встревоженно уставившись на Леопольда.

— Ты что, разве не помнишь? Не помнишь, что с ним случилось? Он же утонул на выпускном вечере, как раз в Венецианском парке.

— А ведь действительно, — протянул Леопольд, удивляясь, как он вообще мог забыть ту страшную ночь. — Ты же знаешь, мы не были близкими друзьями. Я как-то совершенно забыл о том, что произошло. А тут еще его фотография в альбоме.

— Да-да, конечно, — согласился Гровс. — У многих альбомы уже утеряны. А помнишь, как мы на вечере их подписывали? Бедный Джордж! Знаешь, мне всегда казалось, что в его смерти что-то не так. Такое ощущение, что его кто-то специально вытолкнул из лодки.

— Сейчас трудно судить. Это было так давно, — осторожно заметил Леопольд.

— Н-да. Ну ладно, пора на работу. Держи меня в курсе. Я обязательно приду.

— Вот и хорошо.

— Бедный Джордж, — еще раз задумчиво произнес Гровс. — А чем ты занимаешься, Леопольд? Ты всегда был башковит.

— Я служу городу, Джим, — ответил Леопольд, спускаясь по лестнице. — Я — детектив.

Огромный дом Чака и Ширли Квейнов раскинулся на вершине небольшого холма, возвышаясь над невысокими пригородными постройками. Леопольд оценил его стоимость не менее чем в пятьдесят тысяч. «Нужно было лучше одеться», — подумал он, вылезая из машины.

Квейны с радостью встретили его. Ширли Фазен считалась самой красивой девчонкой в выпускном классе. Глядя на нее, стоящую в дверях, Леопольд вспомнил, что отличительной ее чертой была жизнерадостность. Она оживляла футбольные матчи бурными овациями. Мальчишки устремлялись даже на токсичные занятия по плаванию, лишь бы взглянуть на Ширли Фазен в купальном костюме.

Леопольд был несколько удивлен, узнав, что она вышла замуж за Чака Квейна, которого в выпускном классе избрали старостой, как бы уже тогда поставив на него печать крупного политика. И ему, видимо, удалось добиться немалого. Но Леопольд чувствовал, что не сможет удовлетворить своего любопытства, не переходя рамок приличия.

— Ну, входи, входи, — настаивал Квейн. — Ты, конечно, помнишь Ширли. Ха, ха! — Видимо, он так шутил. — Выпьем? Что будешь? Скотч, ром, водку? Что скажешь? Мы здесь неплохо устроились. — Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь окно, осветили его седые волосы, придавая им розоватый оттенок.

Леопольд прошел за ним в гостиную, забитую вещами, — своеобразное свидетельство преуспевания.

— А у вас тут мило, — заметил он.

— Да, нам тоже нравится. — Квейн зажег сигару, но Леопольду не предложил. — Так как насчет выпить? Или ты на службе?

— Я вижу, вы неплохо осведомлены обо мне.

— Иного быть не может. Каждый раз, когда происходит убийство, в газетах появляется имя капитана Леопольда. Правда, Ширли?

Ширли согласно кивнула и устроилась на подлокотнике кресла, в котором сидел Леопольд. На ней было плотно облегающее оранжевое трикотажное платье, придававшее ее фигуре еще большую свежесть. Леопольд едва сдержался, вспомнив, что ему уже сорок три.

— Вряд ли капитан здесь по делу, — промурлыкала она. — Правда, капитан? Готова поспорить, что он здесь из-за предстоящего большого сборища, о котором рассказывал Гарри Толливер.

— Ну, вот видите, — улыбнулся Леопольд. — Значит, я зря приехал.

— Почему же зря? Н-нет. Выпей чего-нибудь.

— Ну хорошо, — со вздохом произнес он. — Виски с содовой.

Из маленького бара в углу гостиной Чак Квейн достал бутылку виски.

— Хорошая жизнь имеет и свои неудобства. Когда дети подрастают и вас поблизости нет, они всегда стремятся тайком приложиться к спиртному. Впрочем, я сам выкидывал подобные штучки.

— Ты, кажется, работаешь инженером? — спросил Леопольд.

— В наше время это довольно прибыльное дело...

— Послушай, — перебила мужа Ширли, — давай не будем говорить о деньгах. Ведь мы не видели Леопольда двадцать пять лет. Лично я хочу поговорить с ним о предстоящем пикнике.

— Думаю, мне о нем известно не больше того, что вы слышали от Толливера. Он втянул меня в эту авантюру. Предполагается провести встречу там же, где у нас был выпускной вечер, — в Венецианском парке.

— Д-да... — проворчал Чак. — Я помню...

— Странно, а я совсем позабыл, что в тот вечер утонул Джордж. Сегодня днем я встретился с Джимом Гровсом, и он напомнил мне о том случае.

— Такие вещи неприятно вспоминать, — сказала Ширли.

— А помните, мы ведь втроем были там, когда это произошло, — произнес Леопольд. — Ты помнишь, как он падал, Чак? Да?

Квейн кивнул.

— Я оказался на месте происшествия чуть ли не через минуту. Возвращался на каное к станции. Видимо, Джордж делал то же самое и прыг несколько впереди меня. Как только он завернул за поворот, я услышал резкий крик и всплеск. Он свалился с проклятой лодки и барахтался в воде. Боже, как ужасно!

— Зачем вспоминать об этом? — раздраженно заметила Ширли. — Все были потрясены. И я тоже. Я ведь была помолвлена с Джорджем.

— Ты, кажется, помогала его вытаскивать, да? — спросил Леопольд.

Она кивнула.

— Как раз перед этим случаем несколько человек купались.

Я была еще в купальнике. Мы услышали, как Чак позвал на помощь, и бросились к реке. Уже стемнело. Чак крикнул, что лодка Джорджа перевернулась и накрыла его. Мы всей толпой кинулись в реку и стали нырять, пока в конце концов не вытащили тело Джорджа. Но было уже слишком поздно.

Пока она рассказывала, в памяти Леопольда все ярче всплывали различные детали. Сам он плавал плохо, а чернота воды в тот вечер была просто пугающей. Но он вспомнил, как вбежал на пешеходный мостик, прямо над местом трагедии, как внизу, когда Ширли и кто-то еще вытаскивали Джорджа на травянистый берег протоки, играли отблески света от фонариков на воде. Именно за протоки и пешеходные мостики парк получил название Венецианского. Прекрасное место для отдыха и катания на каноэ — своеобразный кусочек Венеции в штате Нью-Йорк. Глубина протоков была не более шести-семи футов. Совсем ничего, но в тот вечер она оказалась роковой для Джорджа Фишера. Целый час его пытались привести в чувство, пока не поняли, что все напрасно. Он был мертв. Внезапная трагедия прервала выпускной вечер.

— Кто тебе помогал его вытаскивать? — спросил Леопольд.

— Кажется, Джим Гровс.

Леопольд кивнул.

— Видимо, так. Правда, при нашей сегодняшней встрече он не говорил об этом.

— А о чем он вообще говорил? — поинтересовался Чак Квейн.

— Да ни о чем особенно. Правда, он сказал, что ему всегда казалось, будто в смерти Джорджа что-то не так.

— Ты что, — рассмеялась Ширли Квейн, — собираешься завести дело об убийстве? После стольких лет? Да, капитан?

— Вряд ли, — с уклончивой улыбкой ответил Леопольд.

Чак уставился на кончик своей сигары.

— Уже поздно, — тихо произнес он. — Прошло четверть века.

— По делам об убийствах срока давности нет, если ты это имеешь в виду.

— Слушайте, давайте найдем более веселую тему для разговора, — вмешалась Ширли. — Как насчет того, чтобы еще выпить, капитан?

— Нет, нет, хватит. Мне действительно пора идти. Я совсем не собирался вести разговоры на профессиональные темы. Просто хотел сообщить вам о встрече.

— Тебе не кажется, что при сложившихся обстоятельствах Венецианский парк не совсем удобное место для ее проведения? — заметил Чак.

Леопольд поднялся с места.

— Я поговорю об этом с Гарри Толливером. Он ведь тоже мог забыть о Фишере.

— Кажется, все забыли о нем.

Леопольд кивнул.

— Все, кроме Джима Гровса. Он еще помнит.

Тем же вечером, чуть позже, Леопольд позвонил Гарри Толли-

веру домой. Тот был таким жизнерадостным, как будто только что вышел.

— Привет, дружище! Как дела? Ты всех нашел?

— Всех, кроме Джорджа Фишера. Он мертв.

— Джордж... Ах да, конечно. Я совсем не подумал, что его имя в твоём списке.

— Гарри?

— Да?

— А тебе не кажется, что нам следовало бы провести встречу где-нибудь в другом месте? Венецианский парк может навеять неприятные воспоминания.

— Почему? Что ты имеешь в виду?

— Фишера.

— Все давно забыли об этом.

— Некоторые не забыли. Более того, кое-кто думает, что его смерть была совсем не несчастным случаем.

— Что? О Боже, Леопольд, перестань! Выбрось все это из головы! Я просил тебя обзвонить одноклассников и сообщить им о встрече, вот и все!

— Извини. — Леопольд повесил трубку, зажег сигарету и долго сидел, уставившись на узорчатое стекло в двери своего кабинета. Так что же это все-таки было? Может, не стоило разыгрывать перед одноклассниками детектива? Уже не маленький! Сорок три года! Пора обо всем забыть!

Но на следующий день он вновь пошел к Джиму Гровсу.

— Привет! — Гровс мигал сонными глазами, открывая дверь. — Мы не виделись с тобой целых двадцать пять лет, а тут вдруг на тебе — два дня подряд!

— Извини, что вновь беспокою тебя, — сказал Леопольд.

— Давай заходи. У меня в холодильнике есть пара бутылок пива.

— Нет, спасибо. Вот о чем я хотел тебя спросить, Джим. Вчера ты что-то говорил о смерти Джорджа Фишера. Что его, возможно, кто-то вытолкнул из лодки. Почему ты так думаешь?

— Ты решил взяться за это дело через четверть века? Разгадать его?

— Если, конечно, есть, что разгадывать. Ведь все произошло так давно.

— Разгадывать-то есть что, это уж точно. Хотя Фишер не принадлежал к числу отличных пловцов, но проклятая протока была всего лишь десять футов шириной!

— А глубиной?

— Футов шесть. Ведь он мог просто выйти из нее!

— Но не вышел.

— Вот именно, черт побери! Потому что кто-то вытолкнул его из каноэ.

— Кто-то из купавшихся?

— Или человек, который был в другом каноэ, — заметил Гровс.

Леопольд зажег сигарету.

— У тебя хорошая память. Что ты еще помнишь? Кто еще катался на каноэ в тот вечер?

— Квейн. Чак следовал прямо за Фишером, когда это произошло.

— Они были друзьями?

— Вряд ли.— Джим на секунду исчез на кухне и вернулся с запотевшей бутылкой пива.— Оба пылали страстью к Ширли Фазен, этой поклоннице футбольных матчей. Сложена она была, что надо.

— Если не ошибаюсь, все были равнодушны к ней.

— Да, возможно. Даже я какое-то время.

— В тот день Джордж был с Ширли?

— Недолго. У него тогда была и другая подружка. Мардж Алгуард. Может, помнишь?

— Очень смутно. Невысокая девчонка с темными волосами?

— Да.

— И чем она занимается сейчас?

— Недавно я видел ее в городе. Мардж работает в одном универсаме. Похоже, она не замужем. Видимо, никогда и не была.

— Огромное спасибо, Джим. У тебя великолепная память.

— Послушай, а помнишь тот матч с техколледжем?

— Помню, Джим, помню. Но об этом поговорим как-нибудь в другой раз. Ты не опоздаешь на работу?

— Что? Ах да, уже темнеет.— Он допил пиво.— Скоро увидимся. В июне, если не раньше.

— Конечно.

Уходя, Леопольд с сожалением подумал о том, какой груз нес на себе Джим Гровс, не забывающий о некогда прекрасных днях своей молодости.

Имени Мардж Алгуард не было в списке Леопольда, но он все-таки решил с ней встретиться и разыскал ее в самом большом универсаме города, в кондитерском отделе. Она стояла за прилавком и насыпала разноцветные леденцы в маленькие пластиковые пакетики. Прошло уже несколько недель после Пасхи, и Леопольд решил, что это остатки непроданного товара. Интересно, подумал он, а есть ли у них шоколадные зайцы?

— Извините. Мисс Алгуард?

— Да.— Улыбка ее была по-прежнему милой.

— Знаете, столько лет прошло, что вы меня, возможно, не помните. Меня зовут Леопольд. Мы с вами вместе учились в средней школе.

— Конечно, я вас помню,— произнесла она с просветленным лицом.— Как ваши дела?

— Прекрасно. Я хотел бы поговорить с вами, если это возможно. Во время вашего перерыва. Скажем, на обед. А может, вы позволите себе чашку кофе?

— Я — заведующая этим отделом,— ответила она и с улыбкой махнула рукой одной из девушек.— Буду рада выпить с вами кофе. Я так редко вижу старых знакомых.

Сидя в ярком, но безвкусном ресторане магазина, они вспоминали старые времена, общих знакомых. Наконец, после изрядного количества случайных вопросов, Леопольд спросил:

— Вы помните Джорджа Фишера? Того парня, который утонул в выпускной вечер?

— О да, Джордж Фишер. — Ее глаза, казалось, внезапно затуманились.

— Я часто вспоминаю тот день, пытаюсь понять, что же произошло на самом деле. Вы ведь были с Джорджем, да?

— Но не в тот момент, когда он утонул.

— Нет, нет, раньше.

— Да, это так. Трудно все вспомнить. В следующем месяце исполняется ровно двадцать пять лет с того дня. Знаете, Гарри Толливер недавно приглашал меня на встречу класса.

— Знаю.

— Так вот, в тот день я почти все время была с Джорджем. Помню, как он взял на прокат каноэ, как мы катались по всему парку, по многочисленным речкам и протокам, под мостиками, в тени ветвистых деревьев.

— А что было потом?

— О, точно не помню. Некоторое время мы отдыхали на берегу. Помню, какая восхитительная была трава. Такая мягкая. Затем стемнело, и он сказал, что каноэ нужно вернуть на станцию. Больше я его живым не видела. Чуть позже раздался крик, я подбежала к протоке и увидела, как его пытаются откачать. Это было просто ужасно.

Леопольд решил оставить ее в покое, но его волновал еще один вопрос.

— Когда... когда вы были на берегу, вы целовались?

— Что?! — Ее затуманенные глаза вдруг зажглись яростным огнем. — Почему вы задаете мне такие вопросы?

— Просто хочу разобраться в смерти Фишера.

— Вы что, полицейский?

— Это неофициальное расследование, — быстро произнес капитан, но понял, что, увлекшись вопросами, совершил ошибку. Мардж Алгуард замкнулась, молча допила кофе и, едва попроцавшись, заторопилась к себе в отдел.

Леопольд вздохнул и заказал еще чашку кофе. Нужно обо всем забыть. Ничего хорошего из его попыток не получится. Своими разговорами он бередил душу, вызывая тяжелые воспоминания, которые лучше предать окончательному забвению. Он — детектив, и он мог видеть зло там, где его и в помине не было.

Тем же вечером Леопольду позвонил встревоженный Гарри Толливер.

— Леопольд, черт побери, что ты делаешь?

— Ты о чем?

— Прекрасно знаешь. Я говорю о Джордже Фишере. Ты уже всем испортил настроение.

— Вот как? Кому именно?

— Например, Мардж Алгуард. Узнав, что ты из полиции, она до смерти перепугалась. О чем ты ее хотя бы спрашивал?

— Да, собственно, ни о чем.

— Ее имени не было в твоём списке. Какого же черта ты пытаешься все испортить? Что хочешь узнать?

— Только правду.

— Через двадцать пять лет не осталось никакой правды, одни только воспоминания. Перестань беспокоить людей. Перестань беспокоить меня.

— Тебя?

— Я хочу, чтобы эта встреча удалась. Неужели думаешь, что люди придут, если узнают, что ты проводишь расследование убийства?

— Об убийстве до сих пор никто и не заикался...

— Слушай, забудь все, что я просил сделать в связи с этой встречей. Забудь все, ладно?

— Я не могу согласиться с тобой. Воспоминания все равно останутся.

Толливер в ярости бросил трубку.

Леопольд чувствовал себя виноватым как перед ним, так и перед другими. Но события вышли из-под его контроля. Он чувствовал, что колеса закрутились, и надо только ждать, пока они сами не остановятся.

Ночью Леопольду спалось плохо. При первых же лучах солнца он проснулся в холодном поту. Ему снилось, что он вновь находится в Венецианском парке, стоит на каменном мостике над протокой, вцепившись во влажный парапет, и наблюдает за происходящим внизу. Ширли Квейн, тогда еще Ширли Фазен, в узком купальнике, выгодно подчеркивавшим ее фигуру, пытается вытащить из воды безвольное, обмякшее тело. Ей помогает Джим Гровс. Его одежда промокла насквозь, а ботинки, видимо, затерялись где-то в воде.

Внезапно Леопольд вздрогнул. А ведь Джим Гровс, несмотря на всю свою замечательную память, в разговоре с ним даже не заикнулся о том, что помогал вытаскивать из воды тело Фишера. Почему? Может, он молчал потому, что его об этом не спрашивали?

Леопольд вскочил с кровати и быстро оделся. Он спешил к себе в управление. Ему хотелось убежать от мыслей, от воспоминаний. Придя на работу и усевшись за стол, он сразу же вызвал к себе Флетчера и попросил его представить сводку о происшествиях за ночь.

— Она пока еще не готова, — ответил Флетчер. — А что за спешка? Что-нибудь случилось?

— Даже не знаю. Есть что-нибудь новенькое о вчерашнем ограблении ювелирного?

— О, с этим нам просто повезло. — Флетчер улыбнулся во весь рот. — Птенчик, которого мы взяли, в конце концов раскололся и во всем признался.

— Ну и что он сделал с бриллиантовыми кольцами?

— Мы бы до этого никогда не додумались! Оказывается, в том же здании, в одной из контор, работает его подружка, которая в день совершения преступления ровно в три часа пошла пить кофе. Во время ее отсутствия он ограбил магазин, и, когда она возвращалась обратно, держа в руке стаканчик кофе, он, пробегая мимо нее, бросил кольца в этот стаканчик и был таков. Все проделано просто безукоризненно.

— Не совсем,— возразил Леопольд.

— Что не совсем?

— Не совсем безукоризненно,— повторил капитан.— Вы же все-таки схватили его.

— Да, но если б он не заговорил, мы бы никогда сами не додумались, как совершено преступление.

Леопольд нахмурился.

— Знаете, Флетчер, у криминалистов безукоризненные преступления иногда становятся навязчивой идеей. Похоже, со мной произошло то же самое.

— Что вы хотите этим сказать, капитан?

— Четверть века назад во время выпускного вечера утонул восемнадцатилетний школьник. Все произошло у меня на глазах. Теперь я думаю: а не был ли тот парень убит?

— Послушайте, капитан, забудьте об этом. Стоит ли тратить время на события такой давности, когда каждый день совершается масса новых преступлений?

Леопольд вздохнул и, повернувшись на стуле, посмотрел в окно. Были первые дни мая — его любимое время года, когда оживающая вновь земля стремится как можно быстрее сбросить скрипучие оковы зимы. Но, похоже, сегодня погода действовала на него угнетающе.

— Флетчер, я с уважением отношусь к вашему мнению, но последовать вашему совету не могу. Сходите в архив и постарайтесь откопать все, что имеется по этому делу. Хорошо?

— Когда это произошло?

— В следующем месяце исполняется ровно двадцать пять лет. В архиве наверняка найдутся какие-нибудь материалы. Мальчишку звали Джордж Фишер. Он был выпускником средней школы имени Джорджа Вашингтона.

— Скорее всего эти материалы свалены в подвале.

— Постарайтесь все-таки найти их,— сказал Леопольд.— Может быть, что-нибудь и подвернется.

Флетчер отсутствовал добрых полчаса. Когда он вернулся, брови его были запорошены пылью. Он рухнул на стул с прямой спинкой, стоявший перед столом Леопольда, и сдул еще большее облако пыли с тонкой папки.

— Надеюсь, теперь вы довольны, капитан?

Леопольд едва улыбнулся.

— Вряд ли я сегодня могу быть чем-нибудь довольным. Ладно, что же у нас есть?

— Кто его знает? Надеюсь, бумага не рассыпалась в прах. Сколько было разговоров о том, что необходимо микрофильмировать все старые материалы.

— Ну, это делают лишь тогда, когда нам выделяют новое здание. Никак не раньше,— заметил Леопольд. Увидев старые отчеты, он внезапно почувствовал волнение, как будто вернулось его прошлое. Наверняка, подумал он, на этих страницах встречается и мое имя.

— Ну, и много вы раскопали, Флетчер?

— Да нет. Вот заключение о вскрытии, показания некоторых школьников, выводы следователя.

— Следователя? — Леопольд выпрямился на стуле. — А при чем тут следователь?

— Не знаю. Видимо, вначале что-то показалось подозрительным.

— Н-да. Каково заключение патологоанатома?

— Смерть в результате асфиксии. Ничего необычного.

— На теле были какие-нибудь следы?

— Никаких. Несколько волос вырвано, видимо, когда вытаскивали утопленника из воды.

— Там есть показания Чака Квейна?

Флетчер полистал бумаги.

— Да, есть... Он находился в каноэ, футах в ста позади лодки Фишера. Было очень темно. Квейн заявил, что еще раньше видел в его лодке девочку по имени Мардж Алгуард.

Леопольд кивнул.

— Как Фишер оказался в воде?

— Квейн утверждал, что не видел, как это произошло. Когда лодка Фишера скрылась за поворотом, раздался его крик, и посыпался всплеск. Добравшись до места происшествия, Квейн увидел, как Фишер барахтается в воде. Квейн не умел плавать и в растерянности не знал, что делать. Он позвал на помощь, прибежало несколько человек. К этому времени Фишер, по всей видимости, порядочно наглотался и скрылся под водой. Несколько минут спустя Ширли Фазен и Джим Гровс нашли его, вытащили на берег и стали делать ему искусственное дыхание, но было уже слишком поздно.

— Так, а что говорится в показаниях других свидетелей?

— Сейчас посмотрим... Ширли Фазен утверждала, что, будучи единственной из всех в купальнике, быстро добежала до протоки и бросилась в воду, но никак не могла найти Фишера. Почти мгновенно к ней присоединился Гровс, который нырнул прямо в одежду и помог вытащить Фишера.

— А что говорил Гровс?

— Почти то же самое. Он заявил, что ранее, в тот же вечер, купался вместе с Ширли Фазен в соседнем пруду, примерно в ста ярдах от протоки. Затем вылез из воды, обсох и оделся, а Ширли продолжала плавать. Потом он услышал, как Квейн зовет на помощь, и побежал к протоке. Ширли была уже там. С ее помощью он нашел тело Фишера и вытащил его на берег.

— Где-нибудь упоминается имя Мардж Алгуард?

— Да. В показаниях Квейна.

— Э... Может быть, еще где-нибудь?

— Есть еще ее личное заявление, очень короткое. Она показала, что чуть раньше каталась вместе с Фишером.

— Хорошо. А как насчет Гарри Толливера?

Флетчер просмотрел оставшиеся бумаги.

— Больше ничего нет. Только заключение следователя.

— Наверное, там немало интересного?

— Как сказать. Он лишь установил, что Фишер стоял в каноэ, потерял равновесие и упал в воду. Вот и все.

— А почему он стоял?

Флетчер пожал плечами.

— Не знаю.— Он вытащил из пачки сигарету и закурил.— Я никак не могу понять, капитан, почему вы так уверены, что это убийство?

— Я не уверен, но у меня могут возникнуть сомнения. Разве не так?

— Но прошло столько времени!

— Убийство, когда бы оно ни произошло, всегда остается убийством!

Флетчер ничего не сказал, лишь молча смотрел на голубоватые клубы дыма, уносящиеся в грязное окно.

Леопольд нахмурился. Сейчас он думал совершенно об ином.

Накануне вечером он еще раз побывал в универсаме, в котором работала Мардж Алгуард. Дождавшись, пока она закончит обслуживать троих ребятшек, сделал шаг вперед и оказался прямо у нее перед глазами.

— Опять вы,— процедила Мардж сквозь плотно сжатые губы.— Сегодня я не хочу кофе. Благодарю.

— У меня к вам один-единственный вопрос.

— Разве вы мало задавали мне вопросов?

— Может быть, и немало, но кое-что спросить еще нужно. В тот трагический день в парке вы не ссорились с Фишером?

— Послушай,— прошипела она, вплотную приблизившись к нему.— Убирайся отсюда! Убирайся вместе со своими грязными вопросами! Удовольствия я тебе не доставлю! Видимо, ты так и не научился обращаться с женщинами.

— Мардж...

— Нет, в тот день я с Джорджем не ссорилась. Это был самый счастливый день в моей жизни. Как бы ты ни старался, тебе не облить его грязью. Я уже немолода и, может быть, не все помню, но Джорджа Фишера я никогда не забуду.

— Извини,— произнес Леопольд.— Я больше не буду тревожить тебя.

Капитан удалился, думая о том, сколько беспокойства и неприятностей приносят людям его вопросы. Возможно, после стольких лет они уже не имеют никакого значения.

Была ясная ночь. Светила яркая луна. Когда Леопольд входил в свой дом, в него едва не угодил кирпич, упавший с крыши. Возможно, его сдул ветер, но ветра не было. Выхватив пистолет, Леопольд поспешил на крышу, но там никого не оказалось. Далеко внизу, за пределами досягаемости выстрела, он увидел бегущего по дорожке мужчину, который вскоре скрылся за углом. Остаток ночи Леопольд проспал с пистолетом под подушкой, чего с ним никогда раньше не случалось.

На рассвете Флетчер и Леопольд в машине без номера* подъехали к Венецианскому парку, едва не столкнувшись с группой подростков на велосипедах.

— Уберите всех прочь,— недовольным голосом приказал Флетчер постовому полицейскому.— Нашли место, где гулять.

Леопольд, задумчиво покуривая старую трубку, которую утром

* В США полицейские машины не имеют номерных знаков.

откопал в комод, наблюдал за велосипедистами, пока они не исчезли из виду.

— Зря вы так,— заметил он.— Парки для этого и существуют.

— Может быть, но не этот. Здесь либо любовью занимаются, либо пришивают кого-нибудь.

Детективы проехали через каменный мостик над одним из каналов, и Леопольд попросил Флетчера остановиться.

— Это произошло где-то здесь, я уверен. Пруд еще существует.

— Если мне не изменяет память, вы говорили о пешеходном мостике.

— Все верно. Тогда был пешеходный, но времена меняются.— Он открыл дверцу и вылез из машины.— Флетчер, давайте-ка немножко пройдемся. Сегодня такой чудесный день!

Детектив вышел из машины и пошел рядом с Леопольдом.

— Капитан, вы действительно думаете, что вчера кто-то из них пытался убить вас?

— Трудно сказать. За всю свою жизнь я приобрел немало врагов. Но нужно учесть, что последнюю неделю я занимался только этим делом.

Это обстоятельство тоже его очень беспокоило. Стоит ли столько времени тратить на смерть Джорджа? Ведь за минувшую неделю произошло два убийства. Не был ли он в конце концов просто жертвой времени и обстоятельств?

Флетчер закурил сигарету.

— Сегодня мои ребята осмотрели крышу, но ничего не нашли, даже старого окурка.

Когда полицейские пересекли посыпанную гравием дорожку, которая шла от пруда к узкому каменному мостику через протоку, Леопольд почувствовал неожиданное волнение.

— Это было здесь, Флетчер. Я уверен.

Давние события предстали перед ним, как будто произошли только накануне. Действительно, тот самый мостик, с которого он когда-то следил за происходившей трагедией. За четверть века покрытие его от ног пешеходов и колес велосипедов значительно поизносилось.

Леопольд остановился в центре мостика, а Флетчер, вытащив из кармана двенадцатифутовую рулетку, один конец которой протянул капитану, по заросшему травой берегу устремился вниз, к краю воды.

— Так, все ясно. От моста до уровня воды девять футов.

— А сколько до дна? Какова видимость?

Флетчер выткнулся над водой, ухватившись одной рукой за выступающий камень мостика.

— Думаю, чуть меньше шести футов. Скорее всего пять футов десять дюймов.

Леопольд кивнул.

— Выходит, если он стоял в лодке, то мог спокойно удариться головой и опрокинуться назад.

— А кто стоял в лодке?

— Утопленник. Кстати, вы разыскали следователя, который сделал столь оригинальное заключение?

Флетчер кивнул.

— Семь лет назад он вышел в отставку и уехал во Флориду. Пару лет назад умер.

— Наверняка он ничего бы и не вспомнил. Для него это был просто утопленник. Флетчер, посмотрите, какова здесь глубина.

Детектив полностью размотал рулетку и с большим трудом смог коснуться ею дна.

— Что-то около шести футов, — произнес он наконец, произведя быстрые расчеты. — Что ж, достаточно глубоко. Можно и утонуть.

— Фишер был очень высоким. Примерно такого же роста. Возникает вопрос: почему он просто не вышел на берег? Достаточно было сделать несколько шагов.

— В темноте он запаниковал. Такое бывает, вы же знаете. А может быть, тогда было значительно глубже?

Леопольд покачал головой.

— Нет, вряд ли. Весной вода в протоках действительно поднимается, но к лету уровень воды падает. В июне мельче, чем сейчас.

— А может быть, как вы сказали, он просто ударился головой и упал, потеряв сознание?

— Вскрытие не обнаружило никаких следов на его голове. Потом Чак Квейн утверждал, что он барахтался в воде. Следовательно, сознания не терял.

— Хорошо. Что же тогда произошло?

Леопольд провел рукой по каменным перилам моста, пытаясь вспомнить события далекого прошлого.

— Флетчер, послушайте, у вас в машине есть что-нибудь большое?

— А?

— Ну, что-нибудь большое и тяжелое? Слушайте, тащите сюда запасное колесо. Быстро!

Недоумевающий Флетчер мгновенно вернулся, катя колесо перед собой.

— Капитан, это именно то, что вам нужно?

— Да, да. Думаю, подойдет, — с улыбкой произнес Леопольд, поднимая колесо на каменные перила. — Или, может быть, вы сами хотите нырнуть туда?

— Нет уж, благодарю вас, капитан. Скажите лучше, что вы собираетесь делать?

— Хочу кое-что выяснить, Флетчер, — ответил Леопольд, бросив колесо вниз и наблюдая за тем, как расходятся круги по воде. — Попробуйте выудить его оттуда, и мы еще раз попробуем.

Флетчер сломал толстую ветку с дерева и с ее помощью притянул колесо к берегу.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Леопольд выбил трубку о камень, пока Флетчер возился внизу.

— Интересно посмотреть на их лица после стольких лет, — задумчиво произнес он. — Забавно, как развела нас судьба. В те далекие дни даже и не подозревал, что мы такие разные. Я стал

детективом, Гарри Толливер — коммерсантом, Гровс — рабочим, Мардж Алгуард — служащей, Ширли вышла замуж за Чака Квейна, преуспевающего инженера.

— А Фишер мертв.

— Да, Фишер мертв. Такова, к сожалению, жизнь. Некоторые добиваются успеха, а некоторые нет. — Леопольд еще раз бросил колесо в воду. Всплеск был такой же, как раньше.

— Вы удовлетворены, капитан?

— Да. Я просто хотел посмотреть, может ли при сильном всплеске вода попасть на перила. Теперь вижу: нет, не может.

— Ну и что это доказывает?

Леопольд молча пожал плечами. Слишком рано давать ответ, хотя и прошлю почти четверть века.

Вечером того же дня ему вновь позвонил Гарри Толливер, который был взвинчен еще больше, чем в прошлый раз.

— Слушай, Леопольд, — начал он, даже не поздоровавшись, — некоторые из нас хотели бы с тобой сегодня встретиться и поговорить.

— Где?

— У Чака Квейна. Мы желаем знать, что у тебя на уме.

— Хорошо. Я приду. Во сколько?

— После восьми.

В восемь тридцать вечера Леопольд въехал в ворота дома Квейна и был поражен, увидев, что во дворе стоит только один автомобиль. Как выяснилось, многие уже успели разойтись, остались только Квейны, Толливер и Мардж Алгуард. Все сидели с мрачным выражением лица. Ширли Квейн, в том же оранжевом платье, принесла ему мартини, который, честно говоря, Леопольду был совершенно не нужен. Он уселся напротив Мардж на неудобный, обитый пурпурной тканью стул и подумал: «Наверное, нынче считается крайне модным пить по вечерам мартини».

— И это все, кто пришел? — спросил он.

— Я просил также зайти Джима Гровса, — пробормотал Толливер, — но он сегодня работает.

Вспомнив о том, что Гровс работает по ночам, Леопольд заинтересовался, что тот делал накануне вечером, хотя, по правде говоря, особой нужды в этом вопросе не было. Он уже знал, кто пытался убить его.

— Ну так что у нас за проблема? — спросил Леопольд.

— Я думаю, ты прекрасно знаешь, что проблема у нас только одна — ты, — ответил Чак Квейн, чувствуя, что не вполне удачно пошутил. — Мардж заявила, что не придет на встречу, поскольку ты задаешь ей дурацкие вопросы.

— Вот как?

— Я же говорил тебе: оставь ее в покое, — вмешался Толливер.

— Я и хотел это сделать, но потом изменил решение.

— Ты действительно думаешь, что Джордж Фишер был убит? — спросила Ширли Квейн, вернувшаяся из кухни с очередными коктейлями.

— Да, думаю. И знаю, что полиция тогда уже что-то подозревала, но оказалась не в состоянии этого доказать.

— А ты сможешь? — спросил Толливер.

— Не знаю.

— Но намерен продолжать дурацкое расследование. — Квейн встал со стула и начал расхаживать по комнате, напоминая тигра в клетке, нетерпеливо ожидающего пищу.

— Да, намерен продолжать, — согласился Леопольд. — Я поеду в Венецианский парк, чтобы попытаться восстановить события того вечера.

— Ночью? — с удивлением спросила Ширли Квейн.

— Но тогда ведь тоже все произошло ночью, — сымпровизировал Леопольд. Слова его вылетали прежде, чем он успевал их осмыслить. Но все шло так, как нужно. Он достаточно прозрачно намекал одному из них: приходи, и ты получишь меня.

Если он ошибся, если это все-таки был Джим Гровс, хуже от этих слов не будет. Капитан спокойно допил свой бокал и двинулся к выходу.

— Подожди минуту! — попросил Гарри Толливер. — Мы так ничего и не решили. Что же будем делать со встречей?

— Меня можете вычеркнуть, — заявила Мардж.

— Теперь видишь? — взмолился Толливер, обращаясь к Леопольду. — Если будешь продолжать, никто не придет.

— Мне очень жаль, — ответил капитан. И ему действительно было очень жаль, но не самой встречи, а Гарри Толливера.

Около часа Леопольд стоял на мосту, опираясь на прохладные каменные перила. Курил и ждал, когда смерть подойдет к нему и попытается взять с собой.

Он был абсолютно уверен, что его противник сделает еще одну попытку. Но время шло, и уверенность его стала иссякать. Может, этому человеку не удастся незаметно уйти от Квейнов? А может быть, произошла ошибка, и убийца все-таки Джим Гровс? Или вообще незнакомый человек?

Второй час ожидания приближался к концу. Леопольд выбил из трубки пепел и собрался уходить. В этот момент у него по коже побежали мурашки: футах в двадцати от себя, под деревом, он заметил темную фигуру.

— Эй, ты там, привет! — воскликнул капитан. — Я жду тебя.

Из тени появился Чак Квейн. Бледный лунный свет упал на его лицо.

— Ты знал, что я приду?

— Конечно.

— На этот раз я взял пистолет, — заявил Квейн.

Капитан увидел блеск оружия в лунном свете.

— Конечно, лучше, чем кирпич, но вряд ли он тебе понадобится.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что не ты убийца. Потому что, убив меня, легче тебе не станет и так же трудно будет скрывать тайну своей жены. Ведь Ширли убила Джорджа Фишера, разве не так?

Чак Квейн даже не заметил, как Леопольд дал сигнал Флетче-

ру выйти из засады. Он внезапно обмяк, как будто душа его отлетела от тела, и спокойно, без всякого сопротивления, отдал пистолет.

— Пошли в машину, — сказал Леопольд. — Там и поговорим.

— Как вы узнали о Ширли? Как?

Когда они подошли к машине, Леопольд дал знак Флетчеру включить магнитофон. Позднее они смогут запротоколировать показания Квейна и получить его подпись.

— Я думаю, здесь помогли воспоминания. Воспоминания и размышления. Фишер не смог бы так быстро утонуть в мелкой протоке, даже если бы был без сознания. Удариться он тоже не мог. На голове не было никаких следов. Кроме того, сознания он не терял. Ты же сам говорил, что он барахтался в воде. Возникает вопрос: что же еще могло произойти? Ответ может быть только один: кто-то держал его под водой.

Чак Квейн задрожал.

— И это после стольких лет! — тихо пролепетал он.

— Далее: были ли какие-нибудь факты, подтверждающие эту версию? — продолжал Леопольд, не слушая его. — Да, были. У Фишера вырвано несколько волос. Весь вечер он провел с Мардж Алгуард, но они не ссорились. Конечно, волосы могли вырвать, когда вытаскивали его из воды, но лично я в этом сомневаюсь. Скорее всего убийца держал Фишера за волосы под водой, пока тот не утонул. Кто мог это сделать? Тут я вспомнил, что Ширли Фазен была девчонкой Фишера, хотя тот почти весь выпускной вечер провел с Мардж. Это могло послужить мотивом.

Флетчер заерзал на заднем сиденьи машины и закурил сигарету.

— Когда я попытался мысленно восстановить действия Ширли в тот вечер, то столкнулся со странными вещами. Она плавала вместе с Джимом Гровсом в пруду. Затем он вылез из воды и оделся. Совершенно очевидно, что никто не видел, как Ширли вышла из пруда и как она оказалась в протоке, рядом с Фишером. Кстати, Чак, ты мог это видеть, ведь ты плыл в каноэ следом за Фишером. И потом. Если кто-то держал голову Фишера под водой, пока он не утонул, им мог быть только один из спасателей. Или Ширли Фазен, или Джим Гровс.

— Почему? — выдавил из себя Чак.

— Потому что убийца должен был промокнуть насквозь, а промокли только они. Ширли единственная была в купальнике. Затем я еще кое-что припомнил из событий того вечера. Когда я стоял на мостике и наблюдал, как вытаскивают Фишера, я обратил внимание на то, что перила моста мокрые. Не влажные, а именно мокрые. Дождя в тот день не было. Светила луна, на небе почти не было облаков. А возня с Фишером не могла вызвать всплесков такой высоты. Перила были мокрыми, потому что убийца забрался на них перед тем, как спрыгнуть на голову ничего не подозревающего Джорджа Фишера, когда тот проплывал под мостом. Но Джим Гровс только что оделся в сухую одежду. Все остальные тоже были в сухой одежде, за исключением Ширли, которая все еще была в купальнике и, видимо, только

что пришла с пруда. Именно она могла оставить мокрые следы на перилах моста, перед тем как прыгнуть на голову Фишера.

— На самом деле все было не так, — со стоном произнес Чак Квейн. — Ширли не собиралась делать ничего плохого. Она увидела, что он на каноэ направляется к лодочной станции, в темноте бросилась к мостику, села на его перила и болтала ногами, ожидая, когда он подплывет. Когда Джордж появился, они обменялись парой фраз — она спросила о Мардж Алгуард, он что-то ответил, и эти слова привели Ширли в ярость. Кажется, он сказал, что Мардж лучше обнимается. Что-то вроде этого. Ширли только... только спрыгнула на него. Не думаю, что она действительно хотела его убить.

Леопольд печально вздохнул. Разговор с Чаком мог состояться еще четверть века назад.

— И ты, Чак, подплывая, видел все это. И хранил ее тайну все эти годы! Только поэтому она вышла за тебя замуж, да? Ты шантажировал ее, вынуждая к замужеству?

Но этот вопрос навсегда остался без ответа. Мысли Чака унеслись в далекое прошлое, к событиям двадцатипятилетней давности.

— Она не рассчитала сил, — произнес он тихо, скорее просто для себя. — Ширли чувствовала себя в воде, как рыба. Она не понимала, что в воде Фишер просто беспомощен.

— Мы должны поговорить с ней.

— Что вы намереваетесь делать?

— Не знаю. Пока не знаю.

Капитан прекрасно понимал, что доказать практически ничего невозможно. Кто сможет вспомнить, что делала Ширли в воде в тот вечер? Кто сможет утверждать, учитывая неразбериху действий в темноте, кем она была на самом деле: убийцей или спасателем? У Леопольда имелись только показания Чака Квейна, который так долго хранил ее тайну, что чуть сам не стал убийцей.

Если бы эту историю придумал писатель, он скорее всего завершил бы ее самоубийством Ширли. Но когда Леопольд и Чак поднялись в дом Квейнов, к ним по лестнице спустилась сорока-трехлетняя женщина, измученная, внезапно постаревшая, как будто один взгляд на капитана полиции сказал ей все, что следует знать.

— Кто-то из малышей плакал, — спокойно произнесла она. — Видимо, ему приснился кошмар.

Перевод с английского СЕРГЕЯ ШПАКА.

ПОПОВИЧ

ХАРЬКОВЩИНА

В Харькове, на улице Героев Труда, стоит 10-этажный дом. Его проектировал карикатурист Вячеслав Капрельянц.

Дом вполне нормальный, ибо тогда Слава был еще не карикатуристом, а благопристойным архитектором. Поэтому жильцы этого дома и смеются, и печалются, как все харьковчане — не больше и не меньше.

Другое дело нынешние читатели харьковских газет: почти в каждом номере — карикатуры Капрельянца. Хочешь — смейся, хочешь — плачь.

— А все началось очень просто, — рассказывает Слава. — На уроках я рисовал шаржи на учителей и одноклассников. И те, и другие почему-то не злились на меня, а напротив — одобрительно похихатывали. Поэтому я продолжил свои «шалости» и в институте, на архитектурном факультете. И опять-таки никто не побил и из

института не выгнали. А летом прошлого года, устав ждать возмездия от друзей и сограждан, я разнес свои карикатуры по всем городским газетам и журналам. К моему изумлению, их напечатали и даже выплатили мне гонорары. Я тут же бросил проектирование домов и занялся «окарикатуриванием» всего окружающего.

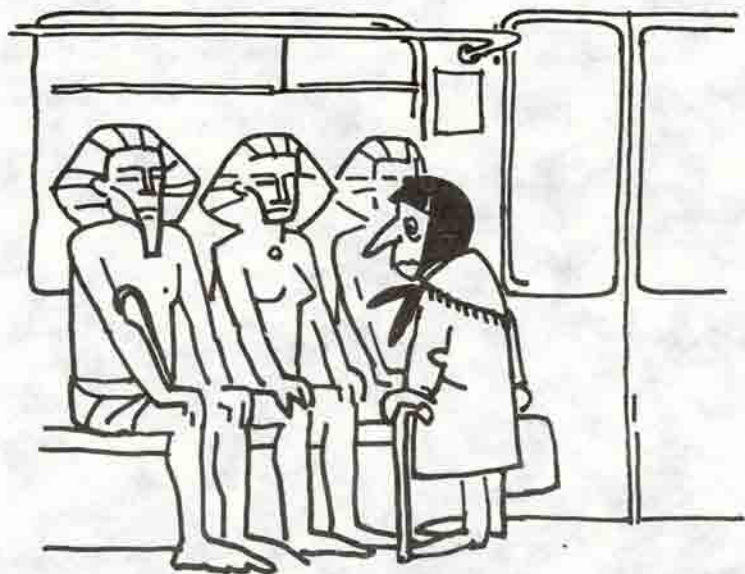
Читатели «Смены» могут убедиться, кто оказался в выигрыше от такого поворота событий — архитектора или карикатура?

Нам кажется, что рисунки В. Капрельянца лишены всяческих излишеств, присущих той, прежней архитектуре, а по-современному просты, смешны и функциональны — побуждают к действию.

Какому? Ну, уж это вам решать. А в общем-то «подпольное» рисование на занятиях, как мы видим, приносит свои плоды.

Это, так сказать, плоды просвещения.

В. ГУРИНОВИЧ

НАША ХОЗЯЙКА
ПРЕДПОЧИТАЕТ
"ВИСКАС"!

А КОГДА ТЫ
ЦЕЛУЕШЬСЯ,
ТЕБЕ НОС НЕ
МЕШАЕТ?..

РИТУАЛЬНОЕ
СТРАХОВАНИЕ
ЗАКАЗЫВАЛИ?..

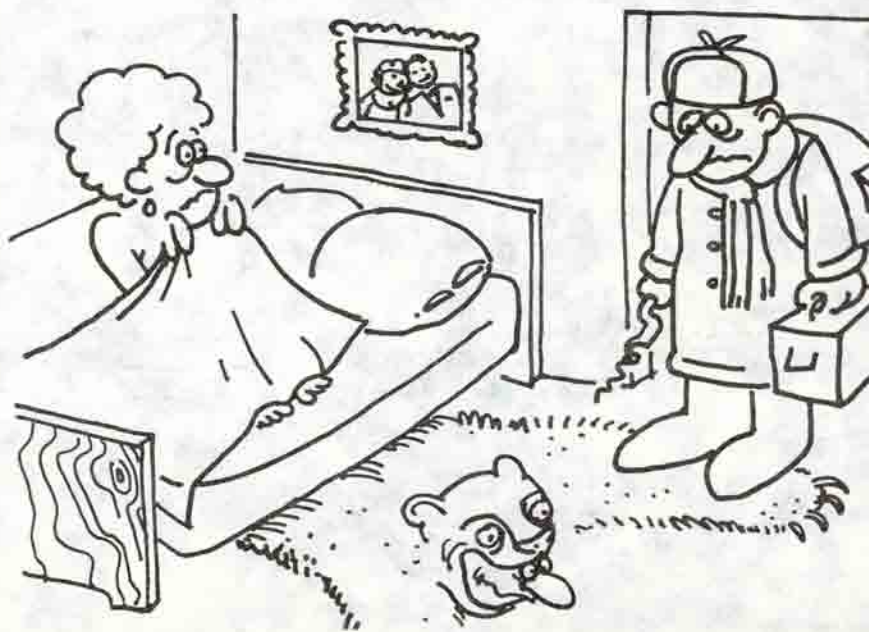
БРОКЕРА
ВЫЗЫВАЛИ?..

СЛЫШЬ, МУЖИК,
ОНИ ЖЕ МЕНЯ
ПОКУСАЮТ!..

БУДЕШЬ ГРЫЗТЬ НОГТИ,
СТОБОЙ БУДЕТ ТО ЖЕ
САМОЕ...

SEX SHOP

• ЛЕКЦИЯ
ЕСТЬ ЛИ
ЖИЗНЬ
НА МАРСЕ? "

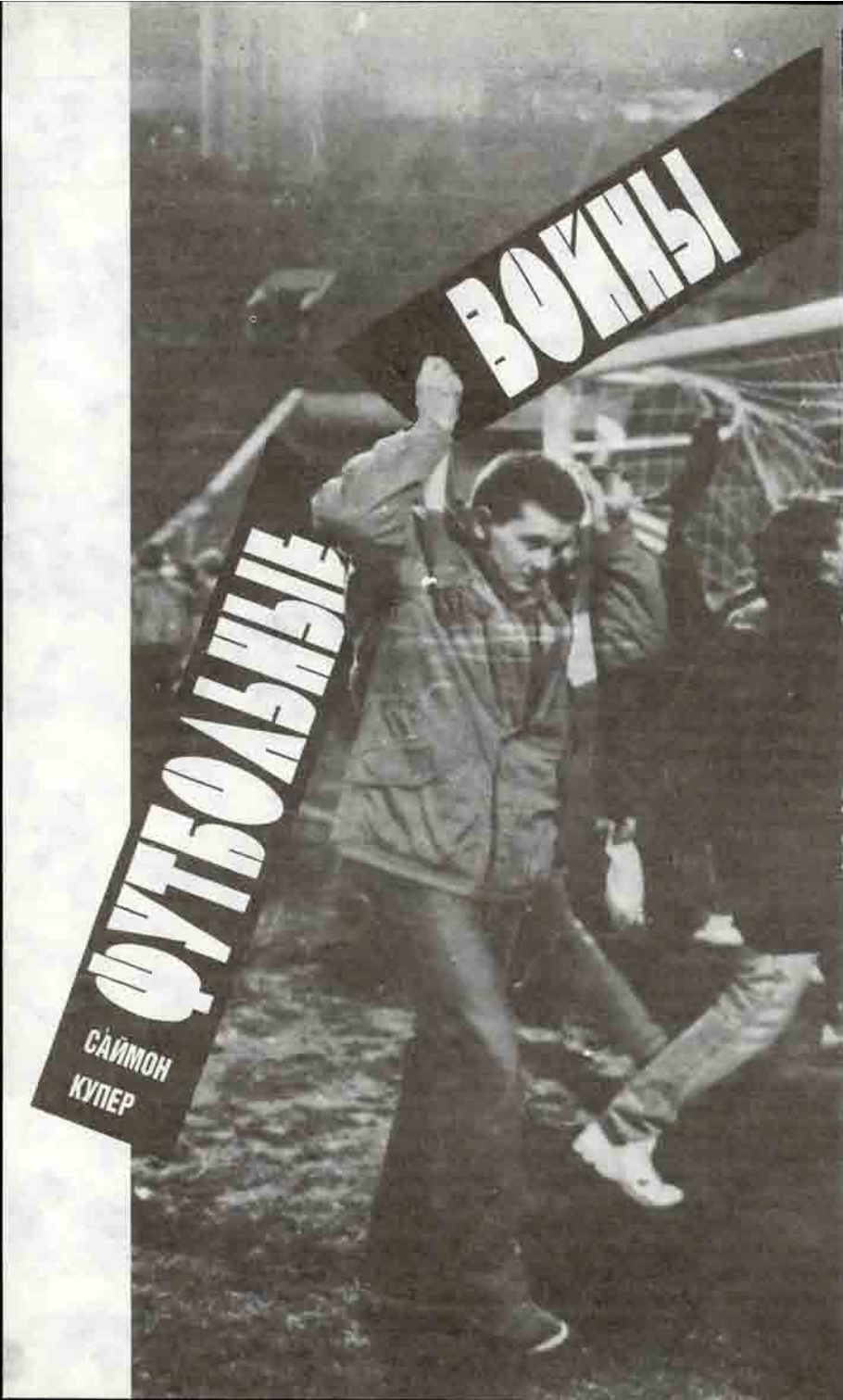

СКАЖИТЕ, А КОГДА
БУДЕТ ЖИЗНЬ
У НАС? ..

ВОИНЫ

ФУТБОЛЬНЫЕ

**САЙМОН
КУПЕР**

218

Книга Саймона Купера «Футбольные войны» в своем роде уникальна. Автор рассматривает, пожалуй, самую популярную игру в мире под углом политических, государственных и правительственных страстей, привязанностей и интриг. Футбол — это образ жизни, столкновение интересов в сфере крупного бизнеса и политики. Футбол определяет в той или иной мере взаимоотношения стран и государств. Мы публикуем сравнительно небольшой отрывок из этой книги. Острые коллизии, сюжетные повороты, «закулисные» околофутбольные игры — все это, как нам думается, придется по вкусу самому широкому читателю. Правда, некоторые эпизоды и суждения автора могут показаться наивными, а то и просто малоубедительными. Но не будем забывать — это «взгляд со стороны», причем человека, для которого наш футбол и сама Россия во многом «terra incognita». Неизведанная земля. Будем же благодарны автору, за то, что он пытался «изведать» эту землю честно и увлеченно. Итак, мяч в поле, «игра» началась...

ЗА ФУТБОЛОМ ВОКРУГ СВЕТА

Никто точно не знает, сколько на земле футбольных болельщиков. Перед чемпионатом мира

* Из книги С. Купера «Футбольные войны», которая выпускается издательством «Физкультура и спорт»

в США был издан буклет, в котором говорилось, что телевизионная аудитория Италии-90 составила 25 миллиардов человек (в пять раз больше населения Земли), а игры США-94 посмотрит 31 миллиард зрителей.

Эти цифры, возможно, не имеют никакого значения. Во время каждого чемпионата можно услышать много прогнозов и оценок, расходящихся друг с другом. Но вот в чем можно быть уверенным, так это в том, что, как написано в этом же буклете, «футбол — самый популярный вид спорта в мире». Говорят, в Неаполе, когда у человека появляются деньги, он сперва покупает себе что-нибудь поесть, потом идет на футбол и только после этого пытается найти какое-нибудь жилье. Бразильцы утверждают, что в их стране даже в самой глухой деревушке обязательно есть церковь и футбольное поле: «Ну церковь, может, и не всегда, но футбольное поле непременно».

Когда игра много значит для миллиардов, она перестает быть просто игрой. Футбол — не просто футбол, он помогает устраивать войны и революции, восхищает мафиози и диктаторов. Я начал писать эту книгу, смутно представляя, как все выглядит на самом деле. Я знал, что, когда в Глазго играют «Селтик» и «Рейнджерс», в Ольстере обстановка накаляется и что половина населения Голландии праздновала победу над немцами в 1988 году. Я читал, что бразильская сборная, выиграв чемпионат мира 1970 года, дала военному правительству возможность еще несколько лет продержаться у власти (это оказалось ерундой) и что война в Нигерии была прервана на один день, чтобы Пеле, гостивший в стране, мог принять участие в матче. Все мы слышали о футбольной войне меж-

ду Сальвадором и Гондурасом.

Таким образом, мой первый вопрос касался влияния футбола на жизнь страны. Второй — влияния жизни на футбол. Что, иными словами, заставляет Бразилию играть как Бразилия, Англию как Англия, а Голландию как Голландия? Мишель Платини как-то сказал в газете «Экип»: «Футбольная команда представляет стиль жизни, культуру». Так ли это?

Я начал работу над книгой, будучи чужим в профессиональном футболе. Я жил, играл в футбол и смотрел его в Голландии, Англии, Германии и США, писал о нем в различные журналы, но при этом никогда не сидел в ложе прессы и не разговаривал с профессиональными футболистами. Большие имена пугали меня. Интервьюируя Роже Миллу, например, я с трудом мог оторвать взгляд от блокнота с заранее приготовленными вопросами. Постепенно я перестал бояться звезд и сейчас, через десять месяцев после посещения «Мараканы», сидя в Лондоне, скучаю по футбольной жизни.

Я путешествовал девять месяцев, посетил 22 страны — от Украины до Камеруна, от Аргентины до Шотландии. Это было время полной дезориентации. Сейчас я на нескольких языках могу сказать: «Я английский журналист». (Хотя ни в литовском, ни в эстонском такого прогресса достичь не смог...)

Путешествовать по свету, скучать по английской зиме и смотреть футбол было временами неплохо, но я никогда не жил в роскоши. Мой ограниченный бюджет — 5000 фунтов на весь год — делал путешествие еще более сложным, чем оно должно было быть. Ну ладно: один раз было — в бывшем СССР, где человек с западными деньгами — миллионер

и в состоянии повсюду разъезжать на такси. Но, возвращаясь на Запад, я снова селился в студенческих общежитиях. Не то чтобы я возражал против этого, просто я беспокоился, как бы футбольные люди чего не подумали. Футбольные директора, тренеры и игроки богаты и уважают богатство других. Они всегда спрашивали меня, в каком отеле я остановился, и интересовались, не потому ли мой пиджак разорвался по шву, что мне так нравится. Йозеф Хованец из пражской «Спарты» попросил 300 фунтов за интервью. У них у всех дорогие прически — вот зачем им деньги, — и, общаясь с ними, я начинал чувствовать себя замухрышкой.

Но где бы я ни был, мне говорили: «Футбол и политика! Вы пришли как раз туда, куда нужно». Оказалось, футбол имеет куда большее значение, чем я предполагал. Я обнаружил один футбольный клуб, который экспортирует ядерные материалы и золото, и другой, имеющий собственный университет. Муссолини и Франко понимали важность футбола, равно как Джон Мейджор, Нельсон Мандела и президент Камеруна Поль Бийа. Много было написано про футбольных хулиганов. Но есть и другие болельщики, значительно более опасные...

«НЕ ПОЙМАН — НЕ ВОР»

В свой первый вечер в Москве я пошел в гости и вернулся домой на машине «Скорой помощи». Не то чтобы со мной было плохо, просто русские врачи зарабатывают примерно 12 долларов в месяц и лишняя пара долларов всегда с радостью принимается ими от человека, которому в два часа ночи пришлось в голову куда-нибудь поехать.

Мартин Борман. Мы с Владимиром Шинкаревым сидели в Академии наук, где он работает. Он читал мне статью из русского футбольного журнала. Это было интервью с Валерием Овчинниковым, тренером «Локомотива» (Нижний Новгород), который, не стесняясь, говорил своему интервьюеру о том, что часто дает взятки судьям. «Вы думаете, я единственный, кто это делает?» — спрашивал Овчинников. Шинкарев прочитал этот кусок глухим голосом и собирался перейти к следующему вопросу, когда я прервал его: «Из-за этого был скандал?» «Сегодня в России столько скандалов, — ответил Шинкарев, — что на каждый новый даже не стоит обращать внимания».

Я мог понять его. После того, как стало широко известно, что Сталин погубил миллионы своих соотечественников, что каждый пятилетний план на деле не был перевыполнен на сотни процентов, что западная гуманитарная помощь исчезает, а затем появляется на прилавках магазинов, россияне едва ли будут очень переживать по поводу того, что футбольный тренер дает взятки.

Незадолго до этого всем 18 тренерам высшей лиги задали вопрос: «Существуют ли у нас договорные матчи?», и все 18 ответили: «Да». Следующий вопрос: «А ваш клуб участвует в таких матчах?», и все 18 ответили: «Нет».

Коррупция — старый русский обычай, но только наиболее хорошо информированные болельщики знали, что это происходит и в футболе. Для остальных новость была неожиданной и выглядела как предательство. Шинкарев, антрополог, болеющий за «Спартак» (Москва), сказал мне, что был счастлив, узнав, что «Спартак» — один из тех редких клубов, которые не дают взятки судьям. «Каж-

дый болельщик хочет верить, что, когда его команда выигрывает, это происходит не из-за подкупа соперников». Но потом он сказал, что может ошибаться...

Он продолжил читать интервью. Последний вопрос касался прозвища Овчинникова. «В футбольных кругах вас зовут «Борман», — говорил журналист. — Не потому ли, что внешне похожи на него?» Овчинников считал, что нет: «Никто в нашей стране не знает, как выглядел Борман. Наше сходство в другом. Борман ведал финансами партии, и я не буду скрывать от вас, что ведаю финансами нашего клуба. Я честно веду себя и с игроками, и с руководством».

Кукушкин. Всеволод Кукушкин, представленный мне как «маленький толстячок», — пожилой русский журналист, который говорит на великолепном английском с американским акцентом. В отличие от Шинкарева маленький толстячок знает все изнутри, поэтому, когда я спросил его о признании «Бормана» насчет взяток, он лишь пожал плечами и рассказал мне, что в 70-е годы был судьей, прославившийся тем, что не брал взяток. Причина его неподкупности заключалась в том, что он был директором крупного предприятия, настолько богатым, что никто просто не мог заплатить ему сумму, которая бы его заинтересовала. А еще был клуб «Таврия» (Симферополь), который только что купил себе победу в чемпионате Украины. «Тренер там, — сказал Кукушкин, — не то чтобы тренер, просто хороший деляга».

Но все же, сказал я, в прессе наверняка никто до этого не признавался, что дает взятки? Как мог «Борман» остаться на своей должности? «Мы живем в очень необычной стране, — ответил Кукушкин чуть ли не с гордостью. —

Высокопоставленные чиновники предстают перед людьми жулика-ми и остаются на своих постах. Недавно всплыли три варианта контракта о продаже одного игрока «Торпедо» (Москва) в «Олимпиакос» (Пирей). Один — для греческой налоговой инспекции, другой — для самого игрока, а третий — настоящей, но никто так пока и не знает, где какой. Насколько я понимаю, в нормальной стране людей за это давно наказали бы, но здесь они по-прежнему работают на своих местах».

Кукушкин слишком долго прожил в России, чтобы беспокоиться по таким пустякам: «Часто бывает, — сказал он, — что судья берет деньги с обеих команд, а потом судит матч честно. Таким образом, команды платят просто за то, чтобы их не засуживали». Он использовал поучительный русский пример: «Я ведь плачу работникам ГАИ, но за это ничего не получаю. Я даю много взяток. А вы давали?»

В то время я не давал взятку ни разу в жизни, но не хотел признаваться в этом, чтобы не показаться желторотым. В любом случае Кукушкин бы мне не поверил. «В Англии...» — начал я. «Хорошо, может быть, вы не даете денег, — допустил он. — Но вы дарите галстук или заколку для него, говоря при этом: «Подарок на Рождество». Здесь судья тоже иногда получает «подарки».

«Судья в Англии...» — пытался я возразить, но Кукушкин оборвал меня: «Когда я был молодым, один старый журналист сказал мне: «Плохие судьи отменяют голы из-за офсайдов, но хороший судья знает, как остановить атаку, когда она только начинается». Вот единственная разница. А судьи? Судьи есть везде. Но есть и другой Судья — там, наверху». Он показал рукой на небо, и я закончил разговор на эту тему.

«Торпедо» (Москва) — «Уралмаш».

За шестнадцать дней до того, как «Торпедо» предстояло играть против «Манчестер Юнайтед» в Кубке УЕФА, я видел его в матче с «Уралмашем». На трибунах было всего тысячи две зрителей, а матч оказался самым ленивым выступлением 22 человек, какое я когда-либо видел. Он завершился вничью — 1:1. Я сказал Михаилу Пукшанскому из газеты «Спорт-экспресс», что у «Торпедо» нет никаких шансов против «Юнайтеда». Он считал иначе: «Игрокам важно хорошо сыграть против «Манчестера», потому что от этого зависит их будущее. Внутренний чемпионат их не интересует — они мечтают о контрактах на Западе». Через месяц «Торпедо» выбило «Юнайтед».

Больше всего меня поразило то, что во время матча болельщики смеялись над ошибками игроков, веселясь так, словно перед ними выступали клоуны-виртуозы. «Люди настроены очень скептически, — сказал мне Владимир Гескин, заместитель редактора «Спорт-экспресса». — Это часть русского менталитета. Это не связано ни с разочарованием в политических системах, ни с жизнью при диктатуре, ни с чем-либо еще. Просто мы любим смеяться. Для нас футбол — скорее театр. Нас нельзя сравнить с испанцами или итальянцами, мы — северный народ».

Но у этого хохота была и другая, более грустная причина. «Почему вы смеетесь над игроками?» — спросил я молодого человека, который назвался представителем клуба болельщиков «Торпедо». «Этот смех обоюдный, — ответил он. — Они тоже смеются над нами, потому что у них есть доллары и машины, а у нас нет». Игрокам

«Торпедо» платили по 500 долларов за победу...

Команда Ельцина. В следующее воскресенье было два матча, и один из них я пропустил, так как он нигде не рекламировался. В России иной раз невозможно узнать, где и когда играют матчи высшей лиги, поэтому вполне естественно, что лишь немногие знали об игре правительства России против правительства Москвы, и хотя команду правительства России тренировал Борис Ельцин, пришли только около тысячи зрителей. Матч закончился со счетом 1:1, и от решения определить победителя по пенальти отказались, поскольку игроки обеих команд едва могли стоять на ногах. Такой матч никогда не мог бы быть сыгран при Брежневле или Сталине. Это доказывало, что русское правительство становилось ближе к народу.

222

Советская катастрофа. Вместо этого матча я пошел на стадион имени Ленина, чтобы посмотреть, как ЦСКА (Москва) играет против «Спартак» (Москва).

Стадион имени Ленина стал местом ужаснейшей катастрофы в истории футбола. В октябре 1982 года «Спартак» играл против голландского «Хаарлема» на морозе, и все 10 000 зрителей были собраны в одном секторе трибуны. Осталось несколько секунд до конца матча, «Спартак» вел 1:0, болельщики шли к выходу, когда Швецов забил второй гол. Многие уже начали спускаться по обледенелым, неосвещенным ступеням, но, услышав радостные крики, ринулись назад, на трибуну. Остальные тем временем пошли на выход, так как матч закончился сразу после гола. Два потока столкнулись и не смогли разминуться, поскольку милиция отказалась открыть другие выходы. В результате началась дав-

ка, и люди стали падать с лестницы. Как теперь говорят, погибло 340 человек.

Долгое время ходили слухи о том, что случилось нечто ужасное, но власти годами хранили молчание. Тела жертв тайно уносили сразу же после катастрофы. Чтобы сохранить в секрете число погибших, родителей заставили под надзором милиции прощаться со своими детьми за 40 минут до начала похорон. После этого на стадионе Ленина долго не проводили матчей, объясняя это плохим состоянием поля.

И лишь в 1989 году «Советский спорт» смог описать эти события. Было также сообщено, что аналогичная катастрофа произошла в московском Дворце спорта «Сокольники» в 1976 году: после хоккейного матча сборных СССР и Канады люди погибли в давке из-за того, что был открыт лишь один выход.

...Итак, мы сидели на стадионе Ленина (перед входом стоит памятник Ленину) десять лет спустя, в середине лета: четыре англичанина и два русских. Стадион, как и все в Москве, огромен. Матч ЦСКА — «Спартак» — главное московское дерби, русский вариант матча «Арсенал» — «Тоттенхэм», но в отличие от «Арсенала» или «Тоттенхэма» ЦСКА — клуб российской армии. С другой стороны, «Спартак» — единственный московский клуб, не имеющий официального покровителя.

В тот день на трибунах было около 15 000 зрителей, и хотя стадион Ленина общий для «Спартак» и ЦСКА, почти все болели за «Спартак». Шинкарев сказал мне: «В молодости я спросил отца, почему он болеет за «Спартак», и он ответил: «Потому что «Спартак» не связан ни с какой частью советского общества». «Динамо» — клуб КГБ, объяснил ему отец,

ЦСКА — армии, «Торпедо» — за вода «Зил», «Локомотив» — железной дороги и только «Спартак» независим. Болея за «Спартак», каждый как бы тихонько говорил: «Нет». Поклонники «Спартака» любят называть его «народным клубом», хотя, как ни странно, Константин Черненко, предшественник Горбачева на посту Генерального секретаря, тоже болел за «Спартак».

«Кони! Кони!» — кричали болельщики «Спартака» болельщикам ЦСКА, следуя, видимо, логической цепочке, связывающей армию с кавалерией, а кавалерию — с лошадьми. Как раз перед нами сидели четверо «коней» — маленьких мальчиков, которые казались типичными болельщиками ЦСКА. Один из них сказал нам: «Мы болеем за ЦСКА, пока нам не исполнится 18, потому что уважаем офицеров армии. В 18 лет мы идем служить, узнаем правду и после этого больше никогда не будем болеть за ЦСКА». На шапках у ребят было написано «Красная армия», причем по-английски. Здесь уже срабатывает куда менее логическая ассоциация: болельщики «Манчестер Юнайтеда» некогда стали называть себя в честь русской армии, а теперь болельщики клуба русской армии заимствовали атрибутику у болельщиков «Юнайтеда».

Мы одолжили у них славу их Красной Армии, а они взамен взяли нашу...

На табло загорелся телефонный номер для тех болельщиков, которые хотели потратить свою зарплату за несколько лет и поехать в Люксембург на матч «Спартака» в первом круге Кубка кубков. Без сомнений, желающие найдутся.

На трибунах стадиона Ленина мне единственный раз за все время пребывания в России удалось

увидать преданную какой-то идее группу людей. Звучали бесконечные спартаковские песни, и каждый раз мы обращались к нашим русским компаньонам за переводом. Василий пояснил: «Сейчас они поют: «В мире нет еще пока команды лучше «Спартака!» «Очень интересно. А сейчас?» «Спартак» — чемпион!»

Был прекрасный, солнечный августовский день (в России это уже осень), и я подумал, каким замечательным событием для туриста является посещение российского футбольного матча: это была настоящая жизненная ситуация, поскольку игра не была специально организована для нас, и всем было абсолютно все равно, сидим мы на трибуне или нет. Обстановка и поведение болельщиков были так знакомы, что можно было сравнивать Англию с Россией.

Матч проходил весьма мирно и закончился вничью — 1:1, так что опять было довольно трудно сомневаться в честности судьи, хотя традиционный русский лозунг «Судья — педераст» все-таки несколько раз прозвучал. Ни одна команда не показала ничего особенного, и я был поражен два месяца спустя, когда «Спартак» обыграл «Ливерпуль» в Кубке кубков, а ЦСКА — «Барселону» в Кубке чемпионов. Эти русские знали, как становиться богатыми. «Я могу понять, почему нынешнее поколение думает в основном о деньгах, — сказал Анатолий Бышовец, тренер сборной СНГ 1992 года. — Если бы я сейчас играл, то поступал бы точно так же». В действительности даже русские судьи за границей делают свое дело лучше, чем дома: за границей никто не дает им взяток.

Объединенные и свободные.
15 000 зрителей на матче ЦСКА — «Спартак» — самая большая тол-

па, которую мне удалось увидеть в России, но при этом она была до обидного мала. Пару лет назад «Спартак» собирал в среднем по 25 000, а на такое дерби приходило еще больше зрителей.

Все большие команды потеряли болельщиков и не только в бывшем СССР, но и по всей Восточной Европе. В 1991 году клубом, имевшим наибольшую поддержку, был некий «Новбахор» из Узбекистана. Он не играл в высшей лиге чемпионата Союза, но на его матчи приходило в среднем 35 000 зрителей. Узбеки по-прежнему любят свой футбол вплоть до того, что иногда даже стреляют в приезжающих футболистов.

Есть много причин, почему посещаемость упала: сообщения о подкупках разочаровали болельщиков; сотни футболистов уехали на Запад; в каждой республике теперь свой чемпионат, и москвичам недостает таких соперников, как «Динамо» (Киев) или «Жальгирис» (Вильнюс); у людей стало меньше денег. Но существуют и другие причины.

В один прекрасный день, пытаясь найти ответ на этот вопрос, я прогуливался с Левоном Абрамяном по парку Горького. Левон — армянин, живущий полнокровной жизнью. Он работает антропологом, рисует известные политические и эротические карикатуры, любит футбол, а однажды отклонил предложение войти в армянский кабинет министров.

Левон рассказал мне, почему народ перестал ходить на футбольные матчи. В коммунистической стране, сказал он, футбольный клуб, за который мы болели, представлял то общество, к которому вы решили примкнуть. Режим не заставлял вас болеть за тот или иной клуб, и вы могли выбирать. Это мог быть ваш единственный шанс выбрать себе общество,

и, кроме того, в этом обществе вы могли проявить себя так, как хотели. «Быть болельщиком, — заключил Левон, — означало быть объединенным с другими и свободным».

В 80-е годы Левон верил, что если когда-нибудь произойдет революция против коммунизма, то начнут ее футбольные болельщики. Он сказал: «Я думал, это произойдет в Москве, так как здесь есть несколько клубов, каждый из которых представляет определенный социальный класс». По его теории только объединенный социальный класс мог совершить революцию, и эта идея руководила болельщиками в других республиках. Например, «Жальгирис» (Вильнюс) в Литве или «Арагат» (Ереван) в Армении объединили целую нацию, а не только целый класс. В Москве футбол был более фрагментарен. «Большинство болельщиков ЦСКА — военные, так что это социальная группа. Большинство болельщиков «Спартака» принадлежали к низкому социальному классу, были склонны к насилию и ненавидели интеллигенцию — они тоже представляли собой социальную группу».

Теория Левона была ошибочна, но лишь отчасти. Футбольные болельщики действительно совершили революцию, но не в Москве. «Получилось так, что команды в республиках стали ядром национальных революций против советской власти». И он рассказал мне, как это произошло в Армении...

Армения некогда принадлежала Советскому Союзу. Сейчас она обрела независимость, лежит между Турцией и Ираном и воюет со своим соседом Азербайджаном. Главный футбольный клуб в Армении — «Арагат» (Ереван). Как и многие другие республики, Армения имела в высшей лиге только одну команду, и эта команда как

бы становилась национальной командой республики. Точно так же было с «Динамо» (Тбилиси) в Грузии или «Нефтчи» (Баку) в Азербайджане. «Когда мы играли с Грузией...» — говорил Левон, и яправлял его: «Вы имеете в виду «Динамо» (Тбилиси)». «Да,— соглашался он,— но для нас это выглядело иначе».

Армения (или «Арагат») выиграла чемпионат СССР лишь однажды, в 1973 году, и в том же сезоне завоевала Кубок. Армянский футбол обычно производил на свет техничных, но нестабильных дриблеров, но в тот год все было хорошо. Победный гол в финале Кубка был забит на последней минуте, так что «дубль» достался довольно драматично. «Это был настоящий праздник,— вспоминал Левон.— Народный праздник, который был разрешен благодаря тому, что наши коммунистические лидеры тоже ликовали. Машины всю ночь разъезжали по Еревану, не переставая сигналить, но никто не жаловался. Мой сосед, поэт, по просьбе отца вышел на балкон и начал играть на аккордеоне. Среди песен, которые он играл, была одна запрещенная — про Карс, город в Турции, некогда принадлежавший Армении: «О Карс, когда ж ты вновь вернешься в Армению?» Он играл без слов, но все и так знали их. Это была обычная армянская семья, не какие-нибудь националисты. Но когда человек чувствует огромный прилив радости, общей с остальными, в нем просыпаются националистические чувства».

В советское время, когда «Арагат» выигрывал, болельщики шли по городу, скандируя. Самым распространенным кличем был «Арагат!», имевший двойное значение. Во-первых, это название команды, а во-вторых, название горы в Турции, раньше принадлежавшей Ар-

мении. Но демонстранты, сказал Левон, вовсе не требовали независимости Армении или войны с Турцией. Они просто хотели сказать, что Армения — самая лучшая...

Затем, при Горбачеве, республики почуяли вкус независимости. Когда в южную республику приезжала российская команда, местные власти предупреждали гостей, что если они победят, может начаться бунт. «Уехать оттуда в добром здравии, пусть и с разбитыми очками, считается неплохим», — написал один белорусский тренер.

В то время зародилось армянское националистическое движение, заимствовавшее гимны и лозунги у болельщиков «Арагата». Самым популярным был клич «Айер!» («Армяне!»), сопровождавшийся тремя хлопками, — он был скопирован со знаменитого клича амстердамских болельщиков: «Аякс!» и три хлопка. Подобные скандирования были приняты зрителями как антисоветские. «Помню,— говорил Левон,— как моя сестра и ее друг, никогда не ходившие на стадион, говорили: «В этом крике есть что-то романтическое и ностальгическое», — а я думал: «Да нет же! Это всего лишь футбольный клич».

В Армении женщины не ходят на стадион, поэтому трибуны становились местом мужских ритуалов. «Там можно вести себя довольно раскованно», — сказал Левон. Например, только на стадионе можно ругаться, и это будет считаться в порядке вещей. Более того, придумывание изощренных ругательств считается искусством. Зрители радовались, приветствуя хорошие ругательства. «Но существовал спор, — говорил Левон, — между теми, кто хотел изобретать новые ругательства, и теми, кто предпочитал традиционные».

Потом построили большой ста-

дион, и ругань поутихла. Болельщики были разбросаны по трибунам и не могли слышать изошренных друг друга, а ведь, как сказал Левон, «людям надо не просто кричать, они хотят, чтобы их слышали...»

На стадионе можно чувствовать себя свободным, ругаться, кричать, быть самим собой. Нормальным психологическим состоянием советского человека было чувство разочарования. «Теперь,— сказал Левон,— болельщики «Спартак» могут где угодно чувствовать себя свободными: в церкви, на политическом митинге, на рок-концерте. Ну ладно, на политические собрания они не ходят, зато знают, что **могут**. А если ты знаешь, что тебе что-то дозволено, то делать это нет никакой необходимости». И посещаемость футбольных матчей резко упала.

«Динамо» (Москва) — «Асмарал».

Когда я впервые посетил «Динамо», игроки тренировались, а стоянка перед стадионом была забита их «мерседесами», «ауди», «вольво» и «фордами». Почти все машины не имели номеров и, судя по всему, еще не были зарегистрированы. Стадион был огромный, серый, открытый, с беговой дорожкой. В дни матчей на трибунах собирались две-три тысячи зрителей.

Я встретился с президентом клуба, угрюмым Николаем Толстых, который сказал мне, что хочет создать на стадионе «английскую атмосферу». Он посещал английские клубы — упомянул «Арсенал», «Ливерпуль», «Манчестер Юнайтед» и «Манчестер Сити» — и сейчас, сказал он, на стадионе открываются кафе, а в будущем клуб планирует убрать беговые дорожки и построить крышу. «В настоящее время мы также красим стадион», — заключил президент

клуба. Это объяснило мне происхождение коричневых пятен, которые я видел на серых стенах стадиона: «Динамо» красило свой стадион в коричневый цвет! Когда я рассказал об этом своей знакомой, она заметила, что это могла быть грунтовка, поскольку грунтовка всегда коричневая. Но ее слова не убедили меня. Коричневый — это как раз тот цвет, который бы выбрал Толстых.

«Асмарал» — маленький клуб, ранее называвшийся «Красной Пресней», а пару лет назад купленный иракским бизнесменом.

Хуссам Аль-Халиди переименовал клуб в «Асмарал» в честь одной из своих компаний и вложил большие деньги. В день матча я позвонил в офис Аль-Халиди и сказал его секретарше, что я английский журналист и хочу взять интервью у ее босса. «Английский журналист? Как скоро вы сможете приехать?» — был ответ. Мы договорились встретиться на матче.

Народу, разумеется, было совсем не много, но на входе все равно возникли проблемы. Посредством встреч с тысячами бюрократов я сумел получить официальный пропуск на футбол для прессы, но со мной был товарищ из «Москоу таймс», у которого был другой пропуск. Пожилой человек у входа в ложу прессы остановил нас. «Ваш пропуск в порядке, — сказал он мне, — а ваш, — повернулся он к моему компаньону, — недействителен». Потом он воздел руки к небу и радостно возопил: «Но это НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ!» Старый анархист пропустил нас.

Игра началась медленно, как и матч «Торпедо». Каждый две минуты кто-нибудь падал на траву, и его начинали активно лечить. Игроки падали не для того, чтобы заработать штрафной удар, а просто от лени и отсутствия энтузиаз-

ма: в их крови абсолютно не было адреналина, поэтому каждое столкновение приносило боль. Однажды, всего через десять минут после начала игры, три полузащитника «Динамо» потеряли мяч и **пешком** пошли на свою половину поля, в сорока ярдах позади развивающейся контратаки «Асмара-ла». Они просто никак не могли заставить себя интересоваться тем, что происходило на поле.

Постепенно, однако, игра изменилась. «Динамо» забило пару голов, и игроки стали более заинтересованными. Они бегали на свободное пространство, преследовали соперников, делали все, чего сначала, кажется, вовсе не собирались.

Это подтвердило, что футбол — настолько хорошая игра, что даже российские профессионалы иногда могут получать от нее удовольствие. «Динамо» разгромило «Асмарал» — 6:1. В начале второго тайма я пошел в директорскую ложу, чтобы найти Аль-Халиди, но он уже уехал домой.

Президент футбола. Российский футбол выглядит весьма хаотично. Человек, возглавляющий его, — Вячеслав Колосков — нет.

Раньше Колосков был президентом Федерации футбола СССР, а теперь президент Российского футбольного союза. Ухоженный, в отлично сидящем костюме, он скорее похож на немецкого бизнесмена, нежели на русского.

Поговаривали, что именно Колосков ответствен за одну из самых больших странностей американского чемпионата мира: европейская страна размером с Францию, имеющая сравнительно богатую футбольную историю, правда, в прошлом, не была допущена к отборочному турниру. Эта страна — Украина, а великие сборные команды СССР 70–80-х годов по-

чти полностью состояли из украинцев. Теперь Украина затаила злобу на ФИФА, на Россию и, в частности, на Колоскова.

Незадолго до распада на 15 государств Советский Союз был включен в отборочный турнир чемпионата мира. Когда Союз развалился, ФИФА решила, что его место должна занять лишь одна республика, и выбрала Россию. Я спросил Колоскова, не обиделась ли Украина. «Грузия тоже обижается», — пожал он плечами и извлек папку с документами, в которых объяснялись причины решения ФИФА. Украина предпочитает собственное объяснение. Как сказал мне один работник «Динамо» (Киев): «Россия попала на чемпионат мира потому, что Колосков пьет водку с людьми из ФИФА».

Согласен ли Колосков с тем, что советский футбол сильно пострадал в последние годы? «Конечно, был нанесен ущерб, огромный ущерб во всех республиках». Проблема, как он ее видел, заключалась в кончине всесоюзной лиги. «Киевское «Динамо» на Украине, тбилисское в Грузии, «Арарат» в Армении, минское «Динамо» в Белоруссии — все они были хорошими командами, но, что самое главное, они представляли различные футбольные культуры и обогатились, играя друг с другом». Армяне и грузины славились своей техникой, украинцы — тактической дисциплиной и так далее.

Теперь у каждой республики своя лига, и уровень каждой из них очень низок.

Я спросил его насчет признания Овчинникова-Бормана в том, что он давал взятки. «Это была шутка», — сказал Колосков. — Две недели назад Овчинников стоял на этом самом ковре и клялся, что пошутил». Колосков поверил ему?

«Есть старая русская поговорка: «Не пойман — не вор». Кроме того, — добавил он, — на каждом матче у нас есть инспектор. Если судья плохо делает свое дело, его отстраняют. В этом году мы дисквалифицировали пятерых судей за плохую работу. Возможно, кто-то из них умышленно совершал ошибки».

У меня оставался последний вопрос. Сотни российских футболистов уже играют за рубежом. Есть ли у Колоскова план, который помог бы предотвратить дальнейший исход? «Да, у нас есть план». Какой? «Наш план, — улыбнулся он, — заключается в том, чтобы поднять уровень жизни в России до уровня жизни в Германии. По меньшей мере!»

«Или в Англии», — вежливо добавил переводчик. «Англия больше не столь богата», — признался я. «Доктор Колосков тоже так говорит», — ответил переводчик. Колосков был практичным человеком.

ВЛАСТИТЕЛИ УКРАИНЫ

В Киев мы прибыли в понедельник утром. Меня уже ждала квартира. (Женщина, у которой я снимал квартиру в Москве, была дочерью офицера Красной Армии, участвовавшего в войне с Германией. Вместе с ним воевал один украинец, чья дочь теперь живет в Киеве. У нее была свободная квартира или квартира, которую можно было легко освободить. Так с помощью связей Красной Армии я нашел жилье...)

По дороге я безнадежно заблудился, так как все улицы в Киеве выглядят одинаково. Город был разрушен во время войны и восстановлен в 50-е годы, которые были не лучшим временем для советской архитектуры.

В Киеве серые дома, широкие улицы и большие памятники. Все вокруг немыслимых размеров. Однажды вечером я решил поужинать в ресторане, который находился дальше по моей улице, и сел в автобус. Он ехал по прямой десять миль, пока не доехал до леса. К тому времени уже стало темно и пошел дождь. Ресторан должен был находиться где-то впереди, но безопасно ли в лесу по вечерам? И я поехал на автобусе назад... Я остался жив потому, что, как это ни странно, киевские уличные торговцы продают новозеландские киви, а киевское «Динамо» держит буфет. Однажды, борясь с его советской кухней, я увидел, как секретарша президента клуба несет электрический чайник. Западному человеку это мало о чем скажет, но в Киеве чайник был тем, что отделяет Их от Нас.

Украину населяют 50 миллионов человек, и живут они хуже, чем в России. Население Киева — четыре миллиона, но в городе нет ни одного «Макдональдса» и всего один футбольный клуб.

Валерий Лобановский, великий послевоенный советский тренер, превратил киевское «Динамо» в один из лучших клубов Европы и привел его к победам в Кубке кубков в 1975 и 1986 годах. «Лобан», как его никогда не решались называть игроки, любил дисциплину.

Когда пришла перестройка, игроки «Динамо» отправились на Запад и провалились: Александр Заваров в «Ювентусе», Игорь Беланов в «Боруссии», Алексей Михайличенко в «Сампдории», он же и Олег Кузнецов в «Глазго Рейнджерс». У них ничего не получалось без «Лобана».

Каждый, кто видел «Динамо» середины восьмидесятых, начинал говорить о роботах. Игроки постоянно двигались без мяча и при

этом находили друг друга не глядя и к тому же казались сильнее и быстрее остальных. Говорили, что «Динамо» использовало научные методы, и это была правда.

В свой первый день в Киеве я с утра поменял деньги у четырнадцатилетнего сына своей хозяйки, опытного торговца, и отправился в центр города. Примерно в пяти минутах от стадиона «Динамо», в подвале старинного дома, я нашел профессора Анатолия Зеленцова.

Лобановский в душе был ученым. В конце 60-х, когда он тренировал «Днепр» (Днепропетровск), а Зеленцов был деканом в Днепропетровском институте физической культуры, они стали соратниками. «Нашей целью стало изобретение футбольной науки», — сказал мне профессор, крепкий, жизнерадостный человек в большом свитере. В своем подвале он с двумя ассистентами думал о том, как улучшить игру «Динамо».

В то утро мы поговорили недолго. Он вкратце рассказал о футбольной науке и подчеркнул, что она имеет большое практическое значение. Когда Лобановский говорит что-нибудь типа: «Команда, которая совершает ошибки не более, чем в 15—18 процентах своих действий, непобедима», он не гадает на кофейной гуще: команда Зеленцова тщательно работала над такой статистикой. Зеленцов исходил из того, что, поскольку в современном футболе у игрока часто не бывает даже нескольких долей секунд на обдумывание своих действий, он должен знать, куда отдать мяч еще до того, как получит его. Поэтому игроки «Динамо» должны были запоминать стандартные построения, как в американском футболе, и двигаться без мяча по определенным схемам. Что же до того, что игроки выглядели суперменами, то Зеленцов

сделал вывод: когда игрок тренирует выносливость, он теряет скорость, и наоборот. Чтобы добиться и того, и другого, тренер должен чередовать упражнения в определенной последовательности, и Зеленцов разработал тренировочную модель. Он сказал мне, что такую модель использовала Италия, чтобы выиграть чемпионат мира 1982 года.

Затем он отвел меня в комнату, в которой его ассистент просматривал последний матч «Динамо» на экране, разделенном на девять секторов. Здесь, сказал Зеленцов, компьютерная программа автоматически анализирует каждую игру «Динамо». Экран разделен на сектора для того, чтобы определить, как часто игрок бывает в той или иной части поля, кто должен заменить его, если он покинул зону, и сколько работы проделал он с мячом и без мяча. Также можно было увидеть, какие футболисты лучше сыгрываются друг с другом. В сборной ФРГ восьмидесятых, например, Манни Кальтц и Ханс-Петер Бригелль недолюбливали друг друга, но очень хорошо взаимодействовали на поле. Это была очень плодотворная программа: Зеленцов вручил мне компьютерную распечатку, в которой для каждого игрока «Динамо», участвовавшего в матче, были определены: «интенсивность», «активность», «процент ошибок», «эффективность» («абсолютная» и «относительная») и «реализация». В конце каждому была выставлена оценка, вычисленная с точностью до тысячных долей очка.

Наука, изрек Зеленцов, сделала «Динамо» самым удачливым клубом СССР. Он был так хорош, что его часто маскировали под сборную, и на Олимпиаде 1976 года «Динамо» (он имел в виду сборную СССР) взяло «бронзу». Но это была катастрофа — медаль долж-

на была быть золотой, — и Зеленцов начал что-то ворчать про судью.

Он хотел показать мне что-то особенное, но мне надо было идти в клуб. Мы договорились, что я приду к нему в четверг, на следующий день после того, как «Динамо» сыграет с «Рапидом» (Вена) в Кубке УЕФА.

На стадионе «Динамо» бритоголовые парни в спортивных костюмах провели меня в офис клуба. «Динамо» культивирует несколько видов спорта, и эти люди явно играли не в пинг-понг.

Внутри, в кабинете с видом на поле, я встретил аккуратного долговязого молодого человека по имени Роман Обченко, возглавлявшего отдел международных связей «Динамо». Как и многие другие, я полагал, что «Динамо» было спортивным клубом. Роману предстояло рассказать мне, как я ошибался.

Клуб, сказал он, был самым богатым в бывшем СССР: «Это аксиома, которую не надо доказывать». Каждый игрок зарабатывал около 1125 долларов в месяц, почти вся сумма выплачивалась в долларах, и 14 членов команды ездили на «мерседесах». Виктор Безверхий, президент «Динамо», ездил на двух. (Для сравнения: президент Украины зарабатывает около сорока долларов в месяц, выплачиваемых в украинских купонах...)

Роман великолепно говорил по-английски, и я сказал: «Вы очень хорошо говорите по-английски». Он кивнул: «Я закончил Оксфорд». Я тоже закончил Оксфорд, и мы стали друзьями. Мы обсудили Англию — ему она не нравилась, а потом я сказал: «Журналисты в Москве говорили мне, что «Динамо» связано с мафией». Видимо, это был пароль:

Роман предложил продолжить разговор за выпивкой. Было приятно обнаружить, что однокашников здесь принимают так же, как и у нас.

Нас отвезли в отель «Интурист» в «мерседесе» с динамовским шофером, и Роман попросил меня дать тому на чай. Я дал два доллара (что, как я полагал, было для него целым состоянием) и заплатил за пиво немецкими марками. Мы с Романом устроились в коричневых креслах в окружении немецких бизнесменов.

Роман оказался лучшим источником информации, который у меня был за весь год, мечтой ленивого журналиста. Я часто задумывался, что заставило его разговаривать со мной. Наверное, он просто сгорал от нетерпения рассказать кому-нибудь о том, что увидел в клубе. Ибо Роман стал отчасти западным человеком, и то, что происходило на Украине, могло удивлять его. Помимо Оксфорда, он еще жил в Канаде, где его отец был советским дипломатом. Кроме того, он хотел, чтобы моя книга получилась хорошей. Он сам писал роман о жизни после коммунизма, хотя вообще хотел стать политиком. «Дорога наверх должна быть короткой для таких, как вы», — предположил я, и он ответил: «Правильно!»

Потом Роман начал говорить: «Мафия в этой части света очень стара. В бывшем СССР была не одна большая мафия, а несколько тысяч маленьких. Когда за все отвечала партия, мафия делала деньги, производя законные вещи незаконным способом. Например, одесская мафия покупала в Турции ткань и шила из нее джинсы на государственных предприятиях, а работникам этих предприятий платила за сверхурочные».

«Ранние мафиози часто были спортсменами, — продолжал он. —

Это потому, что первая стадия деятельности мафии — рэкет, отбирание денег у частного бизнеса, а для этого нужны сильные люди, то есть спортсмены».

Я подумал о бритоголовых людях на стадионе.

Затем он перешел к рассказу о «Динамо». В советские дни клуб контролировало министерство внутренних дел, но Лобановский, который имел все основания называться не только тренером, но и президентом клуба, сумел высвободить «Динамо» из-под контроля министерства. Он хотел, чтобы «Динамо» стало профессиональным клубом, получающим деньги от спонсоров, как клубы, которые он видел на Западе.

В 1989 году «Динамо» стало первым профессиональным клубом в СССР. Вскоре после этого Лобановский отправился работать тренером в Саудовскую Аравию, и у «Динамо» появился новый президент.

Виктор Безверхий пришел с друзьями, которые заняли места в правлении. «Они решили сделать клуб богатым, что было хорошей идеей, — сказал Роман. — В коммунистическом обществе это можно сделать законным путем, соблюдая формальности, что займет много времени и будет стоить много денег. Они решили пойти другим путем».

(Роман действительно говорил именно так. Он точно знал, что хотел сказать, и просто говорил это. То была лекция, которую он долгое время готовил.)

Первый шаг «Динамо» был законным: оно организовало совместные предприятия, в которые вносило часть капитала, а другая часть принадлежала западной фирме. Доход налогом не облагался, поскольку теоретически «Динамо» было спортивным клубом. Денег пришло много. Главное совме-

стное предприятие — «Динамо — Атлантик» — приносило доход от полутора до двух с половиной миллионов долларов в месяц, и это в стране с одной из самых ужасных экономических ситуаций в Европе. «Стало очевидно, — сказал Роман, — что клуб мог быть богатым, даже не играя в футбол».

Потом коммунизм пал. «В футбольном мире всегда знали «Динамо», а теперь его знают и западные бизнесмены. Между ними ходят слухи о том, что, если ты имеешь дела на Украине, клуб может помочь, поскольку у него есть связи. Возьмите Згурского, бывшего мэра Киева: сейчас он возглавляет комиссию, которая оценивает недвижимость в аренду предприятиям. Эта недвижимость пользуется большим спросом. Згурский ездит с «Динамо» во все зарубежные поездки. А если кто-то поинтересуется, всегда можно сказать, что он болельщик, который сидит на трибуне и кричит: «Динамо», даешь гол!»

Венский «Рапид» играл в Киеве в ту среду, а через две недели предстояла ответная игра. Роман достал дорогой американский переносной компьютер — я тут же пожалел, что заплатил за пиво, — и вызвал на экране список гостей, сопровождавших «Динамо» в Вену. Похоже, самолет должен был быть забит, а список Романа, состоявший примерно из 90 фамилий, мог послужить украинским справочником «Кто есть кто».

«Подождите минутку, — сказал Роман, — я найду имя человека, который возглавляет мафию в Киеве». Он поискал, но сказал, что не смог найти, и это, возможно, было единственным свидетельством того, что Роман хоть чего-то боялся.

«Они все были в партии?» — спросил я. «Вы можете судить об этом по их возрасту, — ответил он.

В списке рядом с каждым именем стояла дата рождения.— Разве может так быть, чтобы все болельщики родились до 1940 года? Нет, но все нужные люди в Киеве — да».

В списке было несколько молодых женщин. «Девочки, обслуживающие боссов», — пояснил Роман.

Зимой 1990 года, когда считалось, что СССР голодает, я прочел статью одного немца, работавшего в «гуманитарной помощи», который пригнал в Киев грузовик с продуктами. Когда он приехал в город, для него и его друзей местные власти устроили банкет. В конце банкета власти откинулись в креслах и сказали: «Отличная работа. Теперь давайте нам продукты, и мы распределим их между бедными». Немцы поблагодарили их за это предложение и отклонили его.

Динамовская мафия прекрасно делала свои дела, говорил Роман, и платила как можно меньше налогов. «Помните шофера, который привез нас сюда? Его основная работа — возить деньги из Одессы в Киев, а потом из Киева в Берлин. Обычно он привозит в Киев 600000 долларов, а в Берлин — два миллиона, все наличными. Его охраняет мафия. Если деньги у вас в банке, то при переводе за границу вы платите процент. Но перевозя наличность, вы экономите. Наш премьер-министр недавно сказал по телевидению: «У правительства есть только 20 миллионов долларов на все программы. Мы знаем, что у многих организаций денег в десять раз больше, но они держат их за границей».

«В принципе вы можете платить игрокам куда больше, чем они получают сейчас, — сказал я. — По зарплате вы можете конкурировать с лучшими клубами бундеслиги или Британии. Вы даже могли бы купить лучших британских игро-

ков». «Это правда, — ответил Роман, — но если бы мы платили по 30000 долларов в месяц, правительство и народ возмутились бы. Это было бы нетактично. К тому же те, кто руководит клубом, считают, что вложение в команду рискованно: инвестиции в производство надежнее».

Команда была источником дохода: «Динамо» до дешевке покупало игроков в бывшем СССР, а затем с прибылью продавало их на Запад. Чтобы помочь мне в работе над статьей, которую я писал для «Уорлд соккера», Роман дал мне список игроков «Динамо» с указанием возраста, роста, веса и срока действия контракта. Этот каталог для иностранных покупателей был составлен на английском языке. Недавно я прочитал, что киевское «Динамо», возможно, близко к банкротству. Может быть, директора решили, что настало время выбросить команду на помойку?.. Но именно футбол дал «Динамо» тот начальный капитал, с помощью которого оно подкупало чиновников, приобретало защиту и вкладывало деньги в совместные предприятия. Благодаря регулярным выступлениям в международных турнирах руководители клуба узнали директоров и спонсоров зарубежных клубов, западных рекламодателей и телевизионных начальников; короче говоря, западных бизнесменов. Они также узнали и местных политических лидеров, которые болтались поблизости, так как любили футбол. Наверное, ни одна другая украинская компания не занимала такого удачного места в обществе...

В среду, за несколько часов до матча с «Рапидом», я в последний раз поговорил с Романом на поле республиканского стадиона. Динамовские спортсмены бежали по кругу, а Роман под руководством австрийских яппи расклеивал ре-

кламу на щиты. Большею частью это была реклама динамовских совместных предприятий, и тут он вдруг сказал: «Все наши совместные предприятия ненастоящие. Весь капитал принадлежит зарубежным фирмам, «Динамо» только дает свое название, потому что совместные предприятия платят меньше налогов, и имя «Динамо» помогает на украинском рынке. Иностранцы платят «Динамо» примерно половину того, что экономят на налогах».

...Лил дождь. У республиканского стадиона нет крыши, что было бы прекрасно, будь мы в Африке, и несколько тысяч зрителей забились на самый верх трибуны, где нависающий край первого яруса создавал нечто похожее на козырек.

В ложе прессы австрийский журналист с отвращением смотрел вокруг. Телефонистка только что соединила его с венской полицией вместо редакции. «Ничто не изменилось», — объявил он, желая сказать, что падение коммунизма не сделало жизнь легче. «Ничто», — согласился другой коллега, а тот, кого неправильно соединили, продолжил: «Телефоны все такие же плохие, пахнет все так же неприятно, и это сооружение все так же разваливается». Этот разговор, наверное, поразил бы тех, кто руководит «Динамо».

Многое изменилось. Главное, они теперь зарабатывали в несколько раз больше, чем австрийские журналисты.

И все же правдой было то, что не относящиеся к бизнесу структуры «Динамо» по-прежнему вязли в коммунистическом болоте. Например, футбольная команда: в ней не было ни нового Блохина, ни нового Беланова. Но знаменитая бегодня без мяча по-прежнему

использовалась на полную катушку, и временами «Рapid» выглядел командой ветеранов. «Динамо» победило — 1:0 за счет гола Павла Яковенко, одного из двух игроков, оставшихся со времен Лобановского. После финального свистка насквозь промокшие зрители стремглав ринулись со стадиона...

На следующее утро профессор Зеленцов прислал за мной на стадион «Динамо» «Ладу» с шофером. Он искал встречи, поскольку теперь, когда коммунизм пал, надеялся продать свои идеи на Запад.

Он выражался так: «Я хотел бы передать свои методы, но только достойным покупателям». Надеюсь, что смогу отплатить ему за его помощь. Любой тренер, который читает эти строки, может писать профессору Зеленцову: клуб «Динамо», Киев, Украина. Полный адрес не нужен — «Динамо» там прекрасно знают.

«Футбол зависит, — начал Зеленцов, — от имеющихся в твоём распоряжении игроков: есть идея, и есть ее исполнители». И он разработал научный путь определения лучших игроков.

Професор показал мне своего ассистента, который, казалось, играл в компьютерную игру. «Существует много методов определения возможностей игрока, — сказал Зеленцов. — Можно исследовать его кровь, смотреть, как он бежит, как прыгает. Я предпочитаю действовать бесконтактными методами: во-первых, чтобы избежать СПИДа, а во-вторых, чтобы не переутомлять футболиста. Из многочисленных тестов я предпочитаю компьютерные. Да и игрокам тоже интересно работать на компьютере». Он избрал компью-

терные игры, тестирующие футболистов.

Я спросил: «Правда ли, что вы использовали эти тесты, подбирая команду для чемпионата Европы 1988 года?» Так мне сказал зять Зеленцова. «Было 40 кандидатов, и с помощью этих тестов мы отобрали 20», — подтвердил Зеленцов. Команда, которую он подобрал, озадачила прессу, но при этом дошла до финала. Зеленцов упрекнул меня в том, что я сделал упор лишь на одном конкретном случае. Тесты использовались регулярно. Если «Динамо» подумывало о том, чтобы купить какого-то игрока, он проходил эти тесты. Да и вся команда периодически проверялась.

Ассистент за компьютером подошел к первому испытанию. Сверху вниз экран пересекала линия, а слева направо двигалась точка, и ассистент должен был нажать на клавишу в тот момент, когда точка касалась линии. Всего ему надо было разместить на линии десять точек, каждая из которых перемещалась с разной скоростью. После этого ассистент получил оценку.

Теперь настала моя очередь, мой шанс узнать, смог бы я играть за «Динамо». Я выступил плохо. В первый раз я получил оценку 0,34, а во второй — 0,42. Игроки «Динамо», сказал Зеленцов, обычно набирают от 0,5 до 0,6, а высоким считается показатель 0,6—0,8. Это испытание, объяснил профессор, дает оценку реакции, выдержке и уравновешенности игрока. Когда игрок в хорошей форме или когда он отлично себя чувствует (Зеленцов говорил о психике), его результат всегда будет выше.

Куда лучше должно было у меня получиться со вторым тестом — печатаньем, которое измеряло выносливость. Я должен был

в течение нескольких секунд нажимать на одну и ту же клавишу как можно быстрее, чтобы определить мою максимальную скорость, а затем делать то же самое в течение 40 секунд... Я получил оценку за выносливость, за работу мускулов, за способность набирать скорость и за сопротивляемость усталости.

Затем настал черед теста памяти. Экран был поделен на девять секторов, и в каждом секторе загоралось число меньше ста. Через несколько секунд числа пропадали, и я должен был по памяти восстановить картину на экране. По словам Зеленцова, так проверялась способность игрока запоминать местонахождение партнеров и соперников на поле. Я сыграл три раза, и все сделал правильно, набрав 97%. А как же иначе: умение, необходимое при прохождении этого теста, сродни тому, что требуется во время учебы, когда приходится запоминать имена, даты и тому подобное, а ведь я только что закончил университет. Этот тест предлагал ответ на вопрос, почему все мастера паса — Освальдо Ардилес, Гленн Ходдл, Рэй Уилкинс, Грэм Сунесс и большинство куотербеков в американском футболе были умнее остальных игроков.

Следующий тест был очень прост. Экран неожиданно вспыхивал белым, и я должен был как можно быстрее нажать на клавишу — тест на реакцию. В среднем мне требовалось 220 миллисекунд, и торжествующий Зеленцов объявил, что такой результат допустим для игрока «Динамо» в начале сезона. Честно признаюсь, никогда еще в своей жизни я не был так горд.

Последний тест для меня оказался немислимим. Точка по замысловатой траектории проходила по лабиринту, а я должен был по-

вторить ее путь. Но я никак не мог запомнить дорогу. Лабиринт был чрезвычайно узкий и запутанный и к тому же постоянно двигался — я то и дело наталкивался на стены. Это был, разумеется, тест на координацию и память, и он дал мне понять, сколь неординарны профессиональные футболисты. Даже через несколько лет тренировок я бы не сумел найти общего языка с этим лабиринтом.

С помощью оценок Зеленцов мог подсказать тренеру, над чем должен работать тот или иной игрок. Я сказал: «Я вижу, что эти тесты анализируют те способности, которые нужны в футболе. Но ведь наверняка есть такие способности, которые они не могут измерить?» Он согласился: «Скорость, например, также зависит от техники бега. Ее мы можем изучить в другом месте». «А если бы Беланов и Заваров не смогли пройти эти тесты? Ведь они все равно были лучшими вашими игроками. Вы обязаны были брать их». «Заваров и Беланов, даже, когда были не в форме, показывали значительно лучшие результаты, чем остальные». «А какие игроки нынешней команды лучше всех прошли эти тесты?» «Вы видели игру? Значит, вы все видели сами». «Яковенко?» «Яковенко! Леоненко! Лужный! Анненков! Шматоваленко!»

В «Динамо» были добры ко мне: наряду с «Барселоной», «Кейптаун Элленик» и сборной США это была лучшая команда, с которой мне довелось иметь дело за этот год. (Худшими были «Орландо Пайретс» из Южной Африки и «Спарта» из Праги.) В пятницу, в мой последний день в Киеве, президент Безверхий выкроил время для встречи со мной.

Его кабинет скромнен: коричневые стены, коричневые стулья,

стандартная мебель и комнатные растения. Я сказал об этом Макс, моему переводчику, а он в ответ цинично улыбнулся: «Но не думайте, что его дом выглядит так же!»

У Макса не было времени на «Динамо». У него длинные волосы, которые он собирает в хвостик, — такая прическа не по душе бритоголовым, и поэтому он должен был научиться избегать людей в спортивных костюмах по вечерам. (Кафе «Чин-Чин» напротив стадиона «Динамо» — место сбора таких типов, поэтому, когда вы приедете в Киев, вам, возможно, захочется обойти его стороной...)

Безверхий держался дружелюбно и вообще был доволен жизнью. «Слава Богу, наш клуб был создан за два года до того, как рынок пришел в нашу страну», — сказал он мне. Министерство спорта хотело, чтобы все клубы одновременно стали профессиональными, что было бы вполне по-советски. «Динамо» сделало кучу денег еще до того, как его конкуренты стали независимыми.

Я спросил, почему ходят слухи о том, что «Динамо» связано с мафией. «Для меня наши связи с мафией — новость», — ответил Безверхий, но тема, казалось, заинтересовала его, и он разговорился. Много ли вообще дел имеет мафия в футболе? «Два человека из мафии пришли в один российский клуб, сказали, что двух игроков надо продать в другой клуб, и это было сделано». Какое мафии до этого дело? «Мафия понимает, что трансферы могут быть прибыльными для нее». А на Украине? «На Украине существуют договорные матчи. Я не могу быть уверен в этом, я лишь подозреваю». «Динамо» сталкивалось с этим? «Два года назад была попытка навязать нам результат матча здесь, в Киеве. Мы смогли избежать этого, но помогли наши связи не с мафией,

а с КГБ». Что произошло? «К одному члену нашей команды подошли на улице и сказали, что следующий матч должен закончиться вничью. Ему намекнули на то, что у игроков есть жены и дети в Киеве. Ситуация была ясна. Чтобы избежать таких ситуаций в будущем, мы создали два подразделения охраны, которые охраняют не только игроков. Спасибо нашему совместному предприятию с британской фирмой «Секьюритас».

Даже имея телохранителей, нельзя быть ни в чем уверенным. Незадолго до моего приезда босса киевской мафии, беседовавшего в своей машине с человеком возле стадиона «Динамо», буквально настигали пулями. У него было 16 телохранителей, которые допускали к нему лишь тех, кому он доверял, так что убийца, должно быть, относился к числу его друзей.

Он был большим поклонником «Динамо», и на похоронах присутствовала вся команда. Безверхий остался в стороне: принимая во внимание репутацию погибшего, присутствие на церемонии вызвало бы нежелательные ассоциации. Вместо этого, как сообщил один репортер, президент в день похорон плакал в ресторане пятизвездного отеля.

Во второй половине дня в пятницу, за несколько часов до отхода поезда, которому предстояло отвезти меня на запад, пресс-атташе «Динамо» вытаскил свой зонтик и сопровождал меня к памятнику, установленному перед стадионом «Динамо». Четверо мужчин, все десяти футов ростом, со старомодными прическами, стоят, взявшись за руки, и смотрят вдаль. Мяча не видно, отсутствует и какой-либо текст, но подсказкой является то, что все они в спортивных трусах. Это памятник футбольному матчу...

Оккупировав Киев, немцы устроили матч с «Динамо». Зрители были немецкие солдаты с автоматами, и когда украинцы повели в счете, солдаты начали стрелять по ногам футболистов. Даже лишившись нескольких игроков, «Динамо» все равно выиграло. После финального свистка всю команду казнили.

Пресс-атташе рассказал мне эту историю, а затем попросил не писать о ней: это была неправда. Матч был мифом, придуманным после войны.

Настала пора идти. Я провел шесть недель в остатках Советского Союза и, дабы отпраздновать отъезд, ухнул три доллара на «Гардиан», международное издание. Оно сообщило мне, что день матча «Динамо» — «Рапид» стал к тому же «чёрной средой», ибо фунт упал на европейском валютном рынке. Я ждал на вокзале с полуночи до пяти утра и позволил группе пакистанцев, учащих в Москве, почитать отчеты о крикетных матчах в моем «Гардиане». Я видел, как две пожилые женщины делали самую ужасную работу в мире — убирала зал ожидания Киевского вокзала с трех до пяти утра.

Может, из-за состояния дел на валютном рынке, а может, и по другой причине, женщина в билетной кассе отказалась брать у меня фунты. За несколько минут до отхода поезда, в пять утра, пакистанцы обменяли мне фунты на доллары, оставив себе неплохой куш.

Пятьдесят шесть долларов за билет из Киева в Прагу — неплохая сделка, если учесть, что ваше путешествие пройдет через большой кусок Европы и займет 48 часов. Первые сутки я спал, просыпаясь каждые несколько часов с тем, чтобы увидеть в окне тот же пейзаж, что и раньше.

В два часа ночи мы достигли границы с Чехословакией. Украинский пограничник, выглядевший лет на 15, сказал мне, что моя виза недействительна (она была действительна). Но тут же добавил: «Нет проблем, нет проблем. Сколько у вас долларов?» У меня было три. «Два», — сказал я. «Дайте мне два доллара, и нет проблем».

Это была моя первая взятка в жизни, и я подумал о Кукушкине в Москве.

Другой пограничник спросил меня с неестественной интонаци-

ей, так как он просто запомнил целое предложение: «Есть ли у вас для меня сувенир?» Я ответил отрицательно и спросил, где поезд на Прагу. Он показал мне. Я прождал на холоде пять часов, и когда наконец тронулся, выяснилось, что он идет в Братиславу.

Через 12 часов я все же оказался в Праге и почувствовал себя словно на Западе...

Перевод ОЛЕГА ВИНОКУРОВА.

Фото
АНАТОЛИЯ БОЧИННА

Остров ИСКЬЯ — земной РАЙ

Фирма «ВОРМОС» (Москва) и туристическое агентство P.T.S. (Италия) предлагают читателям «Смены» экзотический отпуск с лечением на острове Искья — самом большом и красивейшем острове Неаполитанского залива. За буйную растительность Искью называют Изумрудным островом.

ТУРЫ:

	***	****
24.06.95—08.07.95	899\$	969\$
19.08.95—02.09.95	949\$	999\$
07.10.95—21.10.95	899\$	969\$

Стоимость тура включает:

Авиaperелет Москва — Рим — Москва, трансфер до гостиницы, 14 дней полупансион, гостиницы с термальными бассейнами, страховка, русскоговорящий гид, экскурсия по Риму (3 часа), вечер со свечами, музыкой, танцами и итальянским ужином.

**Заказывайте путевки в фирме «ВОРМОС»,
тел.: 382-77-01, 382-70-71,
или в редакции «СМЕНИ» тел.: 251-03-51.**

В следующем номере читайте очерк нашего корреспондента о поездке на о. Искья.

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ

WAGNER

Скорый из Парижа пришел в Прагу минута в минуту. Я не ожидал от него такой точности и поэтому появился на вокзале с небольшим опозданием. Впрочем, если уж честно, опоздание было не такое уж маленькое — на добрых десять минут, и то, что мы все-таки столкнулись с Миркой в переполненном вестибюле Главного вокзала, дело отчасти случая, а в основном — заслуга ее тичановской шевелюры, которая бросается в глаза в любой толчее.

— Привет, дорогая, — сказал я и добавил еще несколько подходящих к случаю фраз, завершив церемонию вопросом, где ее чемодан, чтобы я мог его взять.

Но она только заулыбалась во весь рот и ткнула пальцем чуть левее.

Только теперь я заметил, что они прибыли вместе с Андреа, и чемоданы, сгибаясь под их тяжестью, тащит Андреин ухажер и мой приятель Рудла. Бедняга еле стоял на ногах, но делал вид, что два таких сундука тащить даже удобнее, чем один, потому что легче удерживать равновесие.

Андреа подала мне руку.

— А ты почему не у Ирки? У него же сегодня день рождения.

— Точно, — подтвердил я. — Пришлось позвонить, что приеду позже. Автобус туда идет в восемь, так что я еще успею отвезти Мирку домой.

— Вот видишь как! — засмеялась Андреа и обняла Мирку. — Мы тут пустое место. Мужчины поедут сами. Мы там две недели надрываемся, как каторжные, вздыхаем, вспоминаем, плачем втихомолку, а когда наконец возвращаемся, наши господа великодушно оставляют нас дома.

— Мы собираемся ехать. Обе, — улыбаясь, поддержала подругу Мирка.

— Поехали ко мне, — предложила Андреа. — Выкупаемся, переоденемся, возьмем подарки... Если поторопимся, через час выедем в Стрж. В девять уже поздравим новорожденного. Я, конечно, возьму машину.

Рудла пожал плечами:

— Ну, что тут поделаешь, Гонза? С чокнутыми разве поспоришь?..

В четверть девятого мы уже втискивались в Андреин «фиат-850». Рудла сел за руль и нажал на стартер.

— Гонза, а ты захватил подарок для Ирки? — И тут же добавил: — Я нет. Ей-богу, не рассчитывал, что поеду.

Я похлопал по Миркиной сумке.

— Везу ему бутылку.

— Наш Рудлинек попал впросак, — отозвалась Андреа. — Ну ничего, я позаботилась, чтобы ты сохранил свою репутацию перед товарищем, который помог тебе перебраться в Прагу. Подаришь ему вот эти консервы. — Она положила на полку под

ветровым стеклом овальную жестяную коробку. Потом повернулась ко мне: — Надеюсь, ты не паршивую сливовицу везешь?

— Правильно надеешься, — ответил я. — Ром...

Рудла включил дальний свет, и справа от дороги я заметил голубой указатель со светящейся надписью «СТРЖ 8 км».

Мирка тем временем теребила мою левую руку, потом зажала ее между коленями, покопалась в сумочке и что-то надела мне на палец. Это оказался перстень. Роскошный золотой перстень с крупным черным камнем-печаткой.

— Тсс, — прошептала она. — Небольшой сувенир с ярмарки.

— Ты меня просто убиваешь, — пробормотал я.

— Замолчи, а то обижусь. Не слишком свободен?

Я приподнял руку повыше. Быстро смеркалось, и я с трудом разобрал, что на камне вырезана монограмма «JK»* — мои инициалы, искусно сплетенные наподобие старинных иероглифов. Я переместил перстень с безымянного пальца на средний.

— Здесь сидит, как приклеенный.

Но Мирка закрутила головой.

— Если до утра не потеряешь, отдам сузить. Мужчине полагается носить перстень только на левом безымянном.

Она сказала это безо всякой задней мысли, но мне подарок напомнил о том, что обручальных колец у нас до сих пор нет. Все как-то не находилось повода предложить Мирке руку и сердце. Я вернул перстень на прежнее место.

— Постараюсь не потерять...

Андреа повернулась к нам.

— Что вы там шушукаетесь?

Я показал ей свою руку с перстнем.

— Вот это да! — удивилась она и громко расхохоталась: — Придется тебе, Гонза, расплачиваться...

3

Ирка приготовился отмечать именины в холле, это было что-то вроде большой прихожей, откуда можно попасть в любое помещение как первого, так и второго этажа виллы. Нашу компанию он встретил с восторгом, после телефонного разговора со мной ему оставалось надеяться только на меня и Рудлу, увидеть Мирку и Андреа он никак не ожидал, а узнав, что они приехали прямо с вокзала, вообще потерял дар речи.

— Ну вы даете! — только и сумел он произнести в ответ на наши поздравления и передал коробку с изысканной отравой Войте.

Я пожал руку Валерии и Войтеху Дубенецким, Ирковым однокашникам по ВЭШ, и познакомил Войту с Миркой. Они взаимно уверили друг друга, что очень рады этому знакомству. То же самое проделали Рудла с Андреа. Потом хозяин познакомил нас с двумя девицами — надо признаться, обе раскрасави-

* Гонза — уменьшительное от имени Ян. Полное имя Гонзы — Ян Кабеш (Jan Kabeš). (Здесь и далее — прим. перевод.)

цы, лет двадцати трех, одна — химическая блондинка, а другая — яркая, слегка растрепанная брюнетка. Блондинку звали Александра, а брюнетку — Ярмила, обе выглядели немного растрерянно. Скорее всего оттого, что одна из них оказывалась лишней.

Тем временем Войта раскупорил бутылку и торжественно спросил:

— Уважаемые гости, что вы предпочитаете? Представьте себе, что перед вами все, что душе угодно: мартель, югославский виньяк, наша родимая сливовица и даже «Олд драй джин ориджинал» с апельсиновым соком или без него.

— Начнем, пожалуй, с мартеля, — заявил я. — А там будет видно.

Войта разлил коньяк в приготовленные рюмки, а я обратился к Ирке:

— Извини, если что не так, но хочу узнать, что это за девчонки? К какой из них надо отнестись с особым почтением, как к будущей хозяйке дома?

— Не валяй дурака! — откликнулся Ирка и добавил: — Как ты их назвал? Девчонки? Вот именно, ни больше и ни меньше. Чернявая — Ярина, секретарша нашего шефа, а Саша — ее знакомая. Мы столкнулись с нею на прошлой неделе в одном баре, ну, я и пригласил ее в гости. — Он затянулся сигаретой и многозначительно подмигнул. — Одну из них придется отравить алкоголем.

Я рассмеялся.

— Отравить, так отравить. А которую?

— Лучше Ярину. Что-то у нее начали появляться хозяйские замашки.

— Разумеется, безо всяких оснований?

— Абсолютно! Поэтому будем последовательны и отравим обеих. Без сожаления.

— Значит, остается нам одна пани Валерия. Надеюсь, ее любовь к тебе уже кончилась...

Ирка взглянул на меня растерянно и сокрушенно.

Я не сомневался, что он состоит в переписке с пани Дубенецкой. Они дружили еще во время Иркиной службы. Валерия навевалась к нему, а он вел себя с нею довольно сдержанно, у него был достаточный выбор и среди местных кадров.

— Перед Валерией я, конечно, виноват, — признался Ирка довольно мрачно. — Даже удивительно, что они сегодня сюда приехали.

— И что ты натворил?

Он махнул рукой и смял сигарету.

— Как кирпич на голову... Войта должен был поехать в следующем месяце в Канаду...

— Должен был? Значит, не поедет... А почему?

— Потому что туда еду я. Шеф изменил свое решение, а Войта определенно считает, что я приложил к этому руку...

Разговор прервался, так как к нам подошла Мирка. Она прижалась ко мне. Я обнял ее и поцеловал. Мирка слегка отстранилась и прошептала:

— Чтобы не случилось недоразумений, как в отеле «Поклад»*, Сашу, эту красавицу блондинку, я знаю. Очень хорошо знаю. Понял?

— Боюсь, что да. Тузексовка?*

Мирка кивнула.

— И к тому же высокого класса. Если Ирка этого не знает, предупреди его.

— Он говорил, что встретил ее случайно в каком-то баре.

— Ну вот, видишь, это не моя выдумка. Может, она хочет его подцепить?

Дальнейшие душевные излияния я остановил поцелуем.

Опасаться за Ирку особенно не приходилось. Вряд ли ему грозила женитьба на обманщице-тузексовке. Но береженого и Бог бережет...

4

Когда дело подошло к полуночи, все мы уже были порядком под газом. По комнатам разошлись в начале второго. Ярмила уснула под креслом на ковре. Ирка принес из соседней комнаты клетчатое одеяло и, заботливо прикрыв Ярмилу, пропел:

— Отдыхай с миром!..

— Аминь! — откликнулась Реа.

Мирка, на вид самая трезвая из нас, сунула Ярмиле под голову подушку, а Ирка кратко, но исчерпывающе, подвел итоги вечера.

— Вот это покуролесили! Разве умные, культурные люди так себя ведут?..

— Еще древние греки и римляне напивались до смерти, — отозвался Войта. — И древние славяне тоже.

— Пили всегда и везде. Людям свойственно травить себя, такова уж натура человеческая, — философски заключил Ирка.

— И любовь существует извечно, — вмешалась Андреа. Получилось это у нее невпопад, видимо, ей просто надоело молчать.

Саша откровенно повисла на Ирке.

— Пошли спать, ну, пожалуйста, — взмолилась она. — Меня уже ноги не держат.

— Ясенько. — Ирка ткнул пальцем на балкон. — Там наверху две комнаты. Спальня и еще одна спальня. Только для супружеских пар! Пан и пани из Дубенца, прошу вас! Направо от лестницы. А пан доктор Кабеш со своей тициановой красавицей — тоже направо, но поближе. У меня будет гнездышко с левой стороны, а для остальных все приготовлено на первом этаже...

— Доброй вам ночи, спите без задних ног! — произнес Войта и стал подниматься по лестнице. Валерия направилась следом за ним, но на третьей ступеньке остановилась, вернулась назад и всех по очереди поцеловала. Последнего — Ирку, который ее по-приятельски похлопал по спине и пожелал:

* Речь идет о событиях, описанных в повести «Номер с ванной».

** Синоним нашей «интердевочки».

— Пускай тебе снятся розовые сны, дорогая.

— Так и будет, — ответила Валерия. — У меня ночная рубашка розовая.

Бойта приостановился, ухватился одной рукой за перила, а другую воздел к потолку и провозгласил:

— Жена, не кокетничай! Я все слышу!

Я обнял Мирку за плечи.

— Мы тоже отчаливаем. Всего доброго!

— Доброй ночи! — ответил Ирка, и все остальные его поддержали.

Перед тем, как лечь в широкую супружескую постель, я прошел в ванную, напустил в раковину студеной воды и несколько раз подряд окунул туда лицо. Хмель не совсем выветрился, но чувствовал я себя более или менее сносно. Надравив лицо полотенцем, я вышолоскал рот и направился в спальню. Гася в ванной свет, посмотрел на часы — двадцать пять минут второго. На лестнице света уже не было, только в темноте виднелась чья-то сигарета. На перилах, опустив одну ногу вниз, а другую, согнутую в колене, поставив на поручень, сидел и покуривал Ирка.

— Ты что тут делаешь? — спросил я его.

— Как ни странно, размышляю, — улыбнулся он.

— И о чем же?

— Да так, обо всем понемногу.

— Ты как, в порядке?

— Спасибо, никаких проблем.

— Так слезь с перил, балда! Чуть качнешься — и рухнешь вниз, как перезревшая груша. Не забывай, выпили мы все крепко.

Ирка громко рассмеялся.

— А я как раз и стараюсь протрезветь. Удивительная вещь, дружище. Помню, в Таборе после четырех бутылок «бикавера» прошелся по перилам моста через Лужницу и, когда добрался до берега, мог выпить еще столько же. К тому же и на переговорах с нашими заграничными партнерами без выпивки не обходится. Порой многое зависит от того, у кого голова крепче или кто быстрее протрезвеет.

Внизу в холле хлопнула дверь. Ирка спрыгнул с перил.

— Ну, ладно, пошли спать, — сказал он громче, чем требовалось. — Спокойной ночи, Гонза! — Хлопнул меня по плечу и открыл дверь своей комнаты. Зажег свет и остановился на пороге.

— Приятно провести время! — подмигнул я ему и с некоторым злорадством подумал, что если красавица Александра не поторопится, то Валерия может ее обскакать. Тем более что Ярмила спит как убитая.

Мирка меня ждала. Стояла у открытого окна и смотрела в сад. Босая, в одной ночной рубашке, которая скрывала прелести женского тела настолько, чтобы посылнее разжечь мужское воображение.

Я разделся и рухнул в постель. От резкого движения у меня закружилась голова, а тяжесть в желудке так усилилась, что я невольно посочувствовал сказочному волку, которому вместо

Красной Шапочки и ее бабушки зашили в брюхо камни. Мирка погасила свет и устроилась рядом со мной.

Я услышал в коридоре тихие шаги. Кто-то прошел от лестницы к Иркиной комнате. Но я уже ни на что не реагировал. Уснул мгновенно и крепко.

5

Проснулся я от головной боли и чего-то еще: какого-то шума, шагов, кошмаров, словом, черт знает чего. На дворе светало. Я протер глаза и взглянул на запястье: было только полчетвертого. Мирка лежала навзничь, слегка приоткрыв рот, и дышала ровно и глубоко. Я встал и подошел к окну. Влажный летний ветерок легонько колыхал штору. Я набросил на плечи рубашку и отправился в конец коридора к ванной. Возвращаясь оттуда, услышал какой-то шум, остановился у перил, и передо мною внизу, в полумраке холла, открылась довольно смешная картина. Яримила проснулась на своей импровизированной постели и, поднявшись на колени, пыталась выпутаться из одеяла. Наконец это ей удалось, она встала, залезла пальцами в свои расхристаные волосы, потянулась и сладко зевнула. Потом протерла глаза и сталаправлять смявшееся платье.

Я облокотился на перила и негромко окликнул ее:

— Доброе утро, Яринка!

Она поискала меня глазами, потом сказала:

— Привет! — И снова зевнула. — Куда вы все подевались?

— Все в постелях, где же еще? Ты у нас одна предпочитаешь спать на ковре.

Тем временем Ярина пересекла холл, направляясь к английскому камину. Я поглядел туда — и у меня подломилась нога. В этот миг раздался испуганный вскрик Яримылы, она попыталась, закрыла ладонями рот и — рухнула, как подкошенная. Я не обратил на это внимания, просто перепрыгнул через нее, спеша дальше к неподвижной фигуре у каменного основания камина.

Это был Ирка: в расстегнутой рубашке и серых брюках, он лежал на спине, неловко изогнувшись, ноги слегка поджаты, левая рука закинута назад, правая, с растопыренными пальцами, напряжена и выпрямлена — видимо, он пытался в последнюю минуту ослабить удар. Глаза открыты, а на лице сохранилось выражение боли да, пожалуй, страха, если, впрочем, он успел испугаться. Рядом с его правой ступней лежал потухший окурок. Трудно было упасть неудачнее. Голова попала прямо на острую грань каменного основания камина, на виске виднелась страшная рана, а затылок лежал в луже засыхающей крови, которая растеклась по полу и рыжевато-коричневыми пятнами выпачкала расстегнутый воротник белой рубашки.

Я наклонился к нему и укоризненно произнес:

— Говорил же тебе, голова садовая: не садись на перила...

Потом встал во весь рост, вытер глаза, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Вставайте! Слышите? Беда!..

Еще мгновение в доме стояла тишина, на мой крик отозвались эхом только стены холла, потом откуда-то из нижней комнаты раздался сонный голос Рудлы:

— Чего надрываешься, балда? Пить надо меньше...

— Скорее сюда! Все! — отчаянно кричал я. На балконе появился Войта. Он, как и я, был в плавках и незастегнутой рубашке.

— Спускайся вниз, — позвал я его. — Ирка умер.

— Ты что, сдурел? — заикаясь, отозвался Войта и бросился вниз. Сразу же следом за ним выскочил в холл Рудла, остановился позади меня, несколько раз громко проглотил слюну и наконец выговорил:

— Как... как это случилось?

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю?

— Ах ты, господи! — вскрикнул Войта и схватился за голову. — Я же его остерегал...

— Остерегал?!

— Ночью, когда шел из ванной... А он как раз сидел на перилах...

— Выкладывай, — прервал я его. — Что ты ему сказал?

— Чтобы он не валял дурака. Вдруг закружится голова, и он свалится оттуда.

— А он тебе ответил, мол, не волнуйся, однажды в Таборе, после четырех бутылок «бикавера», я перешел по перилам мост через Лужницу.

— Нет, — испуганно отозвался Войта и взглянул на меня, как на чокнутого. — Он сказал: заткнись и иди спать, дубина!

— Какое несчастье! Проклятый, подлый, мерзкий случай! — плачущим голосом произнес Рудла и вытер нос.

Чуть в сторонке громко рыдала Ярмила.

На лестнице появились Валерия с Миркой. Валерия в цветастом халате, наброшенном на розовую ночную рубашку, Мирка одета примерно так же, обе босиком. Мирка с плачем бросилась мне на шею, а Валерия застыла на месте.

Андреа с Сашей тоже появились вместе. Я как раз устраивал Мирку в кресле, когда они вышли из комнаты. Я преградил им дорогу.

— Не ходите туда, девчонки. Ирка убили.

Андреа прошептала:

— Нет...

Быстро-быстро завертев головой, она рухнула в кресло напротив Мирки. Саша повела себя хладнокровнее нас всех. Она легонько отстранила меня, приблизилась к мертвому, нагнулась и коснулась ладонью его лба. Потом деловито осведомилась:

— Как это произошло?.. Он умер всего пару минут назад. Кто это сделал? — Ее холодный, голубовато-стальной взгляд передвинулся с плачущей Ярмилы на Андреа, скользнул по Валерии и, наконец, уперся в ничего не соображающую Мирку.

— Это ты меня спрашиваешь? — еле слышно выдохнула та.

— Да ты что, Саша? — возмутился Войта. — Кто мог это сделать? Он сидел на перилах, потерял равновесие и свалился.

Мы видели, как он сидел, — Гонза, я, Рудла и Валерия.

— Я тоже, — всхлипнула Андреа, — когда шла спать. Еще крикнула ему, чтобы не делал глупостей.

Я подошел к Александре и показал на окурок.

— Он вышел покурить, сел и... — Я умолк, потом наклонился, чтобы присмотреться к окурку.

— Ничего не трогай, Гонза, — остановил меня Рудла. — Надо поскорее позвонить в отделение безопасности.

— Безопасности? — недоверчиво переспросила Валерия.

— Верно, — согласился я и подошел к камину, где стоял на полочке телефон.

Рассвет еле заметно переходил в чистое летнее утро. Но Ирке это было уже безразлично. Для него отныне существовала только бесконечная, непроглядная ночь.

6

Безопасность приехала в Стрж меньше чем через полчаса. Четверо в форме. Они внимательно выслушали нас и сделали однозначный вывод: несчастный случай, вызванный неосторожностью и алкогольным опьянением. Две-три строчки в уголовной хронике.

Врач приехал около пяти. Он установил, что смерть произошла в половине четвертого утра, и после беглого осмотра написал, что наступила она в результате перелома шейного позвонка, а также повреждения лобной кости вследствие падения спиной с высоты трех метров восьмидесяти пяти сантиметров на каменное основание камина. Обе раны были смертельными.

Мы по очереди подписали протоколы свидетельских показаний, совпадающие до последней мелочи. Оставалось только официально поставить на происшествии печальную точку.

Но я не собирался этого делать, так как был убежден: кто-то из нас на допросе солгал. Кто-то один, а вернее — одна, чьи шаги я услышал на лестнице перед тем, как уснул. Сначала я подозревал Сацу. Но потом все так запуталось, что я постарался выбросить это из головы. На время. Надо было заняться улаживанием всех дел покойного. Войта взялся за организацию похорон, безопасность — за поиски пана Гаспры, дальнего родича, которому принадлежала эта вилла. Ярмила сообщит в министерство иностранных дел о гибели сына одного из наших послов. Мне оставили ключи от виллы и поручили подождать здесь приезда Гаспрых. Мирка решила пожить со мною.

Когда Ирку увозили в морг, я взглянул напоследок на его посиневшее, до неузнаваемости изменившееся лицо и дал себе и ему молчаливую клятву. Если он упал не случайно, а был безжалостно и хладнокровно убит, я за него отомщу. Найду убийцу и докажу, что это сделал он. А если не сумею доказать, то собственными руками свершу справедливый суд. Жизнь за жизнь.

В первый раз я связал имя Мирки с происшедшим около восьми утра, когда к вилле подъехала санитарная машина и по-

ручик ОБ*, начальник следственной группы, разрешил забрать труп на вскрытие. Два санитары принесли носилки и стали укладывать на них мертвое тело.

Я наклонился, обхватил Ирку и осторожно положил его на полотнище носилок. При этом левая Иркина рука выскользнула и стукнулась об пол. Я взял ее, холодную и необычно твердую, и застыл в удивлении. На безымянном пальце покойного блеснуло золото с черным ониксом, на котором виднелась монограмма — мои сплетенные инициалы «JK». Вчера вечером у него не было никакого перстня, такая заметная штука от меня бы не ускользнула. Перстень был у меня. Еще когда я ложился спать. Теперь же он был у Ирки, а на моем безымянном пальце не осталось даже следа.

— Это надо отдать,— сказал санитар, заметивший, куда я смотрю.

К нам подошел один из криминалистов, делавший фотографии.

— Что у вас тут?

— Перстень, пан поручик,— показал санитар на руку мертвеца.— И часы...— Он нагнулся к неподвижному телу, отстегнул золотой швейцарский хронометр и живо стащил перстень с печаткой.

Обе золотые вещицы очутились в ладони прапорщика, а санитары подняли носилки. К машине я шел за ними следом. В голове все перепуталось. Как перстень очутился на руке Ирки?.. Сейчас он лежал у меня в кармане вместе с часами, небольшим кожаным кошельком и шестью сотенными и кое-какой мелочью, ключами от виллы и от «фиата-1300», то есть всем тем, что было у Ирки при себе и что поручик ОБ выдал мне за один автограф на соответствующем бланке. Я несколько раз тщательно осмотрел перстень. Вывод напрашивался один: еще сегодня ночью он принадлежал мне...

7

— Мне надо поспать,— призналась Мирка, когда мы поднялись в спальню.— Знаю, это выглядит некрасиво, но я едва держусь на ногах.

— Ну, конечно, поспи,— согласился я.— Я бы тоже с удовольствием, да не могу. Надо ждать, пока Войта позвонит и скажет, что и как удалось сделать. Сегодня суббота, трудновато ему придется.

— Главное, чтобы поскорее приехали Гаспровы,— вздохнула Мирка.— Если бы я не опасалась оставить тебя одного, убежала бы отсюда без оглядки.

— А чего тебе опасаться за меня? — засмеялся я.— На перила не полезу, а если буду жить один, так никто меня не пристукнет.

— Ты в самом деле думаешь, что кто-то виноват в Иркиной смерти?

* Общественной безопасности.

Я пожал плечами.

— Думать я могу что угодно, а вот знать — почти ничего. В одном уверен твердо: когда мы около половины второго расстались с Ирккой, он недолго оставался в одиночестве. Шаги я слышал точно.

Мирка кивнула, расстегнула молнию и стащила брюки.

— Я тоже слышала Сашу.

— Сашу?

— А кого же еще? Ярмила спала, а Андреа...

— Что Андреа?

— У Андреа есть Рудла. Но ведь ты подозреваешь Валерию, правда?

— Никого я не подозреваю, — завертел я головой. — А может, совсем наоборот — кроме себя, подозреваю всех.

— И меня тоже? — Мирка кисло улыбнулась, устало опустила голову на подушку и закрыла глаза.

— Да, дорогая, — подтвердил я. — Ради объективности придется.

Я подсел к ней и погладил по лицу. Через пару минут она тихо и ровно посапывала. Я немного подождал, затем подошел к маленькому столику, где лежала жестяная коробка с западногерманскими сигаретами. На крышке виднелась надпись: «WALDORF ASTORIA» и «50 CIGARETTEN». Коробка была овальная, обклеенная коричневой бумагой, на ней помещалось что-то вроде медалиона с портретом аристократа в белом парике с аскетичным лицом и ярко-синими глазами — Иоганна Дж. Астора, одного из самых известных немцев в Америке, о чем свидетельствовала надпись, сделанная белыми литерами на этикетке. Я машинально сунул коробку в карман и тихо вышел. Мне вдруг пришло в голову осмотреть Иркину комнату.

С минуту я постоял на пороге, потом сел за письменный стол. На столе сохранялся приятный рабочий беспорядок, под настольной лампой лежали записная книжка в кожаной обложке и папка с бумагами. Я открыл записную книжку. Она была заполнена до половины июня, сплошные рабочие записи. Зелеными чернилами Ирка отмечал свои выезды за границу. В нынешнем году их было три: Париж, Женева, Северная Африка — Алжир, Марокко, Тунис. Адресный раздел в книжке был забит до отказа, зарубежные адреса и телефоны заносились красными чернилами. Среди местных, сделанных голубыми, я нашел и Сашин, и адреса всех вчерашних гостей, включая мой и Миркин.

Я отложил записную книжку и взял папку. Кроме чистых конвертов и бумаги, там лежали визитные карточки Ирки и несколько заграничных открыток, в основном поздравления от людей, чьи подписи мне ничего не говорили. Кроме одной, красочной почтовой карточки с видом Франкфурга-на-Майне, где надпись была сделана Миркиным почерком, а подписана Андреа и другими женскими именами.

Наконец я обнаружил кое-что, оправдывавшее мое вторжение в личную жизнь погибшего друга. Неотправленное Иркино письмо. Или черновик. Его содержание, прямо скажем, ошеломило меня.

«Любимая!

Ты ушла, но остаешься здесь со мной. А вместе с тобой и мои сомнения.

У меня множество недостатков, но никогда я не был и не хочу становиться вором. А украсть у друга жену или возлюбленную — это самое мерзкое воровство. Я всегда считал, что не способен на подлость, но в последнее время уже не так в этом убежден, хотя случилось все не по моей вине. Но не имеет значения.

Ты призналась мне, что ваша любовь — вовсе не любовь, что это уже скорее привычка и инерция. Что ж, любовь может так закончиться, но мужская дружба — совсем другое чувство. Привычка не разрушает ее, скорее наоборот.

Я люблю тебя, но не смог бы вынести сознания, что мы обманываем его за его спиной. Только когда между вами все будет решено, мы сможем снова, и теперь, возможно, окончательно, встретиться.

Не сердись на меня, иначе я не могу.

И.

Стрж, суббота».

Даты не было. Я положил письмо обратно в папку и в полной растерянности уставился куда-то вдаль. Адресат неизвестен, но я несколько не сомневался, что письмо предназначено Мирке. Кого еще Иржи мог назвать своим другом? Рудлу? Едва ли. Войту? Пожалуй, тоже нет. Кого-то еще? Нет, конечно... Вопросов было столько, что я совсем растерялся. Число возможных убийц после прочтения Иржиного письма не уменьшилось, а напротив, увеличилось. Отвергнутая Валерия, ревнивый Войта (то же самое в отношении Андреа и Рудлы), Ярмила (она могла только прикидываться спящей), теоретически даже я, точно так же, и не только теоретически, Мирка, а по каким-то другим, не известным мне причинам, и Саша... Брр, мистер Холмс, вы как хотите, а я пас.

На всякий случай я все-таки вытащил из папки письмо и сунул его себе в карман. Потом вернулся к спящей Мирке. Постоял у окна, глядя в сад. С удовольствием завалился бы в постель, но дал обещание Войте, что подожду его звонка. Полез в карман за сигаретами. Коробка «БТ» оказалась пустой, пришлось позаимствовать Иржин «Астор».

Я вытащил крышку, но так неудачно, что она выскользнула у меня из рук. Вместе с нею упала на пол и бумажная прокладка. Я поднял крышку и прокладку, взял сигарету, закурил, хотел уже закрыть коробку, но чуть не уронил ее от неожиданности. На овальной прокладке, которую я ненароком перевернул на другую сторону, печатными буквами было написано: «Когда все уснут, приходи! Буду ждать в своей комнате».

Войта позвонил только около шести вечера. Дату и время кремации фирма назначит лишь после того, как свяжется с Иржиным отцом. Через пару минут после Войты позвонили из

безопасности. Пана Гаспру обнаружили в Горних Почерницах, он приедет автобусом в 18.50.

Приехал он вместе с женой. К тому, что Ирка погиб, они никак не могли привыкнуть. А что насчет пани Эвы? Когда она приедет?

Меня точно громом ударило. Вот дебил! Пыжусь, как настоящий детектив, а про Иркину старшую сестру, живущую в Брно, даже не вспомнил. Гаспровы, однако, знали не только ее адрес, но и номер телефона. Мне хотелось поскорее покончить с этим делом, по телефону все же проще. Но вышло все равно сплошное расстройство. От Эвы я добился лишь одного: в воскресенье около полудня она приедет.

Едва я положил трубку, как тут же новый звонок. Андреа. По дороге домой они чуть не разбились. Рудла прозевал красный свет на перекрестке, и какая-то «татра-III» на полном ходу чуть не чиркнула их крылом. Еще полметра — и все они последовали бы за Иркой. Валерия впала в шок, разрыдалась так, что не остановить, а у Рудлы стали трястись руки, и остаток пути машину пришлось вести самой Андреа. Не надо ли нам с Миркой чего-нибудь? Нет? Тогда обязательно завтра с утра должны явиться к ней.

Пани Эва с мужем приехали на машине в воскресенье около полудня. После получасового разговора с нею я, ей-богу, охотно бы улегся рядом с Иркой в морге. Как и Гаспровы, она была в полной растерянности, трагическая смерть брата просто не умещалась у нее в голове.

Немного опомнился я в половине третьего, когда мы с Миркой выехали в Прагу на Иркином «фиате». Заниматься дальнейшими розысками мне опротивело. Ясно было одно: загадка перстня так и остается загадкой. Я надел его на средний палец, и Мирка заметила:

— Все-таки перстень придется отдать, чтоб уменьшили.

— Дадим, — кивнул я. И добавил: — Тебе нравился Ирка?

— Нравился, — ответила она. — И даже очень.

— Ты тоже всегда ему нравилась. Теперь уже можно признаться в этом. Иногда я даже побаивался, что он в тебя всерьез втюрится. Мне бы с ним трудно было соперничать.

— Зря побаивался, — усмехнулась она. — Вы ведь по-настоящему дружили, правда?

— Если дело касается женщины, да еще такой красивой, все уходит на второй план. Дружба тоже.

— Спасибо за комплимент, но к Ирке ты, пожалуй, несправедлив.

Мы немного помолчали. Молчание прервала теперь уже Мирка:

— Помнишь, как мы вчера говорили о шагах на лестнице?

— Помню. Ты сказала, что тоже их слышала.

— Слышала. Я долго не могла уснуть. К Ирке точно приходила Саша, но пробыла совсем недолго.

Дорога была прямая, скорость я держал всего около семидесяти, но тут на всякий случай убрал газ.

— Как ты сказала?..

— Минут пятнадцать, не больше. И тут же вернулась к себе.

— Точно?

— Железно! Если наверх она поднималась украдкой, скорее всего босиком, то вниз шла уже обутая и нисколько не скрываясь. Мне даже показалось, что ей хотелось, чтобы все ее слышали...

— Через пятнадцать минут, говоришь?

— Может, даже меньше.

— Рудла доказывал мне, что она оставалась у Ирки не меньше часа. Он, дескать, тоже не спал и уверен, что до без четверти три она не вернулась к себе в комнату.

— Значит, врет. Или спутал Сашу с Валерией.

— С Валерией? — Тут я вообще съехал на обочину и затормозил.

— Или с Войтой. Кто-то из них у Ирки побывал. Минут через пять, максимум семь после ухода Саши. Я бы скорее погрешила на пани инженершу. По походке, понимаешь? Проскользнула по коридору еле слышно.

— И ты думаешь, что она пошла к Ирке?

— А куда же еще? Ванная у них рядом с комнатой, а она отправилась через весь коридор. Но вниз по лестнице не сходила.

Я подумал о том, что мои рассуждения в Иркиной комнате были не такими уж глупыми, и обрадовался, что Мирка, пожалуй, выпадает из круга Иркиных почитательниц. Вторая версия адресата письма обретала реальность. Неожиданно для себя я спросил у Мирки:

— Как ты думаешь, любовь может превратиться в привычку и инерцию?

— Нет, я так не думаю, Гонза. Это была бы уже не любовь, а привязанность.

— Скажи-ка, а когда Валерия ушла от Ирки?

Она улыбнулась.

— Не скажу. Но на какое-то время у него задержалась. Во всяком случае, вернулась назад не сразу. В костеле в Стрже пробило два часа. Спутать я не могла. А потом меня, как говорится, поцеловал Орфей.

— Кто-кто?.. Ах, вот кто... — У меня не хватило духу поправить ее. Я потрепал ее ладонью по щеке и произнес: — Спасибо.

Включив скорость, я тронул «фиат» с места. Мирка молчала, а я ломал себе голову. На первый план снова выдвинулись Валерия и Войта. Войта знал о пристрастиях своей высокообразованной супруги, даже заявил ей как-то, что надо было ей выйти замуж за Ирку, а не за него. Еще он хотел переговорить с ним, но это сделала Валерия. Подождала, пока Войта уснет, а точнее — пока все уснут, как написал на прокладке сигарет Ирка, и отправилась к нему. К Мирке записка, как и неотправленное письмо, отношения не имела. Ярмиле или Саше он вообще не стал бы писать. Так что вопрос «кто с кем» решался вполне прозаически. Ярмила отключилась, и Саше пришло в голову, что дорога перед нею свободна. Ждать, пока все уснут, ей не требовалось, она попробовала осчастливить Ирку, но это не удалось. Оставались только Валерия и Андреа. Андреа чисто теоретически, Валерия практически.

Валерия пускай пока погуляет, прикинул я, сначала надо прощупать Сашу.

Мы уже въехали в Прагу.

— Надо бы поговорить с Сашей, — сообщил я Мирке. — Не знаешь, где ее можно найти?

— Сегодня воскресенье? Значит, в «Ялте».

9

В «Ялту» мы пришли к девяти вечера. Сели в глубине зала, на возвышении, откуда хорошо просматривались и танцплощадка, и вход, и стойка бара. Я стал искать глазами официанта, но тут на танцплощадке появилась Саша. Ее партнером был пожилой ловец с солидным животиком, который, очевидно, вбил себе в голову, что, чем больше он выкинет выкрутасов в вальсе, тем сильнее очарует свою подружку. Однако Александра танцевала с мрачным видом, не обращая никакого внимания на старания своего кавалера. Нас она не замечала.

— Я думал о ней хуже, — заметил я. — Вчерашняя трагедия ее все-таки задела. Видишь, какая она грустная.

Мирка легонько улыбнулась:

— Ей это идет.

После вальса последовал короткий перерыв. Женолюбивый дядюшка развил бурную деятельность, чтобы убедить свою партнершу отправиться к его столу, но она отвергла это предложение отрицательным жестом головы и ироническим движением губ.

Постояв недалеко от входа с какой-то другой девицей, видимо, коллегой, и послушав ее болтовню, она поймала в поле зрения приезжих с солнечного полуострова, омытого Средиземным морем.

— После первого танца отведу ее к бару. Как только закурю, подойдешь к нам, — проинструктировал я Мирку. — А там будет видно. Надо обязательно привести ее за наш стол.

Больше я ничего сказать не успел. Раздались звуки танго, и низенький итальянец сорвался с места. Однако мне было ближе, и мой усатый соперник на полдороге признал поражение.

— Привет, Саша, — поздоровался я и слегка поклонился ей. — Пойдем потанцуем?

— Пан доктор, вы меня убили! — не скрывала она удивления. — Кого-кого, а вас я не ожидала здесь сегодня увидеть.

— Вас? По-моему, мы перешли на ты, разве нет?

Саша промолчала.

Когда танго закончилось, мы остановились недалеко от нашего с Миркой столика, и я сказал:

— Ты, наверное, уже поняла, что мы здесь не случайно. Мне надо с тобой потолковать. О чем — сама знаешь. Пойдем к бару или к нашему столу?

Саша стрельнула по мне настороженными глазами, на губах появилась ироническая усмешка.

— Лучше к столу, — решила она и взяла меня под руку. — Я смотрю, и Мириам здесь. Уже пару пятниц я ее не встречала — заболела, что ли?

Этот провокационный вопрос я оставил без внимания, в игрушки играть с нею я не собирался, меня интересовали только события трагической ночи.

Мы подошли к столику.

— Привет,— сказала Мирка.

— Чао, Мируш,— ответила Александра.

Я решил продолжить интересующий меня разговор.

— Время бежит, а мы с Миркой не собираемся загорать здесь до Рождества Христова... Так вот, послушай: Ирка был моим лучшим другом. Это не слова, это факт. Хочешь, докажу?

— Попробуй,— бросила Александра.

— В армии он спас мне жизнь. Самым буквальным образом. Я неудачно прыгнул с парашютом, запутался в стропах и упал в реку. Тогда он прыгнул следом и вытащил меня. Это было в середине апреля, в самое половодье. Теперь тебе понятно?

Она чуть заметно расправила брови. Стальной блеск в глазах исчез, они приобрели теперь вполне приятную светло-голубую окраску.

— Вчера ночью мы разошлись сразу же после часа. Примерно в половине второго в вилле было темно. Над холлом на балконных перилах сидел и ждал Ирка. Минут пять. Потом кто-то к нему поднялся. Это была ты.

— Верно,— призналась Александра.— Что дальше?

— А дальше я хочу послушать тебя, Саша.

— Допрос,— ухмыльнулась она.— А где спрятан магнитофон? У Мириам в сумке?

— Да нет же,— завертел я головой,— я не следователь. Если ты еще веришь честному слову, могу тебе его дать. Будь уверена: все, что ты расскажешь, без твоего согласия — никому.

— Ладно. Давай спрашивай.

— Вы договаривались с Иркой, что ты к нему придешь?

— Нет.

— Он не писал тебе никакой записки?

— Ничего он мне не писал. Когда Ярина отключилась, мне показалось, что ему будет скучно одному сидеть до утра. Ведь у каждой из дам были свои партнеры. Даже у Мириам... Так что без партнеров остались только мы с Иркой. Поэтому я и пошла к нему. Но уже через десять минут он меня выпроводил. Правда, подарил на прощание дружеский поцелуй. Словом, я быстро очистила помещение.

— И куда ушла? К себе в комнату?

— Я хлопнула дверью и осталась в холле. Сами понимаете, сгорала от любопытства, кто окажется счастливой избранницей... И ею оказалась ты, Мируш. Ведь это ты пришла к нему после меня.

— Не сердись, Саша, я задам тебе один-единственный вопрос. Ты уверена, что узнала меня? — спокойноотреагировала Мирка.— Ты ведь только слышала, как я иду, так?

— Ты шла босиком. Так же, как и я.

— Ну, понятно. Как же иначе? Побоялась, что разбужу Гонзу, и не стала обуваться... Но для верности: ты меня не могла ни с кем спутать?

— С Андреа нет. Она бы наткнулась на меня. Ярина храпела, как медведь в берлоге. Ну а пани Дубенцова...

— Дубенецка,— поправил я.

— Просто пани Валерия,— сказала Саша и от души расхохоталась.— Нет, я не скажу, что она уродина, но все равно ничего хорошего у нее нет, кроме инженерского титула. Если ты, Мируш, хочешь убедить меня, что Ирка из-за нее меня выставил...

— Спасибо, что ты такого высокого мнения обо мне,— съязвила Мирка,— но к Ирке все-таки пошла Валерия.

— Вот это цирк! — скривилась Саша.— Ну тогда извини, я совсем не хотела поссорить тебя с твоим красавчиком.

Мирка махнула рукой и, к моему удивлению, рубанула напрямик:

— Ничего, не поссоришь, мы с Гонзой друг другу верим, понятно?.. А потом ты заснула?

— А что мне еще оставалось делать? Кстати, я кое-что вспомнила насчет Андреа. Боюсь ошибиться, да и не хотела бы ее в чем-то обвинять, но, по-моему, они со своим хахалем крепко погрызлись. О чем шла речь, не знаю. Я бы, конечно, с удовольствием подслушала, но они разговаривали слишком тихо. Скорее всего она не хотела с ним переспать.

Я прикусил губу. Мирка сделала вид, что удивлена, в ее зеленых глазах загорелись лукавые искорки.

— Это не анекдот,— продолжала Саша с самым серьезным видом,— а голый факт. Иначе зачем она перебралась в мою комнату и даже заперла дверь на ключ?

255

Я поднял бокал и чокнулся с нею.

— Ты неocenимая девчонка, Саша! Спасибо тебе. Здорово мне помогла. Ей-богу!

— Ну что, допиваем и идем? — обратилась ко мне Мирка.

Я не ответил, так как прикидывал, с кем сначала встретиться. С Андреа или с Войтой и Валерией?.. Окончательного решения я так и не принял, но впервые за это время у меня появилась уверенность, что клятву, данную Ирке, я выполню.

10

В понедельник в обед мне позвонил Войта и сообщил, что кремация состоится в четверг в 14 часов в стржницком крематории. Траурные извещения уже печатаются, и было бы желательно, чтобы я позвонил или съездил в Стрж, к пани Эве, и узнал адреса родственников и знакомых.

Я пообещал, что съезжу. В воскресенье я позабыл отдать Иркины деньги, часы, ключи и... свой перстень с печаткой. Надо было также вернуть и машину, хотя она бы мне сейчас пригодилась. Тут же я позвонил Мирке и спросил, не поедет ли она со мною вечером, часов в шесть. Она сказала, что поедет, и попросила, чтобы я заехал за нею на квартиру Андреа. Я сделал еще один звонок — пани Эве и сообщил, что мне потребуются адреса и вечером я за ними заеду. Осталось только переговорить с шефом насчет недельного отпуска. Потом я сел в машину и отпра-

видя в Маловшицы, где зашел в панельный «небоскреб».

Войтех и Валерия Дубенецкие проживали на пятом этаже. Лифт вроде бы работал, но я решил воспользоваться лестницей. Мне открыла Валерия в халате и шлепанцах. Выглядела она так, будто опиума накурилась. Какая-то сонная, вялая, поблекшая. Мне показалось, что с пятницы она постарела лет на десять, не меньше.

— Здравствуй, Йеник,— растерянно проговорила она и добавила: — А Войты нет дома. С этими похоронами у него хлопот полон рот.

— Вот и прекрасно, что его нет. Ты меня пригласишь? Я к тебе.

Валерия завела меня в гостиную и усадила в кресло.

— Что будешь — кофе или чего-нибудь покрепче? Где-то у нас осталась сливовица. Настоящая моравская, шестьдесят градусов.

— У меня внизу Иркина машина, так что кофе, если не трудно.

Она вышла на кухню, включила газовую плиту и, пока закипала вода, немного причесалась. Потом принесла кофе в крохотных фарфоровых чашечках и уселась напротив меня.

Я отпил кофе, вернее, намочил губы, потому что там всего-то было пару глоточков. Но зато крепкий, ничего не скажешь.

— Не обижайся, Вали,— начал я,— но мне надо кое-что у тебя спросить.

Она кивнула и дрожащими пальцами достала сигарету из стеклянной шкатулки.

— Почему ты не призналась на допросе, что была ночью у Ирки?

— Я, Гонза?

— Ты, Валерия.

Рука, держащая сигарету, задрожала еще сильнее.

— Отпираться нет смысла. Я знаю это железно. И не только я.

— А кто еще? — тихо спросила она, и этот вопрос фактически прозвучал как признание.

— Мирка и Саша,— ответил я.— Но не стоит бояться. Обе пообещали мне, что будут держать язык за зубами. И на обоих можно положиться.

Она нервно кивнула. Я закурил и позволил ей немного успокоиться. Потом тихо спросил:

— Кого ты боялась? Войты?

— Нет,— выкрикнула Валерия, и глаза у нее лихорадочно заблестели.— На Войту мне как раз наплевать! Но чего ты, собственно говоря, хочешь?

— Найти убийцу Ирки.

— Я его не убивала!

— Во сколько ты к нему пришла? Постарайся поточнее.

— Около двух,— шепнула она.— Как только Войта уснул.

— Вы с ним договаривались? Я имею в виду — с Иркой?

— Я сказала, что обязательно должна прийти к нему ночью.

Пусть ждет.

— А Ирка?

— Ответил, чтобы я не сходила с ума. Но я была как в бреду.

Я бы пришла к нему, даже если бы у него в постели лежала та девка...

— Какая девка?

— Саша. Я сразу же ее раскусила, как только увидела.

— Послушай...

— Перестань! Я женщина, у меня есть глаза. Мне сразу стало понятно, что она собирается Ирку захомутать. Для этого она и пришла.

— А Ярмила тебе не мешала? Все-таки именно Ярмила была... официальной Иркиной подружкой.

— Ерунда! — отрезала Валерия. — Он с нею иногда встречался, конечно, но это было несерьезно.

«Так же, как и с тобой», — подумалось мне, но от комментария вслух я воздержался.

— А тебе не кажется, что ты ее недооцениваешь?

— Ярину? Да ладно тебе! Ирка — и такая курица!..

— Ты ведь с Иркой так и не порвала, верно?

— Нет, — вздохнула Валерия, — я — нет. Только...

Она умолкла. Выложить все начистоту ей не хватило духу.

— Послушай, Вали, я не собираюсь лезть в твои личные дела, но все-таки хотел бы еще кое-что узнать... У Ирки в комнате я нашел кое-какие записи и...

— Какие записи? — испуганно уставилась на меня Валерия.

— погоди. Сначала скажи, когда вы в последний раз встречались. Вернее, в предпоследний...

Готовясь к разговору с Валерией, я так и не решил, рискну ли задать ей этот вопрос. Однако сейчас момент показался подходящим. И я не ошибся. Она ответила не задумываясь:

— В конце мая. Он как раз вернулся из Африки.

— Ты была у него в Стрже?

Она кивнула.

— Можешь поточнее вспомнить, когда?

— Он прилетел в четверг. В пятницу мы поехали туда на его машине, а в субботу к вечеру он отвез меня обратно. Последний майский уик-энд. Вернее... — Она покусала губы. — Вообще наш последний.

Значит, неотправленное Иркино письмо предназначалось Валерии. Это подтверждала и пометка внизу: «Стрж, суббота».

— А что ты сказала Войте?

— Ничего! Просто, что меня не будет дома. — Она разревелась, но мне почему-то не было ее жалко, скорее наоборот. Пересилив себя, даже ободряюще похлопав ее по плечу, я заметил:

— Перестань реветь, а то вся слезами истечешь.

— Тоже выход из положения, — вздохнула Валерия. — Открыть на ночь газ у меня духу не хватит.

— С какой стати тебе газ открывать?

— Потому что именно я виновата в Иркиной смерти.

— Ты?

— Я его расстроила, вывела из равновесия. Когда я ушла, он, наверное, еще выпил, а потом сел на перила и свалился...

— Откуда ты знаешь, что он еще пил?

— Ирка прихватил с собой в комнату остатки сливовицы. Почти полбутылки. Мы вместе выпили по рюмке, а утром бутылка была пустая. До приезда следователя я заглянула в Иркину комнату. Бутылка стояла под столом, там не оставалось ни капельки.

Валерия достала платок и вытерла покрасневшие глаза. Я встал. Она мигом схватила меня за руку.

— Ты думаешь, Ирку кто-то убил, да, Гонза? Что это вовсе не несчастный случай?

— Я в несчастный случай не верю, — ответил я и, избегая ее заплаканных глаз, добавил: — Но был бы рад ошибиться.

11

Андреа лежала на кушетке в купальнике бикини, под головой две подушки, глаза скрыты солнечными очками, на лице — тоска и мрак. Мирка стояла у окна.

— Что случилось? Пчелы укусили? — не слишком удачно начал я разговор, и Андреа меня тут же одернула:

— Случилось то, что умер Ирка, если ты об этом уже забыл.

— Нет, не забыл, — возразил я. — Только что побывал у Валерии.

— Ну и?..

— Раскисла, как кисель. Покойный Гамлет отправил бы ее в монастырь.

— Отмаливать грехи? — ухмыльнулась Андреа. — Думаешь, это она полезла к Ирке?

— Я вообще ничего не думаю. С таким же успехом к нему могла полезть и ты.

— Оставь эти глупые шуточки.

— Ты первая начала, дорогая. А как аукнется... Что еще натворил Рудла? Кроме того, что чуть не разбил твой «фиат»?

— Я очень прошу тебя больше никогда не произносить в моем присутствии это имя, — подчеркивая каждое слово, потребовала Андреа.

— Ну, ладно. Я схожу к нему, он купит тебе охапку красных роз, упадет перед тобой на колени — и все наладится. Брось так расстраиваться, Реа. Что стоят твои неприятности рядом с Иркиной смертью? Скажи лучше, во сколько ты от него убежала?

Она вытаращила на меня свои прекрасные телячьи глазищи.

— В соседнюю комнату к Сапе, — уточнил я.

— Дед Всевед или кадровик. Больше никто столько не знает. Остается узнать, откуда.

— Утром я видел, что вы вышли из одной комнаты.

— Ах, вот как... — Она перевела дух. — А я уж боялась, что тебя облапошил тот подонок.

— Никто меня не облапошил. У меня есть собственные глаза... Так во сколько?

— А зачем тебе? Нет, ты прямо скажи — зачем?

— А затем, что хочу убедиться на все сто, что Ирка сам упал с перил и никто ему не помогал. Понятно?

— Да, — пискнула она и покорно кивнула.

- Ну, так узнаю я наконец, когда ты переселилась?
- Около двух.
- А может, чуть позднее? Скажем, в четверть третьего?
- Может, — согласилась Андреа. — Я на часы не смотрела.
- А что ты потом делала?
- Уснула.
- А когда проснулась?
- Ну, когда ты закричал, чтобы все вставали, что случилось несчастье. Разбудила Сапу, мы скоренько оделись и выскочили в холл. А там... — Голос у нее дрогнул. — А там такое... До сих пор в голове не укладывается.
- У меня тоже, Реа. Поедем? — обратился я к Мирке.
- Поедем, — подтвердила она, подошла к подруге и погладила ее по щеке. — Перестань убиваться, Реа. Ирке уже не поможешь, а портить нервы из-за Рудлы... Ты уж меня извини!
- Да, верно говоришь, Мирка, — кивнула Андреа. — Постараюсь не терять голову. — Она встала и приблизилась ко мне. — А ты не сердись на меня, Гонза.
- С какой стати? — возразил я.
- Вот и ладно, — заключила она, грустно улыбаясь.

12

Вечером в четверг мы с Миркой снова сидели в квартире Андреа, но самой Андреа с нами не было. Она лежала в соседней комнате и пыталась забыть после двух таблеток ноксирона. Голова моя была забита разными мыслями. Я раскопал целую кучу сведений, но Иркина смерть так и оставалась для меня загадкой. А между тем у меня созрело убеждение, что больше мне ничего и не требуется знать, что достаточно только расположить все сведения в нужном порядке — и путь к единственно правильному решению будет открыт.

— Надо бы взбодриться, — вырвал меня из нерадостных дум голос Мирки. — Я немного припрятала...

Она поставила на стол две рюмки и разлила остатки «черно-белого» виски. Мирка что-то еще говорила, но я ее не слушал, у меня перед глазами стояла раздирающая душу картина похорон.

Народу в церемониальном зале крематория собралось много. Пришли все сотрудники Иркиной фирмы, однокашники Высшей Экономической, на специальном автобусе приехали родственники. Из числа тех, с кем Ирка провел свои последние часы, отсутствовала только Валерия.

— Она даже одеться не могла. Пришлось вызвать доктора и попросить соседку присмотреть за ней, — объяснил Войта и, оглядевшись по сторонам, добавил: — Страшно переживает...

Стоявшая рядом со мною Ярмила злорадно бросила:

— Пани инженерша просто боится сплетен.

Мы с Миркой и Андреа встали позади всех, у самого крематория к нам присоединился было Рудла, но Реа так глянула на него своими непримиримыми, покрасневшими от слез глазами, что Мирка шепнула ему:

— Послушай, Рудольф, пока не трогай ее.

Он пожал плечами и отошел к группке молодых людей примерно моего возраста, видимо, одноклассников покойного.

Потом начался похоронный обряд. У меня защипало в глазах и сдавило горло, а надо было вытерпеть еще и прощальные речи. Звучали слова об Иркином трудолюбии и энергии, таланте и самоотверженности и еще Бог знает о чем, слова соболезнующие и утешающие, но не уменьшающие горя и не приносящие утешения. Когда же наконец прозвучала мелодия органа и катафалк с серебристым гробом, усыпанным цветами, медленно поплыл в пустоту, отгороженную от нас черным бархатным занавесом, Андреа повисла на мне всем телом, судорожно сжимая локоть, Мирка спрятала заплаканные глаза, а я, глядя на черную табличку с Иркиным именем, которая вот-вот будет убрана, и вслушиваясь в трагические переливы шопеновского реквиема, снова повторил вслед уходящему от меня другу свою клятву — клятву, которую я пока что не выполнил, но готов был исполнить, чего бы это мне ни стоило...

— Спит... — Миркин голос вырвал меня из безрадостных воспоминаний. Я недоуменно взглянул на нее. Оказалось, что она заглянула в спальню к Андреа.

— Интересно, как себя чувствует Валерия, — сказал я первое, что пришло на ум.

— Наверное, плохо, раз не пришла на похороны, — предположила Мирка.

— А Ярмила считает, что она просто испугалась сплетен.

— А с какой стати им сплетничать про Валерию?

— Потому что у нее была с Ирккой связь. Тайная, конечно, такая тайная, что о ней даже воробьи на крыше чирикали.

— Не знаю, как насчет воробьев, а люди уже давно перестали. У нас ведь любят сенсации, что-то новенькое. А это уже дела давно минувших дней.

— Правильно, но ведь ты не будешь спорить, что Валерия портила Ирке жизнь... И в ту страшную ночь без нее не обошлось.

— Это могла быть и я. Вспомни Сашины слова.

Я пристально взглянул на Мирку и сказал:

— Валерия призналась, что ходила к Ирке в спальню. А ты нет. Поэтому я и вычеркнул тебя из круга поклонниц.

— Ну, спасибо, — с легкой улыбкой заметила она. — Так ты считаешь, что самый серьезный мотив был у Валерии?

— Мотив... — произнес я с отвращением. — Мотива не было ни у кого — и в то же время он был у каждого.

— Но для Валерии я могла бы даже его сформулировать, — провозгласила Мирка и взяла рюмку. — Несчастливая и безответная любовь. Ну, не совсем безответная, скорее недостаточная. А еще вернее — бешеная страсть.

— Отлично! Вот и мотив у Валерии... Давай дальше!

Против своей воли я втянулся в обсуждение трагического события, это позволяло хоть на минуту забыть о сегодняшней трагедии.

— Возьмем Войту, — поднял я брошенную Миркой перчат-

ку. — Буду краток. Знал, что входит в любовный треугольник. Валерия устраивала ему не жизнь, а пекло, но он все равно любил ее. Кроме того, Иркина смерть способствовала бы его карьере. Хватит?

— Вполне. Ярмила...

— В общем, то же, что и у Валерии. С небольшими отличиями. Чувство разочарования, предательства, отчаяния, я бы даже сказал — стыд... Ясно одно: огромную роль здесь играет стечение обстоятельств. Хмель, отчаянное желание разрешить неразрешимую проблему одним махом, какое-то короткое замыкание в мозгу, приступ шизофрении... Попросту говоря, недобрая минута.

— Ладно, Ярмила — предательство, разочарование, стыд... Годится. Рудла.

— Заметил, как у Ирки загорелись глаза при виде Андреа. Он ей устроил скандал, и она удрала к Саше...

— Революция?

— Болезненная.

— Александра...

Я пожал плечами.

— Тут я еще не уверен. До конца ее не понял. С одной стороны, она кажется мне твердой и циничной, а с другой... Когда мы отвезили ее сегодня в крематорий, у нее были заплаканные глаза и в руке истерзанный платочек. Мотив для Саши?.. Тут уж помогай ты.

— Может, как раз то, что ты не можешь совместить. Разлад между цинизмом и тем «чем-то», что прячется у нее на доньшке. То есть нутро. Если хочешь — душа. Как тебе известно, в этом деле у меня немалый опыт... Может, она впервые в жизни влюбилась. По-настоящему, понимаешь? А Ирка прогнал ее. Одну-единешеньку. Часок она поревела в подушку, стгорая то ли от любви, то ли от злости. Показалось ей вдруг, что она может полюбить и просто так, без оплаты по прејискуранту. Вот и отправилась к нему, может, просто отвести душу, а он сидит себе на перилах и спокойноенько покуривает... Ну а потом — то же, что и у других. Недобрая, я бы сказала, секунда...

— Отлично! Высший класс! — оценил я Миркины рассуждения и, чтобы она не стала оправдываться, почему все так хорошо понимает, быстро добавил: — Значит, если не считать нас с тобой, остается только Андреа... — Я снизил голос. — Надеюсь, она спит крепко?

— Наверняка.

— Как видишь, дорогая, мотивов сколько угодно. Отсюда мы никак не выпутаемся. Как тут выбрать, высветить, а главное — доказать настоящий?.. Да, это вопрос. По крайней мере для меня. Следователю мы все практически втерли очки. А когда они получили протокол вскрытия, а там столько-то промилле алкоголя в крови — все как на ладошке! Нет, надо подойти иначе. С другого конца. Надо реконструировать всю ночь с пятницы на субботу. Перебрать все по минуте, проверить все приходы-уходы, только тут прячется решение. Или хотя бы зацепка. Потому что кто-то один соврал.

— Кто?

— That is the question*, как говаривал в таких случаях Гамлет. Ничего не попишешь, придется вернуться к началу. То есть к субботе. Скажем, к часу ночи. Итак, суббота... Компания начинает расходиться. С первого этажа по лестнице вверх, двери направо — Валерия и Войтек Дубенецкие, двери прямо — мы с тобой, дверь налево — Ирка. Две комнатки внизу: Рудла с Андреа, рядом — Саша, одна постель у нее в комнате свободна.

— Ярмила лежит, как колода на ковре.

— В 1.20 в холле уже темно. Войта по просьбе хозяина тупит свет наверху, а заодно предостерегает, чтобы тот не сидел на перилах, а то может свалиться. Да, прошу прощения! Еще раньше то же самое ему сказала Реа, а потом уже я. Ирка никого не послушался.

— К сожалению.

— Меня тоже сначала мучила совесть, но потом я как следует поразмыслил и понял, что нам себя винить не в чем. Конечно, совесть есть совесть, так просто она не умолкнет, но ведь, с другой стороны, Ирка упал не в половине второго, а на целых два часа позже. Улеглись мы примерно в половине второго. А через пару минут наверх босиком прокрадывается Саша. Все остальные — в своих комнатах.

— Кроме Ярмилы.

— Да, верно. Но с Ярмилой все о'кей. Спит как убитая. Я тоже засыпаю, засыпает, видимо, и Войта. Рудла с Реа «обмениваются мнениями»... Словом, без четверти три в вилле не спят и ведут дискуссию две пары. Рудла с Реа и Ирка с Александрой. Правда, эти двое свою дискуссию кончили раньше. Минут через пятнадцать.

— Саша узнала, что она девчонка первый сорт, получила поцелуй в лобик и пританлась в холле, подстерегая следующую посетительницу. — Глаза у Мирки блеснули зеленоватыми искорками, и она лукаво добавила: — Разумеется, меня.

— Вместо тебя, однако, на сцене появляется Валерия, значит, следующие полчаса у нас заполнены... А вот теперь мы медленно, но уверенно переходим от фактов к догадкам. Правда, пара зацепок здесь есть. Точнее, два письма.

— Стораю от любопытства. О каких письмах идет речь?

— Под крышечкой коробки сигарет «Астор», которую Андреа привезла Ирке из Франкфурта, на бумажной прокладке я обнаружил записку такого содержания: «Когда все уснут, приходи! Буду ждать в своей комнате». Записку я, к сожалению, забыл в Стрже, но запомнил ее дословно.

— А ты уверен, что это писал Ирка?

— Своей комнаты в вилле больше ни у кого не было. Так что вопрос только в том, кому эта записка предназначалась.

— Как кому! Валерии, конечно!

— Ты так думаешь? А вот я насчет адресата не уверен. Очень важно и то, когда он ее писал. Если позволишь, перейдем к возможным адресатам. Предположим, это Саша...

* Вот в чем вопрос (англ.).

— Саша? Нет, Гонза, только не Саша. Тогда почему он ее прогнал?

— Потому что после к нему привязалась Валерия! Не забывай и про Ярмилу. Он постарался от нее отделаться, потому что она стала предъявлять на него особые права. В пятницу мы вместе посмеялись над этим, а теперь я страшно жалею, что она не продержалась до конца.

Мирка задумалась. Потом спустила ноги с кресла, поправила платье, оперлась локтями о колени, положила подбородок на сомкнутые большие пальцы и спросила:

— Эту записку ты нашел в коробке «Астор», которую привезла ему Андреа?

— Совершенно верно. На прокладке под крышкой.

— И хотел бы знать, когда Ирка ее написал?

— Очень.

— Так вот, Гонза.— Она положила ладони на подлокотники.— Не стану тебя водить за нос; я это знаю.

— Да ты что!..

— Около полуночи мне вдруг захотелось соленого миндаля, и я пошла на кухню. Там за столом сидел Ирка, в руке у него была коробка «Астор». Открытая. Когда он меня увидел, то сразу же закрыл коробку, но потом открыл снова и предложил мне закурить. А на столе лежал карандаш... Записка написана карандашом?

— Да,— кивнул я.— Значит, этот след ведет в тупик.

— Почему? — удивилась Мирка, явно не ожидавшая такого замечания.

— Потому что записку он наверняка не передал — ни Саше, ни Ярмиле. Не успел передать, видимо, еще не знал, что после полуночи на него насядет Валерия. Она хотела с ним поговорить и взяла с него обещание, что он ее дождется. Ирка пытался ее отговорить, но Валерия это Валерия, сама знаешь. И она своего добилась.

— Мотив: приступ внезапной ярости...— тихо произнесла Мирка. И после паузы испуганно добавила: — Но тогда бы скорее убил...

— Погоди,— прервал я ее.— Не будем спешить. Валерия меня заверила, что Ирка отправил ее прочь примерно через полчаса. О деталях я ее, разумеется, не расспрашивал. Но знаю, что они выпили вместе по рюмке сливовицы. По словам Валерии, у Ирки осталось еще полбутылки. А вот утром... Утром бутылка была пустая. Валерия пыталась меня убедить, что Ирка допил ее сам. Но я в этом сомневаюсь...

— Ну а кто, по-твоему, ему помогал?

— Кто угодно. Потому что дальше у нас дыра на целый час. С половины третьего до половины четвертого все спали. Во всяком случае, так все уверяют. Кроме Рудды. То, что он не мог уснуть, это понятно... Так вот, около половины третьего он услышал в холле какие-то звуки, шаги, словом, шум. Сначала я предположил, что он слышал Валерию, но та вряд ли сильно шумела бы, ведь совсем рядом был Войта. А в холле все-таки что-то случилось.

— Ярмила?

— С таким же успехом это могли быть Андреа или Саша.

— Если только Валерия сказала правду и действительно вернулась от Ирки до половины третьего.

— Надо будет у нее уточнить. Так или иначе, все равно придется еще раз поговорить с обоими Дубенецкими. Проверить слова Валерии не у кого, а с Войты вообще взятки гладки: спал и ничего не слышал. Точка!.. А ты постарайся все вытянуть из Андреа.

— Почему из Андреа?

— Потому что после ссоры с Рудлой она тоже вряд ли сразу уснула. Может, что-нибудь еще вспомнит.

Сумрак в комнате сгустился. Было уже почти полдевятого. Я допил свою рюмку и добавил:

— А теперь от фактов переходим к загадкам.

— Загадкам?

Я сунул руку в карман пиджака и сказал:

— Загадка номер один. Но для этого понадобится свет. Глаза у тебя, правда, кошачьи, но все равно в темноте читать трудно...— Я подал ей сложенный листок бумаги.— Неотправленное Иркино письмо. Я нашел его после обеда в субботу на его письменном столе. Очень хотел бы знать, что ты на это скажешь.

Мирка взяла письмо, развернула. Потом зажгла стоящий возле кресла торшер и принялась читать. Свет лампы, отражаясь от ее волос, окрасил всю комнату в огненно-рыжий цвет. Она читала медленно, внимательно, потом положила письмо на стол и произнесла:

— Теперь понятно...

— Что понятно? — удивленно воскликнул я.— Ты знаешь, кому он писал?

— Нет, — ответила Мирка. — Теперь понятно, почему ты спрашивал, может ли любовь превратиться в привычку...— В глазах у нее снова заиграли зеленые искорки. — Тогда я еще входила в число подозреваемых?

Я ухмыльнулся.

— Только ради объективности расследования.

— По-твоему, он писал Валерии?

Я пожал плечами.

— Думаю, да, кроме того, ясно, что он еще раздумывал, посылать или не стоит.

— Почему?

Я поднял письмо со стола.

— Потому что догадывался, к чему это приведет. На следующий день она уже побежала бы в суд и подала бы на развод.

— Не знаю, но мне почему-то кажется, что это хорошее письмо. И что писал его Ирка от чистого сердца.

— Ты бы лучше шепнула, кому он хотел его отправить.

— Значит, Саша исключается. Меня ты вроде бы тоже вычеркнул из списка мерзавцев... Остаются Ярмила и Андреа. Впрочем, если, конечно, не существует еще какая-то незнаком-

на.

— Думаю, что нет... Ярмила утверждала, что у нее никого другого не было, и я ей верю. Иначе отчего бы Ирка пожаловался, что она ведет себя, как хозяйка? Когда я выспрашивал у него, что он собирается делать с двумя девчонками, он засмеялся и ответил, что одну из них придется спить.

— Что ему в конце концов удалось сделать, — констатировала Мирка, и в ее приглушенном голосе прозвучали минорные нотки.

— Теперь возьмем Андреа... Не исключено, что она завела с Иркой флирт. Хотя ты и утверждаешь, что она типичная женщина для одного мужчины.

— Предположим, я ошиблась.

— Тогда вот что получается. Пассаж о дружбе соответствует Рудла с Иркой друзья... Вернее, были друзьями. Тут все сходится. Но прочти первую фразу письма. «Ты ушла, но остаешься здесь со мной...» А теперь — последнюю фразу, вернее, пометку вместо даты: «Стрж, суббота». Стрж! А Андреа никогда до этого вечера в Стрже не бывала. А вот Валерия — да. В конце мая. С пятницы на субботу... Ясно?

— Нет, — ответила Мирка.

— Нет?

— Не сердись, Гонза, но ты рассуждаешь чисто рационально. А мне Иркино письмо попросту по душе, и я не могу себе представить, что он в нем лгал. Может, это женская сентиментальность, но... Да ты прочти его еще раз!

— Я уже выучил его наизусть, — возразил я, но все же послушался ее совета. Она встала у меня за спиной, глядя мне через плечо, а я начал, не торопясь, вполголоса:

— «Любимая!

Ты ушла, но остаешься здесь со мной. А вместе с тобой и мои сомнения...

...Не сердись на меня, иначе я не могу.

И.

Стрж, суббота»...

Все равно этот «Стрж» меня сбивает с толку. До его последнего дня рождения в Стрже бывали только Валерия, Ярмила и ты.

Я положил письмо на стол, а Мирка спросила:

— Ты считаешь, что Иркино письмо имеет такое большое значение?

— Убежден!

— Тогда остается только одно объяснение.

— Какое?

— Ирка писал Валерии и писал искренне, значит, он вовсе не был к ней так безразличен, как вы все считаете. Понятно?

— Ай да Мирка! — сказал я и отвесил ей глубокий поклон. Теперь еще решить загадку перстня с печаткой, его таинственного перемещения с моего пальца на Иркин — и ловушка захлопнется. — Но если Иркино письмо предназначалось Валерии, может, это и в самом деле лишь несчастный случай? Валерия мучается угрызениями совести, считая, что виновна в Иркиной смерти. Она сама мне сказала об этом в понедельник.

— Угрызения совести?

— Да, из-за того, что своим ночным приходом подействовала ему на нервы, и он влил в себя пол-литра сливовицы, захмелев, сел на перила и свалился оттуда. Тогда все загадки решены. С трех до половины четвертого все, кроме Ирки, спали, никто не лгал и никто никого не убивал.

Мирка задумчиво покачала головой.

— Мне непонятна одна вещь.

— Какая?

— Почему он после того, как напился, полез на перила, а не в постель?

— Это как раз понятно. Такая уж у него была привычка. Вернее, способ. Когда он хотел поскорее протрезветь, то вытворял что-нибудь головомомное. Например, гулял по перилам моста. Дома у него моста не нашлось, поэтому он залез на перила балкона.

Я пересел на подлокотник Миркиного кресла и обнял ее за плечи. Наверное, именно сейчас стоило бы покаяться в потере перстня, но мне доставало отваги. Такой ценный дар, купленный к тому же на сэкономленную за счет еды валюту, — и на тебе, в первую же ночь он у меня исчезает... Нет, с такими признаниями никогда не стоит торопиться. А таинственная смеяна хозяина наверняка получит самое прозаическое объяснение. Скорее всего он соскользнул у меня с пальца, Ирка его нашел, надел, а утром собирался вернуть мне.

Я было улыбнулся, но улыбка застыла на губах. Ведь и после прощания с Ирккой этот проклятый перстень все еще был у меня на руке. Ох уж этот перстень! Одни неприятности от него. По дороге в Стрж чуть не порвал Мирке чулок, кроме того, мне было неловко, что она первая преподнесла мне такой дорогой подарок, даже Андреа обратила на это внимание, заметив что-то вроде: «Придется тебе, Гонза, расплачиваться...»

Внезапно у меня перехватило дыхание. Я встал и еще раз прочитал Иркино письмо. Не все, а только первые два абзаца. Этого мне хватило с лихвой. Потом подошел к окну, выглянул на улицу. Было уже совсем темно.

— Что с тобой? — снова спросила Мирка, касаясь моей руки. — Ты бледный, как смерть.

— Мне надо съездить в Стрж.

— Да ты что! Зачем?

— Чтобы окончательно убедиться в том, кто в субботу на рассвете хладнокровно убил Ирку.

13

В Стрж я приехал почти в десять вечера, но Гаспровы еще не спали. Из Иркиных родственников не было никого. Я знал от Эвы, что сразу же после похорон все уедут в Брно, и на вилле, кроме Гаспровых, не останется никого.

Пан Гаспра был очень удивлен моим поздним наездом, но я пояснил, что обещал уладить кое-какие Иркины дела, например, сдать его пистолет, а кроме того, хочу вернуть машину.

Без дальнейших расспросов он пустил меня внутрь.

Сперва я зашел в спальню, где пять дней назад мы ночевали с Миркой. Задержался я там меньше минуты. Потом попросил пана Гаспру, чтобы он отправился со мною в Иркину комнату. Мы порылись в письменном столе. В самом нижнем ящике, да к тому же и в самой глубине, была спрятана Иркина «пушка» калибра 6,35. Я вынул обойму, посмотрел, сунул ее обратно и положил пистолет в карман пиджака. В верхнем ящике, где среди всяких бумаг и документов валялись свидетельство о крещении и диплом, мы обнаружили разрешение на оружие и заграничный паспорт. Их я тоже забрал с собой. Потом завел «фиат» в гараж, отдал ключи — и мне едва хватило времени добраться до станции и успеть на последний поезд в Прагу. Туда я дотащился почти в полночь. Домой на Винограды отправился пешком, чтобы хоть немного проветрить раскаляющуюся от боли голову, и почувствовал себя лучше. Спать лег часа в три, надо было как следует продумать организацию гала-представления, которое я собирался устроить завтра вечером.

С утра я договорился по телефону с Андреа, что соберу всех участников Иркиного дня рождения у нее дома. Она немного побрыкалась насчет Рудлы, но больше для приличия, чтобы доказать свою принципиальность.

— А что там будет? — полюбопытствовал Рудла, когда я позвонил ему около половины десятого.

— Сюрприз, — ответил я. — А кроме того, у тебя будет возможность повидаться с Андреа. Придешь?

Он заверил меня, что да, и я повесил трубку.

Ярмила никаких возражений не имела, даже не спросила, о чем пойдет речь. Пришлось только растолковать ей, где обитает Андреа. Я предложил подождать ее у подъезда без пяти восемь. Она согласилась и переключила меня на Войту. Он тоже пообещал, что обязательно придет, но за Валерию поручиться не может. Признался, что до сего дня продолжает обитать в гостинной, держать деньги в секретере и ужинать в ресторане. Но в остальном Валерия ведет себя нормально, по сравнению со вчерашним днем, разумеется. Ей сделали успокаивающий укол, и она проспала до самого утра.

Укол еще, наверное, действовал, потому что, когда я позвонил Валерии, она никак не могла сообразить, куда и зачем ей надо идти. Кое-как я все же ухитрился ей это втолковать.

С Миркой мне не удалось поговорить по телефону, на работе я ее не застал, дома тоже, но Андреа заверила, что приведет ее сама.

Наконец я набрал номер Саши. Она подняла трубку без промедления, очевидно, решил я, телефон стоит прямо у ее постели.

— Я тебя не разбудил?

— Почти, — ответила она, но по голосу этого не чувствовалось.

— Андреа приглашает тебя к восьми вечера на кофе.

— Спасибо за приглашение, — засмеялась она. — Никогда еще не пила кофе у такой прославленной особы. А кто там будет? Киношники?

— Нет, — ответил я. — Убийца Ирки.

— Не ждите от меня всякого там жеманства и экивоков, — заявил я, когда вскоре после восьми мы расселись в гостиной у Андреа. — Дипломатию разводить нам нечего... Сегодня как раз неделя с того дня, когда мы точно в таком же составе съехались к Ирке в Стрж отпраздновать его двадцативосьмилетие. А утром, в полчетвертого, собрались снова. Над Иркиным трупом. Уверен, что каждый из нас в какой-то степени виноват в его смерти...

— Вообще-то да, бесспорно, — сказал Рудла и даже кивнул головой. Он сидел справа от меня спиной к окну, между Миркой и Войтой. Напротив него на кушетке устроились Саша, Ярмила и Валерия, я сидел на табуретке у дверей в прихожую, а передо мной на коврикe расположилась Андреа.

Голос Рудлы неприятно действовал на нее, и она мгновенно превратилась в разбухшую львицу.

— Черт возьми, не суйся! — набросилась она на Рудлу. — Всем и так понятно, что Гонза имел в виду...

Я продолжил, стараясь не обращать внимания на ее выпады:

— Не стану задерживать деталями. Да и зачем? До часу ночи мы все прекрасно помним. Кроме Ярмилы.

— Переходим на личности? — скривилась та.

— Обязательно, — ответил я. — Тут не до деликатности. Ирке это стоило жизни, а нам... Ну, взглянем друг на друга трезвыми глазами, не больше.

— Начинаешь очень обещающе, — заявил Войта. — Интересно, чем кончишь.

Андреа снова встрепелась.

— Да перестаньте вы встречать со своими замечаниями! Так мы никуда не доберемся...

— Доберемся, — успокоил я ее, — не волнуйся... Вскоре после часа ночи мы разошлись по комнатам. Не стану повторять, что происходило в следующие двадцать минут. По официальным данным, я был последним, кто разговаривал с Иркой около половины второго. В действительности же после меня и до самой его смерти, случившейся через два часа, с ним говорили почти все из присутствующих.

Бац! Мое заявление действовало ошеломляюще. Разве что Саша сохраняла ледяное спокойствие и даже иронически усмехнулась. Валерия открыла рот, словно ей не хватало воздуха, Ярмила встревоженно задвигалась, Рудла недоверчиво завертел головой. Мирка с Андреа обменялись удивленными взглядами, а Войта не удержался и выкрикнул:

— Ты рехнулся, что ли?

— Нет, — возразил я. — Вовсе нет. Да и потом, чему ты удивляешься? Именно ты?

Войта умолк, у него, кажется, даже перехватило дух. Валерия уставилась на меня измученными и умоляющими глазами, но я отвел взгляд в сторону. Держись, подруга, держись, мысленно пожелал я ей, сейчас ты услышишь кое-что почище.

Я обратился к Саше.

— Я дал тебе слово, что услышанное от тебя использую только с твоего разрешения. Теперь мне такое разрешение нужно.

— Чего спрашиваешь? — без колебаний заявила она. — Разумеется.

— Спасибо. Итак, первой к Ирке пришла ты.

Она кивнула.

— Наверное. В конце концов, чем скорее, тем лучше, верно?

— В общем-то да, — признал я и тут же продолжил: — Саша отправилась почти без задержки, когда еще никто не спал, а ступеньки скрипят довольно сильно, так что слышали ее, по моему, все. И когда она уходила, большинство из нас, не считая, может быть, Войты и...

— Я не слышал, когда она шла наверх, — возразил Войта. — Как только лег, сразу же уснул.

— Ладно, — согласился я. — Валерия подтвердила твою алиби. Около двух, когда к Ирке отправилась она, ты наверняка спал.

— Я спал и после, — нисколько не смущаясь, заявил он. — Меня разбудил только ты.

— Давай не будем забегать вперед, — прервал я спор. — Короче, Валерия пошла к Ирке около двух. Точнее, двух еще не было. На башне в деревне пробило два через несколько минут. Но пока что минуты не имеют значения. Саша отправилась к Ирке, так сказать, вслепую. В отличие от Валерии, которая около полуночи предупредила Ирку, что придет. Верно?

Валерия кивнула и срывающимся голосом произнесла:

— Мне и в голову не могло прийти, что ты воспользуешься моей минутной слабостью. Я бы тебя и в дверь не пустила...

— Дело хозяйское, — невозмутимо заметил я. — Мне тоже в голову не пришло, когда я поздравлял Ирку с днем рождения, что через шесть дней придется идти к нему на похороны. Так что извини...

Она не проронила больше ни звука. Войта подчеркнуто внимательно разглядывал ногти на руке. Андреа кусала губы, а Ярмила с трудом сдерживала ярость. По моему, она с огромным наслаждением вцепилась бы Валерии в волосы.

Ходом гала-представления я был доволен. Все пока что шло как по маслу. Атаковать, провоцировать, шокировать, посеять между собравшимися взаимное недоверие, тревогу, даже панику — именно этого я старался добиться.

— Еще немного о твоей минутной слабости, Вали, — как бы между прочим сказал я. — Не сердись, но я не совсем тебя понял. Когда именно она тебя охватила? Когда ты мне в понедельник во всем призналась, или в субботу около полуночи, когда потребовала, чтобы Ирка тебя ждал, потому что тебе непременно надо с ним поговорить? — Я постарался вложить в глагол «поговорить» как можно больше иронии. Разумеется, она ничего не ответила, только стиснула зубы и нервно схватила сигарету. — Чтобы тебе было ясно: Ирка с тобой разговаривать не хотел. Он собрался встретиться с кем-то другим. Точнее, с другой. Понятно? — Я полез в карман пиджака и поставил на столик овальную коробочку с портретом Иоганна Й. Астора, которую вчера вечером взял в Стрже. — Незадолго до полуночи он сунул в эту

изящную вещицу любопытную записочку... — Я снова взял коробку в руки, открыл крышку, вынул из-под нее бумажную прокладку и подал ее Саше. — Будь так любезна, прочти нам, что писал Ирка. Может, даже тебе...

Саша недоверчиво посмотрела на меня, но взяла овальный кусочек бумаги и неуверенно проскандировала:

— Когда все уснут, приходи! Буду ждать в своей комнате... Ярмила заглядывала ей через плечо.

Я обратился к Валерии.

— Логично, правда? Если бы эта телеграмма предназначалась тебе, зачем бы он тебя отговаривал приходить к нему?

— Ты... хам несусветный! — выпалила Валерия, бледнея от злости, между тем как Войта, хотя и отвергнутый и вынужденный питаться в ресторане, все же проявил себя как мужчина и джентльмен и процедил сквозь зубы:

— Это уж чересчур, Гонза!

Тем временем Иркина записка шла по кругу. Как раз сейчас ее держала Андреа, а к ней тянул руку Рудла.

— Ну ладно, мы все время отвлекаемся. Гораздо важнее решить вопрос, кому все-таки Ирка писал. Если исключить Валерию, остается четыре возможных кандидатуры. Чисто теоретически... Давайте проверим каждую. Пожалуйста, не подозревайте меня в предвзятости, если я исключу из числа возможных адресатов в первую очередь Мирку. Дело в том, что она видела, как Ирка писал эту записку. Это было в кухне, где они случайно столкнулись наедине. Так что он вполне мог пригласить ее к себе устно. Но не сделал этого. Так что Мирка, очевидно, была не в его вкусе. — Тут я обратился к Ярмиле. — Мне очень жаль, Ярмила, но во вторую очередь отпадаешь ты. Даже если бы ты потом не уснула, Ирка не стал бы тебе писать. Он мог сто раз все это сказать. При всех и вслух.

Она облизала верхнюю губу и смущенно опустила глаза.

— Андреа тоже не станем принимать в расчет. Просто не вижу повода.

— Спасибо тебе, Гонза. — Она натянуто улыбнулась.

— Значит, остается Александра. Иркина записка скорее всего предназначалась ей, он не хотел, чтобы об этом узнала Ярмила, но после того, как около полуночи на него надела Валерия, он эту записку не передал. А когда Саша пришла сама, отправил ее обратно спать.

Саша легонько усмехнулась. Удовлетворенно и даже победно. Порой так мало требуется для довольства. Она отпила вина, а я продолжил:

— Однако это только первая альтернатива. Продуманная, неподтвержденная, но, возможно, вполне реальная. Вторая гораздо сложнее. Дело в том, что есть еще одно Иркино письмо, по стечению обстоятельств тоже неотправленное... — Я достал письмо из кармана. — Вот оно. Я хочу, чтобы вы его услышали. Кое-что оно вам прояснит. Например, что Ирка был вовсе не поверхностным и легкомысленным бабником, а деликатным и принципиальным человеком.

Теперь я для разнообразия выбрал Андреа, передал ей приговор убийцы и попросил:

— Будь так добра, Реа...

Она нерешительно взяла письмо и начала читать. Лучшего чтеца выбрать я не мог. Она читала именно так, как требовалось: тихо, без пафоса, почти не меняя интонаций, но с глубоким чувством. Я обвел взглядом собравшихся. Саша слушала с опущенными глазами, Валерия машинально ломала пальцы, то и дело кривила губы, мне даже показалось, что она дрожит всем телом. Лица Ярмилы я не видел, она закрылась ладонями, то же сделала и Мирка. Рудла внешне был спокоен и сосредоточен, только впился взглядом в Андреа, и кончики губ у него то и дело подергивались. Войта мрачно смотрел на то, как Валерия ломает пальцы.

Андреа закончила читать и положила письмо на стол.

— Спасибо, Реа, — произнес я в гробовой тишине. — Для верности еще раз — дата и подпись. Автор подписался только первой буквой имени, а дату не поставил. А жаль. Точная дата нам бы очень помогла. Пришлось мне этим заняться. В понедельник я зашел к одному приятелю, который работает в химической лаборатории. Он заверил меня, что чернила высохли пятнадцать — двадцать дней назад. Вместо даты стоит внизу пометка: «Стрж, суббота». Важная, очень важная пометка...

Я взял Иркино письмо в руки, прочитал обращение и первую фразу:

— «Любимая! Ты ушла, но остаешься здесь со мной...» Вы обратили внимание? «Остаешься здесь со мной...», — повторил я, подчеркивая обстоятельство места. — Здесь, тут, то есть в Стрже. Так что можем исключить кое-кого из числа адресатов и по этой причине. Впервые в Стрже были Саша и Андреа. Из мужчин Рудла и Войта. Значит, остаются Валерия, Ярмила и Мирка, — заключил я. — Теперь дальше: «У меня множество недостатков, — пишет Ирка, — но никогда я не был и не хочу оставаться вором. А украсть у друга жену или возлюбленную — это самое мерзкое воровство...» Пока хватит. Ярмила не замужем, у нее нет парня, который был бы к тому же Иркиным другом. Верно?

— Да, — вздохнула Ярмила, слегка кивнув головой.

— Остаются Валерия и Мирка. Можно предположить почти наверняка, что записка в коробке от сигарет и письмо предназначались одной и той же женщине. Следовательно, Мирку вычеркиваем. В результате нам остается одна Валерия. Но письмо никак не может быть адресовано ей. Если позволите, еще одна цитата...

Я помолчал. Никто не пытался меня прервать, только Валерия следила за мной злым, ненавидящим взглядом, как разжалованный офицер за начальником, срывающим с него погоны.

Отчетливо и с выражением я прочитал часть второго абзаца:

— «...Никогда я не был и не хочу становиться вором. А украсть у друга жену или возлюбленную — это самое мерзкое воровство. Я всегда считал, что не способен на подлость, но в последнее время уже не так в этом убежден, хотя случилось все это не по моей вине. Но это не имеет значения».

Я взглянул сначала на Войту, потом на Валерию. И поинтересовался:

— Я убежден, что Ирка писал не тебе. Надо доказывать?

— Не стоит трудиться. — Она чуть ли не выплюнула эти слова мне в лицо.

— Очень рад, — отозвался я. — Ты даже не представляешь, как я рад.

Рудла ухмыльнулся:

— Значит, опять мы вернулись к началу.

— Как ни странно, приятель, мы потихоньку приближаемся к концу. Беда в том, что, вычеркивая возможных адресатов, мы допустили кое-какие ошибки. Грубые ошибки, нарушение правил формальной логики. Ты, наверное, знаешь эти правила еще со школы. Если посылы ошибочны, ошибочен и вывод. Попробуем найти ошибку в посылках. А для этого отойдем немного в сторону... С самого начала меня в этом случае сбивала с толку одна неразрешимая загадка. В пятницу вечером перед приездом в Стрж Мирка подарила мне перстень с печаткой. Черный оникс с монограммой в золотой оправе. Может быть, ты его у меня видел?

— Верно, — подтвердил Рудла. — Ты его нам показывал еще в машине.

Саша, Ярмила и Андреа закивали головами. Войта что-то пробурчал, Валерия меня игнорировала.

— Обращаю ваше внимание на то, что он был мне великоват, но когда я шел спать, он еще был у меня на пальце. Утром он был уже на пальце у Ирки...

— У Ирки? — спросил Войта и покрутил головой. — Уж извини, но я что-то не заметил, чтобы у Ирки на пальце был какой-то перстень.

— Ты и не мог заметить, Войта. Он был у него на левой руке. А если помните...

— ...левая рука была у него завернута за спину, — закончила Саша.

— Правильно, — подтвердил я. — И только когда приехали санитары и я стал помогать им укладывать Ирку на носилки, тогда заметил перстень.

Впервые за целый вечер я впрямую взглянул на Мирку. Она сидела с недоуменным видом. И спросила:

— Выходит... у тебя этого перстня нет?

— Есть, — ответил я, полез в карман и надел перстень на безымянный палец левой руки. — Скажи, пожалуйста, Мирка, где ты его купила?

— Где? Во Франкфурте, на ярмарке.

— А как же он попал на палец Ирке? — спросила Ярмила.

— А никак! Дело в том, Ярива, что перстней было два. Свой я вчера вечером нашел в Стрже, он лежал в постели. А Иркин отдал его сестре.

С минуту стояла полная тишина, потом я сказал Мирке:

— Оба перстня трудно было различить... Может, ты купила два?

— Зачем же мне покупать два одинаковых перстня?

— Другого объяснения я не вижу.

— Я купила только один,— решительно заявила Мирка, встала и подошла ко мне.— Покажи-ка его!

Я снял перстень с пальца и подал ей. Она внимательно его осмотрела, потом пожала плечами и сказала:

— Ручаюсь, что это он, но... О господи! — внезапно вскрикнула она и сильно затрясла головой, как бы страшась поверить, что загадка имеет такое простое, очевидное решение. Ее широко открытые зеленые глаза наполнились страхом.

— Да-да,— быстро продолжил я.— Другой перстень купил кто-то другой. Тот, кто был с тобой во Франкфурте на ярмарке и тоже его увидел. Может быть, ты сама его и показала ему... Или ей?

Теперь уже догадка осенила всех, и шесть пар глаз уставились на Андреа. Она сидела боком к нам, чуть наклонясь вперед, руки сплетены под левым коленом. Голова сильно согнута, подбородок прижат к груди, и я, стоя над нею, вместо лица видел только золотую копну волос, ослепительную на фоне черного свитера. Она сидела точно каменная.

— Второй перстень купила ты, Андреа,— тихо сказал я.— И дала его Ирке примерно в три часа ночи, после того как от него ушла Валерия. После ссоры с Рудлой ты убежала к Саше, которая вскоре уснула. Ты переделалась, взяла перстень и потихоньку пошла наверх. Ирка тебя ждал. Не знаю, о чем вы там говорили, но допили почти полбутылки сливовицы. Когда уходила Валерия, ее оставалось как раз пол-литра, а утром бутылка была пустая. Эта сливовица, страшная гадость, как ты сказала, тебя и подвела. В среду ты проговорила, Реа. Алкоголь действительно паршивая вещь, дорогая, он развязывает язык. Помнишь? «Если бы Ирка непил это паршивое пойло, мог бы сидеть здесь с нами...» А откуда ты знала, что он пил? Нетрудно догадаться, верно?

Она неопределенно повела головой.

— Но одно ты мне все-таки скажи! Ты читала Иркину записку? Ту, что на прокладке?

— Читала...

Я взял со стола Иркино письмо и положил его на коврик перед Андреа.

— Ирка писал это тебе, возьми его. Вряд ли когда-нибудь ты получишь еще такое искреннее письмо, Андреа... А теперь,— я повернулся к Рудле,— мы подошли к нашему ошибочному письму. Вспомни, как в пятницу мы ехали в Стрж. Мы ехали уже по деревне, а я как раз показывал вам Миркин подарок... — Я вернулся к столу и тяжело опустился на свое прежнее место.— Андреа еще подколола, что теперь моя очередь. Купить Мирке кольцо. Скорее всего обручальное. Помнишь?

— Отлично помню,— сказал Рудла.— Даже знаю, где это было. Как раз перед тем, как мы свернули на виллу.

— Прекрасно, у тебя великолепная память, так что, надеюсь, ты подтвердишь и еще один, гораздо более важный факт. Решающий факт... После этого, тут же, Андреа подсказала тебе дорогу. «Теперь налево»,— заметила она. И это при том, что

вроде бы никогда в Стрже не была, а значит, не могла знать, где Ирка живет и куда тебе надо поворачивать.

— О господи! — расстроено проговорил Рудла. — Все верно, Гонза...

— Все это я сообразил только вчера. Из-за перстня... — Я снова обратился к Андреа. В моем голосе звучали твердость и неумолимость. — Все просто, ты уже бывала у Ирки в Стрже. Скорее всего только раз. В субботу или в пятницу вечером. Помоему, в пятницу. Словом, за день до того, как уехала на ярмарку. А уехала ты в субботу. Ты сама мне об этом сказала позавчера, помнишь?

— Да, — выдохнула Андреа, а я снова повернулся к Рудле:

— А друг, о котором говорится в письме, — это ты, Рудольф. У Ирки уже был неприятный опыт в этом деле, и он не захотел быть вором и подонком. Решил подождать, пока вы разберетесь в своих делах. А сам... Сам взял да и пригласил на свой день рождения двух девушек. Двух, понимаешь? Чтобы легче было отказаться от обеих. Он уже любил Андреа, но не хотел любить ее у тебя за спиной. Он считал тебя другом. — Я сделал небольшую паузу и, выделяя каждое слово, добавил: — С этим Ирkinым утверждением я полностью согласен. Мы с ним были друзьями, больше того — он спас мне жизнь. Я не могу вернуть ему его жизнь, но отомстить — это в моих силах. Око за око, зуб за зуб...

Я сунул руку в нагрудный карман пиджака и вытащил Ирkin пистолет. Вынул обойму, проверил и сунул обратно. Потом положил пистолет перед собою на стол.

Валерия и Ярина вскрикнули и вскочили с кушетки. Войта пригнулся было, но всего-навсего положил руки на подлокотник. Андреа наконец подняла голову и уперла в меня непонимающий взгляд. Мирка встрепенулась, бросилась к ней и обхватила ее за плечи.

— Ты с ума сошел, Гонза! — выкрикнула она.

— Нет, — сказал я, — вовсе нет.

Теперь заговорила Андреа:

— Ты все говорил правильно, Гонза, почти все. Три недели назад в пятницу я была в Стрже. Ездила туда на машине. Домой уехала после полуночи. И перстень с печаткой в Германии купила. Я увидела его у Мирки, он мне понравился, и я привезла его Ирке на день рождения. Ночью, примерно часа в три, я его Ирке отдала... Но я не убивала.

— А разве я это говорил, Реа?

Все смотрели на меня как на полоумного, но я никогда еще в жизни не сознавал так ясно и четко, чего добиваюсь.

— Что ты показала нам дорогу на виллу, я понял только вчера, а вот Рудла гораздо раньше. Сразу же! И именно эта минута сделала его убийцей. Он еще раньше что-то подозревал и следил за тобою все время. Вспомни, как сразу после приезда, еще на вокзале, ты решила поехать к Ирке на день рождения. И это после долгой и нелегкой поездки. Да еще две недели ни сна, ни отдыха на ярмарке... Любая на твоём месте отправилась бы спокойно спать. А ты все-таки поехала. Зачем?.. Ночью вы с Рудлой выяснили отношения. Ты сказала ему, что все кончено,

и перебралась к Саше. Ирка тебе написал, «пока все уснут», и ты ждала. Он тоже, коротая время за сливовицей. Скорее всего ты вышла без четверти три...

— Совершенно верно,— кивнула Андреа.

— Вот тебе и шум в холле, Рудла.

Рудла стоял, как дуб в безветренную погоду, без единого движения.

— Когда ты пришла к Ирке и отдала ему свой перстень, бутылка была уже почти пустая, верно?

— Нет, не верно,— сказала Андреа.— Хватило еще нам обоим по стаканчику.

— Ну а потом?

— Потом он отправил меня спать. Пообещал, что с Рудлой потолкует на следующей неделе. Потому что сегодня он его гость, и было бы непорядочно...

— Верно, это в Иркином стиле. А дальше все ясно. Вниз ты сошла на рассвете. Примерно в четверть четвертого. И пошла прямо в Сашину комнату. Даже не стала переодеваться. А Ирка... Ирка хотел свое счастье отпраздновать в трезвом виде. Вот потому-то и сел на перила. Было у него такое дурацкое обыкновение... Между тем Рудла подкараулил в холле. Он все время следил за тобой. Хмель у него давно выветрился, а вот злость нет. Он всегда злился на Ирку. Тупым и бездарным на роду написано ненавидеть умных и талантливых. В армии первую неделю требовал, чтобы его бывший однокашник обращался к нему только на «вы», строго по уставу, не только на занятиях, а везде, даже в уборной. И все из-за того, что сам вылетел из института, который Ирка осилил одной левой. Потом он сообразил, что может от Ирки кое-что выгадать. Переменился мгновенно. Стал лучшим другом. После армии Ирка помог ему устроиться на отличную должность. К тому же в Праге, чтобы у Рудольфика была возможность доучиться. Но злость, усиленная завистью, уязвленным самолюбием и чувством собственной никчемности, у Рудлы не пропала. И в конце концов выросла до небывалых размеров, потому что дело коснулось тебя, Андреа. Он никак не хотел тебя упустить, но, когда ты познакомилась с Иркой, понял, что шансов у него нет. Весь вечер и всю ночь он старался выяснить, действительно ли потерпел поражение, и к утру уже в этом не сомневался. А тут и случай подвернулся, как избавиться от соперника. Ирка либо не слышал его, либо не обратил на него внимания, так что Рудле хватило одного мгновения. Миг — и все было кончено. Свинство, мерзость, подлость... Как, по-твоему, Рудла? Тебе нужны еще какие-то улики?

Рудла был явно огушен. От него ускользнуло то, что у меня нет никаких прямых доказательств его вины, что все мои утверждения вполне логичны, точны, согласованны, но не больше, чем гипотезы. Он чуть заметно качнулся в сторону стола, и я протянул руку за пистолетом. Но он опередил меня. Схватил оружие в правую руку, левой взвел курок и отскочил в угол к окну. Женщины дружно взвизгнули. Саша, не растерявшись, попыталась выскочить в дверь, но, как нарочно, налетела на меня и очутилась в моих объятиях.

Рудла нацелился на нас и приказал:

— Отойдите от дверей!

Я торопливо оттолкнул от себя Сашу.

— Идиот, не сходи с ума, я дам тебе возможность явиться с повинной. Это смягчит приговор...

— Наплевать! — зашипел он. — Прочь от дверей!

Я отступил в сторону.

— Все назад, к стене! Быстро! — скомандовал Рудла высоким, ломающимся голосом. — Шевелитесь!

Я подтолкнул вперед окаменевшую Валерию, потом Ярмилу и Сашу. Мирка с Андреа и Войтек уже стояли у стены.

— Что ты собираешься делать, дубина? Думаешь, что скроешься? В самом центре Праги? Ума не хватает!..

— Заткнись! — рявкнул он и ткнул пистолетом в сторону Андреа. — Ключи! Давай твои ключи, слышишь? От квартиры и от машины...

Андреа сделала какое-то неопределенное движение, а я медленно двинулся к Рудле. Но тут кто-то меня схватил. Мирка.

— Пусти! — сказал я, но она не послушалась, вцепилась в меня изо всех сил, стараясь к тому же заслонить своим телом.

— Он убьет тебя...

— Нет... — Я с силой освободился из ее объятий.

— Ключи!

— Нет, — повторил я и сделал еще шаг вперед. Он целился прямо в грудь, а мне еще надо было преодолеть почти половину комнаты.

— Ключи! — потребовал Рудла в третий раз. На лбу у него проступили крупные капли пота, он смотрел на меня безумными глазами. — Если двинешься, разделаю тебя, как Ирку...

Я пренебрежительно усмехнулся.

— Чушь городишь, Рудла. Это тебе не просто толкнуть и удрать, тут придется выстрелить. Чтобы убить еще одного, да при стольких свидетелях, у тебя духу не хватит.

Глядя прямо ему в глаза, я решительно двинулся вперед.

Он нажал на спуск, когда мне оставалось всего пару шагов. Пистолет сухо щелкнул. Выстрела не прозвучало.

Я приостановился, чтобы у него хватило времени понять, в чем дело.

Он попытался снова взвести курок.

— А еще сержант! — ухмыльнулся я. — Это же самовзвод, он перезаряжается автоматически.

Однако он еще ничего не понял. Прицелился мне в голову, страшно ощерился, закрыл глаза и снова нажал на спуск. Но я уже стоял перед ним и ребром ладони вышиб пистолет. Он упал на коврик. Я отпихнул его ногой за спину, и кто-то позади быстро его поднял.

— Зря старался, — сказал я. — Он не заряжен.

А потом я его ударил. Всего один раз. Это был прямой справа в челюсть. Ему этого хватило. Он отлетел от меня как тренировочная груша, ударился затылком об стену и застыл в полном ошеломлении, не в силах даже пошевелить пальцем. До него дошло, что он проиграл.

— Я же сказал тебе, что ты идиот. Требовал ключи, а оставил нам телефон. — Я подошел к столу и поднял трубку.

Набирая номер отделения безопасности, вдруг осознал, что он хотел меня убить, что дважды, целясь в меня, нажимал на спуск, но мне уже неохота было пачкать об него руки, просто было противно.

— Слушаю, — раздалось в трубке.

— Минуточку, — сказал я и передал трубку убице.

Я сделал так ради Ирки. Клятву я выполнил и был уверен, что он на моем месте поступил бы точно так же.

Пока Рудла, заикаясь, признавался, что он убил инженера Кормана, кто-то обнял меня за талию. Мирка.

— Все в порядке, дорогая, — сказал я ей. И улыбнулся, чтобы не заплакать.

Перевод с чешского БОРИСА КОСЕНКОВА.

НЕМЕЦКИЙ ЦЕНТР ГИТАРИСТОВ

BAVARIA

приглашает на заочно-очные курсы начинающих и играющих. Прием производится круглогодично. В программе обучения западноевропейская и американская гитарная музыка и песни. Плата за обучение невысокая. Наш центр не только обучает игре на гитаре, но и после окончания учебы предоставляет ученикам работу в Германии в музыкальной сфере сроком от 1 до 6 месяцев. Заработок до 5 тысяч нем. марок в месяц. Возраст с 15 до 54 лет. Напишите нам по-русски или по-немецки, и мы вышлем условия приема:

ГЕРМАНИЯ

An Direktor von Gitarrenzentrum "BAVARIA" Waldemar Zwetko-Blume

Linnbrunnerweg 5 D-84028 Landshut Deutschland

Если Вы желаете ускорить процесс, то позвоните нам, мы говорим по-немецки и по-русски. Телефон: 1049-871-55941.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИР ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МУЗЫКИ!

Henpegck

Еще в юности, как утверждает Диана Шагаева, судьба улыбалась ей. Она родилась и выросла в Москве. Пока училась в ГИТИСе, познакомилась с Геннадием Шагаевым, влюбилась, а по окончании института молодожены, они же молодые специалисты, отбыли в Петербург, где и свили благополучное гнездышко.

Бывшие однокурсники Дианы, ее преподаватели недоумевают, почему она сменила театральную сцену, где ей прочили яркое будущее, на мир эстрады: пестрый, непонятный, неумный. Если бы она могла объяснить свои поступки... она бы не была Дианой Шагаевой. Уж такая, видно, она уродилась — одержимая, беспокойная. Но у Дианы есть потрясающее достоинство. Из всех жизненных передряг, в которые попадает, ей удается выбраться не со стандартным набором неудачника — занудством и брюзжанием, а с юмором, оставаясь «Мисс хорошее настроение». Это звание вполне официально за ней закреплено еще на Дрезденском фестивале песни. Кроме того, Диана — обладатель Гран-при Международного фести-

валя в Улан-Баторе и лауреат 1-й премии песенного фестиваля «Мелодии друзей». А в конце прошлого года она стала «Мисс Белые ночи» на фестивале «Белые ночи» в Санкт-Петербурге. Она не досаждаёт знакомым и журналистам разговорами о тяжелой женской доле. Страдать и переживать Диана предпочитает в одиночку. Потому поговорим с Дианой... о погоде, о любви.

— *Диана, самый приятный день в вашей жизни?*

— Приезжаю на несколько дней в родную столицу. Съёмки, концерты, встречи с приятелями... Одним словом, несколько сумасшедших дней. Сажусь в трамвай и слышу за спиной: «Смотри, это же Шагаева, ну она «балалайку» классно поет...» Оглядываюсь: сидят две девчонки, одна с интересом, другая не без вызова глядят на меня. У меня уже готово с языка сорваться: «Как приятно! Меня узнают...» Но тут девица, что постарше, осаживает подругу: «Ну, конечно, будет тебе Шагаева на трамвае трястись, у нее «тачек» собственных немерено...» Приятно было ощутить себя известной и к тому же богатой.

— *А, говоря языком девочек, «тачек» у вас действительно много?*

— Одна. Заезженная мной и мужем.

— *Наверное, любите быструю езду?*

— А какой русский не любит... Недавно с сыном ехали, я — за рулем. Каюсь, не справилась с управлением, вынесло меня на встречную полосу. Пострадавших не было, но досталось «Москвичу». Пока ГАИ разбиралась, я кинулась к водителю, мол, не волнуйтесь, все возьму, отремонтирую, машина будет как новенькая. Пожилой мужчина шарахается от

азуемая

ДИАНА

меня и только одно повторяет: «Мне ничего не надо». Потом мне объяснили «стражи дорог», что он узнал меня, но боится артистов и считает, что лучше не связываться. Обидно...

— Диана, вы любительница розыгрышей, а самой рикошетом не достаётся?

— А как же... В Кемеровской области предстояли большие торжества, и меня пригласили выступить в сборных концертах. Прилетаем туда очень солидным составом. Из аэропорта всю группу везут в гостиницу, принимают по высшему разряду: на полном доверии, не требуя паспортов, заполнения анкет — понимают радушные хозяева, что гости с дороги устали. Передо мной у стойки Тамара Гвердцители. Ее не узнали. Представьте, этой царице эстрады пришлось называть себя, лишь после этого ей вручили ключ от номера. Тамара спокойно, никак не среагировав на это, удалилась, а меня задело. Делаю надменное лицо, мол, меня-то, надеюсь, узнали. Никакой реакции. Тогда бросаю администратору с вызовом: «Эдита Пьеха!» Хозяева засуетились, подобрили: «Мы так рады, вы, как всегда, прекрасно и молодо выглядите»... Они готовы были за мной до номера бежать, осыпая комплиментами. Я, естественно, довольна: отыгралась за коллегу.

— Диана, вы азартный человек?

— Азартные игры люблю. Например, как-то даже выиграла в карты у Бориса Моисеева, руководителя трио «Экспрессия», и заставила его бежать впереди автобуса — таково было условие для проигравшего.

— Вас не смущает взрослый сын рядом?

— Вы имеете в виду, что с ним мой возраст легко вычислить?

Нет. Женщине столько, на сколько она выглядит. К тому же пятнадцатилетний сын не очень-то меня за маму держит. Мы с ним как брат с сестрой...

— Диана, вы по складу своего характера не должны любить грустные песни.

— Мой репертуар не из одних «балалаек» и «черных котов» состоит. Есть и грустные, лирические песни, и патристические. Настроение от песни меняется, быстро захожу в новый образ. В жизни, в общении с близкими или незнакомыми людьми стараюсь быть повеселее. Но это не значит, что у меня вечно рот до ушей. Недавно Ольга Молчанова пригласила меня на съемки программы «Шире круг». Я должна была петь после Акима Салбиева свои развеселые «Галоши». У него же была песня Малежика «Я забуду тебя» — о неразделенной любви, грусти, боли расставания. Стою за кулисами, настраиваюсь на свой выход, но такая красивая мелодия, что невольно вслушиваюсь в слова. И чувствую, слезы катятся по щекам, не могу с собой справиться. мой выход через минуту-две, а я с зареванной физиономией, что с макияжем стало, комментировать не буду... Пришлось режиссеру делать перестановку в программе. Вот такая я непредсказуемая даже для себя.

— Это значит, что Диана Шагаева — нормальный живой человек. И не надо ей меняться, придумывать себе имидж. Может, поэтому вас и любят зрители, коллеги, друзья?

— Пусть только любят. Это для меня дороже всего. А уж за что — меня не волнует.

**Беседу вела
МАРИНА ГУСЕВА.
Фото на IV-й обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА.**

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Подведены итоги конкурса решения шахматных задач, опубликованных в журналах «Смена» в 1994 г.

Победителями стали:

М. Дерябин (Калуга), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **К. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **А. Миролюбов** (Рыбинск), **Г. Попов** (Якутск) и **В. Симонов** (Самара).

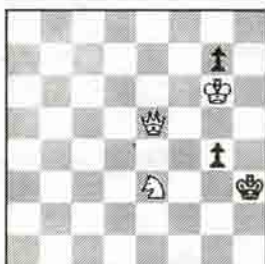
Все они награждаются дипломами и книжными призами.

Редакция поздравляет победителей и желает им новых успехов!

ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

67. В. АНТИПОВ

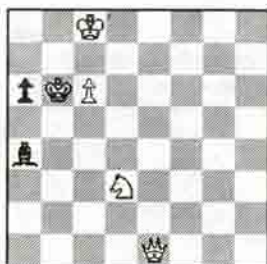
г. Боровичи Новгородской обл.

Мат в 2 хода

68. В. СОНИН

г. Рузаевка, Мордовия

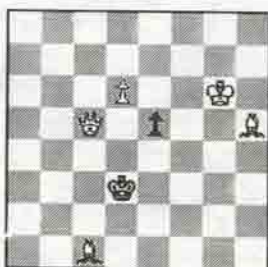
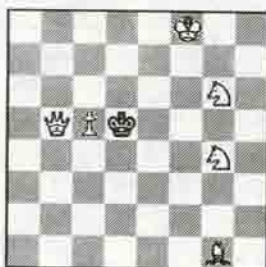
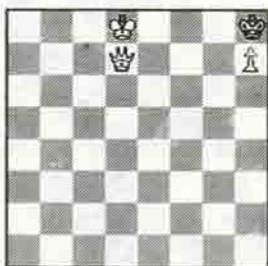
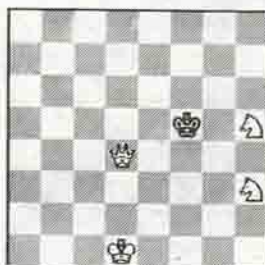
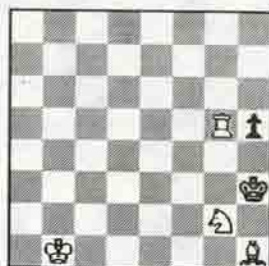
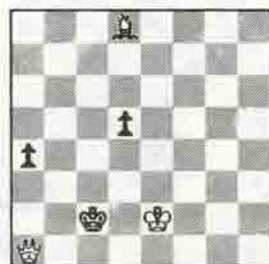
Мат в 2 хода

69. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

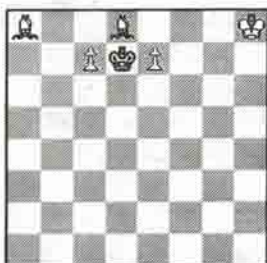
г. Котовск, Украина

Мат в 2 хода

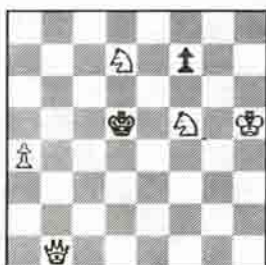
70. М. МАРАНДЮК*г. Новоселица, Украина***Мат в 2 хода**б) $e5-d5$; а) $e5-b3$ з) $Kpg6-g1$ **71. В. ПИЛЬЧЕНКО***г. Сухой Лоз
Свердловской обл.***Мат в 2 хода****72. М. ЧЕРНУШКО***г. Уссурийск***Мат в 2 хода****73. В. СОНИН***г. Рузаевка, Мордовия***Мат в 3 хода****74. Н. ЧИСТЯКОВ***Омск***Мат в 3 хода****75. В. АНТИПОВ***г. Боровичи
Новгородской обл.***Мат в 3 хода**

76. В. КОЖАКИН и О. САКС
Магадан

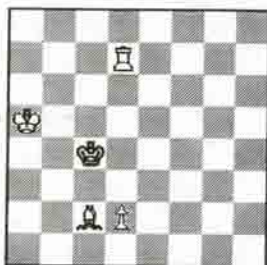
Мат в 3 хода

77. В. ИВАНОВ
пос. Повенец, Карелия

Мат в 3 хода

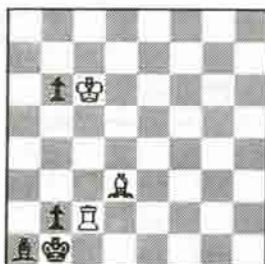
78. А. ЗАЕЗЖАЙ
с. Мельня Сумской обл.

Мат в 4 хода

б) Сс2—d1

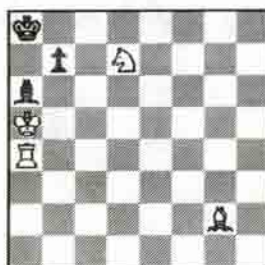
79. В. КОЖАКИН и В. СВЕРГУНОВ
Магадан

Мат в 4 хода

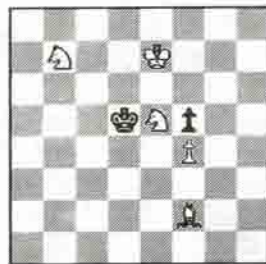
б) Крс6—b5, Cd3—d1

80. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

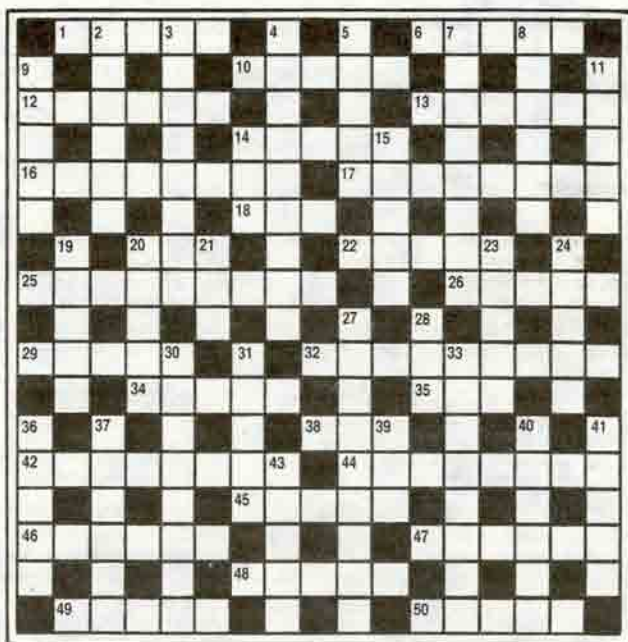
Мат в 4 хода

81. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица, Украина

Мат в 5 ходов

б) Cf2—e3, в) Kb7—g2

1. Укрепление, по форме напоминающее наконечник стрелы. 6. Металл, пахнущий смесью хлора с чесноком. 10. Рептилия, превосходящая по весу мадагаскарского хамелеона в восемьдесят две тысячи раз. 12. Греческий историк, бывший адвокатом фиска в Риме. 13. Деревня, где живет героиня поэмы С. Есенина «Анна Снегина». 14. Чешский писатель, еще в 1924 году написавший: «Попробуйте поговорить с коммунистом о селезенке, вам тут же разъяснят, что это буржуазная наука». 16. Безоговорочный приверженец той или иной идеологии. 17. Напиток, который обрученные во Франции пили целый месяц. 18. Подземный Зевс. 20. Перемещение силой в одну дину на один сантиметр (единица). 22. Древнее поселение в Иране, где в 1947 году найден клад золотых, серебряных и бронзовых изделий в скифско-персидском стиле. 25. Бальзамин, с треском разбрасывающий семена, стоит к нему прикоснуться. 26. «Круглый» снегопад. 29. Римский военачальник и дипломат, проложивший названную его именем дорогу от современных Римини до Пьяченцы. 32. Действие, у которого есть таблица. 34. «Мадемуазель ...» — оперетта Ф. Эрве, шедшая в Москве и Петербурге под названием «Лиса Патрикеевна». 35. Галочки крики. 38. Поэт, который, по легенде А. Чехова, не мог проехать мимо Московского университета, не плюнув в его сторону. 42. Представление для сексуально озабоченных. 44. Новалис как литератор и философ. 45. Вечный

металл. 46. Имя, под которым Катулл воспел Клодию, сестру Публия Клодия — сначала друга, а потом врага Цицерона. 47. Французский остролов, за чьим гробом в «гильотинном» 1894-м шли лишь три храбреца — аббат Сийес, Ван-Прат и революционный деятель Женгене. 48. Кланяющийся «нефтедобытчик». 49. Самый большой в Австралии ненавистник кроликов. 50. Древнейшее пищевое растение Перу.

По вертикали.

2. «У людей-то в доме — чистота, ..., а у нас-то в доме — теснота, духота» (Н. Некрасов. «Песни»). 3. Флаг главы государства. 4. Редкий олень, охраняемый в индийском штате Уттар-Прадеш. 5. Женское сообщество, чью любовь оплачивает один человек. 7. Самоцвет, смягчающий гнев. 8. Дальневосточный остров с мысами Добрыня Никитич и Илья Муромец. 9. Провожатый на том свете, собиравший по монете. 11. Олень, чьи рога в Китае были обязательной частью приданого невесты. 14. Поморское название торося. 15. В России — варенец, на Северном Кавказе — ..., в Украине — ряженка. 19. Птица, строящая столь прочное висючее гнездо, что оно сохраняется несколько лет. 20. Краситель для изготовления губной помады и румян. 21. Живолисец, чья картина «Бонапарт на Аркольском мосту» висит в Лувре, а ее авторское повторение — в Эрмитаже. 23. Северное и сибирское название заболоченной ложбины, мочажины среди бугров в тундре. 24. «Стеклянный» физик. 27. Монарх мировой державы. 28. Порода собак, участвовавшая в боях у древних ассирийцев. 30. Муха с глазами на кончиках длинных рогов. 31. Чех с девизом «Правда побеждает». 33. Самая многочисленная ядовитая змея Латинской Америки. 36. Византийский писатель, ученый, философ, сильно повлиявший на политический курс Константина Девятого. 37. Русский поэт, сказавший: «Есть тайная ценность в ненужных стихах и цветах и святынях». 39. Архитектор, родоначальник эклектичного «русско-византийского» стиля. 40. Просветитель народа коми. 41. Морской спасатель. 43. Белая змея на старом гербе Казани.

285

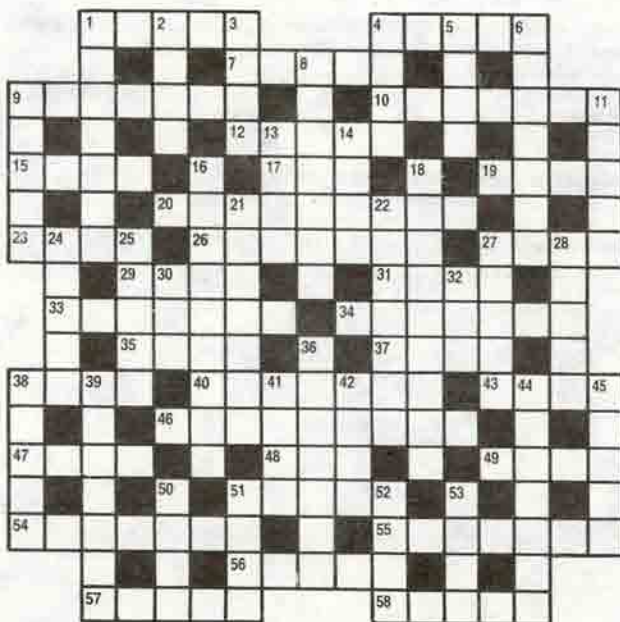
**ОТВЕТЫ:
НА
«ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6**

По горизонтали.

4. Хаска. 9. Изумруд. 11. Месса. 12. Шницель. 13. Тараф. 15. Кения. 16. Нравы... 17. Сцинк. 21. Жоно. 22. Аир. 23. Ирландия. 24. Время. 25. Дутар. 27. ...глаз... 30. «Рено». 31. Палаш. 34. Цуцик. 35. Ловкость. 36. «Вес». 37. Фауст. 39. Милле. 40. Осетр. 43. Акуля. 45. Чарли. 46. Этиолог. 48. Свада. 49. Йеменцы. 50. Татры.

По вертикали.

1. Язлаг. 2. «Емшан». 3. Туш. 5. Ахцу. 6. Кольцо. 7. Фенек. 8. Юстиция. 10. ...дневник... 14. Френч. 15. Кнорр. 17. Сивуч. 18. Инвар. 19. Риго. 20. Улваеус. 22. Амхерст. 26. Гольф. 28. Закал. 29. Шассе. 31. Пифия. 32. Толстой... 33. Скetch. 34. Церковь. 38. Улитка. 39. «Млада». 41. Радек. 42. Плица. 44. Бобр. 47. Гем.

КРОССВОРД
 Составил
В. ХРАМОВ,
 Северо-Задонск
 Тульской
 области

По горизонтали.

1. Советский актер, всю жизнь работавший над ролью Чацкого. 4. Пирожное с кремом. 7. Шутки в сторону по-актерски. 9. Решение головоломки. 10. Просветитель, в своем журнале под псевдонимом Правдулюбов выступавший против журнала Екатерины Второй «Всякая всячина». 12. Французский живописец и мастер декоративного искусства. 15. Крупный плод, чья корка хороша на цукаты. 17. Весенняя или осенняя полевая работа. 19. Имя главной героини Флобера, которую он отождествлял с собой. 20. Собрание спичечных этикеток. 23. Церковь. 26. Швейцарский священник-поэт, погибший во время наполеоновских войн от пули мародера. 27. Организация украинского казачества со своим управлением. 29. Голос детства и отрочества. 31. Обязанность, контролируемая совестью. 33. Знаменитый иллюстратор русских сказок. 34. Польский астроном, основатель селенографии. 35. Руководитель богослужения в мечети. 37. Горячая «кровь земли», выходящая наружу. 38. «Морской сигнализатор». 40. Русский флотоводец, командовавший флагманским кораблем при штурме Корфу. 43. Пехотинец-африканец в колониальных войсках Франции. 46. Времяпрепровождение. 47. Дубина, палка. 48. Каждый из ограждающих вход выступов продольных стен здания. 49. Питейный сосуд Юрия Долгорукого, выставленный в Оружейной палате Кремля. 51. Луковый овощ. 54. Самая яркая из обезьян. 55. Внезапный страх. 56. Звание в казачьих войсках.

57. Село в Чехии, где в 1813 году Барклай-де-Толли разгромил корпус генерала Вандама. 58. Зверь, живущий только на эвкалиптах.

По вертикали.

1. Знаменитая левица Варя Панина по национальности. 2. Сырье для выплавки металлов. 3. Угаритский и финикийский Зевс. 4. Действующий вулкан в Европе. 5. Художественная сокровищница Парижа. 6. Знаменитая французская красавица, попавшая в опалу, отказавшись стать фавориткой Наполеона. 8. Предварительное согласие на назначение в страну дипломатического представителя другой страны. 9. Досуг. 11. Ипостась барона Мюнхгаузена. 13. Прекраснолицый герой восточных легенд. 14. Антипод тьмы. 16. Историк и журналист, написавший три из задуманных двенадцати томов «Истории Екатерины II». 18. Процесс в кожевенном и меховом производстве. 21. Деятель английской Реформации, сожженный как еретик. 22. Русский актер, к тридцатипятилетнему юбилею артистической деятельности которого в Киеве вышла книга о нем. 24. Надстройка над каютой на парусной яхте. 25. Заячий след на снегу. 27. Вид колдовской порчи. 28. Морская птица, охотно клюющая на полях долгоносика. 30. Аморийский бог плодородия. 32. Зверь, руководивший, по верованиям египтян, разливами Нила. 36. Счастливейший день у скандинавов. 38. Женщина. 39. Религиозный поклонник идолов. 41. Поместье Ж. Санд, где бывали А. Мюссе, Ф. Шопен. 42. Единица мощности. 44. Советская богиня танца. 45. Тонкая сетка на женской шляпе. 50. Река, ставшая могилой Чапаева. 51. Доспех старинного воина. 52. Польза. 53. Цветок, символ красоты.

ОТВЕТЫ

НА

**КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6**

По горизонтали.

3. Гну. 6. Штурм. 9. Луара. 10. Хром. 12. Дно. 14. Лицейст. 15. Драп. 17. Психоанализ. 18. «Отелло». 19. Аксаков. 25. Титов. 26. Илион. 27. Тумблер. 33. Живете. 34. Верстовский. 35. Нард. 36. Сюрприз. 38. Чам. 40. Ялик. 41. Элиан. 42. Молва. 43. Аир.

По вертикали.

1. Гладкость. 2. Каналетто. 3. Гад. 4. Ухо. 5. Фол. 7. Трепак. 8. Рескин. 11. Микадо. 13. ...носок. 16. Охра. 17. Плавт. 20. Сом. 21. Кол. 22. Вирий. 23. Цинерария. 24. Интендант. 28. Утопия. 29. «Бесы». 30. Ежиха. 31. Дебюро. 32. Юсупов. 37. Зло. 38. Чка. 39. Мэр.

Все творчество Гочи Дарахвелидзе связано с родной грузинской землей. Его отец — известный в Кутаиси народный мастер — знал старинные секреты постройки домов: кладка, резьба, национальный орнамент. Именно отцовское мастерство воспитало в Гоче своеобразное восприятие ритма, цвета, пространства — важнейших формообразующих качеств живописи.

В детстве Гоча Дарахвелидзе занимался в художественной школе. И сегодня он с теплотой вспо-

ты художника по-своему индивидуальны, многие из них объединяет общий лейтмотив, создающий тем самым своеобразный цикл, наполненный национальным колоритом. Как, например, «Древо желания», «Ожидание» и «Монастырь». В «Древе желания» старинная грузинская традиция: весной загадываются желания, и завязанные узелками разноцветные платочки остаются на ветвях деревьев, а собравшиеся вокруг дерева женщины мечтают об исполнении загаданного. «Монастырь» — это некий собирательный образ грузинской религиозной архитектуры с ее строгой простотой постройки, угловатостью и геометричностью форм. Особый лирический романтизм в картине «Ожидание». Одинокая фигура на берегу синего моря, белый пароход на горизонте — упрощенность и лаконизм рисунка не разрушают цельности впечатления.

Цветовое решение полотен художника сдержанно и благородно. Иногда сумеречно, временами мрачно. Наиболее излюбленные цвета — черный, белый, синий или тускло-зеленый. Работает он без заранее продуманной общей композиции и этюдов или набросков. Художник мысленно представляет будущую картину, а потом воспроизводит ее на полотне. Он исходит не столько из реального, сколько из своего представления о нем, словно творит мир заново в присущей только ему художественной манере. Такое мировосприятие может показаться наивным, но наивность эта — повыше иной умудренности. «В своем творчестве, — говорит Гоча Дарахвелидзе, — я исключаю все переходящее, случайное, внешнее. Для меня важна подлинная суть вещей и уверенность в том, что эта суть доступна для моих зрителей».

ЛЮДИЛА КАНДАЛОВА

ДРЕВО ЖЕЛАНИЯ

ДРЕВО

минает своего первого учителя Михаила Чоговадзе. Затем окончил тбилисскую Академию художеств. Сейчас художник живет и работает в Москве, участвует в самых престижных столичных выставках. Многие его произведения находятся в частных коллекциях Европы и Америки.

Близость к грузинской школе живописи в творчестве Гочи очевидна: простота композиции, ясность рисунка, приглушенная красочная гамма и особая детская непосредственность. Хотя все рабо-

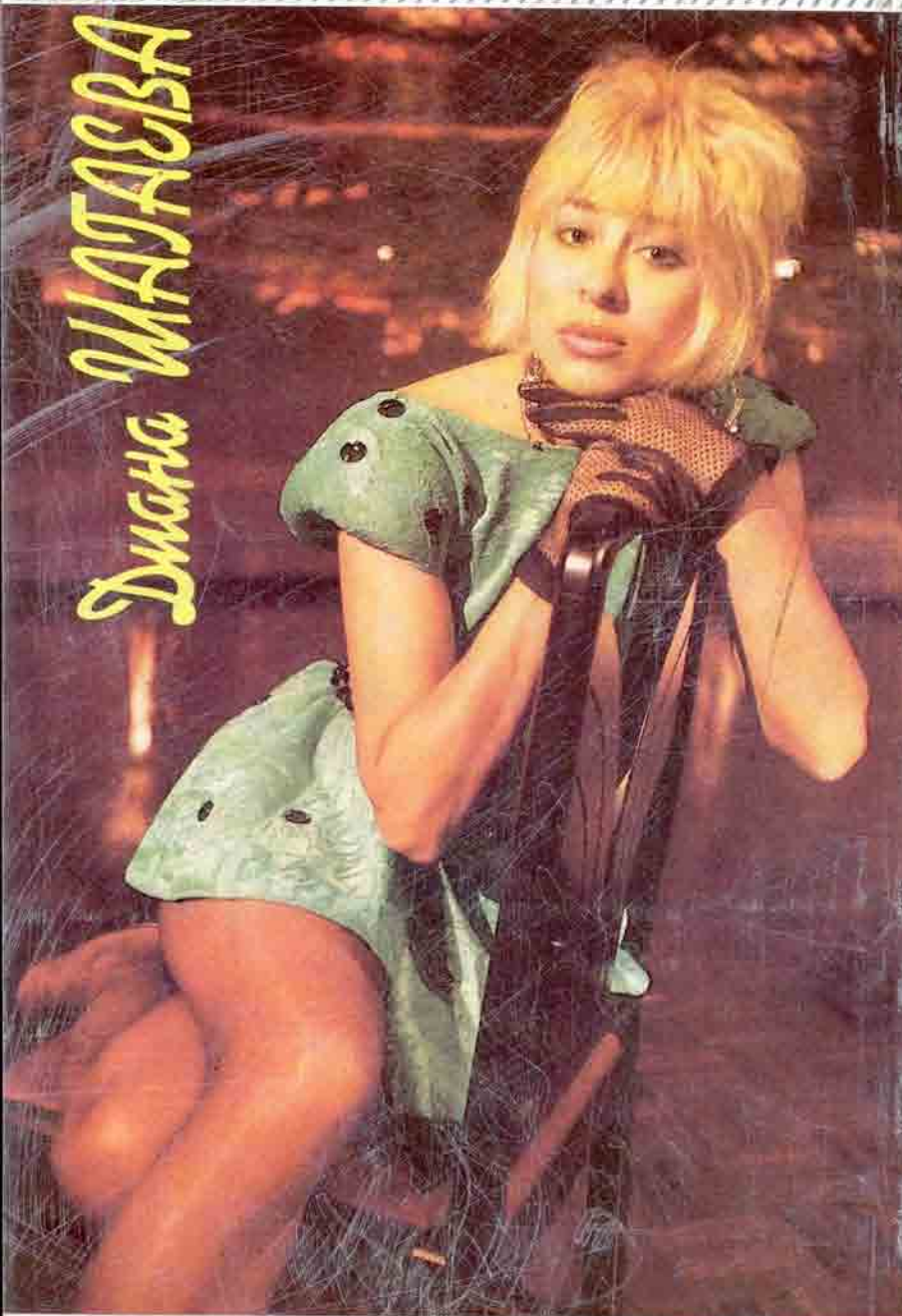

ГОЧА ДАРАХВЕЛИДЗЕ. Ожидание. ▲

Монастырь. ▼

Диана МАТАСЕВА

ИНДЕКС 70820